

САБИНА ЯНИНА ЗА ГОРИЗОНТ

ПЕРВЫЙ ШАГ

16+

Сабина Янина

Первый шаг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64110353

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98084-6

Аннотация

"Первый шаг" – первая книга цикла "За горизонт" – взгляд за горизонт обыденности, в будущее человечества. Многие сотни лет мы живём и умираем на планете Земля. Многие сотни лет нас волнуют вопросы равенства и справедливости. Возможны ли они? Или это только мечта, которой не дано реализоваться в жёстких рамках инстинкта самосохранения? А что если сбудется? Когда мы ухватим мечту за хвост и рассмотрим повнимательнее, что мы увидим, окажется ли она именно тем, что все так жаждут? Книга рассказывает о судьбе мальчика в обществе, провозгласившем социальную справедливость основным законом. О его взрослении, о любви и ненависти, о тайне, которую он поклялся раскрыть, и о мечте, которая позволит человечеству сделать первый шаг за горизонт установленных канонов.

Содержание

Пролог	4
Часть 1 «Объявление войны»	9
Глава «Детство Ана»	9
Глава «Мятежный учёный»	59
Глава «Объявление войны»	99
Часть II «Элизий»	153
Глава «Праздник в элизии»	153
Глава «Робин»	212
Глава «Испытание»	253
Часть III «Элизиум»	297
Глава «Наукоград»	297
Глава «По закону мести»	350
Глава «По праву жизни»	402
Часть IV «Революция»	459
Глава «Линда»	459
Глава «Любовь и Революция»	512
Эпилог	571

Сабина Янина

Первый шаг

Пролог

Двадцать пятое мая две тысячи двести второго года ознаменовалось выдающимся событием: открытием первого планетарного заседания Хранителей Земли.

Все места в круглом зале, ряды которого амфитеатром поднимались от небольшой сцены, ярко освещённой прожекторами софитов, к полумраку теряющихся в вышине балконов, были заняты. Множество глаз, не отрываясь, смотрели на молодого человека, стоявшего внизу в круге света. Люди замерли. Ни скрипа. Ни вздоха.

Молодой человек сделал шаг вперёд и вскинул руку. В тишине раздался его звенящий от волнения голос:

– Земляне! Позвольте объявить о свершении исторического события.

Мы, предприниматели – профессионалы, своим умом и трудом создавшие гигантские бизнес-структуры, владеющие и управляющие ресурсами Земли; мы, владельцы «Альфа» и «Омега», подтверждаем наше слияние, и объявляем о создании единой корпорации «Земля»!

Свершилась мечта человечества: мы устанавливаем еди-

ное планетарное сообщество! Больше нет партий, рвущихся к власти ради самой власти. Мы берём власть и ответственность за судьбу планеты Земля в свои руки!

Стены зала вздрогнули от оваций, в которых потонули последние слова оратора. Восторженные крики, аплодисменты, поздравления друг друга слышались со всех сторон.

Молодой человек поднял руки к залу, призывая к тишине.

Зал постепенно затих. Люди заняли свои места.

– Друзья! – продолжил он. – Наступает новая эра – эра Справедливости! Эра, когда главным достоянием общества становится Человек, его труд, его способности. Мы, предприниматели, располагаем всеми ресурсами для развития жизни, мы умеем этими ресурсами управлять и мы должны хранить их, приумножать для блага всех людей на Земле. Мы обязаны установить такой миропорядок, при котором каждый человек сможет раскрыть свои способности и свободно применять их на благо себя, а значит и на благо общества. Свобода предпринимательства во всех сферах! Свобода творчества и мысли для процветания человечества! Мир без нищеты и без угнетения! Мир Справедливости и Равенства возможностей! Мы создаём, и будем хранить его. Объявляю об образовании клана Хранителей! Хранители смогли объединить ресурсы Земли для установления справедливого всеобщего миропорядка, на них и лежит ответственность за его сохранение, за обеспечение всех жителей равными возможностями. Это наша главная и единственная цель.

Зал вновь взорвался аплодисментами.

– Новый миропорядок отменяет все классы и сословия. Отныне каждый человек – это Созидатель, который свободным трудом создаёт жизнь на Земле. Каждый достоин уважения и все равны перед Законом. Мы, Хранители, обязаны обеспечить все условия для достойной жизни каждого члена общества. Хранители понимают, что ресурсы Земли – всеобщее достояние. Мы берём на себя обязательство так управлять ими, чтобы никто на Земле не чувствовал себя обделённым. Каждому жителю будет ежемесячно выплачиваться пособие в равной сумме. Оно исключит нищету, даст одинаковые стартовые возможности для бизнеса всем желающим. Ни одного нищего и бездомного! Всем достойную жизнь! Равные условия для труда и предпринимательства!

Дети будут учиться бесплатно. Общество ответственно за то, чтобы каждый ребёнок раскрыл свои таланты, развил и свободно применил их в жизни. Одарённые дети, которые мечтают заниматься и имеют склонность к наукам, должны всячески поддерживаться Хранителями. Это – Творцы, которые будут своим умом, своим творчеством способствовать процветанию цивилизации Земли.

Отныне официально отменяются все народы и народности, и создаётся единая цивилизация – Земляне. Отменяются все границы. На планете Земля создаются элизии – крупнейшие города-территории. С остальных территорий, не пригодных для достойного проживания людей, мы орга-

низуем переезд жителей в один из элизиев по их желанию, чтобы обеспечить всем равные права и возможности. Территории, не входящие в состав элизий, будут использоваться для производственных или научных целей.

Элизий будет управляться Общественной Палатой, куда всеобщим голосованием работающего населения, будут избираться его лучшие жители. Все насущные вопросы элизия решаются Общественной Палатой и её председателем. В помощь им назначается Хранитель – наблюдатель, который обязан делать всё, чтобы в элизии не нарушались Законы цивилизации, и который будет подчинён Куратору-Хранителю элизий, входящему в Коллегию Хранителей – главный и единственный управляющий орган на Земле.

Коллегия Хранителей создаётся для решения всех вопросов, связанных с жизнеобеспечением и развитием нашей цивилизации. В неё входят представители предпринимателей, доказавшие свою состоятельность, сконцентрировавшие в своих руках наибольшие сегменты бизнеса. Возглавит Коллегию Хранителей её председатель – Главный Хранитель. Им стал глава вновь созданной единой корпорации «Земля».

Оратор поклонился.

Мы сделаем все возможное, чтобы создать и сохранить на Земле новый миропорядок Справедливости и Равных возможностей! Я – Эгмунд Оргунов – Главный Хранитель, клянусь всю свою жизнь посвятить охране нового мира! Мы создадим рай на Земле!

Последние слова оратора утонули в шквале оваций.

Часть 1 «Объявление войны»

Глава «Детство Ана»

Прошло тридцать два года.

– Соня, просыпайся. Пора вставать Ты только посмотри, сколько снега выпало!

Мама взъерошила светло-русые волосы сына.

Мальчик зажмурился и натянул одеяло на голову, но безжалостная рука защекотала пятки. Ан поджал ноги, потом отбросил одеяло и сел. Рядом с постелью – родители.

– Доброе утро, сын, мы поздравляем тебя с днём рождения!

– Точно! У меня же сегодня день рождения!

– С днём рождения, милый! – мама поцеловала мальчика в щёку. – Мы приготовили тебе подарок, посмотри!

Рядом с кроватью на полу лежала большая блестящая коробка.

– Это что такое?

– Угадай!

Ан, вскочив с постели, наклонился над подарком.

– Даже не знаю.

Родители засмеялись.

– Ну, давай, открывай!

– А где она открывается? – Ан перевернул коробку.

– Сейчас я тебе помогу, – мама ловко надорвала плотный блестящий картон, и коробочка раскрылась.

– Снегокаты! – Ан даже подпрыгнул от радости. – Последней модели! Такие только у Володьки Свиридова из выпускного.

Отец присел на корточки рядом:

– Посмотри, вот крепление. Примерь.

Мама подала Ану шерстяные носки.

Он быстро натянул их, даже не обратив внимания на то, что они “кусаются”, и осторожно поставил ступню в углубление одного из снежокатов. В тоже мгновение с боков лыжи показались прозрачные полусферы, которые сомкнулись над ступней мальчика, приняв форму его ноги.

– Ну, как?

– Удобно? Потопай немного.

Ан потопал ногой по полу:

– Здорово! Очень удобно!

– Хорошо! Видишь, на конце круглая коробочка со светящейся зелёной стрелочкой и цифрами?

– Вижу.

– Это навигатор. Он настроен на наш дом, показывает направление и расстояние до него, так что не заблудишься, но дальше трёх километров от дома не уходи! Понял? Обещаешь?

– Хорошо, хорошо. Обещаю!

– Если уедешь дальше трёх километров, у нас сработает оповещение, и мы будем знать, что ты нарушил слово! Не забывай об этом.

– Нет, нет, я не забуду, – покрасневшийся Ан уже представлял, как летит по снегу, и не надо бояться команды наставника, чтобы отдать снегокаты другому, а можно кататься, сколько захочешь!

Ан всё притоптывал и притоптывал снегокатом. Наконец, снял его и бросился к родителям:

– Спасибо, ма! – он обнял её, вдыхая родной запах ванили и яблок.

– Спасибо, папа! – он хотел обнять отца, но вдруг остановился, будто споткнувшись. Ан ощутил шершавость поверхности, пахнущую чистым листом бумаги. – Папа, ты где? – голос его дрогнул, на глаза навенулись слёзы.

– Извини, сын, я на работе. Буду часа через три. Не расстраивайся! Не мог же я не поздравить тебя с днём рождения. Мы с мамой рады, что тебе понравился наш подарок.

– Но мы решили, что сегодня будет выходной. Мы же хотели поехать в Зимний городок кататься на аттракционах.

– Меня срочно вызвали. Ты же знаешь, что работа для Творца важнее всего. Как только я тут всё закончу, сразу приду домой, и мы поедem в Зимний городок. А ты пока кушай и, если хочешь, обнови снегокаты. Ты так долго о них мечтал. Ладно, родные мои, не скучайте. Целую вас. Я скоро приду.

Голограмма отца свернулась в точку и пропала.

Мама положила руку на плечо Ана:

– Ну, что сын, давай умываться и завтракать? Посмотри, сколько за ночь снега выпало, словно специально для тебя, в честь твоего дня рождения, – засмеялась она.

Ан подбежал к огромному во всю стену окну. Нажал клавишу сбоку на панели, и воздушная кружевная занавесь уехала вверх, открывая панораму. Ан ахнул. Все кругом было засыпано белым. Снег покрыл и небольшой двор со спящими деревьями, и крыши домов. Только здание комбината сверкало под солнцем ледяным гигантским кристаллом, отражая замороженную голубизну неба. И комбинат, и дома, и школу – всё окружала бескрайняя тайга, с верхушек деревьев которой, ветер ещё не сдул пушистые хлопья, и оттого Ану почудилось, что на их городок и на тайгу до самого горизонта опустились огромные белоснежные облака.

Серебристая равнина, а в центре неё сияющий кристалл комбината. Узкие прозрачные трубы – дороги исходили из него, драгоценной оправой сливаясь в кольцо, и разбегались. Крохотные прямоугольники машин, сновали по ним, как пылинки в солнечном луче.

Ан подумал, что комбинат живой и что он дышит. Вдох: и из таинственного далека мчатся прямоугольники – машинки, затягиваемые в комбинат. Выдох: и крохотные машинки, стремительно разбегаются по лучу, быстро теряясь из вида. Он представил, что комбинат растёт и стал таким большим

потому, что проглотил уже всё вокруг, и теперь отправлял машины, чтобы утолить голод тем, что ещё осталось на Земле, а когда останется только одна белая пустота, он доберётся и до них. Тревожно бухнуло сердце, и от страха вспотели ладони. Он прижался к матери, подошедшей к нему. Её тепло успокаивало, на душе у мальчика стало спокойнее, и он подумал, что какая глупость лезет ему в голову, но все же тихо спросил:

– Ма, мы тут живём, потому что нужно кормить комбинат?

– Что? Что такое? Как кормить комбинат? С чего ты так решил? – засмеялась мама. – Скорее наоборот, мы тут живём, чтобы комбинат смог накормить людей. Ты же знаешь, что на комбинате папа и другие Творцы-учёные создают удобрения, которые помогают собирать урожаи несколько раз в год, обогащая истощённую почву. Что за странные мысли приходят тебе в голову? – Мама, повернула лицо мальчика к себе и, улыбаясь, внимательно посмотрела ему в глаза.

Он вырвался и, смеясь, хлопнул по клавише, спуская занавесь на окно.

– Ну, ладно. Иди в личную комнату, и я жду тебя завтракать, – мама вышла из комнаты, унося снежокаты.

Ан быстро стянул носки и, сунув ноги в тапочки, побежал в личную комнату. Подбежав к её двери, он оглянулся. Мамы не было видно. Ан хлопнул ладошкой по улыбающемуся солнышку, расположенному в центре двери. Дверь распах-

нулась, мальчик переступил порог и быстро сел в открывшееся около порога углубление, изображавшее отпечатки человеческих ног. Несколько мгновений ничего не происходило. Затем женский голос произнёс:

– Здравствуйте, Андо. Ваше состояние хорошее. Сбоев в здоровье не наблюдается. Фиксирую некоторое расстройство координации не ясной симптоматики. Для восстановления координации рекомендуется контрастный душ и десять приседаний.

– Эльза! Ты что перегрелась? Какие десять приседаний?! Какой контрастный душ?! Ты же всегда рекомендовала тёплый душ и горячий шоколад с мятным печеньем!

– С сегодняшнего дня прежние рекомендации не действительны. Мальчикам, достигнувшим десяти лет, при такой симптоматике рекомендуется десять приседаний и контрастный душ.

– Ан, ты скоро?

– Да, ма, сейчас!

Он сходил в туалет и, ворча, занялся приседаниями.

– Чёртова машина, – пыхтел Ан, – И что только папа терпит тебя. Тебя давно пора отправить на переплавку.

Сделав упражнения, Ан вошёл в душевую кабину:

– Будь уверена, я уговорю отц... – ледяная струя окатила Ана. У него перехватило дыхание, и через секунду раздался вопль: – А-А-А-А!!!!

– Сынок, у тебя все хорошо? – забеспокоилась мама.

– Да, все хорошо! – стуча зубами, прокричал Ан.

– Проклятая машин ... А-А-А-А-А! – поток горячей воды унял дрожь, восстанавливая дыхание.

Тёплый воздух окутал тело, за несколько секунд высушил его и волосы. Душевая кабина открылась, и он пулей вылетел.

Створки платяного шкафа раскрылись. Ан хотел достать свой любимый пушистый домашний халат, но после контрастного душа тело горело, и он передумал, надел спортивные темно-синие брюки серебристую кофту без рукавов и белые лёгкие тенниски.

– Перед выходом проверьте, пожалуйста, состояние здоровья.

Ан сердито покосился на открывшееся около двери углубление, изображавшее отпечатки человеческих ступней, и встал в него.

Через несколько секунд женский голос произнёс:

– Восстановление прошло успешно. Координация налажена. Состояние здоровья хорошее. Успешного вам дня, Андо.

Дверь, щёлкнув замком, открылась, и Ан вышел, в сердцах пнув её.

***

Ан бежал на снежокатах между заснеженных деревьев тайги. Первый восторг полёта сменился спокойной радостью движения. Он немного устал. Взглянул на компас: два с половиной километра от дома. «Надо возвращаться. Для пер-

вого раза хватит. Скоро отец придёт, и поедем в Зимний городок. Хорошо как!»

– Э-ге-ге-ге! – Ан раскинул руки и запрокинул голову. Солнце выглянуло из-за верхушки огромного кедра и пустило ему в глаза озорной луч. Серо-зелёные глаза мальчика стали изумрудными, как молодая трава, только-только показавшаяся из-под снега. Он зажмурился и засмеялся. Послышалось хлопанье крыльев. С ветки взлетела крупная птица, и снег, сбитый её лапами, залепил ему лицо. Мальчик, смеясь и отфыркиваясь, отряхнулся, потом огляделся, прислушался. Тихо. Только иногда тишину нарушали возгласы птиц. Вот что-то забормотало, заухало. Снег искрился на прогалинах и на ветвях деревьев, отражая солнечный свет, резко очерчивая сумрачную темноту, прятавшуюся под густые лапы елей.

Впереди справа Ан увидел просвет и двинулся туда. Легко скользя на снежокатах, он подбежал к опушке леса. Белое ровное поле в полукилометре от тайги пересекала трасса. Под прозрачным куполом Ан разглядел огромные машины. Те, что утром ему представлялись крохотными прямоугольниками-машинками, сейчас выглядели огромными многотонными гигантами.

От трассы в сторону тайги отходило ответвление, заканчивающееся автостоянкой и кафе. Ан увидел, как на него свернула одна из машин. Она была совсем не похожа на мощные трейлеры. Небольшой компактный вездеход, съехал с

автотрассы и остановился.

«Странно, – подумал Ан, – кто это решил путешествовать по автотрассе? Это же опасно и очень медленно. Куда лучше лететь. Может эко-турист? Нет. Чего это туристу болтаться в трубе? Кто это может быть?».

Ан увидел, как у машины открылись подкрылки, колеса спрятались под днище, и она тяжело, почти касаясь снега, полетела к тайге.

«Вот это да! Зачем её в тайгу-то понесло? По полю ещё пройдёт, а в лесу как? Тут я даже на снежокатах не везде пройти могу». Мальчик с любопытством следил за ней, пока его внимание не отвлекла сверкающая в небе искра.

«Дрон? – Ан вглядывался ввысь, – Торгаш? Не похож на пузана. И по бокам какие-то странные штуковины». Такой формы мальчик ещё не видел. Он даже на время забыл о странной машине, летящей над полем к тайге. Стальное вытянутое тело с откинутыми назад крыльями и двумя длинными овальными трубками пикировало с огромной высоты. Проследив взглядом траекторию его полёта, мальчик понял, что он нацелился на машину.

Ан вытянув шею и приоткрыв рот, не сводил с него глаз.

Беспилотник снижался быстро и резко, будто хищная птица. Вездеход, словно почувствовав опасность, взревел и прибавил скорость.

Мальчику стало страшно, он прижал руки к груди, где лихорадочно билось сердце: – «Не успеет»!

Подлетев к машине, дрон полетел параллельно в нескольких метрах над ней. Вжик – вжик – вжик – услышал Ан и увидел, как маленькие снежные фонтанчики вспенили снег вокруг машины. Она, вздрогнув, остановилась и осела на снег. Тёмная жидкость медленно растекалась из-под днища. Беспилотник отлетел в сторону и завис. Ан увидел, что из его боковых трубок вырвался огонь и опалил машину, которую мгновенно охватило пламя.

«Сейчас взорвётся!» – Ан в ужасе смотрел, не в силах отвести взгляда от пылающей машины.

Беспилотник развернулся и растворился в небе.

«Что же там, в машине, все погибли? А может, и не было людей, автоматика взбесилась, и её решили уничтожить?» – Ан в нерешительности замер на месте: подойти или нет? Страх не отпускал его.

Дверь машины открылась, и из неё на снег вывалился человек. В тёмно-зелёном комбинезоне и со шлемом на голове такого же цвета. Комбинезон напомнил мальчику униформу отца. Таким Ан видел его однажды, когда на уроке профорientации их класс водили в лабораторию, где он работал. «Кто это? Кто-то из лаборатории? За что его хотели сжечь? Как такое может быть?!» – ужаснулся Ан.

Человек перевернулся со спины на живот, и, лихорадочно загребая снег, пополз от машины. Потом поднялся и, проваливаясь по колено в снег, бросился к тайге.

От грохота взрыва Ан плюхнулся в снег и обхватил голову.

Несколько минут он просидел, приходя в себя. Отдалённый гул мотора заставил его привстать и выглянуть из-за дерева. На месте машины зияла чёрная дыра. Ан поискал взглядом человека и вдруг увидел его рядом. Он бежал прямо на него! Каких-то двести метров отделяло человека от тайги и от того места, где находился Ан, когда в небо над пролеском с его противоположной стороны, ворвался везделёт. Машина быстро приближалась. В рёве мотора Ан отчётливо услышал злые торопящиеся звуки: вжик—вжик—вжик.

Ан знал, что злые люди, несмотря на строжайший запрет, с везделётов охотились на крупного зверя, которого разводили в тайге, но, чтобы так охотились на человека?! Везделёт летел так низко, что Ан увидел людей в камуфляже, целившихся в бегущего. Мальчик видел, как мужчина кидался из стороны в сторону, падал, утопая в снегу, пытаясь уйти от пуль.

С замиранием сердца Ан следил за ним. Преследуемый почти добежал до деревьев.

«Успеет или нет?», – прижав руки к груди, мальчик почти не дышал. Он не знал, кто этот человек, но всей душой желал ему спасения. «Успел!» – обрадовался Ан, увидев, как мужчина последними скачками скрылся в тайге.

И тут же в месте, где незнакомец только что был, снег вспенился от пуль. Везделёт вышел из пике и пошёл на разворот. Продолжать преследование в тайге на нём было бессмысленно. Мальчик обрадовался, что человек спасся, но

увидел, как на снег из зависшей машины, выпрыгнули четверо, в руках у них было оружие. Они направились в сторону тайги, туда, где скрылся беглец.

«Они найдут его, обязательно найдут!» – сердце мальчика испугано колотилось в груди. Ему очень хотелось помочь незнакомцу. Не раздумывая, он кинулся к нему. Как ему мог помочь? Что он мог сделать? Он не знал. Но он чувствовал, что он должен быть там, что он может помочь.

Место, где скрылся человек, было к Ану намного ближе, чем к его преследователям. Ан легко бежал на снежокатах, словно летел по снегу. Пять минут, и он увидел за тяжёлыми лапами могучих елей, на небольшой поляне лежащего неподвижно человека. Ан замер. Страх так сковал его, что он не мог подойти: он увидел, что снег рядом с лежащим, окрасился красным. «Кровь! – понял мальчик. – Его ранили! Может, убили?!»

Тихий стон вывел Ана из оцепенения. «Живой!» – он осторожно приблизился к раненому.

– Дяденька, вы живы? – мальчик склонился над телом. Мужчина лежал на спине и смотрел в небо между деревьями. Лицо его было спокойным и белым, белее недавно выпавшего снега. Шлем слетел с головы, и чёрные волосы почти закрыли высокий лоб, падая на худощавое лицо. Заострившийся нос, зубы, закусившие нижнюю губу.

– Дяденька, вам больно?

Мужчина вздрогнул и перевёл на мальчика взгляд блед-

но-голубых глаз.

– Ты кто? – прохрипел он.

– Я – Ан. Мы живём тут в городке. Мой отец работает в лаборатории комбината. Вы ранены, вам нужна помощь! Я видел, за вами идут четверо, они скоро будут тут. Надо прятаться!

– Ан..., – незнакомец тяжело перевёл дыхание, было слышно, как что-то булькает в его горле.

– Я не смогу уйти, – с трудом произнёс он, в уголках губ запузырилась кровь. – А ты уходи. Убегай скорее, пока тебя не увидели.

Ан нерешительно топтался на месте.

– Уходи, скорее...они придут,...увидят тебя,...убьют... – Мужчина захрипел. Судорога прошла по его телу, и он затих.

«Умер»? – ужаснулся мальчик. Слезы застилали ему глаза. Страх свёл живот. Первый раз он видел так близко, как умирал человек.

Справа он услышал всполошённые крики птиц.

«Идут. Надо бежать!», – и бросился в тайгу.

***

Четверо склонились над лежащим на снегу мужчиной:

– Живой, гад.

Один из них вывернул его карманы. Другой отошёл и достал рацию. Остальные двое разворачивали походные носилки.

– Ничего нет, – басовито сказал тот, кто осматривал кар-

маны. – Странно, выбросил что ли. Или спрятал в лаборатории?

Он отошёл, внимательно осматривая все вокруг.

– Смотрите! Тут следы. От снегокатов и, похоже, детские. Вот здесь следы идут прямо сюда. А потом, – он обернулся, проследив взглядом, – потом ушёл в тайгу.

Мужчины переглянулись.

– Связной – ребёнок? Отправили за материалами? – старший задумчиво потёр подбородок.

– Ну, ты даёшь, Клим, кто мог знать об операции? Случайный свидетель, скорее всего.

– Возможно, возможно. Но где тогда материалы? Ладно, Гвин, Алекс, грузите этого. Гвин, сделай всё, чтоб жил. Он должен сказать, где материалы! Симон, давай к месту взрыва машины, посмотри там. Если он оставил их в машине, они должны сохраниться.

Клим повернулся к тайге, туда, где терялись следы Ана:

– Чёрт, по тайге без снегокатов сейчас не пройти. Ладно, полетаем немного. У ребёнка должен быть браслет. Попробуем засечь.

Послышался сигнал вызова, и он склонился над рацией:

– База, я – тридцать пятый. Объект отработан. Из машины его выкурили, взяли в тайге. Жив, но ранен. Цели при нём нет. Проверим место и везём на базу. У нас непредвиденное обстоятельство: есть свидетель. Похоже – это ребёнок. Катался тут на снегокатах. Его следы обнаружены около объек-

та, потом уходят в тайгу. Покружим немного тут, попробуем обнаружить и опознать по браслету. Через час будем на месте.

***

Ан бежал по снегу, едва успевая уворачиваться от пней и стволов. Он устал и, хотя в голове билась: “Быстрее! Быстрее! Быстрее!”, очень скоро наступил момент, когда он больше не в силах был сделать ни шагу. Мальчик остановился, привалился к дереву и закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в коленях: «Сейчас. Минутку отдохну».

Позади него закричали птицы, и Ан услышал отдалённый приближающийся гул. «Летят! За мной! Что делать?!» – кровь застучала в висках. Ан огляделся. Недалеко он увидел невысокую, но мохнатую ель. Её нижние лапы лежали на земле, занесённые сверху снегом. “Туда! Скорее!”. Ан быстро сложил снежокаты, и нырнул под ветви. Прополз в самую середину и прижался к стволу, боясь дышать.

Звук мотора нарастал. Ану казалось, что везделёт нашёл его и завис над вершиной ели, под которой он спрятался. Мальчик закрыл глаза, почти теряя сознание от ужаса. Вибрация браслета обожгла сознание. Он взглянул на него: “Мама вызывает! Они могут засечь!”. Быстро сняв варежку, он дрожащими пальцами отключил его. Взглянул на компас: 3259 километров от дома. “Нарушил слово... Потом. Потом”.

Оглушительный рёв разрывал голову. Сердце испугано

колотилось в груди: “Почему они не улетают? Почему они не улетают?”. Наконец, звук изменился. Он сместился, и Ан понял, что везделёт медленно делал полукруг над тайгой. Преодолев страх, мальчик чуть отогнул лапу ели и посмотрел на небо. Везделёт сделал полукруг над тайгой, развернулся и полетел в противоположную от городка сторону. При развороте на солнце вспыхнула его эмблема-голограмма, и Ан увидел руку, на открытой ладони которой лежала Земля. Голубая энергия, переливаясь, устремлялась вверх по руке и огибала Земной шар, который медленно вращался в сполохах голубого огня. Рёв машины стал постепенно затихать, удаляясь.

Когда звуки двигателя стихли, Ан выбрался из своего убежища.

“Домой! Скорее домой! Мама! Я же отключил браслет!” – мальчик включил его, и в то же мгновение на дисплее запульсировал красный сигнал экстренного вызова, появилось лицо мамы, и Ан услышал её взволнованный голос:

– Ан! Что случилось? Ты почему отключал связь? С тобой всё в порядке? Ты почему так далеко ушёл? Ты же обещал!

– Всё в порядке, мам!

– Отец выезжает за тобой немедленно, не смей отключаться и оставайся на месте!

– Хорошо, ма! Прости!

Ан стряхнул снег с пня и сел. Навалилась усталость. «Как долго нет отца...». Наконец, послышался звук приближа-

ющегося снегохода, и вскоре мальчик увидел, как небольшая юркая машина лавирует между деревьями, приближаясь. Развернувшись, отец остановил снегоход и, проваливаясь по колено в снег, заспешил к сыну. Подбежал, схватил его за плечи и сердито встряхнул:

– Что за шутки, сын! Почему отключил браслет? Ты же знаешь, это категорически запрещено. Что случилось?

– Пап, я видел, как убили человека!

Отец отпрянул:

– Что ты говоришь, – прошептал он, – какого человека?

Кто убил?

– Они прилетели на вездельёте и гнали его по снегу. Вон там. Недалеко от автотрассы. Помнишь, к нам приезжал твой знакомый и показывал видео, как он охотился на кабанов? Вот так и на этого человека, – Ан покачнулся. Отец прижал его к себе и понёс к снегоходу.

– Но он успел добежать до тайги! – Ан шептал отцу на ухо. Силы оставили его. – Я видел. Я хотел помочь. А у него кровь... И вокруг всё в крови... Я подумал, что он умер.

Отец посадил его в снегоход и пристегнул страховочный ремень.

– Папа! Он не умер, он велел мне убежать. Сказал, что если они меня увидят, то убьют! Он сказал и умер, – Ан огромными глазами, в которых бился немой вопрос, смотрел на отца.

Отец обнял его, погладил по голове, с которой соскочил капюшон комбинезона.

Ан отстранился, взял руку отца и сжал её:

– Я побежал, а они искали меня! Летали над тайгой! И тут мама позвонила, а я подумал, что меня сейчас засекут, – на глаза его набежали слёзы.

– Всё, сынок, успокойся. Всё будет хорошо. Поехали домой, – чуть осипшим голосом сказал отец. Прокашлялся и поднёс к лицу браслет: – Юль, всё хорошо. Мы скоро будем дома.

Снегоход взревел, и они понеслись.

***

Юля видела в окно, как снегоход затормозил, как Поль взял Ана на руки и понёс в дом. Она бросилась открывать дверь. Лифт подъехал, и показался бледный Поль с Аном на руках.

– Что такое? Что с ним?

– Ничего страшного, уснул. Перенервничал.

– Перенервничал?!

– Тихо, Юль, не кричи. Пошли в комнату. Я сейчас всё расскажу, только положу Ана.

Они раздели и уложили Ана в постель.

Уже лёжа в кровати, он вдруг приподнялся и лихорадочно прошептал:

– Я знаю их опознавательный знак. Я видел!

– Какой опознавательный знак? Ты о чём, сынок, – мама погладила его по щеке.

– Ну, там, на вездельёте, я видел, когда он разворачивался.

На солнце сверкнула голограмма. Очень красивая, как будто рука, а на ладони наша Земля крутится, и всё сияет голубым.

– Что ты сказал?! – прохрипел отец. Мать застыла, как белое изваяние.

– Правда, я не вру. Такая эмблема: рука и Земля вертится.

– Выкинь бредни из головы! Чтобы я больше никогда об этом не слышал! Если ты не хочешь, чтобы тебя изолировали, как сумасшедшего, никому об этом не говори! Ты понял?! Никому и никогда! – отец схватил его за плечи и принялся трясти, лицо его исказилось: растерянность, страх, гнев – всё смешалось на нём.

Ан испуганно смотрел на него, руки отца тисками сжали его.

– Папа, мне больно! – пискнул мальчик.

Бледная Юля метнулась к мужу, положила руку ему на плечо. Отец перевёл дыхание:

– Прости, сынок. Ты нас с мамой очень расстроил. Если ты не хочешь, чтобы нас тоже убили, как того человека, то никому никогда не рассказывай о том, что видел. Ты понял? От тебя зависят наши жизни.

Ан похолодел:

– Я никому, никогда.

– Вот и хорошо. Забудь всё, как будто ничего не было, а я обязательно всё разузнаю, и, если смогу, помогу тому мужчине, думаю, он жив, и ты ошибся, его никто не хотел убивать. Хорошо?

– Хорошо.

– Ложись. Тебе надо поспать. Спи и не бойся ничего, – отец укрыл его пледом.

Мама принесла любимую чашку Ана с каким-то пахучим напитком:

– Выпей, сынок, это успокоит тебя, и ты хорошо выспишься.

Она наклонилась и погладила сына по голове, поцеловала в щёку:

– Мы очень волновались о тебе. Никогда больше не отключай браслет, когда мы знаем, где ты, мы всегда сможем прийти на помощь. Если бы ты знал, как страшно было потерять тебя! Я чуть с ума не сошла! Если ты любишь меня, не делай так больше никогда. Хорошо?

– Хорошо, ма, – ответил Ан. Лекарство подействовало, и он уснул.

***

Юля взяла Поля за руку и потянула из комнаты:

– Пошли. Ты мне всё расскажешь.

Тихо прикрыла дверь.

Потом они долго сидели в полумраке комнаты на диване, прижавшись друг к другу.

– Мне страшно, Польш! Что делать? Что делать?

Никогда он не видел в любимых глазах страх, а теперь он бился, сжимая в точки зрачки и полыхая серо-зелёным костром. Польш поцеловал её руки:

– Не волнуйся, всё будет хорошо.

– Как хорошо? А вдруг они засекали? Они же убьют его!

– Ну что ты такое говоришь! Когда ты слышала, чтобы они кого-то убили? Сама подумай, зачем им убивать какого-то мальчика?

– Он видел.

– Ну, и что он видел? Как они преследовали кого-то? Может, это преступник, которого надо было арестовать?

– Тогда об этом сообщили бы в новостях.

– Возможно, ещё сообщат. И потом неизвестно, знают ли они об Ане. И, даже если знают, то совершенно ни к чему убивать его, достаточно просто стереть память об этом.

– И нам? – её колотила дрожь.

Поль обнял её:

– Юль, успокойся. Давай выпьем чаю? Хочешь?

– Не хочу, но выпью. Никак не могу взять себя в руки.

– Посиди, сейчас принесу.

Поль поднялся.

– Нет, я с тобой. Я не могу тут одна.

– Ты, прям, как маленькая, – он улыбнулся и поцеловал её в висок. – Ну, пошли в столовую.

Они сидели за столом и молча пили чай. Надо было принять какое-то решение.

– Поль, я хочу исчезнуть, спрятать нашего мальчика. Нельзя вот так сидеть и ждать, что будет дальше.

Поль молча крутил чашку на блюдце.

– Хорошо, – наконец, сказал он, – мы уедем. Помнишь Грина? Мы с ним вместе заканчивали университет в Наукограде.

– Смешливого толстяка? Конечно, помню. Он приезжал к нам на объявление заключения брака.

– Он звонил мне три месяца назад. У них там открывается новое отделение в лаборатории, как раз по моему профилю, Грин предлагал возглавить.

– Правда? – радостно воскликнула Юля. – Как было бы хорошо! Давай уедем! А где это?

– Далеко, почти у Уральских гор.

– Так это замечательно, – радостный румянец проступил на её щеках, – свяжись с ним. Спроси в силу ли предложение!

Поль взглянул на браслет: три часа дня; нажал чуть выступающую с боку пластинку, браслет развернулся в небольшой дисплей. Он назвал код вызова, и вскоре на экране появилось улыбающееся лицо Грина.

– Привет, Поль! Рад тебя видеть! Ты как?

– Привет, Грин! Нормально. Вот сегодня день рождения сына, и у нас с Юлькой день воспоминаний. Вспомнили свадьбу. Друзей. Вот решили позвонить тебе, узнать, как у тебя дела.

– О! Молодцы, что позвонили! Поздравляю с днём рождения сына. Сколько ему? Десять? Как быстро бежит время! Как давно мы не встречались.

– Скоро двенадцать. Да, давно мы не виделись вживую, и

звоним-то не часто, все дела. Крутимся, как роботы на конвейере.

– Как у тебя дела?

– Всё хорошо, как обычно. А у тебя? Как новая лаборатория? Заработала? Я думал о твоём предложении. Вакансия ещё открыта?

– Извини, Поль, мне жаль, но штат уже укомплектован. Что ж ты мне раньше не позвонил!

– Да, ладно. Это я так, к разговору. Хотел услышать твой голос. Ты ещё не женился?

– Нет, – засмеялся Грин, – никому не нравится такой толстый увалень, как я.

– Просто сидишь всё время или дома, или на работе. Никуда не ходишь. В инете и то не видел тебя уже сто лет. Может хоть к нам выберешься? На рыбалку сходим, ты всегда любил порыбачить. Да и сибирячки у нас тут, ох какие красивые есть.

– Спасибо, Поль. Было бы здорово. Давно я никуда не выбирался. Всё работа. Если летом удастся, то приеду. Спасибо за приглашение.

– Ну, ладно. Давай. Звони, не забывай.

– Хорошо. Привет Юле. Рад был услышать. До связи.

– Передам. Пока. Звони!

Поль взглянул на жену. Она стояла у окна, плечи её чуть подрагивали.

– Не плачь. Я что-нибудь придумаю.

Она повернулась и уткнулась ему в грудь. Поль погладил её по голове.

***

Ровно в семь утра школьный гимн разбудил Ана. Он лежал с закрытыми глазами и слушал бодрую мелодию, от которой по телу разливалась радость и желание немедленно сделать что-то хорошее, нужное всем и главное очень нужное ему самому. Вот сейчас он откинёт одеяло, встанет и совершит что-то такое замечательное, что весь мир радостно встрепенётся!

Ан бодро вскочил с постели. Мелодия будильника затихла, но чувство радостного энтузиазма не пропало, лишь спряталось куда-то очень глубоко в подсознание. Он побежал в личную комнату, и, там, стоя под душем, вспомнил события вчерашнего дня. Сердце неприятно и непривычно сжалось.

«Ничего не было. Папа сказал, что надо всё забыть. Я забуду. Уже забыл», – думал Ан, подходя к школе.

Что-то холодное и крепкое стукнуло ему в лоб. От неожиданности Ан споткнулся и сел на снег. Послышался заливи-стый смех. Ан поднял голову и увидел своего друга – Дара.

– Ты чего виснешь на ходу? – подбегая к нему и помогая подняться, спросил Дар.

– Ничего не висну. А ты что такой радостный сегодня, не терпится начать отжимания? Конечно, твоё любимое занятие – работать мышцами, а не головой, – ворчал Ан, отря-

хиваясь.

– Зато ты любитель зависать. Тебя и погулять-то не дозовёшься. Любитель сидеть на заднице и представлять, что ты герой. Вирта – герой, Ха-ха!

– Ну, что за ерунду ты говоришь! – разозлился Ан. – Мне вчера снежокаты подарили, и я в тайге весь день катался! – Ан произнёс горделиво, но тут же опомнился и прикусил язык.

– Врёшь? – Дар даже остановился, во все глаза глядя на Ана.

– Ничего не вру. С десяти можно одному ходить в тайгу. Если хочешь, в выходные приходи ко мне. Я тебе покажу.

– Зайду! – Дар хлопнул его по плечу. – Погнали, а то опоздаем на экомир.

***

На табло шкафчика Ана бегущей строкой высвечивался текст – напоминание, что для занятия по экомиру необходимо надеть тёплый спортивный костюм. Ан приложил указательный палец правой руки к углублению в правой нижней части табло, бегущая строка замерла и исчезла. Дверца шкафа открылась, задняя стенка отъехала в сторону, и оттуда выехал вешалка, на которой висел тёплый спортивный костюм. Он едва успел натянуть его и ботинки, как зазвучала мелодия начала занятия.

***

На пороге зала показался робот – толстячок чуть больше метра высотой с синими светящимися глазами и улыбкой во

всё лицо.

Он резво вкатился в зал, толкая перед собой, большую коробку на колёсиках.

– Привет! Привет! Привет! – радостно приветствовал робот учеников, вращая глазами.

Следом за ним шла наставница – невысокая хрупкая девушка в спортивном светло-коричневом костюме.

– Здравствуйте!

Ребята быстро выстроились в одну линию по росту. Первый в строю сделал шаг вперёд:

– Здравствуйте, наставница. Класс начального уровня к занятию по экомиру готов!

– Отлично. Встаньте в строй.

Она прошла вдоль строя ребят, внимательно их осматривая.

– Хорошо! Сегодня чудесный день. Да и снега выпало достаточно, а значит, мы сможем покататься не на искусственном поле, а на стадионе. Надеюсь, все надели тёплые костюмы, как я просила, – сказала она и обернулась к роботу: – Пик, раздай снегокаты.

Дети восторженно загудели. Помощник наставницы быстро засеменял вдоль строя, на ходу доставая из большой коробки сложенные снегокаты и передавая их ученикам.

– А теперь на стадион, и побыстрее, пожалуйста!

Через десять минут все стояли на заснеженном поле, где кем-то уже была проложена лыжня. Полтора часа пролетели

незаметно и весело. Итоги подводили уже в спортивном зале, по ним у Ана получился лучший результат.

– Ну, конечно, кто бы сомневался. Ты ж вчера целый день тренировался, – ворчал Дар, с завистью поглядывая, как увеличиваются баллы за экомир у Ана, и он получает первое место, которое обычно всегда было у него.

Наставница обернулась:

– Ан, ты вчера катался в тайге?

Ан вспыхнул и замер.

«Сказать или нет» – мелькнуло в голове Ана. Сердце его колотилось. «Нельзя говорить! Но я уже проболтался Дару. Что делать?!» – с ужасом думал он.

– Да, – неуверенно произнёс он, – у меня вчера был день рождения. Мне подарили снегокаты, и я немножко покатался во дворе.

– Это замечательно! Катайся почаще пока снег. Это очень укрепляет сердце и лёгкие, даёт тонус всему организму. Молодец! – наставница внимательно посмотрела на Ана.

Зазвучала мелодия окончания урока.

– Всем хорошего дня и успешных занятий! Пик, собери инвентарь, – наставница вышла из зала.

Все, хохоча и толкаясь, кинулись к роботу.

***

Все остальные уроки Ан был молчалив и рассеян, даже на своём любимом, игровом программировании.

– Обратите внимание на задание возвратной функции. Не забывайте, что после выполнения задания, персонажи должны вернуться в исходное положение, – наставник остановился рядом с Аном, недоуменно смотря на его монитор.

– Андо, что это такое?– наконец, спросил он.

Ан вздрогнул и взглянул на экран. Его спасатели, которые по сценарию должны были сесть в лодку и выйти в море, чтобы спасти утопающего, на берегу закапывались в песок. Ан похолодел.

– Что это такое? Вы не заболели?

– Нет, – пролепетал Ан, – простите, я задумался.

– Задумался?! Это как же надо задуматься, чтобы написать такую программу? О чём вы задумались? Об игре в песочек?

Класс взорвался смехом.

– Нет, о своём первом высшем балле на уроке экомира, – хохотнул кто-то из ребят.

Класс веселился.

– Тихо! – Наставник утихомирил класс. – Андо, безусловно, физическая культура необходима для сохранения экоздоровья человечества, но она не должна замещать мозги, тем более такие светлые, как у вас! Всё должно быть гармонично, и ничто не должно идти во вред другому. Вы поняли меня?

– Да, наставник, понял.

– Хорошо. Я надеюсь, до конца урока вы успеете испра-

вить это безобразие, и напишите нужную по сценарию программу.

– Я постараюсь.

***

День в школе тянулся для Ана необычайно долго и мучительно. Едва дождавшись окончания занятий, он поспешил домой.

«Как же так? Я не понимаю. Наш мир самый лучший и самый справедливый из всех, что были когда-либо на Земле. Я это точно знаю! Как же так? Убили человека, и отец запретил об этом говорить! Надо было сразу, ещё вчера сообщить Хранителям. Они бы быстро поймали преступников! Почему отец запретил об этом говорить? И мама молчит».

Внезапно он остановился: «А может это были сами Хранители, и это они гнались за преступником? Тогда почему не было объявления в новостях, и почему надо скрывать то, что я видел? Секретная операция? Убитый один из членов в банды? Тайна следствия?». У него разболелась голова, и он решил больше не думать об этом.

Вечер прошёл как обычно. Ни отец, ни мама не вспоминали о случившемся, но Ан чувствовал их беспокойство, хотя они старались скрыть его. Непривычная задумчивость отца, его тревожные взгляды на побледневшую мать выдавали их. Ан тоже решил ничего не говорить, и не рассказал о том, что проговорился в школе. Не хотел лишний раз их расстраивать.

***

На другой день вечером отец вернулся с работы весёлым.

– Всем привет! Я дома! – с порога прокричал он. Ан выбежал из своей комнаты, мама выглянула с кухни.

– Догадайтесь, какую новость я вам принёс? – смеясь и стаскивая у порога ботинки, спросил он.

– Какую новость? – спросил Ан.

Подошедшая мама вопросительно смотрела на отца.

– Ни за что не догадаетесь, – отец взъерошил Ану волосы, поцеловал жену в щёку, и, наконец, сказал: – Мне дали повышение: предложили возглавить лабораторию. Она создаётся при новом комбинате удобрений.

– О! – воскликнула мама.

– Поздравляю! – подпрыгнул Ан.

– Только, к сожалению, мы должны будем переехать на новое место. Это далеко отсюда. Очень далеко, почти под Москвой, – он, улыбаясь, смотрел на маму. Она улыбнулась в ответ.

– Ты как? – отец повернулся к сыну. – Не против переехать? Тебе надо будет привыкать к другой школе, к новым товарищам и наставникам.

– Я совсем не против! – Ан понимал, что родители рады переезду, и не только потому, что отцу дали долгожданное повышение, но и потому, что произошло с ним в тайге.

– Ну, вот и хорошо, – сказала мама. Лицо её порозовело, как будто облако ушло с неба, открывая солнце, которое тро-

нуло нежным румянцем лицо. – Мойте руки, и ужинать.

Уже сидя за столом, отец продолжал:

– Уезжаем послезавтра. Там чрезвычайная ситуация. ЕКЦ отметил резкий рост потребности в удобрениях в одном из элизиев в следующем полугодии. Надо срочно разворачивать новый комбинат и лабораторию.

– А как же школа? – спросила мама. – Правилами запрещено переходить в другую школу в середине года.

– Не беспокойся. Всё улажено. Мне обещали, что завтра директор получит официальный запрос на перевод. Тебе только надо будет сходить в школу и всё подтвердить.

***

На другой день, после того, как Ан убежал в школу, а Польшёл на работу, Юлия отправилась к директору школы. Она раньше никогда не встречалась с ним лично. Всё общение с наставниками и пару раз с директором проходили исключительно буднично – виртуально. Но сейчас, чувствуя ответственность момента, Юлия решила не только лично подтвердить запрос, но и выразить директору уважение и благодарность за годы обучения сына.

Созвонившись с самого утра, она договорилась о встрече на двенадцать часов, и теперь у неё было около получаса, чтобы добраться.

Без пяти минут двенадцать она вошла в приёмную. Ей на встречу поднялась симпатичная девушка – робот-секретарь. Узнав о цели визита, она улыбнулась и отправила запрос ди-

ректор, и Юлию пригласили в кабинет.

Её встретил пожилой невысокий человек:

– Здравствуйте, Юлия, очень рад личной встречи с такой обворожительной женщиной!

– Здравствуйте, Павел, – засмущалась она.

Павел протянул ей руки, она подала свои. Он чуть склонил седую коротко стриженую голову, внимательно рассматривая посетительницу. Улыбнулся.

– Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь, вот сюда, – подошёл к небольшому столику, рядом с которым стояли два трансиды, отодвинул один из них, и жестом пригласил женщину сесть. Юлия села, и трансид мгновенно принял форму её тела. Он был мягким, очень комфортным, чутко улавливал каждое движение, подстраиваясь.

Директор сел рядом:

– Как ваши дела, всё ли хорошо, как здоровье?

– Спасибо большое. Всё хорошо. Даже очень, вот поэтому я тут.

– Заинтриговали, – засмеялся Павел.

– Я насчёт сына. Мужу дали новое назначение, и мы должны уехать с ним. Переезд назначен на завтра. Мы с мужем хотели бы искренне поблагодарить вас, наставников за Андо. Он сильно изменился за эти пять лет: повзрослел, стал серьёзным добрым мальчиком. Полюбил заниматься на компьютере и мечтает стать программистом. Всё это благодаря школе.

– Ну, что вы! – протестующие поднял руки директор. – У вас прекрасный сын, очень способный, мы только помогаем ему раскрыть себя.

– Спасибо большое.

Помолчали.

Юлия сплела пальцы:

– Да! Нам пока не поступили документы Андо из школы. Пришлётё позднее?

– Да, да! – директор потёр лоб. – Я получил сообщение и запрос вчера вечером. Ан очень хороший мальчик, отличный ученик, – директор помолчал, откинулся на спинку трансиды, – и хотя у него нет проблем с обучением, я должен вас огорчить!

Лицо его стало печальным, он развёл руками:

– Я не могу отчислить его в середине учебного года. Смена школы может выбить из учебного процесса и серьёзно сказаться на результатах аттестации. Этого нельзя допустить. Ребёнок должен закончить учебный год в той школе, где начал обучение. Таков порядок. А уже новый учебный год он начнёт в другой школе. Даже не сомневайтесь!

– Как в новом учебном году? – бледная Юлия поднялась. – Это совершенно невозможно! До конца учебного года ещё четыре месяца! С кем мальчик будет тут жить? Муж уедет завтра, я должна быть с ним.

Директор тоже поднялся:

– Успокойтесь, пожалуйста! Присядьте, – взял дрожащую

Юлию за плечи и почти силой заставил её сесть. – Ну что вы! Нельзя же так переживать! – заглянул в глаза, полные слёз. – Хотите чаю?

Юлия не ответила.

Он быстро подошёл к столу и соединился с секретарём.

– Клео, пожалуйста, принесите успокаивающий чай и кофе.

– Хотите пирожное? Оно совершенно не навредит вашей изумительной фигуре, – улыбнулся он, пытаясь разрядить обстановку.

Юлия отрицательно покачала головой:

– Нет, Павел, я вас прошу отпустить мальчика с нами. Он никогда раньше не оставался один.

– Он и не будет один! – воскликнул Павел и дотронулся до её руки. – Он будет жить при школе. У нас тут есть отличные, очень уютные комнаты – детские. Там живут дети, чьи родители вынуждены уезжать в командировки. Это же обычное дело! Андо будет с другими детьми и под постоянным присмотром взрослых. Все будет хорошо. Ему понравится. Я вам гарантирую это.

Вошла Клео, поставила на столик чашечки и вышла.

– Выпейте, пожалуйста, чаю. Вам нужно успокоиться. Я, честно сказать, совсем не ожидал такой реакции на вполне обычное дело, – директор подвинул чашечку к Юлии.

– Нет, спасибо.

– Выпейте, выпейте! На вас лица нет.

Юлия нехотя отпила глоток. Чай был терпким. Она ощутила вкус мяты и ещё чего-то приятно кисло-сладкого. Отпила ещё. Теплота разлилась по горлу, груди, растворяя тугой комок огорчения.

– Спасибо, – она поставила чашку на стол, – очень вкусный чай. И все-таки мы с мужем очень бы вас просили отчислить Андо. Как нам сообщили, школа рядом с новым местом работы мужа, готова принять мальчика. Прошу вас!

– Мне очень жаль, но это исключено, – директор поднялся, показывая, что дальнейший разговор бесполезен, и его лучше прекратить.

Юлия поднялась.

– Всего вам доброго, Юлия! Счастливого пути! За Андо придут завтра в десять утра. Связь с ним у вас будет круглосуточной. Большого я для вас сделать не могу.

Юлия постояла, беспомощно глядя на директора:

– До свидания, – наконец, произнесла она.

– До свидания.

***

Вечером состоялся семейный совет, на котором предстояло решить, что делать дальше. Оставить Ана одного родители не могли, а все попытки найти выход из сложившейся ситуации были безуспешны. Наконец, было решено, что Поль откажется от назначения, пусть это и поставит крест на его карьере.

Неожиданный сигнал у двери заставил их вздрогнуть.

– Кто бы это мог быть? – Поль тревожно переглянулся с Юлией и пошёл открывать. На пороге стоял сосед Кир.

– Привет, Кир, проходи, – Поль отошёл в сторону, пропуская его.

– Привет, Поль я на минутку. У меня ворота заклинило, а ты говорил, что у тебя есть корректор? Не одолжишь на пять минут, перезагружу?

– Конечно, о чём разговор. Пройди, сейчас принесу.

– Спасибо.

– Привет, Юлия, Ан, как дела? – спросил Кир, заходя в комнату.

– Собираетесь куда? – оглядел он коробки, громоздящиеся в углу.

– Да вот переезжаем. Поля назначили руководителем новой лаборатории.

– О, поздравляю, Поль!

– Да собственно не с чем, – ответил Поль, передавая Киру корректор. – Не уверен, что приму назначение.

– А что так?

– Ана с нами не отпускают. Говорят, должен год закончить тут. А мы его почти на четыре месяца не хотим одного оставлять.

– Да. Понятно. Жаль, – покрутил в руках корректор. – Спасибо, Поль, я быстро.

– Ладно.

Кир пошёл к двери, но вдруг остановился и обернулся.

– Слушайте, а кто там, в новой школе директор? Не Савелий Душаев?

– Да, – удивился Польш, – запрос из школы на Ана подписан Савелием Душаевым.

– Так, я его отлично знаю! – воскликнул Кир, – Он мой хороший знакомый. Я сейчас с воротами закончу и переговорю с ним. Может он уговорит вашего директора.

– Ох, как было бы здорово! – воскликнула Юлия.

– Спасибо, – дружески хлопнул Кира по плечу Польш.

– Да не за что пока! – засмеялся Кир. – Не переживайте, что-нибудь придумаем! – он подмигнул Ану.

Обрадованные, они не заметили, как, уходя, Кир искоса хмуро взглянул на них.

Этим же вечером вопрос был улажен.

***

Утро дня отъезда выдалось на редкость весёлое. Яркое солнце уютно устроилось на безоблачном небе и резвилось, пуская солнечные зайчики. Они прыгали и по солнечным батареям крыш соседних домов, и по крышам машин, куда-то спешащих с утра пораньше. Солнце рассыпало разноцветный переливающийся конфетти по снегу, обсыпало им деревья, даже мелкие кусты у подъезда, задорно подмигивали искрами Ану, когда он утром, только-только проснувшись, выглянул в окно.

«Уезжаем! Мы сегодня уезжаем! Навсегда!» – ему было очень весело, в груди его странно щекотало в предвкушении

необычного приключения, и в то же время было грустно, совсем чуть-чуть грустно. «Ничего. С Даром мы обязательно будем видится по инету, – думал Ан, – Как там будет? Какие ребята? А наставники?».

– Ан, хватит мечтать! – позвала его мама. – Одевайся и иди завтракать.

Ан ещё минуту полюбовался весёлым утром, и побежал в личную комнату.

Настроение ему не испортила даже старая Эльза, которая заставила его сделать двадцать приседаний и облиться холодной водой, видимо решив, таким образом немного охладить его восторг ожидания поездки. И Ан в этот раз не стал ворчать. Смеясь, сделал приседания, визжа от восторга, поплескался в холодной воде. Эйфория его от этого не пропала, хотя чуть съёжилась и, став плотнее, спокойной радостью устроилась в груди.

***

Отец пришёл с работы после того, как они с мамой позавтракали.

Он вошёл в дом холодный с мороза, раскрасневшийся:

– А вот и я!

– Ну, как? – спросила подошедшая Юлия.

– Все в порядке, – ответил отец, снимая в прихожей шубу. Ан её подхватил и, встав на цыпочки, повесил. Потирая озябшие руки, Поль повернулся к ним.

– На работе все дела закончил. Вот ордер получил, –

отец открыл сумку и достал оттуда небольшой круглый брелок-ключ от их нового дома. – Вещи доставит служба доставки. Она за ними приедет сразу после нашего отъезда. Только есть проблемка, – отец замялся, потирая тыльную сторону шеи.

Мама обеспокоенно посмотрела на него:

– Что случилось?

– Да ничего особенного. Просто, вездехотов свободных сейчас нет.

– Как?

– Комбинатские на плановом техосмотре, на наших двух лабораторских начальство улетело на симпозиум в Наукоград. Вернутся только через пять дней.

– А как же мы?

– Придётся нам на вездеходе добираться до ближайшего городка, а там по железной дороге на скоростном.

– Здорово! – подпрыгнул Ан, захлопав в ладоши. – Я ещё никогда не ездил на скоростном.

– Но это почти двое суток в пути, – расстроилась мама, – Ан устанет.

– Ничего я не устану! Что я маленький?

– Ну, ладно, – вздохнула Юлия, – Пойдём, я тебя покормлю, мы уже позавтракали.

***

Ровно в час дня к подъезду подъехала небольшая машина. Отец вышел её принять. Вернулся он быстро, довольно

улыбаясь:

– Ну, все хорошо. Пошли!

Взяв только самое необходимое, они вышли. Машина была хоть небольшая, но очень удобная. В распоряжении Ана был весь задний салон. Мама разместилась рядом с отцом, который занял водительское кресло.

Ан тут же защёлкал различными тумблерами и кнопками, открывая и закрывая всё, что можно было открыть и закрыть в пределах его досягаемости. Заголосило радио, которое сменил вспыхнувший телевизор, зашумела подача свежего воздуха и зашипикал освежитель, наполняя салон ароматом хвои.

– Ан, успокойся, – обернулась к нему мама.

– Там слева маленькая чёрная клавиша, видишь? – спросил отец.

– Ага!

– Жми!

Ан ткнул в неё, и тут же на спинке сидения перед ним открылась ниша, из которой выехал монитор компьютера.

– Ого!

– Ну! Поиграй пока, если хочешь или в паутине поброди.

Но Ан уже не слышал его.

Отец задал маршрут и передал управление автоматике. Машина на секунду задумалась, а затем бесшумно и плавно сорвалась с места. Через пять минут они были уже у комбината и, въехав в прозрачную трубу автотрассы, понеслись

вперёд, оставляя прежнюю жизнь позади.

Ан оторвался от компьютера и с любопытством посмотрел в окно. Он впервые ехал по автотрассе – огромной серой дороге, по которой мчались машины. Хотя слово «мчались» сюда вряд ли подходило: движение машин было таким равномерным и стройным, что казалось, они не передвигались, а неподвижно стояли на бесшумно движущемся конвейере. Автотрасса была аккуратно разделена на ровные полосы. Каждая полоса двигалась со своей скоростью. На самой медленной, самой последней полосе тянулась бесконечная цепочка большегрузов. Неуклюжие и неповоротливые бегемоты, как назвал их Ан, огромные и сверхтяжёлые, настойчиво двигались вперёд, обгоняемые всеми. Следующие две полосы, предназначены тоже для грузовиков, но эти машины были поменьше и поюрче. Затем шли три полосы для легковых машин. Машина, на которой ехал Ан, мчалась по самой крайней левой полосе. Она, также, как и самая крайняя правая полоса, была отделена от остальных прозрачной стеной.

– Па, а почему наша полоса отделена от остальных.

– Это скоростная, для спецмашин.

– А ещё крайняя правая отделена.

– Ну да, там опасный груз перевозят.

– Здорово! Вот так быть впереди всех.

Монотонность картинки утомляла и Ан незаметно для себя задремал.

***

Проснулся Ан от того, что мама трясла его за плечо:

– Ан, проснись, сейчас сделаем остановку. Мы уже три часа едем.

– Остановку?

– Да. Сейчас будет съезд, и мы свернём, – ответил отец, потягиваясь. – Тут у нас остановка, а там уж до конца, до станции.

Ан увидел, как впереди от полосы, по которой они ехали, пошло ответвление влево. Машина свернула по нему, резко снизив скорость, и, выехав из прозрачной трубы, поехала вперёд по обычному асфальту туда, где виднелось небольшое четырёхэтажное полукруглое здание, за которым начиналась тайга.

Наконец, их машина съехала с шоссе и остановилась около огромной сосны. Отец и мать отстегнулись, что-то говорили друг другу, наклонившись.

Ан оглянулся. Обмер. Прямо на них летел огромный тяжеловоз. Ан не успел закричать. Чудовищный удар оборвал его сознание.

Он очнулся в сугробе. Над ним было синее бездонное небо и весёлое солнце. Ан потряс головой: «Где я?»

И тут он вспомнил! Резко сел и увидел метрах в десяти машину. С левой задней стороны её была выбита дверца:

– Я вылетел! Мама! Отец!

Он хотел вскочить и броситься к машине, но сильная слабость в ногах не позволила ему это сделать. Он сидел и смот-

рел. Он видел в окна машины силуэты людей. Он видел, как почти половину машины подмял под себя огромный пузатый трейлер. Как трейлер вздрогнул, попятился и съехал с их машины и остановился. Он видел, как из кабины выпрыгнул человек и пошёл к машине. На правой стороне его груди сияла на солнце ярко-голубая искра. Человек быстро шёл к машине.

Радость разлилась по груди Ана: «Сейчас он спасёт! Скорее! Скорее!» Человек подошёл, заглянул в окно машины. Ан с удивлением смотрел, как человек, постоял, повернулся и быстро пошёл прочь. Отойдя от машины, он обернулся, сунул руку за пазуху и что-то достал оттуда. Вытянул руку по направлению машины. Ан услышал хлопок и увидел, как яркий язык пламени высунулся из ствола, метнулся к машине и лизнул её. Раздался оглушительный взрыв.

– А-А-А-А-А, – закричал Ан, не слыша своего крика. Он вскочил и кинулся к горячей машине. Жар огня опалил его, он отпрянул. Он видел, как огонь охватил отца, лежащего ничком на руле, как вспыхнули мягкие и нежные, всегда пахнущие сладкой ванилью, волосы мамы.

В ужасе и изнеможении он опустился на снег. К нему подошли. Он увидел ноги, которые остановились рядом с ним. Поднял голову. Мальчик не увидел лица, Ан увидел отблеск солнечного зайчика от эмблемы—голограммы на груди справа: рука, на открытой ладони которой, лежала Земля. Голубая энергия, переливаясь, устремлялась вверх по руке и

огибала Земной шар, который медленно вращался в сполохах голубого огня.

Ан потерял сознание.

***

Белое небо. Низкое и плотное, оно нависло над Аном.

«Почему такое тяжёлое небо», – думал он, – «оно не даёт дышать, сейчас раздавит».

Небо не выдержало собственной неподвижной тяжести и превратилось в белый потолок. Ан лежал на кровати в белой комнате и смотрел на потолок. Один среди пустой белизны. Больше никого нет. Никого не было. Никого никогда не будет. Он будет всегда один в этой белизне. В этой тишине. Пока она не растворит его в себе. Ан закрыл глаза. Он принял белую пустоту и ему хорошо. Он хотел раствориться в ней совсем.

Белая дверь тихо открылась, и в комнату вошёл мужчина в белом халате. Он подошёл к постели Ана, и, присев, взял его руку, чтобы проверить пульс.

Ан открыл глаза.

Мужчина улыбнулся ему.

– Здравствуйте, Андо, как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

– Замечательно! Вы помните, кто вы?

Ан задумался. «Кто я?». Прислушался к себе. Внутри тихо и бело, как и снаружи. Ан молчал.

– Ничего, ничего, – успокоительно произнёс человек в

белом халате, – вы отдохнёте и всё вспомните. Сейчас вы в больнице. Очень скоро поправитесь, и память вернётся. Только вам нужно много спать.

Человек в белом халате встал, поправил одеяло на Ане и погладил его по голове.

Ан уже спал. Мужчина также тихо вышел из комнаты.

В коридоре его ждали двое.

– Ну, что? – спросил один из них.

– Он что-нибудь помнит? – поинтересовался другой.

– Пока нет. Но я уверен, что память к нему скоро вернётся. Ему надо только выспаться. Он обязательно вспомнит всё.

– Всё?! – почти хором воскликнули двое.

– Всё, что нужно вспомнить. Операция прошла успешно.

Последние три дня, он не вспомнит, не беспокойтесь. У него есть родные? Куда его выписывать?

– Да, тётка, сестра его матери. Живёт с семьёй в элизии. Мы уже связались с ней. Рассказали о происшедшем, и что мальчик частично потерял память. Она приедет завтра. Когда ей можно будет забрать мальчика?

Доктор помолчал.

– Думаю, после того, как к нему частично вернётся память, несколько дней надо будет понаблюдать. Пройти анти-шоковый курс. И можно выписывать.

– Вы уверены, доктор, что полностью память к нему никогда не вернётся?

– Уверен. Вероятность полнесмотря напроцента из ста, и то исключительно при условии, что он переживёт состояние, аналогичное эмоциональному потрясению, которое он ощутил при гибели родителей. А это, как вы понимаете, вряд ли возможно.

– Спасибо, доктор. Вы спасли ребёнку рассудок. Трудно жить с памятью, когда на твоих глазах погибли родители.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

***

Ан сидел на постели, подложив под спину подушку, и рассматривал фотографии. На одной из них на него, улыбаясь, смотрела молодая женщина с серо-зелёными глазами и длинными почти до плеч светлыми волосами.

«Мама», – прошептал Ан, слеза капнула на матовую поверхность, и он ладонью провёл по ней.

В палату постучали.

Мальчик быстро вытер глаза. Дверь открылась, и он увидел высокую толстуху в белом халате.

– Не спишь? Можно к тебе? – спросила она и, не дожидаясь ответа, вошла, энергично закрыла дверь и направилась к Ану.

Он опешив, смотрел на неё во все глаза. Её круглое лицо с явно обозначенным вторым подбородком, полные губы большого рта, ямочки на пухлых щеках, появившиеся, когда она улыбнулась, выражали такую доброту и сострадание, а серо-зелёные глаза были такими знакомыми, что Ану,

совершенно не знавшему её, вдруг захотелось уткнуться в её толстый живот и разрыдаться, пожаловаться, выплакать свою боль от потери родителей, о гибели которых, ему сообщили ещё вчера, предупредив о приезде тёти.

– Тётя? – сглотнув комок, спросил Ан. – Доктор мне сказал, что вы приедете.

– Да, милый, это я, – сказала она, подходя к нему и участливо заглядывая в глаза.

– А у меня мама и папа погибли в автокатастрофе, – прошептал Ан, смотря на неё глазами, полными слёз. Рот его растянулся, лицо скукожилось, и он уткнулся в тётю, уже не сдерживая рыдания.

Она охнула. Села на постель и обняла его.

– Миленький ты мой! Сиротинушка! – в голос завывла она.

Они так и сидели, крепко обнявшись, и плакали, пока понемногу не успокоились. Тётя гладила его по голове, а Ан, прижавшись к ней всем телом, судорожно вдыхал её ванильно – яблочный запах, запах его матери. Он помнил его, и уже любил эту полную женщину за мамины серо-зелёные глаза и за этот сладковато-свежий аромат.

– Всё будет хорошо, – шептала тётя.

«Всё будет хорошо», – постепенно успокаивалось сердце Ана.

– Тётя, а почему вы раньше к нам не приезжали и не звонили? И мама ничего о вас не рассказывала, я даже не знал, что у меня есть тётя! Вы были с мамой в ссоре?

– Нет, что ты, миленький! Просто я живу в элизии, я – Созидатель. Вам же рассказывали в школе про Созидателей?

– Рассказывали. В Элизиуме живут Хранители. Они управляют и охраняют жизнь на Земле. В Наукоградах и на крупных производствах – Творцы. Они улучшают наш мир, чтобы он был лучшим из миров. В элизиях – Созидатели. Они своим трудом создают наш мир.

– Ну, вот видишь? – тётя гладила его по голове, – Каждый занимается своим важным делом. Все очень заняты. Да и интернет у нас тоже трёхуровневый, чтобы выйти из своей зоны нужно делать запрос Хранителям, а это не очень приветствуется.

Ан отодвинулся от тёти и заглянул ей в глаза:

– А как же так получилось, что мама – Творец, а вы – её сестра – Созидатель? Вы же родные сёстры!

– Да. До окончания школы мы жили все вместе с нашими родителями – Творцами. Ты знаешь о них?

– Бабушка умерла, когда я ещё не родился, а дедушку знаю! Мы с ним часто в шахматы в вирте играем. – Ан вдруг запнулся. Втянул голову в плечи и нахохлился.

Тётя внимательно взглянула на него и, улыбаясь, погладила по плечу.

– Ты не сердись на дедушку, что он не приехал и не забрал тебя к себе. Это не значит, что он не любит тебя! Со всем нет! Он тебя очень любит, но он не может тебя взять к себе жить. Детям до определяющего испытания можно жить

только с родителями или в элизии у родных, а если родных нет, то в элизии в приёмной семье. Вот окончишь школу, пройдёшь испытание, станешь Творцом и поедешь учиться в Наукоград. И тогда, если захочешь, сможешь жить у дедушки или приезжать к нему в гости. Он будет очень счастлив.

– Правда?

– Правда.

– Но вот вы же не стали Творцом.

– Ну, это у кого какая судьба! У каждого свои способности. Даже в одной семье. После выпускного испытания Юлия стала Творцом и уехала учиться в Наукоград, а я стала Созидателем и уехала в элизий. С тех пор там и живу. Кстати! Ты любишь вкусные булочки?

– Ага! С изюмом и ещё с заварным кремом!

– Смотри, что я тебе привезла, – тётя достала из сумки вместительный контейнер, сняла с него крышку и от аромата свежей выпечки у Ана чуть закружилась голова, он сглотнул. Внутри прижимались друг к другу сдобными румяными боками булочки, кексы, большие и маленькие, с изюмом и маком, обсыпанные сахарной пудрой и политые шоколадом.

– Ух, ты! – задохнулся от такого богатства Ан.

– Попробуй! Надеюсь, тебе понравится. Это я испекла на нашем хлебопекарном комбинате. Специально для тебя. А Сандра все упаковала.

– Сандра?

– Да, дочка моя. Тебе она двоюродной сестрой приходит-

ся. Она немного постарше тебя будет. Ей двенадцать лет. А вот тут, – она быстро открутила крышку термоса, – тут Семён Игнатьевич тебе прислал. Сок из яблок и черноплодной рябины. Семён Игнатьевич – муж мой. А яблочки и рябина из нашего сада. Он любитель возиться в саду.

– Спасибо! Спасибо вам всем!

– Ну, вот и хорошо. Вот и ладно. Потихоньку соберёмся и поедем домой. Поедем?

– Поедем!

Глава «Мятежный учёный»

Везделёт медленно развернулся и нырнул вниз к верхушкам деревьев. Вместе с ним, сжимаясь, упало и его сердце. Сознание путалось, и ему вдруг почудилось, что он в тесном лифте, который стремительно несётся вниз, в бездну.

«Странно, никогда не замечал, что так ощущается движение лифта, должно быть старая конструкция» – думает он. Наконец, лифт останавливается, его двери открываются в длинный коридор. Он выходит и идёт по узкой полосе ядовито-зелёной ковровой дорожки, прислушиваясь к отдалённому гулу, доносившемуся из-за дверей, расположенных по обе стороны. Внезапно пол начинает крениться.

Сознание прояснилось, и он ухватился за бортики походных носилок. «Я в везделёте, это просто бред, мучительные воспоминания», – успевает подумать он перед тем, как вновь погрузиться во тьму сознания, в котором навсегда отпечатался тот день ...

Противоположный край дорожки поднимается, он теряет равновесие и кубарем катится по коридору. Его пальцы судорожно пытаются ухватиться за ковёр, но не могут подцепить его и он катится дальше, долго, бесконечно долго. Он уже плохо понимает, где верх, где низ. Потолок меняется местами с полом, потом ещё и ещё. До тех пор, пока он не ударяется спиной о какую-то дверь.

Он поднимает голову. На двери табличка, на которой крупными буквами написано: «Куратор – Хранитель внутренних дел и элизиума». Тут он вспоминает, что сегодня получил письмо, в котором его приглашали на встречу с Куратором. Вместе с памятью всё встаёт на свои места. Он поднялся, и, нерешительно потоптавшись у входа, постучал. Прислушался. Тишина. Поколебавшись и машинально вытерев потные ладони о брюки, открыл дверь.

Большой светлый кабинет обставлен скромно: ничего лишнего, только то, что необходимо для работы. За массивным столом на фоне огромного бирюзового неба, которое смотрело в панорамное окно, сидел лысый человек и что-то писал. Он с удивлением увидел, что человек писал на бумаге и, похоже, ручкой. Такого он не видел давно, да и сам не помнил уже, когда держал ручку, если только в начальной школе. Пока он приходил в себя, человек поднял голову, посмотрел на него, улыбнулся. Поднялся из-за стола и, радостно протягивая руки, пошёл к нему навстречу.

– Здравствуйте, уважаемый Глеб, – подойдя, он обнял его за плечи и похлопал по спине: – Очень, очень рад, наконец, познакомиться с вами! С таким великим учёным! Мы получили ваше сообщение об открытии, и мне предоставлена честь, лично встретиться с вами, чтобы выразить наше уважение и восхищение вашим талантом!

Глеб смутился, лицо его зарделось от удовольствия. Скромно потупившись, он сказал:

– Благодарю Вас. Право не стоило, работа ещё далеко не закончена, мы только в начале эксперимента.

– Не скромничайте! То, что вы открыли, перевернёт всю жизнь на Земле! Это верно, что открытая вами фито–энергия способна заменить все виды энергий?

– Да, но нужно довольно продолжительное время для проведения подготовительных работ: адаптации растений и увеличения их количества там, где это необходимо.

– Это грандиозно! Присядьте, пожалуйста, вот сюда.

Он повёл мужчину к трансидам, стоявшим рядом с небольшим столиком в противоположном от окна углу кабинета. Придвинул фрукты:

– Угощайтесь.

Глеб взял румяное яблоко, повертел его в руках.

– Спасибо.

– Скажите, пожалуйста, сколько по вашим расчётам, понадобится времени, чтобы адаптировать флору Земли к вашему открытию? Сколь затратным это может быть? И какой процент используемой энергии она может заменить уже сегодня? Возможно ли это в крупных городах, где, как вы знаете, растительность встречается не повсеместно, а только в парках? Надеюсь, проект не предполагает сносить часть домов, чтобы высаживать фито–деревья? – засмеялся он.

– Нет, что вы! Отнюдь. Но по порядку. По моим расчётам до окончания исследования необходим ещё год. Экспериментальная часть по получению фито–энергии закончена,

и я перешёл к исследованию её влияния на человека и окружающую среду. Сложно сказать, сколько потребуется времени для адаптации растительности к выработке фито–энергии, – он положил на стол яблоко и в задумчивости потёр ладони. – В принципе, при отработанной технологии, домохозяйство сможет перейти на автономное потребление энергии в течение суток. И, конечно же, никаких сносов домов! Вырабатывать фито–энергию могут не только крупные растения, но и вьющиеся, даже совсем маленькие горшечные. Их можно высадить на крыши и пустить по стенам. А в самом ближайшем будущем возможно создание домов из материала, который будет пригоден для прорастания в них растений. Живые дома – экологически чистые, самосохраняющиеся и самовозобновляющиеся конструкции, которые не требуют ни ремонта, ни реставрации и которые обеспечат жилище необходимой энергией, как воздух кислородом. Они очень прочные и красивые, с возможными трансформациями по желанию владельцев. Я уже кое – что набросал. Вы только представьте! – Глаза учёного горели, словно сами излучали энергию, – любой человек, семья, предприятие смогут использовать бесплатную энергию живых растений совершенно без вреда для них. И все что для этого нужно – иногда поливать растения! И знаете, что? – Глеб помолчал, колеблясь, но видя доброжелательные глаза собеседника, решился, – знаете, у меня есть кое – какие наработки того, что человек сам способен вырабатывать необходимую ему энер-

гию. Но пока это, конечно, дело далёкого будущего, придётся много поработать. Вы представляете, какие новые горизонты откроются перед человечеством! – учёный возбуждённо смотрел на Куратора.

– Представляем, – Куратор барабанил пальцами по столу, – удивительное открытие.

– Вы правы.

Некоторое время они молчали. Наконец, Куратор тихо, как будто обращаясь к самому себе, произнёс:

– Да. А как же быть с предприятиями, которые сегодня производят энергию и топливо? Будем закрывать за ненадобностью электро – и атомные станции? Три корпорации энергетиков совокупно сейчас насчитывают где-то пять миллионов работающих. Их куда? Увольнять?

Учёный растеряно смотрел на Куратора:

– Но, всегда можно найти работу.

– Да?

– Ну, например, необходимо будет налаживать производство фито-энергии. Подключать каждый дом, каждое производство. Адаптировать растения.

– Вы же говорили, что в течение суток можно приспособить домохозяйство к новому виду энергии. Ну, хорошо. Возможно, понадобится консультирование, производство каких-либо необходимых адаптационных ингредиентов. И сколько может занять это времени? Погода? Год? Пять лет? А потом, что все эти люди будут делать? Ведь после

трансформации растений в фито–растения, оно будет функционировать самостоятельно много лет, всю свою жизнь?

– Да. Это так.

– Поэтому достаточно будет одного – двух предприятий, которые будут оснащать фито–энергией новые объекты и поддерживать уже адаптированные в стабильном состоянии. Значит надо подумать, куда трудоустроить пять миллионов человек, – Куратор устало потёр ладонью лоб.

– Да, но вся история науки показывает, что вначале неизбежны затраты на внедрение нового, демонтаж старого. Без этого невозможен прогресс на Земле. Потом всё окупится. Фито–энергия раз и навсегда решит проблему поиска энергетических ресурсов. Недра Земли не безграничны. Кроме того, это будет самый дешёвый из всех, когда-либо существовавших и существующих видов энергии! Вы только представьте, что всё работает на бесплатной природной энергии. Дома, транспорт, предприятия – всё! Затраты существенно сократятся. Людям нужно меньше времени тратить на работу, чтобы полностью обеспечить себя и близких, а это приведёт к существенному сокращению рабочего времени, к всеобщей занятости. Каждому, чтобы обеспечить свою жизнь понадобится работать не по восемь часов, а по три – четыре часа в день. Оставшуюся половину рабочего времени будут работать новые, кстати, и в том числе высвобождаемые работники, и роботы. Какие перспективы для творчества, саморазвития, путешествий.

– Идеализм.

– Что?

– То, что вы говорите – чистой воды идеализм. Вы знаете, как живут Созидатели в элизиях?

– Нет. Откуда? У меня нет контактов с кем–либо из них, и потом моя работа занимает всё моё время.

– Вот именно! Ваша работа... Вы талантливый учёный и всецело поглощены работой, на неё вас воодушевляет ваша мечта сделать мир лучше, а людей счастливее, и мы отлично вас понимаем! – Куратор встал и начал ходить по кабинету.

– Мы, Хранители, тоже мечтаем об этом, и не просто мечтаем, мы делаем! Мы храним мир и порядок, отвечаем за стабильность и устойчивость человеческого общества, – он подошёл почти вплотную к Глебу и пристально посмотрел ему в глаза. – Но есть и трудности, которые невозможно преодолеть. Даже не сталкиваясь лично с Созидателями, вы должно быть в курсе из новостей о тех трагедиях, которые периодически происходят среди тех, кто не работает, а живёт на субсидии: пьянство, наркотики, самоубийства, – он выжидающе смотрел на растерявшегося учёного, потом встал и прошёлся по кабинету. – Психологи объясняют это потерей чувства своей значимости, которого человек лишается вместе с работой. А почему они не работают? Кто–то отказывается работать вообще принципиально, им достаточно субсидии и трудиться они не намерены; кто–то не нашёл себя; кто–то так зарекомендовал себя на прежних работах, что его отка-

зываются принимать куда-либо ещё. И что же? У людей достаточно свободного времени, они имеют средства для жизни, почему же они не занимаются, как вы говорите, творчеством, саморазвитием?

– Но это немного другое, – попытался возразить Глеб, – люди чувствуют себя лишними, ненужными.

– А миллионы уволенных из энергетических корпораций не почувствуют себя лишними?

– Да, я понимаю, что нужна будет серьёзная реорганизационная работа.

– Да не в этом дело! – Куратор – Хранитель остановился, и устало потёр переносицу. – Не только в этом.

Он подошёл к учёному:

– Уважаемый Глеб, вы сами видите всю серьёзность ситуации, которую создаёт ваше открытие. Мы, Хранители, понимаем, что вы гениальный учёный и создаём для вас все необходимые условия, но и вы поймите нас! Для нас самое главное – это сохранить порядок, стабильность в обществе. Мы думаем, что человечество сегодня не готово принять ваше открытие. Мы считаем, что внедрение его может привести к разрушению существующего миропорядка, а это недопустимо! Мы столько приложили сил, чтобы, наконец, стать единым планетарным сообществом. Мы победили войны, болезни, голод, нищету и с гордостью можем констатировать, что, наконец, человечество создало идеальный миропорядок, – Куратор помолчал, потом прошёл за стол и сел.

– Нам очень жаль! Искренне! Но вам необходимо временно прекратить разработки фито–энергии, сдать все исследовательские материалы и носители информации, и дать подписку, что никогда не при каких обстоятельствах вы не раскроете тайну открытия никому. Вы понимаете вашу ответственность?

Учёный вскочил:

– Это невозможно! Как прекратить исследования? Это – будущее Земли. Без него человечество погибнет, в конце концов!

– Успокойтесь. Всему своё время. Мы обещаем вам, что проанализируем ситуацию и, когда наступит время, внедрим ваше открытие в жизнь. Оно не пропадёт! Ваше имя, как автора открытия, будет известно всем! Но не теперь. Сейчас мы просим вас передать всё связанное с открытием, комиссии, которая прибудет к вам в лабораторию через два дня.

Они смотрели друг на друга. Всклокоченный бледный учёный и спокойный в своём праве и силе, глядевший на него чуть исподлобья Куратор.

– Ваша работа очень важна. Мы хотели бы вас просить не покидать лабораторию до получения вами задания на новые разработки.

– Но у Творцов есть свобода творчества!

– Естественно! Свободу творчества у вас никто не отнимает, но она не должна разрушать существующий миропорядок и не должна противоречить целям, которые стоят перед

нашим обществом! Надеюсь, вы понимаете нас?

– Понимаю.

– Вот и хорошо.

Лицо Куратора вдруг странно перекосилось, зарябило. Сердце Глеба гулко забилося, болью отдаваясь в груди. Голову сдавил жёсткий пылающий обруч. Пол качнулся под ногами. Голова закружилась, он зажмурился, не удержался и упал. Пытаясь удержаться, машинально схватился за что-то металлическое холодное, почувствовал, как тело куда-то плывёт, покачиваясь. Открыл глаза и увидел, что носилки, на которых он лежал, вытаскивали из везделёта.

«Везделёт... Откуда везделёт? Куда меня несут? Кто эти люди? Да, меня же арестовали! Я ранен. Нет. Это бред. Я болен. Это просто бред».

Бред мешался с явью, и он потерял сознание.

***

Сначала вернулась боль. Она ворочалась в груди, то затихая, свернувшись тугим колким комком, то, просыпаясь от неловкого движения, и, вечно голодная, набрасывалась на его тело, сося и въедаясь во внутренности, от чего на лбу Глеба проступал холодный пот, и с запёкшихся губ срывался стон. Сознание возвращалось постепенно. Он почувствовал, что лежит на чем-то жёстком. Прислушался, не открывая глаз, но ничего кроме тишины не услышал.

Открыл глаза. Маленькая комната из-за стен, выложенных серой керамической плиткой, казалась тёмной. Высоко

сверху, полтора человеческих роста, почти во всю ширину стены проходила щель-окно, через которую струился свет. Солнечные лучи яркой жёлтой полосой освещали противоположную от окна стену, у которой изголовьем стояла его кровать.

Глеб лежал и смотрел, как пылинки играли в солнечном свете. Вездесущие они проникли и сюда, хотя не захотели спуститься вниз к нему, отчего полумрак комнаты казался гуще.

Холодно. Он осмотрелся. Почти пустая комната: кровать, у противоположной стены, под окном-щелью – маленький пристенный стол, рядом стул. В углу слева от двери кабинка, где сквозь полупрозрачную перегородку просматривался душ, раковина и унитаз. Он перевёл взгляд на дверь. Чёрная, монолитно-гладкая, как кусок камня, только в центре неё, тарщилося бельмо глазка.

Вместе с сознанием вернулась и память. «Арестован. Глупо было даже пробовать бежать. Меня сразу убьют или нет? Если бы хотели убить, уже бы убили, зачем меня куда-то тащить. Аннигилировали бы и всё... Материалы! Им нужны мои материалы, чтобы уничтожить», – страх сковал его, даже боль затихла, спряталась. Холодный пот выступил на лбу. «Что же делать? – он с трудом сел. – Эти выпытают всё, а потом сотрут память или убьют».

Послышался шорох.

Он увидел, как дверь вздрогнула и медленно заскользила

вправо, прячась в противоположную стену и открывая проход. На пороге показался молодой человек.

Глеб удивлённо посмотрел на него. Вошедший выглядел нелепым: долговязый, непропорционально сложенный, с большой коротко остриженной головой, узкими плечами и узкими бёдрами, непомерно длинными ногами и короткими руками. Бледное продолговатое лицо его с маленькими тёмными глазками, длинным, печально согнутым вниз кончиком носа над неожиданно пухлым большим ртом, придавали ему вид печального обиженного ребёнка – переростка.

Перед собой он катил небольшую тележку, накрытую белой тканью.

– Здравствуйте. Я ваш личный охранник-к. Меня зовут Рик-к-ки Тив. К-как-к вы себя чувствуете? – спросил он, чуть заикаясь.

Глеб молчал.

– Почему вы молчите? Док-ктор вас осмотрел, пок-ка вы были в беспамятстве, сделал всё, что необходимо, и ск-коро вы пойдёте на поправк-ку. Не волнуйтесь.

– Где я? За что меня арестовали и чуть не убили?

– В своё время вы получите ответы на все вопросы. Не беспоко-койтесь, вас ник-кто не собирается убивать.

Рикки Тив остановился около столика, откинул белую ткань с тележки. На ней обнаружились две металлические кастрюльки: одна побольше, другая поменьше. На сложенных салфетках лежали столовые приборы.

– Я привёз обед. Идите, к-к столу, – Рикки снял крышку с большой кастрюли и налил что-то в металлическую миску. Комнату наполнил аромат еды. Слюна непроизвольно наполнила рот Глеба. Он сглотнул, но не тронулся с места.

Рикки Тив, закончив наполнять миски, поставил их на столик и обернулся: – Идите же, идите! Вам нужно хорошо к—кушать, чтобы выздороветь. Вам понадобятся силы.

«Мне понадобятся силы, – эхом отозвалось в голове Глеба. – Да, глупо морить себя голодом. Желающих убить меня и так предостаточно». Он встал и пошёл к столу.

– Ну, вот и хорошо. К—кушайте. Отдыхайте. Я потом приду, заберу посуду.

– Спасибо.

Рикки Тив кивнул и вышел. Дверь за ним с шорохом плавно закрылась.

***

Алина, хохоча, взлетает к небу и вновь стремительно летит вниз к нему в руки. Глеб ловит её, на мгновение прижимает дочь к груди и снова подбрасывает вверх.

– Ещё, ещё, – кричит она, заливаясь от смеха.

– Хватит уже. Уронишь! Идите сюда! – зовёт жена, – Алина, смотри, какой я тебе веночек сплела.

Глеб ставит дочь на ножки:

– Побежали к маме веночек смотреть?

– Да! – соглашается дочь, разворачивается и, быстро – быстро перебирая чуть косолапыми ножками, несётся впе-

рёд.

– Постой, Алина, дай ручку, упадёшь!

– Нэть! – Алина в белом платье с красными маками и босиком бежит по мягкой тропинке среди высокого разнотравья, утопая в зелени и луговых цветах. Глеб, смеясь, быстро идёт за ней, стараясь поймать, подхватить на руки. Тропинка сворачивает и вот он уже не видит дочь, только слышит её звонкий смех. Глеб бросается бежать:

– Алина, стой, подожди меня!

– Нэть! – доносится до него смех дочери и резко обрывается.

Гулко стукнуло сердце. Потемнело. Ветер всколыхнул траву и спокойную безмятежность в его груди, которая сменилась тревогой. Глеб бежал, обливаясь потом. Тишина обручем сжала голову. Травы жёсткими верёвками путались в ногах, мешали бежать. Он упал. Вскочил. И снова бежал, и звал, звал дочь. Ни звука в ответ. Наконец, разодрав в клочья брюки, он выбежал на опушку, за которой начинался тёмный лес.

Прислонившись к берёзе, сидела жена, у неё на коленях их маленькая двухлетняя дочка Алина. Жена надела ей на голову веночек из полевых цветов. Оглянулась на Глеба, улыбнулась. Глеб перевёл дыхание и улыбнулся в ответ. Увидел, как улыбка вдруг застыла на её губах, глаза распахнулись в беззвучном крике, а лицо застыло мраморной маской.

Он взглянул на дочь. Её голубые глаза радостно смотрели

на отца. Ручками она трогала веночек, надетый на головку. Венок вдруг съёжился, почернел, ощерился отвердевшими травами и помертвелыми цветами, как острыми неровными зубами, глаза дочери стали огромными и удивлёнными, а на лбу выступили алые капельки крови.

– Нет! – закричал Глеб и резко сел на постели.

Сердце гулко стучало в ушах, тело покрыл холодный пот. Дико озираясь, он осмотрелся и обессиленно упал на подушку, изо всех сил стиснул её, прижимая к лицу, чтобы заглушить рвущийся стон.

***

Несколько минут он лежал неподвижно. Потом перевернулся на спину, устремил пустой взгляд на длинную щель–окно, заткнутую темно–серой ватой тучи, беременной дождём. Холодно. Он сел и закутался в одеяло, пытаясь согреться, унять дрожь. Тепло не приходило, и он никак не мог справиться с ознобом. Тогда он встал и пошёл в душ. Горячая вода ударила упругими струями, пар наполнил душевую, оседая мелкими каплями на маленьком зеркале над раковиной, а его продолжало колотить. Глеб пытался овладеть собой, прогнать ведение, но не мог: огромные удивлённые глаза дочери смотрели в самую душу. Он погубил их, маленькую принцессу Алину и самого близкого родного человека – жену Лию. Он подставил лицо по воду, струи смешались со слезами. Постепенно вода приводила его в себя.

Он вышел из душа, насухо вытерся жёстким полотенцем,

натянул одежду. Подошёл к стене, сверху из щели—окна чуть заметно сочился сырой воздух, поднял голову, пытаясь им надышаться.

Раздался тихий шорох, дверь открылась, и вошёл охранник Рикки Тив, катя тележку.

– Здравствуйте. Я привёз вам завтрак—к, – Рикки Тив подкатил тележку к столику и начал выкладывать на него тарелки.

– Здравствуйте. Я не хочу, есть, – отозвался Глеб.

– Вам нужно поесть. Вам нужны будут силы.

– Силы? Для чего?

– Ну, к—как? Док—ктор ск—казал, что вы хорошо восстанавливаетесь и что скоро можно с вами беседовать. Так—к что будьте готовы, что вас вызовут на допрос. Сегодня или завтра.

– Мне не зачем готовится, – и, помолчав, добавил, – мне нечего сказать.

Рикки Тив подошёл к нему, заглянул в глаза:

– Пок—кушайте, если вы будете упорствовать, такая возможность может и не возникнуть в ближайшее время.

– А что вы так печётесь о заключённом? Вам то, что за дело?

– Мне есть дело, и не тольк—ко мне, – чуть слышно ответил Рикки Тив, повернулся и вышел, уводя за собой тележку.

Учёный удивлённо смотрел ему вслед.

***

За ним пришли через два дня. Дверь с тихим шорохом открылась, и на пороге возникли они. Трое в светло-серой униформе. Одного роста, коротко стриженные серые волосы, похожие ничем не примечательные лица с невыразительными чертами и ничего не выражающими глазами.

«Безликие», – мелькнуло в голове Глеба.

Взгляд учёного метался с одной фигуры на другую, с одного лица на другое, и не мог ни за что зацепиться, так и скользил по этим серым безликим фигурам, бесшумно возникшим на пороге.

Двое остановились у входа по краям двери, третий сделал несколько шагов вперёд и остановился напротив постели учёного.

– Прошу вас следовать за мной, – произнёс он чётко, но негромко.

Глеб, как ни старался, не мог уловить ни какого проблеска чувства: ни злобы, ни презрения, ни равнодушия – ничего, чтобы хоть как-то определило их сущность, подготовило учёного к тому, что его ожидало. Неизвестность липким страхом вползло в сознание, заставило глуше стучать сердце, вытесняя все чувства, кроме чувства самосохранения.

Пленник поднялся. Сунул ноги в кожаные шлёпанцы, одёрнул полы рубашки и шагнул вперёд, стараясь идти, не шатаясь. Он не хотел обнаружить слабость, которая сменила боль от раны. Третий сделал шаг в сторону, пропуская его.

У двери Глеб чуть замешкался. Третий вскинул правую

руку, указывая в коридор:

– Проходите.

Учёный вздохнул, будто набирая воздух для прыжка в бездну, и вышел.

Дверь с тихим шорохом закрылась.

Они шли по узкому длинному коридору: впереди третий, за ним учёный, а чуть позади него, справа и слева, двое других. Гулко звучали шаги в бесконечном проходе, потолок которого терялся где-то высоко, откуда лился ослепительно яркий свет. Справа и слева на равных расстояниях друг от друга в каменных стенах коридора были вырезаны массивные двери.

Завернув направо по коридору, они остановились у одной из таких дверей. Она отличалась от других только тем, что вместо бельма—глазка в центре неё было вырезано окошко.

Третий приблизил лицо к толстому прозрачному стеклу. Голубая полоса пробежала слева направо, сканируя его. Замок щёлкнул, дверь открылась. Третий прошёл вперёд и обернулся к Глебу:

– Заходите.

Глеб вошёл.

Он оказался в небольшой комнате. Ничего, кроме стола у противоположной стены и ряда стульев у этой, не было.

За столом сидела молодая женщина в такой же серой форме, что и у сопровождавших учёного охранников. Она подняла на него темно—синие глаза, и Глеб уловил в них интерес.

– Задержанный доставлен, прошу доложить, – сказал Третий.

– Одну минуту.

Женщина поднялась, подошла к незамеченной Глебом двери, расположенной в противоположном углу комнаты, выкрашенной в тот же серебристо–голубой цвет, что и стены, и исчезла за ней.

«Секретарь, должно быть. Странно, что пошла докладывать лично. Связи, что ли, нет. На работа не похожа», – подумал он, заметив, как женщина кокетливо повела бёдрами, заходя в открывшуюся дверь.

Она вернулась почти сразу же, и, придерживая дверь рукой, посмотрела на Глеба:

– Проходите, пожалуйста, вас ждут.

И другим властным голосом обратилась к безликим:

– А вы ожидайте тут. Можете сесть.

Все трое одновременно опустили на стулья. Сидели прямо, не касаясь спинок сидения и сложив на коленях руки.

«Как роботы», – подумал Глеб.

Проходя в дверь, которую придерживала женщина, он взглянул ей в лицо. Она чуть заметно, ободряюще ему улыбнулась. Или показалось?

***

В такой же серебристо–голубой комнате, но размером гораздо большей, за массивным столом сидел лысый человек. Глебу он показался знакомым. Человек поднял голо-

ву, и Глеб узнал его – это был человек, который уничтожил его жизнь, который преследовал его даже в бреду – Куратор-Хранитель внутренних дел и элизиума.

Куратор отложил дисплей, сложил руки, прикрыв правой ладонью сверху, и, чуть наклонившись над столом, исподлобья смотрел на Глеба. Прошло несколько минут тишины, которая, казалось, сгустила и накалила воздух вокруг так, что ещё несколько мгновений, и он не выдержит давящего напряжения и взорвётся, разнеся в пыль всё вокруг.

Глаза Куратора черными буравчиками сверлили мозг Глеба, стараясь проникнуть вглубь его сознания, подчинить своей воле. Учёный усилием воли заставил себя не отводить взгляд. Капельки пота выступили у него на лбу, но он, не отрываясь, смотрел в глаза Куратора, и проваливался в их бездну.

Наконец, Куратор откинулся на спинку трансида, перевёл дыхание:

– Что же, не могу сказать, что мы рады приветствовать вас здесь. Совсем не желали такого исхода вашего дела. Садитесь, – он кивнул на стул, стоящий напротив стола.

Глеб подошёл к стулу и сел.

– Как ваше самочувствие?

Глеб молчал.

– Впрочем, можете не отвечать. Мы в курсе вашего лечения, и знаем, что вы почти здоровы.

Подождав с минуту, Куратор продолжал, смягчив тон:

– Нам действительно очень жаль, что все произошло так, как произошло. А ведь сейчас вы могли бы отдыхать с семьёй дома после увлекательнейшей работы! Исследовать что-то новое, необходимое людям, что будоражило бы ваш ум, вашу научную фантазию. Сколько открытий было бы впереди!

Куратор встал и, опираясь на кулаки, навис над столом:

– И что вместо этого? Что вы натворили своим бунтарством? Кому от него стало лучше? Вам? Вашей жене или дочери? Человечеству? Ради чего все эти жертвы? – он почти захлебнулся криком. Внезапно успокоился. Провёл ладонью по лбу. Сел.

– Хорошо, – устало продолжал он, – вы наломали дров, но не пора бы уже остановиться? Предлагаем вам добровольно отдать материалы вашего исследования и дать письменное согласие на частичное стирание памяти. Это исключительно в ваших интересах.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Повторяю, добровольное согласие, – сделав ударение на слово «добровольное», он выжидающе смотрел на учёного.

Глеб молчал.

– Вы вообще понимаете, что мы можем просто сканировать ваш мозг и выявить все, что нам нужно? Вы же учёный, не мне вам это объяснять. При виртуальной стимуляции нужных участков мозга вы расскажите всё, что нам необходимо. Но это будет означать, что вы отказались от сотрудничества с Хранителями, с человечеством, что вы против су-

ществующего миропорядка, а, следовательно, представляете угрозу для него. Вы это понимаете? Вы понимаете, что тогда мы должны будем в целях безопасности уничтожить вашу личность, уже не скорректировать частично память, а уничтожить вашу индивидуальность. Вы это понимаете?

Глеб молчал.

– Хорошо, – Куратор нажал на кнопку, расположенную в правом углу стола: – Идите и подумайте. Даём вам два дня. Если вы не примете решения о сотрудничестве, ваша личность будет нивелирована.

– Проводите его, – эти слова были обращены к безликим, вошедшим на вызов.

***

Два дня до небытия. Много это или мало? «Не отчаивайся, всё устроится. Не может быть, чтобы не было выхода из создавшейся ситуации. У тебя целых два дня. И потом, все будет зависеть только от тебя. Одно твоё слово и незначительная коррекция памяти возродит тебя к жизни. Ты сможешь снова заниматься наукой, позабудешь боль, жену, дочку... Ничего уже вернуть нельзя, но можно забыть. Можно продолжить жить. Ты нужен. Твой разум, способности могут сделать многое для человечества. Ты сможешь жениться и родить ещё детей, которые без тебя никогда не увидят этот мир. Ты обязан жить и работать ради людей, не будь эгоистом», – скользкий червь сомнения делал свою работу, ввинчивался в самые тайные уголки души и точил, точил её.

«Иметь ещё детей»? – в памяти вспыхнули васильки глаз его Алины. Он прикрыл глаза и чётко увидел, как девочка ковыляла к нему, протягивала руки и что-то быстро-быстро лопотала на только ей и жене понятном языке. Он так не научился понимать её речь. Глеб на мгновенье зажмурился.

Долгие десять лет они ждали первенца, своё маленькое чудо – доченьку. Обследование показывало, что оба здоровы, но жена, почему-то не беременела. Дочь не хотела приходить в этот мир, будто предчувствовала свою близкую кончину, и то страдание, которое принесёт её гибель. Десять лет они с женой почти не расставались, она была не просто женой, а другом и верной соратницей. Все открытия они выстрадали вместе, вместе работали, вместе мечтали, вместе радовались успехам.

Теперь он остался один. Остался один, но не был один. Он чувствовал её постоянное присутствие. Утром, когда реальность ещё не заключала его в жёсткие объятия, едва проснувшись, он привычно тянулся обнять жену, пока холодная пустая простыня рядом окончательно не пробуждала его, и он с тихим стоном утыкался лицом в подушку.

Забыть совсем, забыть всё: её запах, звук её голоса, её нежные объятия. Забыть, как она, впервые ощутив лёгкие пиночки их доченьки в животе, прикладывала его руку, чтобы он тоже их почувствовал. Забыть, как светились её глаза божественной радостной спокойной мудростью. Совсем не так, когда словно магнитом она притягивала его к себе взгля-

дом, наполненным до краёв любовью и нежностью, когда он купался в нём, пока омут страсти не затягивал их во всё поглощающее желание, где реальным был только безумство обладания и экстаза. Совсем не так. Тогда это был взгляд мудрого знания, бережного хранения частички, которую они породили. Породили и не уберегли. Он не уберёт.

Глеб встал и быстрыми шагами, пытаясь успокоить терзающие мысли, стал ходить по комнате.

«Почему так произошло? Почему всё разрушилось. Вся жизнь! Как может он теперь выбирать жить или нет, если его уже нет, если он уничтожен. Остаётся только одно – поставить точку, – он замер. – Да! Надо поставить точку, завершить и уйти. Отдать материалы? Зачем они им? Чтобы уничтожить! Уничтожить их с Лиейй труд, как они уничтожили их жизнь. Он был уверен, что если бы люди узнали, о нем, то они никогда бы не отказались от его открытия, но этого Хранители не допустят.

Власть – вот что главное. Власть во все времена вставала на свою охрану, не пренебрегая ничем. Даже теперь, когда эволюция человечества привела к созданию единого планетарного сообщества, страх потери власти остаётся главным страхом человека.

Нет, никогда не может быть идеального человеческого общества. Это противоестественно, противно самой природе человека, в основе которой единственное желание – жажда власти: контроля, диктата своей воли, сохранения собствен-

ной зоны комфорта, осознания собственной исключительности, и, следовательно, право диктата своей воли.

Никакие высокие воодушевлённые слова о справедливости, чести, милосердии, и прочее, и прочее не смогут заглушить это единственное глубинное желание человека.

Справедливость, честь, милосердие, существуют только там, где человек их признаёт по отношению к себе, утверждаясь в этом мире за счёт других людей.

Если человек чувствует свою власть над себе подобными, он может потешить себя, играя в справедливость, милосердие, честность, беспристрастность ровно до черты зоны его личного комфорта, переступив которую кто-то может создать угрозу для неё. Тогда человек превращается в дикого зверя, инстинктивно защищая своё: здоровье, семью, дом, успех, работу, мечты, свою власть.

Чем больше у человека чужого в подчинении, тем значительнее зона его комфорта, тем сильнее он чувствует свою значимость и грандиозность, тем беспощаднее он будет защищать её, и тем неистовее желать всё большей власти.

«Хочешь управлять людьми, научись управлять собой» – гласит мудрость. А зачем учиться управлять людьми? Для власти. Человеку недостаточно осознания самого себя и власти над самим собой. Человеку нужна власть над другим человеком. Он не видит другого пути самоутверждения кроме, как ощущая себя значительнее других всегда и везде.

Деньги, слава, авторитет – лишь инструменты, чтобы по-

чувствовать собственную значимость, чтобы иметь право диктовать свою волю другим, облакая, в конце концов, эту жажду в форму государства и охраняя личную жажду власти армиями.

Что такое демократия, как не арена людей, которые жаждут личной власти, максимально возможного расширения зоны своего комфорта и которые для этого придумали правила боя за власть и, охраны этих правил. Смена правителя? Смешно! Никогда тот, кто когда-то был у власти, не уйдёт в небытие. Он будет цепляться за любые должности, которые дают ему возможность властвовать. Будет использовать власть, чтобы накопить как можно больше её эквивалента – денег, чтобы уступив власть более сильному, купить её в новой зоне комфорта. Уходят из власти только дряхлые или слабые, перенося всю свою жажду власти на домашних, подчинённых, детей, пытаясь удовлетворить её за счёт слабых и зависимых.

Глеб разочаровался в человечестве. Продолжать работать для того, чтобы результаты его труда были использованы для расширения зоны комфорта уродов – властолюбцев, которые идут на все, ради её сохранения? Кому нужна наука? Кому нужно светлое будущее человечества? Никому! Нужны рычаги для власти и сохранения комфорта здесь и сейчас. Всё. А ему не нужна власть. Ему нужна наука, наука и его любовь. И то, и другое у него отняли.

Что его ждёт? Превращение в живого раба без эмоций и

без способности рассуждать? Стать таким же безликим, как те трое.

В его мозг вживят имплантат, который будет угнетать мозговую деятельность. Ему оставят только возможность удовлетворять физиологические потребности, и то не все, да выполнять импульсы – команды, передаваемые по имплантату. Возможно, оставят какие-то профессиональные функции. Человек – робот умнее робота и сможет, выполнять сложные задачи. Они очень ценятся. Это путь всех опасных преступников, от которых отрекается общество. Одна операция и нет пути назад, он станет машиной для безропотного выполнения команд.

«Никогда! Лучше умереть! Что им в моих материалах? Почему они вообще ведут разговоры со мной? Могли бы просто сканировать память и стереть личность. Что им нужно от меня?» – Глеб, метавшийся по комнате, внезапно остановился. Взгляд его стал диким почти безумным. Он почувствовал, как на голове зашевелились волосы:

– «Да, я же обмолвился, что человеческий организм является генератором энергии, которую со временем люди научатся преобразовывать для своих целей. Они хотят узнать об этом и использовать её для тотального контроля над человечеством. Ведь эта энергия, если ею сможет управлять кто-то посторонний, может не только дать информацию обо всех психофизиологических импульсах человека, но позволит управлять человеком. Глупость, – перебил он сам се-

бя, – энергия индивидуальна, проявляется в волне вибраций мозговых импульсов, которые неповторимы, хотя и находится в одном диапазоне человечества. Подобрать ключ к персональной энергии не в человеческих силах. Можно подойти сколь угодно вибрационно близко, может быть даже подумать, что вибрации слились, но это будет не так. Так не может произойти никогда, вибрации энергии будут сколь угодно бесконечно близки, но не взаимопроникающи. Персональная энергия будет всегда уникальна и единственна. Они могут этого не знать. Все равно, все равно, – метался он по своему заточению, – добровольно отдать материалы, значит пойти на сотрудничество с убийцами жены и дочери. Этого не будет никогда».

Прошёл день. Ничего не изменилось. Несколько раз приходил Рикки Тив, с тревогой смотрел, как учёный отказывался от еды, гнал его прочь и не реагировал на вопросы.

Однажды он пришёл с доктором, который бегло осмотрел Глеба, пробурчал что-то о том, что ничего страшного не видит и, пригрозив узнику искусственным кормлением, исчез.

***

Наступил вечер перед его последней ночью, которую он проведёт осознанно. Он мог оставаться самим собой всегда, в любой обстановке и при любых обстоятельствах. Даже сейчас в заточении, где его могли сковать, лишить возможности двигаться, но не могли лишить внутренней свободы. Он оставался хозяином своего сознания, никто не мог лишить

его права думать, принимать решения, оставаться самим собой. Так было всегда. И так будет до завтрашнего дня.

Что ждёт его завтра? Он, как учёный, это прекрасно знает. Он знает, как можно отключить разум, и убить личное эго – душу. Убить душу? Разве можно убить то, что бессмертно? Что чувствует человек, когда теряет способность осознавать себя и окружающее? Глеб сейчас мог позавидовать даже сумасшедшему: тот живёт в своём выдуманном, пусть и болезненно искажённом, мире. Он не реагирует на реальность, но способен чувствовать, понимать свой мир, осознавать себя в нём, живя, возможно, даже более интенсивной и осознанной жизнью там, в глубинах своего подсознания.

А что чувствует человек, когда ему выключают сознание? И можно ли вообще отключить сознание, эмоции, чувства? Гуманнейшее из обществ, когда-либо существовавших на Земле, научилось самому изуверскому: выключать в человеке его «я», сохранив в идеальном физическом состоянии организм, заменять человеческую память на бездушную программу. Преступников, которые заслуживали смертной казни, не убивали, их корректировали: стирали память и вживляли биостимулятор, программируемый под функционирование конкретного человека. Любое действие производилось в определённое время и по определённой команде: сон, пробуждение, еда, отправление естественных потребностей – всё делалось человеком по команде, которые отдавала программа, фиксировавшее физиологическое состояние орга-

низма.

Пора есть: сядь за стол, нажми кнопку выдачи пищи и жди, принесут еду, ешь. И человек садится за стол, нажимает кнопку.

Наполнился мочевой пузырь, биостимулятор, получив сигнал от организма, отдаёт новую команду: иди в туалет и справь нужду, и человек идёт в туалет. А если команды не последует, то он так и будет сидеть рядом с унитазом, пока не лопнет мочевой пузырь и не наступит смерть.

Но программированием функционирования организма дело не заканчивается. Главное – выполнение функции, назначенной судом Хранителей. Люди–роботы, хотя и требуют дополнительных затрат на поддержание их организмов в рабочем состоянии, в отличие от роботов, имеют важные особенности: у них сохраняются функциональные особенности ума.

Людей–роботов не используют на конвейерах. Они становятся охранниками, убийцами, подручными в тайных лабораториях. Они могут сутками не спать, анализируя информацию. Они могут забыть, как читать и писать, но заниматься исследованием в какой–то узкой отрасли, в которой им поставлена задача.

И это ждёт и его. Он станет ничего не помнящим, ничем не интересующимся, ничего не чувствующим нечто, которое будет день и ночь решать задачи, которые ОНИ будут ему ставить. Его уснувший мозг будет направлять все уси-

лия только на то, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу. И выполнив её, равнодушно забудет об этом, получив команду на выполнение новой задачи. И так изо дня в день, из года в год. Пока не наступит «естественная» смерть. Он знал, что человек–робот может прожить не более десяти лет. А потом... потом происходят необратимые сбои в работе мозга, команды извне воспринимаются им всё чаще с отклонениями, деятельность мозга постепенно затухает, и развивается ишемия мозга, нарастают критические сбои в работе организма и, наконец, остановка сердца.

Десять лет. Ему предстоит десять лет работать на них. Выполнять все прихоти тех, кого он так ненавидел. И за что? Разве он преступник? За что они уничтожили его семью, а уже завтра уничтожат и его? За то, что он мечтал подарить людям своё открытие?

Никогда он не будет работать на них, никогда. У него ещё есть время уйти. Уйти к своим, любимым. Уйти навсегда. Хорошо, что он позаботился об этом.

Он подошёл к столу и взял зубочистку. Обычная зубочистка, белая, острая, прочная. Он повертел её в пальцах. Вернулся и сел на постель. Указательным пальцем чуть надавил на переносицу, почувствовал лёгкую боль. Под горячей подушечкой пальца забился испуганно пульс, убыстряясь. Слегка закружилась голова. Да, туда, в зрительный нерв. Один удар и мгновенная смерть.

Он сделает это. Он замахнулся и в ужасе опустил руку.

Холодный пот прошиб его. Потемнело в глазах. Во рту стало сухо и жарко. Дыхание сбилось: «Слабак! Размазня! Трус! Не в состоянии не только защитить любимых, но и достойно умереть!». Он решительно перехватил зубочистку. В комнате посветлело. Он поднял бледное осунувшееся лицо. В окно—щель лился мёртвый свет. Круглая луна уставилась на него, равнодушно наблюдая.

– Что смотришь? Думаешь не смогу?

Он решительно стиснул зубы.

С тихим шорохом открылась дверь.

***

Рикки Тив привёз ужин.

Взглянул на измождённого Глеба, покачал головой. Поставил еду на столик.

– Добрый вечер, прошу кк—к столу.

Глеб отвернулся.

– Вы больны? Хотите, я приглашу докк—ктора?

– Я не болен. Оставьте меня в покое!

– Это невозможно. Прошу вас пройти за стол.

Глеб взглянул на Рикки. Махнул рукой и пошёл к столу.

«Побыстрее избавиться от него, и доделать задуманное».

Глеб сел за стол и принялся ковырять еду в тарелке. Рикки Тив стоял поодаль, наблюдая за ним. Почти ничего не съев, Глеб отодвинул тарелку. Рикки Тив подошёл к столику и, наклоняясь над ним, чтобы убирать посуду, едва заметным движением сунул ему в рукав рубашки что—то. Глеб вздрог-

нул и удивлённо взглянул на Рикки Тив.

– Молчите, – одними губами произнёс тот. – Потом посмотрите в санузле, он плохо просматривается за стеклом, и уничтожьте, – с грохотом переставляя посуду на тележку, быстро прошептал он.

Развернулся и выехал.

Глеб схватил стакан с водой, который всегда стоял на столике, поднёс его ко рту и закашлялся – сжавшееся нервным спазмом горло, не пропускало жидкость. Откашлявшись, встал, сунул руки в карманы брюк. Подошёл к окну. Луна пропала. Темно–сизое тяжёлое ватное брюхо неба намертво забило его окно–щель. Отвернувшись от окна, закатал рукава. Прошёлся по комнате и сел на кровать. Откинулся навзничь, заложив руки за голову. Прикрыл глаза:

– «Записка! От кого? У меня есть тайные друзья? Хотят помочь? Или провокация?»

Полежав несколько минут, он встал и направился в душ. Плотно прикрыл за собой полупрозрачную дверь. Подошёл к раковине, открыл воду. Вымыл руки и наклонился к самой воде, будто хотел умыть лицо. Быстро вытащил из–за манжета рукава свёрнутый клочок бумаги. На нем было написано:

«Уважаемый Глеб! Не отчаивайтесь! Мы делаем всё возможное, чтобы спасти вас. Будьте готовы к побегу. Друзья».

Согнувшись над краном с текущей водой, он ошарашено смотрел на записку:

– «Друзья? Какие друзья? Меня хотят спасти??» – сердце

его радостно встрепенулось. Он в ключья разорвал записку, и вода унесла её. Умылся холодной водой, машинально подставил лицо и руки под тёплую струю воздуха сушилки.

«Побег? Но как? Как это возможно отсюда сбежать? Это нереально. Рикки Тив – друг! А если это провокация?»

Надежда, слабая надежда прокралась его сердце.

***

Утро. Он лежал ещё с закрытыми глазами, пытаясь удержать давно забытое чувство радости. Первый раз за все время пока он был тут, ему снилось что-то очень хорошее. Он никак не мог вспомнить что. Он открыл глаза и вздрогнул: в темно-сизом брюхе неба появилась ярко жёлтая прореха, как будто кто-то узким ножом сделал тонкий разрез, через который пыталось выбраться солнце. Затаив дыхание, он смотрел, как струился яркий свет, пока тучи не сомкнулись, недовольно всколыхнувшись. В эту постепенно затягивающуюся прореху улетучилось и его радостное настроение, душу затопила безнадежность.

***

Тихий шорох открываемой двери раскатом грома оглушил Глеба. Он резко поднялся.

«За мной», – выстрелила мысль.

На пороге появился Рикки, на нем была форма безликих. Он быстро вошёл и направился к учёному.

– Прошу вас следовать за мной, – Рикки отрешённо смотрел на Глеба, отойдя к стене и пропуская его вперёд.

Учёный прошёл вперёд и остановился у двери.

– Тихо. У нас пятнадцать минут. Надо спешить, – едва слышно произнёс Рикки ему в затылок.

Дверь закрылась. Рикки повёл его налево. Здесь коридор походил на лабиринт, по обе стороны которого отходили более узкие ответвления, теряющиеся в полумраке.

Рикки уверенно вёл Глеба по центральному проходу. Пройдя минут пять, они уткнулись в зеркальную дверь. Глеб сначала не понял, что это дверь. Он видел перед собой бесконечно простирающийся вдаль коридор. Только когда Рикки быстро пробежал пальцами по кнопкам миниатюрной коробочки, прикрепленной на левой стене, и дверь открылась, стало ясно, что это проход.

Они вошли в стеклянный отсек, квадрат два на два метра, ярко освещённый и без единого звука. В перегородке, преграждающей их дальнейший путь, на уровне лица находился матовый квадрат. Рикки почти вплотную приблизил к нему лицо. Прошло с полминуты, и перегородка бесшумно поползла вверх, открывая проход. Они вошли в точно такой же отсек. Стеклопанель перегородки закрылась за ними. Рикки шагнул к следующей перегородке, над которой горела надпись: «Выход по одному». Мертвенно-синие лучи сканера пробежали по нему.

– Ваше имя, – послышался голос.

– Рик-ки Тив

– Цель выхода?

– Встреча гостя.

Стеклянная перегородка поползла вверх. Рикки дёрнул Глеба за руку за собой и метнулся в третий куб.

Тот быстро шагнул за Рикки, в тот же миг его оглушил звон, исходивший, казалось, со всех сторон. Он был таким громким, что Глеб зажал руками уши, пытаясь смягчить разрывающий голову звук.

– Опасность первого уровня. Попытка самовольного выхода! – бились в стеклянном кубе слова. От звука голоса и от звона, уже переходившего в ультразвук, Глеб почти потерял сознание. Он сполз мешком на пол, привалился спиной к перегородке и так и остался сидеть с закрытыми глазами.

– Нельзя! Вставайте! Сюда уже идут! – крикнул Рикки. Он быстро набрал код, заблокированная дверь не поддавалась. Тогда, вытащив из внутреннего кармана небольшой предмет, он приложил к кодовому замку. С нечеловеческой силой он рванул Глеба, поднял его и, взвалив себе на спину, шагнул в открывшуюся последнюю дверь, которая за ними плавно закрылась. Рикки положил на землю Глеба, достал из карман маленький флакончик и поднёс к его к лицу. Тот вздохнул, чихнул и пришёл в себя. Ощущая слабость во всем теле, он все же мог двигаться. Рикки помог ему подняться.

– Надо спешить, через пять минут они будут здесь.

Рикки повлёк его вниз по круто спускающейся каменной дороге. Там, в закрытой со всех сторон скалами бухте, стыла гладью вода. От берега в бухту уходил широкий

настил, к которому они и бежали. Едва спустившись на берег, они услышали звуки выстрелов. Обернулись. На самом верху, у стен крепости короткой серой цепочкой двигались охранники. Пули всё ближе подбирались к беглецам.

– Не успеем, – выкрикнул Рикки.

Он остановился:

– Глеб, вам нужно бежать до конца пирса, туда к воде. За вами придут! Ждите там. А я отвлеку.

– Как? – с ужасом переспросил Глеб.

Охранник молча отстегнул от пояса оружие. Быстро огляделся и шагнул за ближайший валун. Присел за него, прицелился:

– Бегите же! А то все напрасно!

– Но...

– Уходите!

Рикки нажал на курок, раздался выстрел и один из безликих завалился на бок.

Вжик, вжик, вжик – танцевали пули по камням вокруг Глеба.

Он пригнулся и кинулся к пирсу.

Глеб добежал до воды и остановился. Никого. Стеклянная гладь черных вод была непроницаема.

Присмотревшись, он заметил какое-то смутное движение в их глубине, и тут на поверхность всплыла миниатюрная подводная лодка.

Откинулся люк, но никто не показался оттуда. Лодка, чуть

покачиваясь на воде, ждала.

Позади раздался оглушительный взрыв. Глеб машинально присел, пригнув голову. Обернулся. На месте валуна, за которым укрывался Рикки, зияла яма. Вокруг разбросанные тела безликих, а из открытой двери замка уже спешили новые.

Глеб больше не раздумывал, прыгнул на лодку и забрался внутрь. Крышка бесшумно закрылась, и лодка ушла под воду.

***

Помещение, куда он попал было маленьким и вытянутым, всего три на два метра. Светлый пластик и ровный не яркий свет, лившийся с потолка, успокаивали. Иллюминаторов и прохода в другое помещение не было.

«Я один! – понял Глеб. – Лодка на автоматике».

Он тяжело опустился на кровать, стоявшую в глубине каюты, и с тоской в сердце думал:

«Рикки погиб! Погиб из-за меня! Зачем?! Зачем я пошёл за ним? Что может быть у меня хорошего впереди? Я все равно погиб, а Рикки такой молодой. Так не должно было быть. Это я должен был уйти, а не он».

Негромкий, но настойчивый сигнал вызова вернул его к действительности. Он исходил от панели на противоположной стене.

Глеб подошёл. В центре панели на экране монитора пульсировала табличка связи. Он сел на трансид и принял вызов.

Звук оборвался. Экран засветился, и на нем возникло приветливое женское лицо:

– Здравствуйте Глеб! Рада вас приветствовать на борту нашего судна. Как ваши дела?

– Здравствуйте. У меня все хорошо. Спасибо! Но Рикки, – спазм свёл горло, – Рикки погиб!

Женщина ненадолго замолчала, потом пришёл ответ:

– Нам известно о гибели Рикки, он успел передать сигнал о самоликвидации. Программа должна была уничтожить базу данных и матрицу памяти, чтобы сохранить тайну. Робот выполнил свою функцию.

– Рикки – робот?! Как? А его заикание...

– Да. Мы внедрили его с целью помощи нам в случае необходимости, а заикание – незначительная корректировка речевой функции для убедительности.

– Но как! Он же убивал людей!

– Нет, он убивал биороботов, запрограммированных на убийство.

– Понятно. Могу я узнать, кто вы и почему помогаете мне?

– Всему своё время, а пока предлагаем вам отдохнуть. В каюте вы найдёте все, что будет необходимо.

– И ещё вопрос: вы – люди? Вы работаете на Хранителей?

– Да, мы – люди. На второй вопрос могу только ответить, что и да, и нет. Это долгий разговор. Давайте оставим его до окончания вашего путешествия. Через два дня вы будете на месте, и мы обо всем подробно поговорим. Капсула ав-

тоуправляемая, постоянно под нашим контролем, опасности для вас никакой. Отдыхайте и до встречи!

Экран погас.

Глеб откинулся на спинку трасида.

Глава «Объявление войны»

На сто сорок третьем этаже Башни Хранителей Элизиума сегодня было особеннолюдно. Кураторы собирались на экстренное заседание коллегии, и потому спокойствие и благопристойность, обычное царившие в этих стенах, сменились суетой и тревожным ожиданием.

В небольшом кабинете, рядом с залом заседаний, уединились двое. Всполохи огня декоративного камина играли на тяжёлой тёмно-бордовой драпировке стен, и, скользили по небольшому инкрустированному столику красного дерева, переглядываясь в гранях вазы, наполненной фруктами, и рубиновыми искрами падали в вино хрустальных бокалов. Изящная бутылка, в форме стройной обнажённой девушки, руки которой поддерживали горлышко, стояла рядом. Два больших трансда перед камином. Огромный погасший экран над ним. Всё располагало к отдыху.

Однако умиротворёнными сложно было назвать людей, которые находились в комнате. По комнате нервно шагал мужчина лет шестидесяти. Невысокий, коренастый, чёрные чуть волнистые волосы его ниспадали почти до плеч, оставляя открытым высокий лоб.

– Эгмунд, ты не прав, – горячо говорил он, – никто не имеет право подвергать угрозе всё то, что мы создали!

– Коллист, сядь, пожалуйста, – поморщился второй муж-

чина, на вид его ровесник, расположившийся у камина на трансиде. – Успокойся, что за высокопарность? – устало, продолжал он, проведя рукой по лбу, по коротко стриженным темно-русым волосам к затылку, – Ты что забыл, для чего мы всё это создавали? Твои действия противоречат Кодексу Хранителей. Как можно было отдать приказ об аресте, охоте на Творца, на человека?! И это в наше-то время. И как результат: его ранили, чуть не убили, заперли в каземате. О чём ты думал? Ты – Координатор Хранителей, который в первую очередь должен защищать людей? Я же приказал, никаких травм и жертв! – Эгмунд бросил на Коллиста стальной взгляд серых глаз.

– Ты действительно не понимаешь или притворяешься? – взвился Коллист. – Ты не видишь, как летит к чёрту этот мир?

Он подошёл к Эгмунду и сел рядом, подавшись к нему всем телом:

– Ты, что, всё забыл? Наши мечты об идеальном мире, о глобальной корпорации? Наше презрение ко всем: коммунистам, фашистам, демократам – ко всем партиям и политикам, к религиозным фанатикам – ко всем, кто пытался подчинить мир, прикрываясь лозунгами об избранности, всеобщем счастье и справедливости, как импотент прикрывается рассказами о своих любовных победах. А мы сделали это! Только мы, предприниматели, имеем, что реально предложить человеку: мы даём работу, а значит, не только средства

к существованию, но и удовлетворяем его личные амбиции, через реализацию себя, – его чёрные глаза пылали так, что, казалось, затмевали угли в декоративном камине. – И что? Теперь ещё учёные! Ну, сколько можно уже экспериментировать с решением вечных вопросов: для чего рождён человек, может ли он быть счастливым и что человеку надо для счастья? Хватит! Мы уже решили их для себя давно. Или ты забыл? Так я напомним! Ответ один: человек хочет чувствовать себя хорошо, здесь и сейчас. Он хочет быть сытым, хочет тепла и комфорта, хочет свой дом, хочет любить и быть любимым, хочет, чтобы у него была цель, которую бы он добивался на работе, удовлетворяя своё эго, хочет весело поразвлечься, пощекотать себе нервы, да просто побездельничать – покайфовать. Человек хочет получать удовольствие от жизни. А все эти заумные разглагольствования о смысле жизни, заменяются единственным желанием – знать, что он не умрёт совсем, а продолжится в работе и детях. Всё! И больше ничего! И кто всё это может дать человеку? Политики? Религия? Учёные? Как бы, не так. Только мы – предприниматели. Мы и дали человечеству всё это. Мы сделали общество огромной корпорацией. Создали клан Хранителей, чтобы взять ответственность за мир на себя. Я должен был принять меры!

Эгмунд взял бокал и сделал глоток. – Ну, и к чему эта тирада? – произнёс он.

– Это констатация факта! Что, по-твоему, произошло?

Правильно думаешь! Произошла очередная попытка изменить мир, под предлогом всеобщего осчастливливания, но теперь уже со стороны учёных. Ну, сколько можно сотрясать устои! Это требует самого жёсткого пресечения. Ты не согласен?

Эгмунд молчал, крутя в руках ножку бокала. Потом поставил его на стол и твёрдо взглянул в глаза Коллисту: – Нет. Я не согласен.

Коллист откинулся на трансиде.

– Не согласен, – повторил Главный Хранитель. – Если стабильность общества требует человеческих жертв, то это сомнительное общество. Эгмунд скрестил руки на груди:

– Да и что, собственно, произошло? Учёный сделал замечательное открытие. Нужно подумать, как его можно применить.

– Применить?! – Координатор ударил ладонями по коленям, вскочил и наклонился над Эгмундом, приблизив почти вплотную лицо и прошептал:

– Ты готов потерять миллиарды дохода ради этого? Хорошо, ты исключительно за идею, за лучшую жизнь для всех, – усмехнулся он, – но ответь, ты готов потерять существенный источник дохода, который идёт в бюджет и на бонусы Хранителям? Затраты на снабжение энергией предприятий – это ничто, по сравнению с многомиллионными доходами от реализации энергии землянам. Они занимают почти треть инвестиций, на которые живёт экономика, в конце концов – это

половина нашего с тобой содержания и содержания Хранителей! Чем ты это восполнишь? Будешь сокращать дотационное производство? Резко поднимешь цены на продукцию? Или готов вдвое снизить свои прибыли? Ну, ладно, свои! А как это объяснишь Хранителям?

Эгмунд улыбнулся:

– Ну, конечно, вот и ответ, главное – не потерять доходы.

– А ты как думал! – взвился Коллист, – Деньги – основа всего. Основа нашей корпорации. Кто этого не признаёт, тот последний лицемер или идиот.

Эдмунд нахмурился:

– Следи за своими словами, Коллист.

Коллист отвернулся, взял бокал и залпом выпил.

– Значит так, я запрещаю убивать. Слышишь? Никто не должен пострадать, – Главный Хранитель поднялся.

Координатор отпрянул. Кровь отлила у него от лица. На несколько секунд прикрыл глаза, потом устало сел, упрямо произнёс:

– Ты, конечно, мой старый друг и соратник, ты – Главный Хранитель, – он помолчал, – но я приложу все силы, чтобы не допустить, чтобы какое-то дурацкое открытие разрушило всё, что мы с таким трудом создали. Если ты не согласен, твоё право, но тогда я буду против тебя.

Главный Хранитель подошёл к сидящему координатору и произнёс:

– Если ты осмелишься нарушить мой приказ, то пеняй на

себя. Я забуду, что у меня есть друг. Предупреждаю, – серые глаза Главного Хранителя сверкнули сталью.

Координатор замер, давно он не видел таким Главного Хранителя. Холодок пробежал между лопаток, он поёжился:

– Хорошо, как скажешь.

Главный Хранитель немного постоял, словно в задумчивости:

– Через десять минут заседание, там поговорим, – и вышел из комнаты.

Координатор тяжело вздохнул, устало потёр глаза, откинул голову, и так и остался сидеть с закрытыми глазами.

***

Прозрачный круглый зал был пронизан солнечным светом, яркость которого регулировали стёкла. Панорамные, незаметные на столько, что казалось люди собрались на открытой террасе, у которой есть только пол и потолок.

Посередине зала за длинным столом расположились Кураторы-Хранители: пятеро с одной стороны стола и пятеро с другой.

Сегодня собрались только свои, особо доверенные лица – главы подразделений глобальной корпорации «Земля».

Дверь в зал открылась, и вошёл Координатор. Поприветствовав всех, он занял своё место в торце стола, напротив кресла Главного Хранителя. Через несколько минут появился и он сам. Все поднялись.

Главный Хранитель прошёл во главу стола и обратился к

присутствующим:

– Приветствую вас, соратники! Прошу садиться.

Подождав, пока все займут свои места, он продолжал:

– Я собрал вас из-за чрезвычайных обстоятельств, которые могут изменить установленный нами порядок раз и навсегда. Прошу Куратора-Хранителя образования и науки ввести всех в курс дела, – Главный Хранитель сделал приглашающий жест и сел.

Пожилой седовласый человек в старомодных очках, волнуясь, поднялся, прокашлялся и начал:

– Уважаемые Хранители! С гордостью сообщаю вам о великом, не побоюсь этого слова, эпохальном событии, грандиозном открытии! Наш гениальный Творец–учёный Глеб Лунн открыл новый вид энергии, осуществив мечту человечества о дешёвой, неисчерпаемой и общедоступной энергии. Отныне не будет необходимости в экономии энергоресурсов, не нужны будут поиски её новых источников. Жизнь сама преобразуется в энергию. Нам останется только позаботиться о том, чтобы Земля превратилась в цветущий сад. При этом растения будут не только очищать атмосферу, сад превратится в источник фито-энергии. Для этого, всего-навсего необходимы удобрения с незначительно изменённым составом и вживлённый микрочип, и всё! – Куратор снял очки и возбуждённо потряс ими.

Кураторы молчали, в изумлении смотря на него. Только Координатор, потупившись, не поднимал взгляда от стола, и

Главный Хранитель, откинувшись на трансиде, всматривался в их лица. Он сидел неподвижно и, казалось, был абсолютно спокоен, только вращающиеся большие пальцы сплетённых рук, выдавали его возбуждение и желание успокоиться.

– Кхм, – поднялась Куратор сельского хозяйства и продуктов питания – маленькая полная женщина с коротко остриженными пшеничного цвета волосами и уютными ямочками на щеках, – а можно поподробнее об открытии? Каждое растение нужно будет чипировать?

– Нет! Что вы! Я постараюсь коротко, без научных терминов, только суть. Творец Лунн изобрёл уникальный микрочип, который, будучи вживлён в одно растение, способен аккумулировать электричество, вырабатываемое растениями при фотосинтезе в радиусе до ста квадратных метров в локальную электросеть, используя электропроводность земли. Микрочипы территориально вживляются в растения таким образом, чтобы общая электросеть, включая локальные, вырабатывала мощность, необходимую для бесперебойного функционирования всех приборов и систем жизнеобеспечения объекта, например, жилого дома или производства. Последний распределительный чип общей электросети через устройства локальной беспроводной сети дома или организации подключается к пульту управления электрооборудованием. Чип считывает диапазон мощности электроэнергии необходимый для бесперебойной работы всех его приборов и систем, и регулирует поток аккумулируемой электроэнергии.

гии растений до нужных параметров. Как результат, для полной электрификации объекта необходимо только первоначальная подготовка. А именно изготовление чипов и вживление их в растения для создания единой энергетической системы питания объекта. При этом конструкция чипа до гениальности проста и больших затрат не потребует, а потому будет общедоступна в прямом значении этого слова. Кроме того, система будет работать многие годы, пока живут растения! Ни ремонтов, ни реконструкций не потребуется! При необходимости – только посадить новое растение, чтобы заменить погибшее. А кроме того Земля наша поистине станет зелёным благоухающим садом! Друзья мои, мы сделали это! Сделали то, о чем мечтали – построили Рай на Земле! От души поздравляю нас с этим! – закончив, он поклонился и сел.

Прошло некоторое время, пока люди осознали информацию и слышались первые радостно-удивлённые возгласы, которые постепенно набирали силу, и переросли в открытый восторженный гвалт.

Кто-то вскочил с места и кинулся обнимать Куратора образования и науки, все поздравляли друг друга.

– Я, конечно, извиняюсь, я тоже очень счастлив и горд за нашу науку, – вдруг слышался голос, – но что теперь отрасль энергетики и ресурсов будет упразднена, производства остановлены и люди уволены?

Все застыли, повернув головы к говорившему. Куратор – Хранитель Энергетики и ресурсов, небольшого роста, эле-

гантный мужчина средних лет с маленькими чёрными усиками под носом, стоял бледный и растерянный.

Переглянувшись, все стали тихо расходиться по своим местам.

– Так я не понял, – помолчав, продолжал Куратор, – Я уволен?

Все посмотрели на Главного Хранителя. Тот молча смотрел на них. Трудно было понять одобряет он или нет внедрение открытия. Под этим непонятым взглядом радость улетучивалась, освобождая место тревоге.

Вместо Главного Хранителя заговорил Координатор:

– Как вы себе это представляете: оставить без работы миллионы людей и без существенной части дохода наш бюджет? Кстати, уточните, пожалуйста, для всех, какую часть дохода приносит в бюджет энергетическая отрасль, вдруг кто запомнил, – он взглянул на Куратора-Хранителя Единого компьютерного центра Земли и интернет-связи.

– Энергоресурсы – тридцать процентов, остальные промышленность и налоги, – ответил тот, взглянув на лаптоп, который был с ним всегда.

– Позвольте, – воскликнула Куратор-Хранитель элизиев, – а чем же я буду Созидателям пособия платить? Или предполагается сокращение пособий или может вообще их отмена?

Ей никто не ответил.

– Но как же, такое эпохальное событие, – растерянно про-

говорил Куратор – Хранитель образования и науки, оглядываясь вокруг.

Все старались избегать его взгляда.

– Это всё замечательно: наука, открытия, и все такое, – сказал Куратор – Хранитель энергетики и ресурсов, – мы очень все рады, что наука развивается гигантскими темпами. Но нельзя ли ... как-то, – он покрутил рукой в воздухе, – как-то сделать так, чтобы гигантские шаги науки не затоптали уже установленный порядок, а исключительно улучшали его? Ну, как вы представляете себе внедрение вашего открытия в реальную жизнь? Вы понимаете, что это открытие уничтожит мировую энергетику? Скольким Созидателям надо будет переквалифицироваться и в кого? При их-то конкуренции с роботами. Обречать жить только на пособие, вычёркивать из общей деятельной жизни? Ну, хорошо, предположим, отправили на отдых, а Хранителей-управленцев куда? Туда же? А ваши доходы? Когда такое было!? Вы понимаете, что за этим последует?

Куратор образования и науки пытался что-то говорить в защиту открытия, но Кураторы, встревоженно перешёптываясь, не обращали на него внимания.

– Как же так, невозможно такого допустить!

– Но такое открытие!

– Надо все как следует обдумать. Должен же быть компромисс.

– Может быть, делегировать отрасли энергетики куратор-

ство новым видом энергии? – предложил Куратор – Хранитель образования и науки.

– Это, каким же образом?! – подскочила на месте Куратор – Хранитель сельского хозяйства, – Если я правильно поняла, для выработки фито-энергии необходимы растения, много растений, а растениям нужны удобрения. Кроме того, нужен особый состав удобрений и микрочипы. Партии таких химикатов и чипов нужны в крупных масштабах, и это можно будет сделать на уже существующих предприятиях, вырабатывающих удобрения и в промышленности. Чип вживляется в растение и, следовательно, впоследствии генетически действует на новую поросль, не требуя применения новых чипов. А многолетние растения живут очень долго. Так что постепенно количество требуемых чипов будет только снижаться. Поэтому абсолютно не разумно строить в отрасли энергетики отдельные производства, поддерживающие внедрение открытия. Да и специалистов в отрасли таких нет. А передавать производства со специалистами под юрисдикцию энергетики, тоже глупо: скорректировать технологию производства удобрений значительно проще, чем передать производство из одной отрасли в другую. Сейчас в сельском хозяйстве производств, вырабатывающих удобрения, ровно столько сколько необходимо. Если часть их передать под новые заказы в другую отрасль, то необходимо будет строить новые для производства уже удобрений! И это при падении доходов? Нереально, так как не разумно, – она раскраснелась, в

сердцах хлопнул ладонью по столу и с вызовом села.

Гвалт снова наполнил комнату. Теперь люди спорили и горячились.

– Вы понимаете, что разрушаете надежду человечества на общество без зависимости от ресурсов?! В будущем это открытие даст нам возможность покорить космос, который теперь для нас закрыт из-за нереальной дороговизны проектов. Человечество в принципе не сможет развиваться без доступной энергии, – горячился Куратор-Хранитель образования и науки.

– Ну, замечательно! Просто замечательно! А завтра ваши Творцы-учёные откроют новый вид чего-то, что ликвидирует отрасль промышленности или здравоохранения – пожалуйста! Придумают, как уничтожить все болезни раз и навсегда! Или ещё что. Давайте, давайте порушим всю структуру управления планетой. А взамен что?

– Вы высказываете какие-то абсурдные мысли! Вы против того, чтобы уничтожить все болезни?– сердился Куратор – Хранитель науки.

– Не утрируйте! Это просто, как пример. Абсурд и безответственность, что из-за вашего открытия без работы останутся миллионы людей и сотни Хранителей! Распадётся целая отрасль экономики и бюджет потеряет треть дохода. И мы все, между прочим, потеряем существенную часть нашей прибыли. А у нас каждый денежный знак на счету!

– Вот – вот, добрались до самого главного! Вы в первую

очередь беспокоитесь о своих доходах на счету! А не о процветании человечества!

– Да как вы можете?!

Координатор позвонил в колокольчик. Все постепенно стихли. Он поднялся, глаза его встретились с глазами Главного Хранителя:

– А что думает по этому вопросу Главный Хранитель?

Повисла тишина. Все посмотрели на Главного Хранителя. Он был бледен. Достал из кармана платок и промокнул лоб, произнёс:

– Значит так. Я думаю, что нужно тщательно проанализировать сложившуюся ситуацию. Попрошу Куратора – Хранителя единого компьютерного центра смоделировать прогнозы с учётом внедрения открытия.

– Уже, – отозвался всклокоченный Куратор – Хранитель, – пока мы тут обсуждали ситуацию, я ввёл исходные параметры и получил прогнозируемую модель. Данные, конечно, очень и очень приблизительные, так сказать, вектор развития, но дают общую картину возможного прогнозируемого будущего.

Положительные моменты.

Снижение издержек населения на тридцать процентов.

Снижение издержек производства и услуг по различным отраслям от трети до половины.

В частном бизнесе снижение издержек частного бизнеса возможно до восьмидесяти процентов.

Закрытие корпораций энергетики приведёт к увеличению числа наёмных работников и росту предприятий частного бизнеса. Тут возможно фифти-фифти.

Из отрицательных.

В связи с закрытием трёх корпораций энергетики и взаимосвязанных с ними производств высвобождение более двадцати пяти миллионов Созидателей, около ста тысяч Творцов и почти двести Хранителей. И не факт, что все они смогут быстро найти работу.

Затраты на утилизацию или перепланировку предприятий корпораций энергетики может уйти до трёх миллиардов денежных единиц, при этом, может быть использовано, имеющееся имущество до одного миллиарда.

Затраты на внедрение нового вида энергии. Тут пока ничего сказать не смогу, нужны расчёты на основе новых данных.

Рост самоубийств среди тех, кто пополнит ряды неработающих Созидателей, возможен на тридцать процентов; алкоголизма и наркомании, уход в виртуальную жизнь соответственно на триста. Возможен некоторый рост преступности среди высвобождаемых работников.

У меня пока всё. Для более детального прогноза необходимы технические данные изобретения и время для расчётов.

– Сколько времени?

– Ну, – Куратор ЕКЦ почесал затылок, – не менее трёх

месяцев, с детальной проработкой полгода, с прогнозами – рекомендациями моделирования до года.

– Я прошу прощения, – послышался в установившейся тишине, уверенный чуть хрипловатый голос, – но хотел бы обратить ваше внимание на то, что возможны беспорядки, если общество узнает, что мы от них скрываем такое открытие. Многие могут не понять. Необходимо соблюдать секретность! – Куратор – Хранитель внутренних дел и Элизиума строго обвёл всех взглядом.

– Благодарю вас, – ответил ему Главный Хранитель. – Благодарю всех за высказанные мнения, – он поднялся с места. – Значит так, думаю, что выскажу общее мнение. Во-первых, я хочу сердечно поблагодарить Куратора – Хранителя образования и науки и в его лице всех учёных за их великий труд на благо Земли, за их грандиозное открытие.

Куратор – Хранитель образования и науки встал и, прижав руку к груди, поклонился.

– Во-вторых, это грандиозное открытие, – продолжил Главный Хранитель, – способно кардинально изменить нашу жизнь, и потому его внедрение требует тщательной проработки, анализа и планирования. Наша главная задача – хранить этот мир, соблюдать стабильность экономики и миропорядка, не подвергать людей стрессам, делая их жизнь максимально комфортной. На нас с вами огромная ответственность за устойчивость и процветание на планете Земля. В связи с этим, предлагаю, временно приостановить работы

над проектом по исследованию нового вида энергии. Всем материалам присвоить уровень высшей секретности и обеспечить их конфиденциальное хранение.

В третьих, Куратору – Хранителю ЕКЦЗ приступить к работе по моделированию внедрения данного открытия в нашу жизнь, обеспечив этим работам строгую секретность.

Со всех, кто в курсе данного проекта, взять подписку о неразглашении. В случае нарушения секретности или отказа, подвергнуть аресту и процедуре частичного стирания памяти. Ответственность за исполнение возложить на Куратора – Хранителя внутренних дел и Элизиума.

И наконец, Куратору-Хранителю религиозного согласия. – Главный Хранитель взглянул на пожилого седого мужчину в строгом чёрном костюме. – Надеюсь на всемерное содействие в сохранении мира и порядка в сердцах верующих землян. Это основная ваша задача в столь сложной ситуации, уважаемый Куратор.

Куратор религиозного согласия опустил глаза и склонил голову:

– Верующие люди бесконечно благодарны Хранителям за покой в их сердцах. Храмы Религиозного Согласия в элизиях открыты для всех и всегда. Каждый находит там поддержку его веры и тихое неприкосновенное место в отправлении религиозных обрядов, приближающих человека к божественному смирению и благодати.

– Хорошо, это радует, – ответил Главный Хранитель. –

Мы должны принять все меры, чтобы сохранить мир и порядок на Земле. Прошу проголосовать за данное решение, – Главный Хранитель сел.

Перед каждым из сидящих за длинным столом вспыхнул зелёный глаз результатов голосования. На мониторах высветилось: «ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО».

– Хранителя – Координатора прошу юридически оформить и проконтролировать исполнение решения. Заседание окончено. Все могут быть свободны, – подвёл итог Главный Хранитель.

Кураторы – Хранители покинули зал заседаний. Вслед за ними, хмуро взглянув на Главного Хранителя, вышел и Координатор.

Главный Хранитель откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза и глубоко вздохнул. Посидев несколько минут неподвижно, он вызвал начальника своей личной охраны – Чачота Ареса.

Тот явился почти мгновенно, как будто ждал вызова прямо под дверью.

– Здравствуй, Арес, – Главный Хранитель задумчиво смотрел на невысокого стройного человека, неопределённого возраста, на груди у которого сияла эмблема личной охраны Главного Хранителя: рука, в раскрытой ладони которой вращался земной шар. – Как дела с нашим учёным? Есть новости?

– Приветствую, Главный Хранитель, ваше задание выпол-

нено. Ситуация под контролем. Ведём наблюдение. Выясняем местонахождение материалов исследования. Есть свидетель ареста – мальчик, но он не опасен, отправлен к тётке в элизий.

– Почему к тётке? Что с родителями?

Начальник охраны замялся.

– Говорите!

– Произошла накладка.

– Что ещё за накладка, – Главный Хранитель поднялся.

– К сожалению, родители погибли в аварии, удалось выжить только мальчику.

– Как?! Я же приказал не уничтожать людей, никто не должен был пострадать! В крайнем случае, допускалось только создать ситуацию с аварией и госпитализацией для частичного щадящего стирания памяти. Как вы могли пойти на подобное?!

– Несчастный случай! Мы сделали все возможное, чтобы спасти их.

Главный Хранитель тяжело сел. Провёл ладонью по бледному лбу. Перевёл дыхание.

– Значит так. Лично проследите, чтобы у мальчика было все в порядке. Персонально ответите!

– Слушаюсь! – вытянулся Арес, – Разрешите доложить!

– Что ещё?

– Лучше бы его того, нейтрализовать. Родители погибли у него на глазах. Он видел наших сотрудников, – Арес замялся.

ся, – которые пытались помочь, но мог не так понять в шоке. У меня к этим частичным стираниям памяти...как бы нам не вырастить врага.

Главный Хранитель поморщился:

– Нет. Сделайте так, как я говорю. Все. Можете идти.

Арес, развернувшись по-военному, вышел.

У входа Арес столкнулся с Координатором и чуть заметно кивнул ему. Координатор-Хранитель улыбнулся краешком губ:

– Идите за мной, – и быстро направился в свой кабинет.

Арес, осмотревшись по сторонам, последовал за ним.

Когда за ними закрылась дверь кабинета, Координатор-Хранитель быстро спросил:

– Арес, вы уверены, что не осталось свидетелей ареста учёного? Мальчик или родители могли кому-то рассказать.

– Уверен. Мы подключились к браслетам и прослушивали все разговоры, от встречи мальчика с отцом в лесу и до аварии. О происшествии они говорили только между собой.

– Хорошо. Благодарю вас.

– Я выполняю свой долг. Обеспечиваю безопасность Главного Хранителя. Стирание памяти у Творцов пусть в одном проценте, но может вызвать нежелательный эффект воспоминания. Я должен обеспечить полную безопасность.

– Благодарю вас за отличную службу!

***

Главный Хранитель подошёл к дверям квартиры. В пра-

вом верхнем углу её вспыхнул и погас зелёный огонёк: датчик синхронизировался с его личным браслетом и дверь открылась.

В нос ударил тёплый, пряный аромат свежее испечённого хлеба и корицы – запах уюта и семейного благополучия. Во рту сразу стало сладко, и он наполнился слюной. Главный Хранитель вспомнил, что почти не ел сегодня.

– Тонь, я дома! – крикнул он, переобуываясь.

– Сейчас, Эги! Только руки ополосну!

Антонида вышла к нему через пару минут. Румяная, улыбающаяся, она радостно смотрела на него глазами цвета янтарного мёда. Чёрные волосы, чуть тронутые сединой, аккуратно спрятаны под белой косынкой, только лёгкий локон выбился из–под неё. Маленького роста, пухленькая, она едва доходила мужу до плеча. Антонида подошла и потянулась к нему поцелуем.

Главный Хранитель наклонился и поцеловал её в щёку.

– Опять булочки пекла? Врач же тебе запретил, есть булки.

– А я для тебя, Эги. Ты же их любишь. Хотела тебя порадовать, да и печь своими руками хлеб – это большое удовольствие для меня.

– Знаю.

– А ты, что такой бледный? Устал?

– Немного.

Антонида помогла ему снять пальто. Платяной шкаф услужливо распахнул дверцы. Две щётки быстро прошлись

сверху вниз и обратно, тёплая струя воздуха обсушила, плавно вращающуюся одежду, и пальто спряталось внутрь шкафа, дверцы которого закрылись.

– А Куки-то где? Опять завис в игрушке?

– Да, пусть его. Заодно подзарядится.

– Совсем ты его избаловала.

– Не ворчи, – Антонида слегка ткнула его кулачком в плечо. – Иди, умойся. Голодный? Я сейчас накрою в столовой.

– Не надо. Пойдём лучше на кухню. Славика нет? – Главный Хранитель взглянул на браслет. – Не вижу сигнала от него.

– Он в школе. У них там какой-то квест, и наставники поставили временную блокировку на территории школы, чтобы по браслетам не вычислили друг друга. Вчера пришло сообщение, я подписала разрешение на участие. Пусть играют, дети ещё.

Главный Хранитель недовольно повёл головой:

– Гориславу всего десять. Мало ли что, я это не одобряю.

Лицо Антониды вытянулось, ямочки на щеках пропали, и чуть заметная складка легла между бровей:

– Прости, Эги. Ты думаешь, это опасно?

– Ну, под присмотром наставников, надеюсь, что нет, но прошу тебя, больше таких разрешений не давать. Хорошо? Мало ли что.

– Хорошо. Если хочешь, я свяжусь со школой и скажу, чтобы отправили Славика домой?

– Не нужно. Во сколько там заканчивается?

– В восемь.

Главный Хранитель взглянул на браслет,

– Через час сам включится. Пойдём на кухню. Я здорово проголодался.

Насытившись, Главный Хранитель откинулся на трансиде.

– Как день прошёл? – Антонида сидела напротив, и, подперев щёку рукой, смотрела на мужа.

– Пойдём в сад? Что-то я устал сегодня.

Она кивнула, и они вышли из кухни, где во всю уже хозяйничал робот – домашний помощник Куки.

Главный Хранитель пошёл было к подъёмной платформе, но Антонида дёрнула его за руку и, смеясь, потащила к лестнице.

– Тонь, пятый этаж! – проворчал тот.

– Ничего Эги, ничего. Ты забыл, что тебе нужно больше двигаться?

Она легко коlobком покатилась по ступенькам вверх, увлекая его за собой. Они поднялись на пятый этаж. Оба запыхались, и, смеясь, передразнивая друг друга, отдувались.

Прохлада вечнозелёных деревьев приняла их. Тишину не прорывал ни один звук огромного мегаполиса, только слышалось щебетание птиц да журчание миниатюрных фонтанчиков, прятавшихся под склонившимися ветками. Миновав дверь в библиотеку, они прошли в центр зимнего сада, где

медленно вращался фонтан высотой в человеческий рост: рука, на раскрытой ладони которой лежала миниатюрная планета – Земля. Вода голубыми от подсветки всполохами поднималась вверх, обволакивала Землю, и искрясь, живой энергией, ниспадала вниз.

Они сели недалеко от фонтана под кроной миниатюрного баобаба. Главный Хранитель обнял Антониду, она положила голову на его плечо. Сидели тихо и неподвижно, прижавшись, друг к другу. Наконец, Антонида повернула к нему лицо и вопросительно взглянула.

Он сидел с закрытыми глазами, чуть нахмурившись, отчего густые чёрные сросшиеся брови, ещё без единого седого волоска, несмотря на недавно отмеченный шестьдесят седьмой день рождения, казались нависшими, и делали лицо угрюмым.

– Что-то случилось, Эги? У тебя раньше от меня не было секретов.

Главный Хранитель отпустил её плечи, устало потёр ладонями лицо.

– Случилось, Тонь. Значит так. Наши учёные сделали грандиозное открытие – новый вид дешёвой энергии, которая способна заменить все другие. Если её внедрить, то энергетика будет общедоступна и сэкономит миллиарды бюджетных средств, как домохозяйств, так и общепланетарные, – он испытующе смотрел на неё.

– Да ты что, Эги! Это просто здорово!

– Ну, да, здорово.

– Ты, вроде, как и не рад?

– Ну, почему я рад.

Антонида прижалась к нему:

– Ты помнишь, как в юности мы мечтали об этом? И всё сбывается. Это же большое счастье, когда все задуманное сбывается. Правда?

Главный Хранитель молчал.

– Ты счастлив?

– Да, всё сложилось, теперь главное всё удержать.

– Что удержать? – Антонида непонимающе посмотрела на мужа.

– Всё, Тонь, всё, – он поцеловал её в лоб и посмотрел на браслет. – Уже пять минут девятого, а сигнала от сына нет, – чуть встревоженно произнёс он.

Антонида встала и связалась со школой:

– Эрнест, добрый вечер. Да, это Антонида. Извините за беспокойство, я хотела бы узнать, когда закончится мероприятие? Как закончилось час назад? Вы же сообщали, что до восьми. Ну, это не важно. А где Горислав? Сигнала от него до сих пор нет. – Антонида побледнела. – Как ушёл час назад? Куда ушёл? До дома пятнадцать минут, где же он? – слабым голосом пролепетала она, оседая.

– Тонь, не переживай. Ну, что может случиться с мальчишкой в наше-то время, – муж бережно подхватил её, – заигрался, поди. Я сейчас позвоню Аресу, он его быстро домой

притащит.

Он вызвал Куки.

– Куки, проводи Антониду в гостиную. Тонь, иди, отдохни, я сейчас созвонюсь с Аресом и к тебе.

Как только они ушли, Главный Хранитель вызвал Ареса:

– Арес, у меня сын на связь не выходит, пропал с локации, я его не вижу. В последний раз его видели в школе около семи. Там проходил какой-то квест, и они отключали браслеты. Квест закончился час назад, тогда же Горислав ушёл. У меня к тебе три вопроса: первый, какого чёрта мой сын принимает участие в мероприятиях, где отключается его браслет? Второй, что в это время делает его охрана? И третий, где сейчас Горислав?

Начальник личной охраны Главного Хранителя пустился в объяснения, но был прерван:

– Значит так, Арес. Объясняться будем потом. Срочно найди сына. Чтобы не позднее чем, через полчаса он был дома. Понятно? Исполни.

Главный Хранитель отключился.

«Что ж это такое?! Случайность? Недоразумение? Покушение? – сердце тревожно билось. – Спокойно, Эгмунд, спокойно. Арес знает своё дело. Киднепинг в наши дни крайне редкое явление, а у Хранителей вообще небывалое. Что-то здесь не так».

Он спустился вниз.

***

Прошло два часа. Поиски не увенчались успехом: ни у друзей, ни у знакомых, ни где-либо в общественных местах мальчик не был обнаружен, несмотря на то, что поднятые по тревоге силы, как личной безопасности Главного Хранителя, так и полиции Элизиума, прочесали весь мегаполис.

И сейчас Главный Хранитель в кабинете выслушивал отчёт Ареса:

– Мы установили, что Горислав покинул школу в 19:00. Наставник лично проводил его к машине, и машина ушла на автопилоте. Мальчик был один. Больше его не видели.

– Как это не видели? Почему не видели? Если в машине установлен автопилот, значит, есть выход в интернет и машина должна прослеживаться в локации.

– Я просмотрел историю: машина прошла дистанцию от школы до парка Солнца и при повороте на параллельную магистраль, ведущую к его дому, пропала.

– Как пропала?! Куда пропала?!

– Пока непонятно.

– Что?! – взревел Главный Хранитель.

Он остановился перед Аресом. Лицо его пылало от гнева, на висках набухли вены.

– Ты соображаешь, что говоришь? – свистящим шёпотом проговорил он. – Ты понимаешь, что пропасть она могла только в одном случае, если кто-то отключил интернет.

– Да, я понимаю, мы прорабатываем похищение.

– Как это вообще возможно в наше время? И кому это

нужно?

– Эги, Эги! – дверь широко распахнулась, и Антонида вбежала в кабинет. – Скорее, скорее, там сигнал, вызов, тебя зовут!

– Успокойся, Тоня, что случилось? Кто зовёт? – Главный Хранитель шагнул к жене, взял её руки. Она вцепилась в него и, захлёбываясь слезами и словами, говорила:

– В гостиной, вызов на экране, требуют тебя.

– Похитители вышли на связь, – сказал Координатор, входя следом за Антонидой.

– Пошли, – Главный Хранитель быстро направился в гостиную.

«Требуют тебя. Требуют тебя, – билось в его голове. – Кто мог требовать ЕГО?!»

На экране монитора едва просматривался силуэт. По нему трудно было определить мужчина это или женщина. Изменённый металлический голос произнёс:

«Главный Хранитель! Вы переступили грань. Вы принесли человеческие жизни в жертву амбициям, личной власти. Вы должны ответить за содеянное зло. Мы – независимые учёные требуем немедленной свободы для арестованного учёного. Мы требуем вашей отставки, и начала подготовки к всеобщим выборам достойного правителя корпорации «Земля», который не висел бы мёртвым грузом на эволюции планеты. Даём вам сутки. В противном случае вы больше никогда не увидите сына».

Картинка экрана свернулась в точку и погасла.

Главный Хранитель повернулся к начальнику личной охраны:

– Что это такое?

Арес о чём-то переговаривался по браслету. Он поднял палец, прося минуту. Закончил разговор и подошёл к Главному Хранителю.

– Мы засекли место. Ещё десять минут, и ребята будут там.

– Где это?

– Торговые склады в коммерческой зоне. Бокс номер 1038.

– И что, ты думаешь, что все десять минут он будет там сидеть и ждать вас?

– Не беспокойтесь. Зона взята под контроль.

– Ты уверен, что ребёнок именно там?

– Сигнал шёл из машины Горислава.

– Как такое возможно? Доступ к интернету сына свободен?

– Нет, доступ был надёжно защищён.

– Арес, ты издеваешься? Как можно защиту интернета в подобной ситуации назвать надёжной?

– Но он действительно надёжно защищён. Доступ к нему мог быть только у избранных: у вас, Антонида, у тех, кому лично вы доверяете. – Он покосился на Координатора. – Ну, или, – Арес замялся.

– Или что? Говори уже!

– Или это какой-то гениальный учёный, который открыл новые, пока неизвестные нашему человечеству возможности получения доступа к современной интернет-связи.

– Хакер, что ли?

– Не думаю, чтобы обычному хакеру это было под силу.

– Пошли в кабинет.

Главный Хранитель повернулся к Антониде:

– Тонь, ну вот, видишь? – он погладил её по голове – Арес нашёл его. Теперь всё будет хорошо, – он зыркнул на Ареса.

Тот встрепенулся:

– Совершенно верно, Антонида. Вы можете быть спокойны, мы скоро привезём Горислава.

– Потерпи немножко, скоро сын будет с нами. Присядь, отдохни. Если что, сразу зови меня. Мы будем в кабинете.

Антонида устало кивнула.

– Куки, – Главный Хранитель бросил взгляд на работа-помощника, —будь рядом с Антонидой. – Сделал знак Координатору и Аресу следовать за ним, и вышел.

***

Все трое расположились в кабинете. Главный Хранитель и Арес за экраном монитора, следя за операцией по захвату похитителя.

– Значит так, Арес, постарайтесь взять машину под контроль.

– Работаем. Ещё пара минут, и ребята войдут в неё.

Координатор ходил по кабинету.

– Сядь, пожалуйста, Коллист, – сказал Главный Хранитель. – Не мельтеши.

– Я не понимаю! – вдруг взорвался молчавший до сих пор Координатор.

Главный Хранитель и Арес вздрогнули от неожиданности и посмотрели на него.

– Я не понимаю, как такое возможно! Похитить сына Главного Хранителя! Требовать смены власти. И кто? Какие-то учёные – лабораторные крысы, которые ничего, абсолютно ничего не сделали для общества. Сидят, сволочи, экспериментируют! Они вообще хоть понимают, какая это великая заслуга – объединить человечество?! И вот тебе благодарность!

– Успокойся, Коллист, я думаю, что этот человек с психическими отклонениями.

– Да, Эгмунд? А откуда он вообще узнал об аресте учёного? Это – заговор! Я уверен. Это – заговор с целью захвата власти. Необходимо вернуть закон о высшей мере наказания. Те, кто покушается на само государство, не достойны существовать в принципе, даже со стёртой памятью. Только их уничтожение, остановит эту заразу.

Главный Хранитель покосился на Координатора. Он сидел за столом и тихо постукивал пальцами с нетерпением, ожидая сигнала.

Тихий сигнал вызова на браслете Ареса прозвучал наба-

том. Все напряглись.

– Слушаю, – Арес включил громкую связь.

– Докладывает второй. Внедрение завершено успешно.

Мальчик изолирован на заднем сидении. Управление отключено. Двери заблокированы. Жду команду на захват.

– Что с ребёнком? Вы его видите? – громко произнёс

Главный Хранитель.

На том конце пару секунд помолчали. Потом пришёл ответ:

– Ребёнка вижу. Он лежит на заднем сидении. Похоже, спит. Отгорожен от похитителя стеклом – щитом.

Главный Хранитель перевёл дыхание:

– Хорошо. Что похититель?

– Похититель на переднем сидении, пытается наладить автоматику и разблокировать двери. Взрывчатых предметов не фиксируется.

– Ничего не предпринимайте. Контролируйте ситуацию и будьте готовы к захвату. Мы выезжаем.

– Значит так, – он повернулся к Аресу и Координатору, – быстро туда. Я лично приму участие в задержании.

– Я категорически возражаю, – Арес преградил дорогу Главному Хранителю.

– Твоего мнения я не спрашивал. Будешь на него иметь право, когда свою работу будешь делать нормально. У меня к тебе ещё будут вопросы. Я тебе сына доверил, а ты?

Арес поблелел и сжав зубы так, что желваки заходили на

скулах, отошёл в сторону. Главный Хранитель направился к выходу, за ним Арес и Координатор.

***

Маленький серебристо-серый электромобиль был окружён полицейскими. Главный Хранитель заглянул в машину. Сквозь затенённое лобовое стекло он увидел силуэт человека, ничком лежащего на руле. Заднее сидение не просматривалось.

Главный Хранитель подошёл к дверце и приказал её открыть. Арес оттеснил его от машины, прикрыв собой, подал сигнал. Двое полицейских подошли к дверце, стали по обе стороны от неё. Один из них поднёс кодировщик к запирающему устройству автомобиля, замок щёлкнул, дверца дрогнула и поползла вверх.

Полицейские взяли на прицел парализаторов неподвижно сидящего внутри человека. Один из них ткнул его дулом в бок:

– Выходи!

Человек поднял голову и начал неуклюже выбираться.

Главный Хранитель с удивлением разглядывал его, бледного, испуганно озирающегося, пока полицейские, подхватив его под руки, уводили в свою машину.

Арес забрался на переднее сидение и быстро набирал код на бортовом компьютере. Стекло-щит, отделяющее заднее сидение, бесшумно опустилось. Одно из передних сидений сложилось, давая доступ к ребёнку. Главный Хранитель бро-

сился к сыну. Наклонился над ним и прислушался к ровному дыханию, вглядываясь в его спокойное лицо. Облегчённо вздохнул и взял сына на руки.

– Почему он спит? – обратился он к Аресу, – Его усыпили?

Арес молчал.

– Срочно в больницу! – прижимая сына к груди, он сел позади, Арес – на переднее сидение.

– Через десять минут будем на месте, – Арес посмотрел в обзорное зеркало. Главный Хранитель, откинув чёрные волосы со лба сына, тихо гладил его по лицу.

– Болтаешь много.

Арес смутился. Машина тронулась.

***

Вернулся домой Главный Хранитель глубокой ночью. У порога его встретил Куки.

– Куки, как Тоня? Спит?

– Нет, ждёт вас в гостиной. Тоне плохо. Тоня плакала. Куки тоже плохо. Куки не может плакать, но Куки не хочет, чтобы Тоня плакала.

– Я тоже не хочу, Куки. Ничего, уже всё хорошо. Тоня больше не будет плакать. Никогда. Пойдём к Тоне, скажем, что всё хорошо.

Главный Хранитель устало поднялся с трансда, на котором он сидел, пока Куки его переобувал. Обычно он не позволял роботу этого делать, но сейчас, видя, как тот стремил-

ся помочь, разрешил.

Главный Хранитель направился в гостиную. Антонида сидела у стола, облокотившись на него и положив голову на руки.

– Тонь, – он тихо позвал её.

Она вздрогнула и резко выпрямилась. Повернула к нему измождённое постаревшее за ночь лицо. Безмолвный вопрос застыл в её глазах.

У Главного Хранителя защемило сердце, оно бухнулось и странно зашевелилось в груди.

– Тонь, ну, ты что? Мальчик жив и здоров. Я только из больницы.

При упоминании больницы глаза её тревожно распахнулись.

– Нет, нет! Просто на всякий случай. Для профилактики. Может шок. Врачи сказали надо пару дней, обследование там провести, понаблюдать. А так всё хорошо. Все жизненные показатели в норме. Похоже, он просто спал всё это время. Возможно, ничего и не помнит. Ну, ты что? Я ж тебе сообщил, чтобы ты не переживала.

Антонида, наконец, облегчённо вздохнула и чуть улыбнулась. Из глаз её вдруг брызнули слёзы.

– Ну, Тоня! Ну, что такое? Всё же хорошо.

– Да, да. Всё хорошо, – сквозь рыдания проговорила она. Он крепко прижал её к себе.

«Милая моя, никому никогда не позволю причинить тебе

боль! Я жизнь отдам за тебя и за сына. Я всё сделаю, чтобы у вас всегда было всё хорошо», – думал он, целуя её волосы.

***

Наступило тревожное утро.

Эгмунду и Антониде казалось, что беспокойная несчастная ночь продолжилась, лишь немного уступив свету нового дня, свету надежды на то, что всё образуется, и вернётся к той счастливой жизни, которая оборвалась так неожиданно.

Нежные и предупредительные друг с другом, они старались ни в чём не нарушать обычный распорядок дня, который им представлялся единственной опорой в рушившемся привычном мире.

Эгмунд направился в тренажёрный зал.

Антонида поднялась в сад полить цветы.

Но оба не могли сосредоточиться на обычных делах, мысленно ещё и ещё раз проживая прошедшую ночь.

***

Она поймала себя на том, что уже несколько минут стоит над своей любимой розой и поливает её. Расстроилась, что залила и позвала Куки.

– Куки, полей тут, только розы не надо.

– Хорошо, – сказал робот и, подхватив лейку, бодро двинулся к ёмкостям с отстоянной водой.

– Знаешь, ещё что? – остановила его Антонида, – включи потом автополив.

– Автополив? Вы уверены? Мы им не пользовались ещё

ни разу.

– Да, включи, пожалуй, – задумчиво произнесла она, направляясь к лестнице. – Мне надо к сыну в больницу, я там побуду с ним до выписки, а у тебя по дому и так дел достаточно.

– Хорошо, не беспокойтесь, – Куки принялся за работу.

***

Он, давая телу физическую нагрузку, всё чаще прислушивался к своему сердцу, которое впервые ощутил этой ночью. Прервав обычный подход к тренажёрам, он пошёл в бассейн, надеясь, что вода, медленные движения и размеренное дыхание успокоят сердце, которое временами начинало вдруг колотиться, как загнанное.

«Ничего страшного, просто последствие стресса. Немолодой уже», – печально подумал он.

На очередном круге он почувствовал сигнал – вибрацию браслета. Его вызывал Координатор. Отправив ему сигнал, что будет на связи через десять минут, Главный Хранитель подплыл к ступенькам и выбрался из бассейна. Прохладная морская вода успокоила его, смыв неприятности, успокоенное сердце притаилось.

Он соединился с Координатором в кабинете, предварительно позвонив в больницу сыну, удостовериться, что с ним всё хорошо.

– Здравствуй, Коллист. Что-то случилось?

– Случилось, Эгмунд. Тебе надо срочно приехать. Я дол-

жен сообщить тебе лично.

Тот взглянул на координаты Коллиста – тюрьма Элизиума.

– Через полчаса буду.

***

Он опоздал: пока отвёз жену в больницу к сыну; поговорил со Славиком, взял с него слово не капризничать, а кушать всё, что дают, и не увиливать от процедур; пока добрался до Башни Хранителей – прошёл почти час.

Башня Хранителей – командный пункт управления Земли – самое высокое здание в Элизиуме двести пятидесятью этажами возвышающееся над землёй. Но это не только самое высокий небоскрёб. Далеко вглубь под Башню уходили мрачные помещения, никогда не видевшие дневного света. Цокольный этаж занимала полиция Элизиума. На минус первом уровне разместились судейские, судебный зал заседаний – на минус втором, далее с минус третьего до минус десятого – уровни, принадлежащие отделам внутренних дел, и, наконец, с минус одиннадцатого и ниже никто толком не мог сказать, сколько уровней фактически уходит вниз. Там располагался изолятор, распределитель и, собственно, сама тюрьма с зонами проживания и обширными производственными территориями, уходившими далеко за пределы площади Башни, а возможно и за пределы Элизиума.

***

Главный Хранитель спустился до минус десятого уровня. Двери лифта открылись в полумрак узкого коридора. Едва он ступил на ядовито-зелёную дорожку искусственного ковра, ярко вспыхнул свет, чётко проявив коридор, с расположенными двумя дверями по обе его стороны и одной в торце, куда он и направился.

Подойдя, мельком взглянул на табличку «Куратор—Хранитель внутренних дел и Элизиума», по табличке голубым лучом пробежала волна сканирования личности, щёлкнул замок, дверь чуть дрогнула и медленно открылась, уезжая в стену.

Он вошёл в большой светлый кабинет. За массивным столом, спиной к огромному окну, настроенному на бирюзовое небо с медленно плывущими по нему лёгкими облаками, сидел Координатор. Рядом с ним, вытянувшись по стойке смирно, стоял Куратор—Хранитель внутренних дел и Элизиума.

Взглянув на вошедшего, Координатор вскочил и бросился к нему, потрясая какой-то бумагой. За ним поспешил и Куратор.

– Здравствуйте, – сказал Главный Хранитель, пожимая им руки.

– Эгмунд, ты только посмотри! Подтверждаются мои опасения. Это не просто открытый новый источник энергии, это биологическое оружие против нас!

Главный Хранитель поморщился.

«Какие у него неприятные усики, – подумал он, – Почему я раньше не замечал, как они уродливо шевелятся, когда он разговаривает».

– В чём дело, Коллист?

– Вот! Вот! – протягивая ему лист бумаги, горячился тот. – Это целая тайная организация, заговор учёных, поставивших своей целью захват власти и передел мира!

– Успокойся, Коллист, эдак тебя удар хватит, – Главный Хранитель подошёл к столу и, опустившись, на трансид, начал читать. Дочитав, он поднял глаза:

– Что за бред? Тайное общество учёных, ликвидация Хранителей. Чего они хотят-то и чем настоящий миропорядок их не устраивает? И кто это вообще написал?

– Это стенограмма допроса похитителя. Пока ещё не всё понятно, – ответил Координатор.

– Мы работаем, – подхватил Куратор.

Главный Хранитель тяжело вздохнул.

– Хорошо. Я лично хочу с ним поговорить. Проверить на скане мозга. Может он обыкновенный псих, а вы тут панику устроили. Психиатра пригласили? Отведите меня к арестованному и пригласите психиатра.

Координатор и Куратор переглянулись.

– Минуту, я свяжусь с начальником охраны тюрьмы, чтобы нас встретили, – проговорил Куратор.

Он вывел на браслете дисплей и набрал номер.

– Здравствуйте, – произнёс он, – Главный Хранитель лич-

но хочет увидеть и допросить арестованного Бреттона. Доставьте его в кабинет А. Да, и пригласите на сканирование психиатра. Сейчас, – Куратор взглянул на Главного Хранителя, тот кивнул, – немедленно, всё приготовьте и доложите. Сколько вам потребуется времени? Мы ждём сигнала.

– Просят пятнадцать минут на подготовку. Может, пока выпьете чего-нибудь?

Куратор подошёл к массивной картине с видом ночного Элизиума, висевшей слева от входа в кабинет. Нажал на правый нижний её край. Картина повернулась, открывая бар. Он достал коньяк, бокалы. Поставил на стол, где лежали фрукты в круглой вазе, стояла вода и соки в хрустальных графинчиках самых разных размеров. Разлил коньяк, и они выпили.

– Значит, говоришь, тайное общество учёных? – Главный Хранитель, прищурясь, взглянул на Координатора.

– Ты сам читал.

– Интересно. И зачем же, по-твоему, им нужно было похищать моего сына и так бездарно слиться? Раскрыть себя?

– Не понимаю. Может похититель – пешка и не знает организаторов? Просто хотели продемонстрировать свой протест?

– Какой протест? Какой протест?! Или ты считаешь, что арестованный Глеб Лунн тоже участник тайного общества? Как они могли узнать об его аресте? – Главный Хранитель взглянул на Куратора.

– Не могу знать, – побледнев, произнёс тот, – не может

быть у нас утечки информации. Это исключено.

– Не может быть, говоришь. Ну, ладно, пошли, посмотрим, что там.

Главный Хранитель поднялся и направился к двери.

– Подожди, Эгмунд, ещё не подготовились к допросу, не было сигнала.

Главный Хранитель усмехнулся:

– Пошли без сигнала.

Координатор чуть побледнел. Главный Хранитель внимательно на него взглянул и пошёл из кабинета.

Координатор и Куратор переглянулись и заспешили следом.

– Я пойду вперёд, потороплю! – Куратор обогнал их, и почти бегом припустился по коридору к лифту.

– Прыткий какой! Что это он?

– Хочет лучше подготовиться к встрече почётного гостя, не так часто ты посещаешь его территорию, – ухмыльнулся Координатор.

– Угу, ты, наверное, хочешь, чтобы я тут стал постоянльцем? – пристально глядя в глаза Координатору, произнёс Главный Хранитель.

Координатор вздрогнул:

– Ну и шуточки у тебя. Ты сегодня не в духе. Хотя я понимаю, последние события на всех нас повлияли негативно.

Главный Хранитель отвернулся и пошёл к лифту.

***

На минус тринадцатом этаже их никто не встретил. Из распахнутой в коридор двери доносились шум, возгласы, звуки беготни.

Главный Хранитель и Координатор посмотрели друг на друга.

– Что там у них? – спросил Главный Хранитель и направился к открытой двери. Координатор пожал плечами, следуя за ним.

– Здравствуйте, – произнёс Главный Хранитель, входя.

В кабинете мгновенно всё стихло. Куратор, стоящий в центре кабинета, обернулся. Лицо его было бледным. Капельки пота блестели на низком лбе. Прижимая руки к груди, он начал пятиться:

– Это невозможно! Я приму все меры! Виновные будут наказаны!

Он пятился до тех пор, пока не столкнулся со служащими, пытающимися спрятаться за его спиной.

– В чём дело? Что случилось? Докладывайте, не мямлите! – приказал Главный Хранитель.

– Это невозможно, но задержанный умер, – запинаясь, проговорил Куратор.

– Какой задержанный? – медленно и тихо произнёс Главный Хранитель, лицо его наливалось гневом.

– Ну, наш задержанный, похититель.

– Как?! – закричал Координатор, – Ты соображаешь, что говоришь?!

Главный Хранитель тронул его за плечо.

– Начальник охраны доложите, что здесь произошло, – обратился Главный Хранитель к коренастому немолодому мужчине с пышными усами, который стоял недалеко от Куратора.

Тот вытянулся и отрапортовал:

– При получении приказа на подготовку задержанного к допросу и сканированию мозга, я отдал распоряжения, и сам с конвоем направился в камеру задержанного, чтобы сопроводить его в кабинет А для допроса. В камере на постели мы обнаружили арестованного. На оклики он не отзывался. Подойдя ближе, я понял, что он мёртв. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Следственный осмотр, видеофиксация места происшествия и тела произведены в соответствии с требованиями. Тело отправлено в морг на экспертизу.

– Я хочу взглянуть на него, – сказал Главный Хранитель.

– Прощу, прощущу, – засуетился Куратор, показывая дорогу.

***

В холодной ярко освещённой прожекторской слабо пахло формалином, в самом дальнем углу от входа сидел совершенно лысый мужчина и разговаривал по браслету. Обернувшись на звук открывшейся двери, он быстро поднялся и шагнул навстречу. Главный Хранитель мельком взглянул на бейдж: «Винтуров Свирид. Творец-Медик. Служба Координатора», протянул ему для приветствия руку:

– Здравствуйте, Свирид. Где он?

Творец-Медик улыбаясь, пожал ему руку обеими руками, потом быстро подошёл к телу, лежащему в центре комнаты на столе:

– Хотите взглянуть? – спросил он, приподняв край белой ткани. Главный Хранитель кивнул.

Убедившись, что похититель мёртв и, приказав доставить результаты экспертизы ему лично, сразу же, как только они будут готовы, он поднялся к себе.

***

На душе Главного Хранителя было горько и мерзко.

«Что происходит? – думал он, – почему в чётко налаженном механизме огромной корпорации, работающем точно и спрогнозировано столько лет, вдруг произошёл сбой? Что мы сделали не так? Откуда эта ненависть? Я же всегда был за науку, всегда поддерживал учёных, мы были с ними на одной волне, у меня, как и у них, единственная цель – сделать жизнь землян стабильной, лишённой любых негативов, комфортной, современной. Что пошло не так? Откуда у Коллиста столько неприятия нового? Чего он боится? Потери дохода? С чего бы это? Он никогда не считал деньги ни свои, ни чужие, не трясся над ними. Или я ошибался в нём? Это просто нервы. Я расстроен и раздражён. Надо собраться с мыслями».

Он сидел в кабинете, вытянув ноги к огню искусственного камина и прикрыв глаза.

«Тайное общество учёных. Бред какой-то. В любом случае кто-то старается надавить на меня, пытается манипулировать, угрожая самому дорогому. Кто бы это ни был, безнаказанным он не останется! Я не прощусь!» – косточки пальцев на крепко сжатых кулаках побелели.

Сигнал на экране монитора оповестил о приходе почты. Подойдя к столу, Главный Хранитель увидел, что пришёл отчёт экспертизы. Быстро открыв письмо, он пробежал глазами длинные строчки с терминами и определениями. Внизу в разделе «Вывод» было указано: «Причина смерти – остановка сердца неясной этиологии. Организм практически здоров. Функциональных нарушений не выявлено».

«Странно. Практически здоров, и вдруг остановилось сердце. Почему? Воздействие со стороны? А если, правда, тайное общество учёных? – он стал быстро ходить по кабинету. – Если это правда, то я никому и никогда, никаким там обществам, не позволю отнять у меня то, что я создал и храню уже столько лет. Что они себе возомнили? Разве я когда выказывал пренебрежение учёным, их работе? Они захотели войны. Они получают её. Никому и никогда не позволено покушаться на моё. Жалкие теоретики! Замахнуться на мир, который создан мною и принадлежит мне! Они что думают, что я стар, оттого сентиментален, и мною можно крутить, как хочешь? Я докажу. Я покажу, кому принадлежит этот мир».

Он прошёл за рабочий стол. Нажал сигнал вызова секре-

таря. В ту же минуту дверь отворилась, и на пороге появилась симпатичная девушка – робот.

– Кира, сформируйте и зарегистрируйте Указ.

– Слушаю вас.

От сегодняшнего числа – 10 февраля 2234 года. Номер по порядку.

Указ «О запрете дестабилизирующей деятельности»:

«Я – Главный Хранитель Корпорации «Земля», руководствуясь единственной священной целью – охраной неизменности установленного миропорядка, с сегодняшнего дня и навечно,

ПОСТАНОВЛЯЮ

- Ввести запрет на деятельность в любой области, в том числе в научно-исследовательской, результат которой приводит / может привести к изменению существующего миропорядка в любом его аспекте.

•

Ввести лицензирование на все виды деятельности, результаты которой влияют / могут повлиять на существующий миропорядок. Правом выдачи лицензии наделяется Главный Хранитель корпорации «Земля».

•

Приостановить всю текущую деятельность по этим направлениям.

- Предоставить Кураторам в месячный срок работы для лицензирования по своим направлениям.

• Закрывать и архивировать все работы, не подтверждённые лицензиями в течение месяца со дня вступления в силу настоящего Указа.

• Присвоить уровень секретности «А» ко всем материалам, вышеуказанных направлений, сданных в архив.

• Нарушившие настоящий Указ, вне зависимости от их социального статуса и декларируемых целей, объявляются вне закона и подлежат аресту, суду и социализации вплоть до аннигиляции».

Кира, как сформируешь, пришли мне на подпись. Ступай. Да, и пригласи ко мне Координатора.

***

Координатор, вальяжно откинувшись, смотрел на Куратора энергетики, который стоял напротив его стола.

– Ну, что ж, уважаемый, Амин, я пригласил вас, чтобы сообщить нечто чрезвычайно важное, – выждав эффектную паузу, с удовольствием наблюдал, как бледнеет лицо Куратора, продолжал. – Главный Хранитель принял, наконец, решение по вопросу, столь живо вами обсуждаемому на последней коллегии.

Куратор достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

– Какое решение? – осипшим голосом спросил он.

– Да не переживайте вы так. Мы же с вами обо всём договорились, а я всегда держу своё слово.

Координатор быстро пробежал пальцам по нижней части

монитора, лежащей на столе. На браслете Куратора прозвучал сигнал оповещения. Он скосил глаза на браслет.

– Почитайте, почитайте. Надеюсь, утренняя почта вас порадует, – усмехнулся Координатор.

Вызвав виртуальный экран, Куратор принял почту и прочитал сообщение: «УКАЗ № 2378 – ГХ от 10 февраля 2234 года «О запрете дестабилизирующей научной деятельности». Внизу письма шла пометка: «В соответствии с Указом № 2378 – ГХ от 10 февраля 2234 года, дело Глеба Лунна об открытии фито-энергии закрыть, к материалам применить кодировку секретности уровня А, и сдать в архив. К Творцу-Учёными, открывшему фито-энергию, применить щадящие меры воздействия – корректировки памяти с сохранением профессиональных и человеческих качеств. Срок исполнения – сутки. Ответственный за исполнения – Куратор—Хранитель внутренних дел и Элизиума. Контроль возложить на Координатора Хранителей».

Куратор вскинул глаза на Координатора:

– Уважаемый, Коллист! Если бы вы только знали, как я вам благодарен, – он прижал руки к груди, – от всех нас, от миллионов энергетиков и их семей. Позвольте и мне выполнить своё обещание. Выразить нашу благодарность скромным даром, знаком почтения и уважения, – он, суетясь, стал что-то быстро набирать на экране браслета.

– Амин, ну что за церемонии. Это мой долг, моя работа, – протянул Координатор, с нетерпением поглядывая на

Куратора. Прошла томительная минута. Наконец, на экране монитора Координатора раздался сигнал оповещения. Коллист быстро открыл письмо и прочитал: «Выписка из реестра учёта недвижимости планеты Земля. На имя Ботов Коллист идентификационный номер ХМ23052166356 зарегистрировано право собственности на остров в Атлантическом океане с координатами ...».

Координатор довольно взглянул на Куратора:

– Право не стоило, – сказал он, потирая руки и улыбаясь.

Амин энергично потряс головой:

– Учитывая ту напряжённейшую и наиважнейшую работу, которой вы занимаетесь, не щадя себя, вам жизненно необходимо полноценно отдохнуть! И поверьте, нет ничего более восхитительного, чем несколько дней на этом острове. Поистине это рай на Земле со всеми удобствами, стилизованными под природный первобытный ландшафт. Идеально вышколенный персонал, при этом, заметьте, исключительно люди, – он многозначительно поднял вверх указательный палец. – А какой там пляж! Какой океан! Триста дней в году мягкое солнце, – абсолютно всё, что необходимо для того, чтобы расслабиться после напряжённой работы.

– Благодарю вас, Амин, за столь ценный подарок. Только когда я им воспользуюсь, – сложив пальцы домиком и подняв к потолку глаза, вздохнув, проговорил Координатор.

***

Солнце уже зашло, когда начальник личной охраны Глав-

ного Хранителя вошёл к нему в кабинет.

– Главный Хранитель, позвольте?

– Заходи, Арес, садись.

Арес молча сел.

– Видел заключение экспертизы?

– Видел. Экспертиза показала, что похититель был абсолютно здоровым человеком. Похоже на то, что сердце ему просто отключили.

– Кто?

– Тот, кому это было нужно.

Главный Хранитель вопросительно взглянул на Ареса.

– Отключил тот, кому это было выгодно. А по моим данным единственным выгодополучателем за последние дни стал Координатор.

Главный Хранитель откинулся на спинку трансда:

– Ты что подозреваешь Координатора? – свистящим шёпотом проговорил он.

– Я никого не подозреваю. Я констатирую, что сегодня Координатор получил выписку из реестра недвижимости Земли, в которой указано, что на его имя сделана дарственная. Ему подарен остров в Атлантическом океане. Правда, – Арес чуть помялся, – сделка фактически оформлена ещё месяц назад. Так указано в выписке, но чтобы это подтвердить и установить дарителя, мне необходима ваша санкция.

Главный Хранитель устало провёл рукой по лицу. Задумался. Потом произнёс:

– Ничего не надо. Я сам разберусь. Спасибо Арес, ступай.
Арес вышел.

«Остров. Что за остров? Почему остров? За какие такие заслуги? И кто мог подарить? Месяц назад, а, предположим, не месяц. Кому было выгодно... – крутились в голове слова Ареса.

Главный Хранитель вызвал Киру.

– Кира, пригласи ко мне Куратора энергетики. Сейчас.

Он вошёл в кабинет через пятнадцать минут. Поздоровался и остановился нерешительно у порога. Ни ответного приветствия, ни приглашения войти не было. Главный Хранитель молча смотрел на него. Куратору казалось, что острый взгляд холодных серых глаз видели его насквозь, видел все, что творилось в его душе, в его голове. Куратор съёжился, но не посмел отвести глаз. Несколько тягостных минут длилось молчание. Наконец, Главный Хранитель негромко произнёс:

– Сам расскажешь?

Эти два тихих слова подействовали на Куратора, как удар хлыста, он вздрогнул и рухнул на колени, бледное лицо его стало пунцовым, лоб покрыли капли пота:

– Главный Хранитель, простите! Я виноват! Я попросил Координатора помочь мне в деле Глеба Лунна. Но к похищению я не имею никакого отношения! И он тоже, я уверен! И в мыслях такого не было! – он с силой стукнул себя кулаком в грудь. – Как возможно!

Главный Хранитель неподвижно смотрел на него, только

непроизвольно дёргавшаяся правая щека, говорила о его душевном состоянии.

– И остров ему подарил, только в знак благодарности? И дату регистрации изменил тоже?

– Просто не хотелось пересудов, – прошептал Куратор, – а подарок да, от чистого сердца. Я виноват. Я готов понести наказание, но миллионы семей энергетиков, ради них, я ...

Повисла напряжённая тишина.

– Я вас отстраняю от работы. Под домашний арест. Идите. Вы меня очень разочаровали.

Куратор понуро вышел.

Главный Хранитель прикрыл глаза: «Коллист. Когда же он успел скурвиться? Мы же всё время вместе, я и не замечал за ним ничего такого. Как он мог? Втихаря давить. Как посмел использовать моё доверие. Мерзавец! Играть самым святым. Мой самый близкий друг, соратник. Сволочь продажная. Не прощу. Никому верить нельзя!»

Вызванный Арес явился через пять минут.

– Арес, – сказал Главный Хранитель после того, как начальник его охраны прошёл в кабинет и сел рядом у стола. – Арес, надо Координатору организовать отдых, – Главный Хранитель прикрыл глаза и помолчал.

– Он устал. Очень устал, – наконец, продолжил он, взглянув на Ареса, – настолько, что не в состоянии больше исполнять свои обязанности.

– Вы считаете, что он – организатор похищения?

– Теперь это уже неважно. Важно то, что он пытался мной манипулировать.

– Прикажете ликвидировать?

Главный Хранитель помолчал.

– Нет. Помня его выдающиеся заслуги, мы отправим его на заслуженный отдых. – Он усмехнулся. – На тот самый остров, который ему подарили. Климат там хороший, персонал вышколенный. Самое место для отдыха. Обеспечьте, чтобы он оттуда никогда не вернулся.

– Слушаюсь, – Арес поднялся. – Разрешите выполнять?

– Идите.

– Арес, – окликнул Главный Хранитель, когда тот уже подходил к двери. Арес обернулся.

– Изолируйте, лишите связи, но обеспечьте пожизненное содержание, чтоб ни в чём не нуждался. Под вашу ответственность.

– Слушаюсь.

Арес вышел.

Часть II «Элизий»

Глава «Праздник в Элизии»

Празднование Дня элизия «Сады Приуралья» готовилось с размахом. Все модельеры и портнихи были нарасхват, очереди к ним выросли многократно, и впервые за несколько последних лет подмастерья ценились почти также как и мастера. Каждой элизианке хотелось похвастаться оригинальным нарядом и сверкающими драгоценностями, а каждому элизианцу с показным равнодушием и усмешкой продемонстрировать обществу блистающую супругу и дочерей.

В семье Лебединского – именитого предпринимателя, владеющего «Хлебным Домом» элизия, с утра царила суматоха. Клавдия Егоровна – супруга Лебединского и мать Линды, была крайне недовольна работой портнихи, и тем, что их единственная дочь ещё даже и не решила, какое платье пошить к празднику. Линда же, с утра осаждаемая матушкой и портнихой с ворохом образцов тканей и фасонов праздничного наряда, к полудню так устала от них, что сбежала от домашней кутерьмы.

Она торопилась в школьный сад, где у старой берёзы они обычно встречались с Аном после занятий, и потом долго по очереди провожали друг друга, не спеша расстаться. Ещё

издалека девушка увидела, что никого нет. Замедлила шаг и тихо пошла, прислушиваясь к весеннему щебетанию птиц. Уходить не хотелось. Вот и их с Аном место. Линда погладила шершавый тёплый ствол и прислонилась к нему, подставив лицо солнцу, проглядывающему сквозь листву. Вскоре её внимание привлёк худенький остролицый паренёк похожий на чёрного галчонка, который вприпрыжку бежал по тропинке к школе.

– Ей, Робин, привет! – окликнула его Линда.

Он остановился и, увидев Линду, помахал.

– Чего ты тут? Ана ждёшь? – усмехнулся он, подходя.

– Вот ещё, – фыркнула Линда, – а ты что? Дела в школе?

– Да не, – улыбнулся Робин, – с Аном надо поговорить.

Мы тут в одно место собрались, а он, похоже, как обычно, в виртуале завис. Лан. Погоди, ща выдерну. Жди.

– Очень надо. Идите вы в это своё место, – Линда пожала плечами и отвернулась.

Робин засмеялся, озорно сверкнул глазами и побежал к школе.

***

Школа встретила Робина непривычной тишиной. Школьный сторож – робот Григорий, уперев руки в бока, загородил вход:

– Куда? Сегодня занятий нет.

– Мне можно. Я выпускник, мне надо на дополнительные занятия.

– Пароль?

– Григорий, какой пароль? Тебе делать нечего? У тебя же есть список доступа. Или ты перестал лица различать?

– Ничего не знаю, – проскрежетал Григорий, – должен быть секретный пароль.

Робин взглянул на столик, несколько потрёпанных книг стопкой лежали на нём.

– Библиотеку смени, – засмеялся он и, обойдя сторожа, побежал на второй этаж.

В полумраке класса он не сразу заметил фигуру друга. Ан в вирто-шлеме, не отрываясь, смотрел на экран монитора.

Робин набрал комбинацию цифр на миниатюрном пульте, поблёскивающим серой панелью на стене справа от двери: шторы поднялись, и солнце ворвалось в класс, его лучи весело запрыгали по стенам, потолку, партам, по Ану, неподвижно сидящему за компьютером.

Тот не обратил на это никакого внимания.

Робин подошёл к нему и заглянул через плечо. На чёрном фоне бескрайнего космоса рассыпалась горсть сверкающих планет, расходящихся и сходящихся каждая по своей орбите. Две планеты с обречённой неотвратимостью летели навстречу друг другу. Ещё минута и они столкнутся, взорвутся космической пылью. Ан быстро вводил параметры. Одна из планет чуть дрогнула, эллипс её орбиты едва заметно вытянулся, и этого оказалось достаточным, чтобы вторая планета прошла мимо. Ан перевёл дыхание и откинулся на спинку.

И только тут заметил Робина.

– О, Робин, ты чего тут?

– И это ты меня спрашиваешь? Забыл, о чем договаривались?

– Ах, да! – Ан хлопнул ладонью по лбу. – Меня же Линда ждёт! – И спохватившись, добавил: – Прости, дружище, давай к тебе как-нибудь в другой раз?

– Да? Так это ты с Линдой договаривался?

– Нет, но мы обычно в это время после школы... Хотя, может, сегодня она и не пришла.

– Пришла, пришла. Сейчас только видел её у вашей берёзы.

Ан торопливо поднялся.

– Не обижайся, Робин.

– Да я и не обижаюсь. Собственно, я и пришёл сказать, что сегодня ко мне нельзя, отец не в духе. Мама приглашает тебя на праздник к нам в гости. Придёшь?

– Отлично! Обязательно буду. А сейчас не сердись, мне надо.

– Надо, надо, – махнул рукой Робин, – иди уже, пока твоё «надо» не убежало. И как тебе удалось подцепить такую элитную девчонку? Чего только она в тебе, олухе, нашла, интересно? Сидит тут, в планетки играет, куда тебе за девчонками-то бегать.

Ан улыбнулся. Хлопнул друга по плечу, и быстрым шагом вышел из класса.

– Ну, точно, олух, даже комп не отключил, – проворчал Робин.

***

Ан увидел её издалека. Улыбнувшись, побежал. Последние несколько шагов тихо прокрался и прикрыл ладонями её глаза. Линда прижала его руки:

– Ан? – в голосе её звучала улыбка.

– Привет, Линда. Ты чего, мы же не договаривались сегодня.

– Да, так, воздухом подышать. У нас в доме невозможно находиться. Все как с ума посходили, только и говорят о празднике и нарядах.

– А ты уже сшила себе платье? – Ан, улыбаясь, провёл рукой по её тёмным мягким вьющимся волосам.

– Вот ещё, – фыркнула Линда, – очень надо. У меня этих платьев миллион. И вообще удобнее в комби.

Ан засмеялся:

– Не пустят тебя на праздник в комбезе.

– Да ладно тебе, надену какое-нибудь. Пошли в беседку!

И они, взявшись за руки, побежали в конец сада, туда, где среди высоких кустов жасмина спряталась беседка.

Запыхавшись, вбежали и плюхнулись на лавочку. Они сидели так близко, что, слышали бьющиеся сердца друг друга. Дыхание Ана шевелило прядь её волос. Губы его коснулись щеки, которая вспыхнув, зарделась. Линда повернулась к нему. Темно-фиолетовые васильки её глаз затягивали

в космическую бездну зрачков. У Ана закружилась голова и, не помня себя, он припал к её губам, которые с трепетом откликнулись на призыв.

Время остановилось для них, а когда они снова стали замечать его бег, солнце клонилось к закату. Голова Линды покоилась на его плече.

– Скоро испытание и ты уедешь, – прошептала Линда.

– Ещё неизвестно, может быть, я не выдержу, и останусь здесь, с тобой.

– Все ты выдержишь. И уедешь в Университет. А я останусь одна.

– Ты можешь тоже попробовать, и тогда мы уедем вместе.

– Ты же знаешь, что это невозможно! – Линда в сердцах оттолкнула его от себя. – Я единственный ребёнок в семье. По закону я должна продолжить дело своего отца. Да и отец об этом мечтает.

– А сама-то ты как?

Линда задумалась, опустив голову.

– А я хочу быть с тобой. Всегда-всегда. Я люблю тебя! – наконец чуть слышно произнесла она. Положила ему руки на плечи и горячо зашептала на ухо: – Ведь мы будем вместе? Правда? Ты любишь меня? Ты хочешь, чтобы мы были вместе? Всегда? Всю жизнь?

– Очень! Очень люблю тебя, единственная, любимая, – Ан, дрожа, целовал её глаза, лицо, волосы, – Я всё сделаю, чтобы мы были вместе всегда-всегда. Всю жизнь!

Линда уткнулась ему в грудь. Он гладил её волосы, лёгкой волной струившиеся почти до его колен.

– А как твои? Не будут против?

– Что ты! Они такие добрые и любят меня, а значит, полюбят и тебя, – улыбнулась Линда. – Тебе надо познакомиться с ними, – она сказала, вскочив.

– Прямо сейчас?

– А что? Ещё не поздно. Хотя...Лучше завтра на празднике. Сейчас у нас дома ералаш, да и меня, наверное, ищут. Надо возвращаться.

– Пойдём, я провожу тебя.

***

В доме Линды суета к концу дня заметно поутихла. Хозяева притомились, а Арсений – старый добрый робот даже заискрился от постоянного бегания по этажам с различными поручениями домочадцев, и был отправлен на профилактику.

Клавдия Егоровна – дородная высокая женщина сорока пяти лет, стояла в гостиной у огромного во весь рост зеркала и с досадой разглядывала своё отражение. Портниха так и не смогла угодить клиентке. Поправляя струящийся шёлк платья, Клавдия Егоровна в сердцах чуть слышно ругалась: «Вот криворукая, надо у неё лицензию отобрать, ведь просила же не делать складки на груди! Мне теперь и выйти-то в нём неудобно. Ну, куда такая огромная грудь. Я и так, как великанша».

Внезапно дверь распахнулась и в комнату, вбежал мальчик лет пяти в синих штанишках и в белой в синюю полоску кофте. Следом за ним – девочка лет четырнадцати. Её длинные светлые волосы разметались по спине. Она догнала мальчика, схватила за плечи и с силой пнула под зад. Он заорал, а девочка принялась что есть силы трясти его за плечи, приговаривая:

– Будешь знать! Будешь знать!

Наконец, с рёвом ребёнок вырвался и спрятался за спину женщины.

– Что такое! Что происходит?! Опомнись, Сима, оставь его!

– Он испортил моё праздничное платье!

– Я не портил! Я поиграть с тобой хотел!

– Кто так играет, идиот?! Ты толкнул меня под руку! Это из-за тебя я пролила кофе прямо на платье! Тётя, вы только посмотрите, – почти плача, она приподняла подол, на ярко-синем шёлке которого, чёрной каракатицей темнело большое пятно, щупальцами стекая к подолу.

Клавдия Егоровна всплеснула руками, в ужасе представляя, что на покупку наряда пошли все годовые накопления семьи:

– Артус, как ты посмел толкать Симу? А ты, Сима, тоже хороша: пить кофе в новом платье! О чем ты думала?! Что я скажу твоей маме?!

– Я так устала, – начала оправдываться девочка, – сначала

у портнихи два часа мерили, потом дома показывала, теперь тут. Так захотелось кофе, хоть один глоточек. Кто знал, что этот придурок ворвётся в комнату!

Сима попыталось схватить Аргуса за вихор, но мальчик вывернулся и кинулся из комнаты.

– Ну, ладно, не переживай, сейчас попробуем все исправить. Фика! Фика! – Горничная появилась почти сразу. – Фика, возьмите, пожалуйста, у Симы платье, она случайно пролила на него кофе, и посмотрите, что можно сделать. Только сделай сама, пожалуйста, роботам не доверяй! Тут нужна особая осторожность. Я очень на вас надеюсь!

– Не беспокойтесь, Клавдия Егоровна. Симочка, пойдёте, я вам помогу. Не переживайте, сейчас все исправим.

Не успела Клавдия Егоровна снова повернуться к зеркалу, как на её браслете вспыхнула надпись: «Линда дома». Женщина, подхватив подол, быстрыми шагами направилась в прихожую.

– Линда! Ну, наконец-то, ты куда пропала? Уже почти всё готово, только ты осталась!

Линда быстро подошла к матери и обняла её, вдыхая аромат сладкой свежести.

– Ну, что ты, Линда! Осторожнее, платье помнёшь! – Чуть отодвинулась от дочери Клавдия Егоровна, лицо её зарделось от радости неожиданной нежности дочери. От внимательного взгляда матери не ускользнуло смущённо-счастливое лицо дочери.

– Что-то случилось? Ты вся светишься.

– Мам, ты знаешь, я, кажется, влюбилась, – наклонившись к самому уху матери, прошептала Линда.

Клавдия Егоровна, опешила, потом сделала несколько шагов к стулу и села.

– Влюбилась? Тебе же только восемнадцать лет! В кого? Я его знаю? Конечно, знаю, я всех в элизии знаю.

– В Ана, – потупившись, чуть слышно произнесла Линда.

Клавдия Егоровна задумалась:

– В какого Ана? Андо Альдениса – племянника Коровиных?

– Угу.

– Да ты с ума сошла! – Прижав руки к груди, воскликнула Клавдия Егоровна, и тут же оглянулась проверить, не слышал ли кто, и шёпотом продолжила: – Он же из серых! Как он мог тебя привлечь? В их семье нет ни своего дела, ни приличного заработка. У них даже своего дома нет, снимают квартиру в многоэтажке! И где ты собираешься с ним жить? Его дядя простой наёмный рабочий, который не в состоянии содержать дом и семью, его жена вынуждена работать. И где? В нашей же булочной, на нашу семью! Разве ты – единственный ребёнок хлебного магната, наследница «Хлебного Дома», который кормит весь элизий, ровня ему?!

Она замолчала, с негодованием смотря на дочь.

– Мама, ну что ты, – Линде, наконец, удалось вставить слово, – Ан очень хороший, добрый, а какой умный! Он луч-

ший ученик в школе, и учителя говорят, что после выпускного испытания его переведут в Творцы. Он будет учиться в Университете. Он так меня любит! После окончания школы, мы поженимся, мы уже решили.

– Замечательно! Ну, просто замечательно! – всплеснула руками Клавдия Егоровна. – Они уже решили! И как ты представляешь себе жизнь с ним, он в клане Творцов, ты в клане Созидателей. Он-то сможет переезжать куда захочет, и когда захочет, а ты? Ты – Созидатель и должна жить только на одном месте, в элизии. Будешь всю жизнь ждать, когда твой муж соизволит тебя навестить?

– Ну, почему... Творцы могут жениться на Созидателях, а после свадьбы смогу переехать к нему, вести дом.

– Куда переехать? Как переехать?! А наше семейное дело на кого ты собираешься оставить?! Горе-то какое! – прижав ладони к щекам, она покачала головой. – Что скажет отец?! Это убьёт его!

– Мама, я пригласила Ана к нам завтра на праздник. Хочу представить его отцу. Ты же не против? – Линда обняла мать, которая выпучив глаза, как рыба хватала ртом воздух не в состоянии от возмущения произнести ни слова.

Всю ночь девушка почти не сомкнула глаз.

***

Ан был счастлив. Никогда ещё у него на душе не было так хорошо. Он вернулся домой к вечеру. Семья его тёти занимала двухуровневую квартиру на предпоследнем этаже вы-

сотного дома. Открыв дверь, Ан уже с порога услышал шум и оживлённый разговор, доносившийся из гостиной, и хотел незаметно пробраться к себе наверх, но аромат тётушкиного рагу из кролика с овощами, так аппетитно доносился из кухни, что он передумал и двинулся туда.

На столе в углублении, поддерживающем оптимальную температуру, стояла большая белая фаянсовая кастрюля. Рядом – тарелка и столовые приборы. Ан открыл крышку, сглотнул. Спеша, помыл руки и положил себе полную тарелку рагу.

«Как же хорошо, что тётушка любит готовить. С покупной не сравнить. Вкуснятина», – думал Ан, уплетая за обе щеки. Поев, он ополоснул тарелку и незаметно пробрался к себе.

В комнате царил полумрак, но он не зажигая свет, сел в своё любимое кресло у панорамного окна. Ему нравилось смотреть на элизий. Ещё маленьким мальчиком он любил всматриваться вдаль, вспоминать о том, как жил с родителями, как они были счастливы вместе. Первое время он не мог без слёз думать об этом, но постепенно боль затихла. Она не ушла совсем, а только свернулась змеиным клубком и спряталась в глубине сознания. Часто во сне память выползала и жалила его. Ему снился один и тот же сон: он едет в машине с родителями, они весело смеются, вон там за поворот их ждёт что-то необыкновенно-счастливое. Вдруг вспышка. Молния? Но грома не слышно. Ан сидит на снегу и смотрит на машину, которая стоит в нескольких метрах от него.

За стеклом мама и отец, радостные, машут ему, зовут к себе. Запоздавший гром сотрясает землю. Всё погружается во тьму. Ан старается рассмотреть хоть что-то, пытается встать, но силы оставляют его. Из тьмы прямо на него надвигаются чьи-то ноги, останавливаются совсем близко. Ан всматривается, его взгляд скользит по ногам вверх, но вместо тела он видит над собой клубящийся огонь, жаркие языки пытаются дотянуться до него, поглотить, сжечь, жарко лижут лицо. Ан кричит и просыпается в поту с бешено колотящимся сердцем. Этот сон снится ему уже много лет.

Последствие травмы от аварии, как объяснили его родным, беспокоенным его ночными кошмарами. Предлагали лечить, ещё тогда в детстве, но тётушка вдруг воспротивилась и не дала корректировать его психику, сказала, что пусть Ан сам решит, когда вырастет, нужна ли ему коррекция или нет. Ан же не хотел отказываться от этого сна, от тех нескольких счастливых минут, когда он видел радостные лица родителей и чувствовал их живыми. Счастье и страх так переплелись в нём, что уничтожить одно нельзя, не уничтожив другое. Сон не просто дарил ему радость встречи и страх гибели, он подарил ему мечту – узнать что там, за поворотом, куда они так стремились во сне.

Ан любил сидеть в этом кресле и представлять что там, за голубой дымкой. Он знал, что только став Творцом, сможет заглянуть туда, где ему откроется мир, а ещё он сможет заняться тем, что ему по душе – программированием, но для

этого нужно пройти выпускное испытание. Что будет, если он не пройдёт его, останется здесь навсегда? Ан не представлял себе, что он тут может делать, где работать. Единый компьютерный центр Земли, работа с искусственным интеллектом – вот единственная достойная цель, ради которой стоило жить. Иначе, зачем вообще всё?

Линда... Он улыбнулся, ему было хорошо с ней. С Линдой он забывал обо всём, упиваясь новым чувством, которое потрясло его до глубины души. Он прикрыл глаза, вспоминая щекочущее прикосновение лёгких волос, трепет тёплых губ, призыв упругой девичьей груди, которые наполняли силой его тело и бешеной радостью сердце. Но смогут ли они быть вместе? Остаться здесь с ней навсегда? Это невозможно, как невозможно жить не дыша. Он должен уехать, он должен увидеть, что там... А Линда? Они обязательно будут вместе. Он возьмёт её с собой, уговорит уехать, но это потом, а сейчас главное – вырваться на свободу – перейти в клан Творцов. Он должен взять себя в руки и справиться с неуверенностью, который охватывал его каждый раз при мысли о неудаче на испытании.

Чтобы отвлечься, Ан стал рассматривать в окно центральную площадь. Несмотря на вечер, там кипела работа: подготовка к завтрашнему празднованию шла полным ходом. Садовники устанавливали большие вазоны с цветами вокруг мемориального комплекса, посвящённого Хранителям. Мемориальный комплекс, обнесённый низкой в полтора метра

стеной, утопал в цветах: белые, алые, жёлтые, фиолетовые – гордость селекционеров элизия, радовали глаз и благоухали всё лето и осень. Но сейчас май только начинал по-настоящему пригревать землю, и не полностью расцветшие растения, дополняли цветами в горшках и кашпо.

Вдоль стены с внешней её стороны стояли ажурные скамейки с тёплыми сидениями. Жители элизия любили в выходной или вечерами гулять на площади, сидеть на скамейках, любоваться полуметровыми фонтанчиками, расположенными между ними. Журчание воды сливалось с тихими звуками музыки, создавая особую атмосферу покоя. У Ана и Линды тоже был свой фонтанчик. Вон там, почти в самом углу комплекса, они любили сидеть и слушать его серебряный перезвон. Даже теперь прикрыв глаза, и вспоминая Линду, её образ звучал хрустальной мелодией, переливом воды и музыки.

Солнце садилось, и Ан смотрел, как фонтаны один за другим начали подсвечиваться, каждый своим цветом: всеми цветами радуги заискрились брызги воды.

Он взглядом обвёл площадь, скользнул по рядам яблонь, высаженных вокруг площади в шахматном порядке. Сквозь их строй разбегались широкие пешеходные дорожки со своими скамейками и фонарями, с киосками, где можно было купить еду, напитки, фрукты, мороженое или игрушки.

Напротив мемориального комплекса, который занимал всю северную часть площади, находилась большая сцена, на

которой в праздничные дни произносили речи почтенные граждане элизия – председатель общественного совета и главы крупнейших семей, входившие в совет. Тут обнародовались, тем самым вступая в законную силу, местные законы.

А между мемориалом и сценой раскинулась огромная площадь, покрытая серым мрамором, на которой элизианцы любили танцевать под звуки духового оркестра, или любоваться фейерверками в дни торжеств. Зимой же площадь превращалась в каток.

Справа от сцены разноцветными переливами огней зазывала игровая площадка с аттракционами для детей и взрослых, которые тоже не прочь были поразвлечься. Слева гостеприимно распахнуло двери уютное кафе, заманивая посетителей ароматами свежеспечённой выпечки и корицы. Стекло-бетонные стены его уже были опущены, и с наружной стороны, выставлены вазоны с цветами и композициями миниатюрных деревьев.

Вплотную к центральной площади подходил огромный жилой массив – небоскрёбы, в которых Хранители через своего уполномоченного в элизии, Хранителя-наблюдателя, сдавали в долгосрочную аренду квартиры. Оригинальные группы многоэтажек разных форм, то расступающиеся, давая место детским зонам и спортивным комплексам, театрам и арт-площадкам, магазинам, уютным кафе и ресторанчикам, то группирующиеся в сложные архитектурные узоры, уходили вдаль до деловой зоны, которая опоясала его плот-

НЫМ КОЛЬЦОМ.

Офисные центры и предприятия; почта и банк; университет и всевозможные учебные центры; крупнейшие магазины промышленных товаров с терминалами Хранителей-производителей; отделения полиции; больницы, пожарные и экстренные службы – словом всё, что необходимо мегаполису, и что давало работу его жителям сосредоточилось в деловой зоне.

А дальше прозрачная гигантская труба трассы, опоясывала элизий, соединяя магистраль с четырьмя разбегающимися автодорогами. Отсюда Ан их не видел. Он мог только угадывать под чётким и прямым зелёным линиям леса замаскированные дорожные зоны. Ан проследил взглядом по одной из таких дорог, которая терялась в бескрайних полях фермерских хозяйств, когда-нибудь он умчится по одной из этих дорог туда, в своё будущее, в свою мечту.

***

На следующий день Ан проснулся рано. После вчерашней суматохи дом ещё спал.

Ан встал, сунул ноги в тапочки и пошёл на кухню. Налил в кружку воды, подошёл к окну: солнце уже показалось из-за соседнего дома и играло бликами на стёклах. Бледно-синее небо с чуть заметной лёгкой рябью полупрозрачных облаков обещало хорошую погоду.

– Доброе утро! Уже проснулся?

Ан обернулся.

На кухню в разноцветном халате без рукавов, с распущенными рыжими вьющимися волосами, ниспадающими ниже талии, вошла Сандра – единственный ребёнок тёти. Хотя ей уже исполнилось двадцать лет, хрупкий облик и широко распахнутые синие глаза делали её значительно моложе.

– Угу. Привет. Ты как?

– Нормально, – Сандра тоже налила себе воды.

– Ревела что ли? Чего глаза красные?

– Чёрт! Да всё из-за дурацкого платья. Не хватило три тысячи доплатить портнихе. Как мне это все надоело! Работаю, как каторжная, за кассой почти сутками, а зарплата – копейки.

– Как же выкрутишься? Или от платья отказалась?

– Ещё чего! И вообще, не твоё дело!

– Одолжила у хозяина? Он бы тебе не отказал, видно, что влюблён, – улыбнулся Ан.

– Не суй свой нос не в свои дела! Навязался на нашу шею! – Сандра резко выплеснула остатки воды из стакана в раковину и со стуком поставила его на стол.

Ан опешил, никогда раньше Сандра не разговаривала с ним так.

– Извини, не хотел, чтобы у вас были из-за меня расходы.

– Лан, проехали, прости. Чего это я... – Сандра провела ладонью по глазам, откидывая прядь волос, упавшую на лицо, – ты тут совершенно не причём. Да потом за тебя ещё школьное пособие перепадает. Забудь. Я просто расстроена.

– Ну, а как с платьем-то?

– Да, нормально с платьем, говорю же. Сейчас приведу себя в порядок, и все будет отлично! – Сандра выдавила из себя улыбку. – Не забудь, сегодня идём на праздник, а к шести у нас гости. Обязательно будь дома, – перевела она разговор.

– Ладно, – Ан включил чайник.

– На площадь пойдёшь? – спросила его Сандра, усаживаясь за стол, спиной к двери.

– Наверное, – Ан обернулся к ней.

– Говорят, будет обращение самого Главного Хранителя ну, или кого-то там из Хранителей. Все ждут изменений.

– Каких изменений?

– Ну, не знаю, – Сандра задумчиво провела рукой по столешнице, смахивая не существующие крошки, – поговаривают, что Хранители обеспокоены, что много становится лишних в элизии. Конкуренции нет. Пара – тройка семей разбогатела, и подмяла под себя всё.

– Дело сейчас невозможно открыть?

– Да открыть-то можно, кто тебе помешает? А вот только покупателей к себе и не жди. Они всех к себе переманили.

– Ну, так надо сделать товар качественнее, чем у них или такой, какого нет ещё в продаже.

– Умный какой! – всплеснула руками Сандра, – а они будут этот товар продавать в несколько раз ниже себестоимости и количеством тебя забьют. Нет, не зря всё идут работать по найму, ну, или живут только на пособие, – Сандра пока-

чала головой, – но разве это жизнь? На пособие-то? Жить в бараках, знать, что ты лишний. Брр, – передёрнула она плечами.

– Сандра, а ты что, сама хотела бы открыть дело? – Ан удивлённо смотрел на неё.

– Да не во мне дело, – досадливо поморщилась она, – я, может, и нет, но знаю тех, кто пытался, но не смог. – Она подпёрла рукой щёку. – А я вон хотела бы пойти работать журналистом в нашу газету, и что? Сижу целыми днями за кассой.

– А что ты сидишь? Уволься и иди в журналисты.

– Ты совсем дурачок что ли? – фыркнула Сандра. – Вам что профориентацию не преподают?

– Почему? Преподают.

– Ну. И что ты не знаешь, как человек выбирает работу?

– Знаю, конечно, после выпускного испытания и итогового тестирования каждый получает рекомендации по его наклонностям, характеру и способностям и перечень профессий, где можно себя максимально проявить, где нужны работники с такими качествами.

– Молодец. Пять. Что ж тогда задаёшь идиотские вопросы? Вот мне и дали рекомендацию работать кассиром / продавцом / менеджером. Я и работаю, кто ж меня без рекомендации на другую работу-то возьмёт?

Они помолчали.

– Я одного только не могу понять, – тихо произнесла она,

склонив голову, – неужели все мои способности к этому сводятся? Вроде бы была не плохой ученицей. – И шёпотом добавила: – Может правду говорят, что элитные семьи покупают себе работников?

Раздался оглушительный хлопок и вскрик Сандры.

– Ты чего такое говоришь?! – позади неё с побелевшим лицом стояла неслышно подошедшая мать – Зинаида Фёдоровна.

Сандра тёрла затылок, куда приложилась мать и исподлобья смотрела на неё.

– Ты что тут мелешь? – подбоченясь, Зинаида Фёдоровна надвигалась на дочь. – Ты что, захотела последовать за Гришкой – косильщиком или за Эльзой – художницей?

Сандра поднялась из-за стола и попятилась от матери, прикрывая лицо рукой:

– Нет, мама, ты не так поняла, мы просто так разговариваем. Я ничего такого не имела в виду.

– Смотри у меня, не погляжу, что ты вымахала двадцатилетняя дылда, выпорю! Быстро приведи себя в порядок. И помалкивай, пока вместо праздника не заперла тебя дома.

Сандра боком прошмыгнула мимо матери и скрылась в ванной.

Зинаида Фёдоровна обернулась к оробевшему племяннику.

– А вы чем тут занимаетесь, молодой человек? Вам делать нечего?

Ан улыбнулся, подошёл к тёте и обнял её:

– С добрым утром, тётушка.

– Ничего себе, доброе, – чуть смягчившись, продолжала она ворчать. – Занятий сегодня нет, сейчас позавтракаем, и давай сходи-ка в магазин, надо заказать продукты к вечеру. Список я тебе попозже дам. Хорошо?

– Хорошо. Может, я лучше закажу через холодильник?

– Никаких холодильников! Знаю я их доставку, так и норовят спихнуть залежалый товар. Отправляйся сам, и проверь все внимательно и сертификаты не забудь посмотреть!

– Ладно, тётушка, не волнуйтесь. Я все сделаю.

– Ну, вот и хорошо, – Зинаида Федоровна вздохнула.

Ан хотел уже пойти к себе, но на пороге кухни обернулся:

– Тётушка, а что это за люди, о которых вы говорили Сандре?

Он видел рисунки Эльзы, их тайно показывали школьники друг другу. Странные это были рисунки.

Зинаида Фёдоровна молчала, спина её напряглась, она не оборачивалась.

– Забудь, – наконец, произнесла она, – о них нельзя говорить. Они преступники, и их забрали Хранители.

– Преступники? – поразился Ан, – Как же может быть преступницей художница? Она что стащила что-нибудь?

– Причём тут стащила? Не стащила. Они преступники, потому что не захотели жить по правилам. Жили сами по себе, и самое главное, они стали тоже вот высказывать недо-

вольство. Если каждый будет жить сам по себе и отрицать порядки, то мир разрушится.

– Но разве хотеть работать в другом месте и приносить пользу элизию – преступление?

– Преступление! Преступление перед гармонией и стабильностью! У каждого человека своё место в жизни! Оно дано человеку не просто так! А по его способностям и характеру. Его место там, где он будет полезен обществу больше всего. Ты понял?

– Понял.

– Ну, и ступай себе. Больше, чтоб я у нас в доме таких разговоров не слышала! Через полчаса завтрак будет готов. Позавтракаешь, тогда уж в магазин сходишь.

Ан ушёл.

Зинаида Фёдоровна помыв, нарезала овощи для салата, и, забывшись, чуть сгорбившись, грузно нависла над столом. Упала солёная капля. Зинаида Фёдоровна отложила нож, подошла к раковине и включила воду:

– «Милая моя Сандручка, что ж теперь будет? – тихо причитала она, слёзы катились по щекам, – проклятый Эдгар!».

Звонок в прихожей прервал её мысли.

Она улыбась и прислушалась.

– Зинаида Фёдоровна, ты где? Иди сюда, тут какое-то письмо принесли! – донёсся до неё возглас мужа.

***

Бледная Сандра лежала на кровати поверх одеяла и смот-

рела немигающими глазами в потолок.

Рядом на стуле висело великолепное атласное платье: белоснежное с нежно-голубыми вставками-полосами, переливающимися необычным узором. Платье без рукавов, но длинное, Сандре до щиколоток, с глубоким декольте на груди и спине. Под стулом стояли голубые, под цвет переливам платья, туфли – лодочки на невысоком каблуке.

Но Сандра не хотела на него смотреть, не хотела никуда идти. Зинаида Фёдоровна тихо постучала и приоткрыла дверь в её комнату:

– Можно к тебе?

Сандра ничего не ответила.

Зинаида Фёдоровна вошла и остановилась рядом с её постелью. Немного постояла и присела на краешек. Ласково погладила дочь по голове, как маленькую девочку, и, нагнувшись, поцеловала в щеку.

Лицо Сандры скривилось, губы сжались, она села и крепко обняла мать, прижалась к ней всем телом, забилась в плаче.

По лицу Зинаиды Фёдоровны тоже катились слёзы.

– Солнышко моё, что ж ты мне вчера ничего не сказала? А я-то думаю, что-то Эдгар тебя вчера сам с работы привёз, да ещё и вместе с платьем. Вот как чувствовала!

Сандра в ответ прятала лицо на её груди.

– Ну, что ты так убиваешься? Всё обойдётся. Вот, смотри, сейчас от него письмо принесли с предложением. Предлагает

заключить брачное соглашение. Тебе уже двадцать и, правда, замуж пора. – Зинаида Фёдоровна гладила дочь по спине и тихо шептала ей на ухо: – А он из самой влиятельной семьи – из «Хлебного Дома». И дело своё имеет. Ты сможешь не работать, а сидеть дома и детьми заниматься. Ну и что, что он вдовец и ему уже шестьдесят три? Он в принципе неплохой человек.

Сандра отстранилась от неё:

– Неплохой человек?! Да что ты такое говоришь, мама? Он же изнасиловал меня! Вчера вечером, когда поздравлял всех с праздником, мы чуть-чуть выпили, а он что-то подмешал мне в вино. Все смеялся, что я напилась, а я только полбокала и выпила, а рукой-ногой пошевелить не могла! Обещал отвести меня домой, а сам воспользовался, когда все разошлись! Разве хороший человек на такое способен?!

– Ну, прости его. Он – мужчина, давно один живёт, да и свихнулся на тебе совсем. Ты же сама говорила, что он ухаживает за тобой, намекает. Ну, что же теперь делать? Идти Хранителям жаловаться? Они направят жалобу в Общественную палату, а он сам входит в эту палату. Да что он, его семья там занимает почти половину мест! Только опозоримся. Ведь следов-то сопротивления нет.

– А след какой-то гадости, которую он влил в вино?

– О чем ты говоришь! Я уверена, что следов этого давно уже нет. А вот следы алкоголя остались, и получится, что ты пьяная переспала с хозяином за новое платье.

Сандра вскинулась:

– Я его ненавижу! И платьё это ненавижу! И не надену никогда! Убери его! Брось ему в морду! Разорви! Сожги!

– Успокойся! – мать прижала рыдающую дочь к себе. – Мы не можем с ним ссориться. И ты, и я, и папа работаем на него. Если уволит нас, куда мы пойдём? Никто не берет на работу тех, кого увольняют, ты же знаешь! Эти места льготные, только для элизианцев. На наше место быстро поставят роботов. Каждый цепляется за свою работу. И куда мы тогда пойдём? Из квартиры в центре в барак? Жить на одно пособие? Считать себя лишними, изгоями, никому не нужными и выкинутыми из города? Подумай, доченька! Ты полежи, отдохни, а потом вставай, покушай. А в три мы пойдём на праздник. И ты наденешь новое платьё. И подойдёшь к нему, поздороваешься, и будешь улыбаться! И пригласишь его к нам сегодня на вечеринку. Ты поняла? – Зинаида Фёдоровна отодвинула от себя дочь, за подбородок подняла голову и строго посмотрела в глаза, – Ты поняла?

– Поняла.

– Вот и умница. – Зинаида Фёдоровна поцеловала её в висок. – Через полчаса жду тебя в столовой, – Зинаида Фёдоровна тяжело поднялась и, ссутулившись, вышла из комнаты. Казалось, что за сегодняшнее утро она постарела.

Сандра обессилено опустилась на постель.

***

Площадь встречала музыкой, ароматами цветов и жен-

ских духов, многоголосием весёлой толпы, прогуливающейся в ожидании начала торжества.

Ровно в три часа дня с боем курантов ратуши под барабанную дробь и торжественный марш местного духового оркестра на центральной дорожке, ведущей от Дома Общественной Палаты к сцене центральной площади, показалось шествие.

Впереди выступал, взмахивая в такт музыке жезлом, открывающий, за ним – знаменосцы с флагами элизия «Сады Приуралья» и Элизиума. Следом шествовал судья элизия – невысокий лысый человек, который с видимым усилием торжественно нёс в руках огромную алого бархата книгу, на которой золотыми буквами было написано: «Свод законов элизия «Сады Приуралья».

За ним шли трое в праздничных одеждах: в центре – высокая стройная женщина с коротко стриженными волосами – Куратор-Хранитель элизий, справа и слева от неё – двое мужчин: председатель общественной палаты и Хранитель-Наблюдатель элизия. Замыкала шествие группа из десяти человек – представителей самых знатных и влиятельных семей.

Процессия торжественно прошла по центральной дорожке парка, по площади, и поднялась по ступенькам на сцену.

Судья положил книгу на специальное возвышение и отошёл, встав рядом с процессией. Чуть впереди прямо за «Сводом законов элизия» стояла Куратор-Хранитель элизий, а позади неё полукругом остальные.

Воцарилась напряжённая тишина.

– Уважаемые жители элизия «Сады Приуралья»! – голос Куратора-Хранителя элизий многократно усиленный слышался в каждом отдалённом уголке площади, – от лица Хранителей Земли поздравляю вас с сорокалетней годовщиной вашего славного элизия! Исторически ваш город более древний, но все мы с вами предпочитаем отсчёт времени по новейшей истории, с начала нашей эры, эры единого сообщества. Хранители Земли глубоко уважают каждого жителя, чей труд, да и сама жизнь посвящены процветанию элизия, а вместе с ним, процветанию нашей планеты Земля. Вы знаете, что только совместным трудом и общими усилиями мы в столь непростое время, время ограниченных ресурсов, смогли мобилизоваться и построить идеальный мир, не побоюсь этого слова, Рай на Земле. Мы добились того, о чем человечество мечтало столетиями: у нас нет бедных, которым нечего было бы надеть, и негде было бы жить; у нас нет голодающих; нет смертельных болезней, которые раньше выкашивали целые города и поселения; нет войн. У нас всеобщее бесплатное образование для детей, и каждый имеет не только право, но и возможность работать там, к чему у него есть склонности и способности, каждый имеет право открыть своё дело. И этого мы добились вместе, общими усилиями. Хранители неустанно следят за незыблемостью миропорядка, который установлен нашими законами, – Куратор положила руку на свод законов. – Сегодня, в этот празд-

ничный для всех нас день, Хранители хотят выразить свою искреннюю признательность всем жителям, чьими стараниями живёт и развивается город. Мне выпала почётная миссия отметить лучших из лучших, и наградить их орденом «За заслуги перед Человечеством».

Раздались аплодисменты. Процедура награждения проходила довольно долго, сопровождаемая выступлениями с ответным словом. Ордена получили все, кто находился в свите: главы семей, владеющие супермаркетами и фирмой «Хлебный Дом», и крупнейшая семья фермеров, и . . . , впрочем, ни одна из влиятельных семей элизия не осталась без внимания и награды.

После награждения взял слово председатель общественной палаты – глава семьи «Хлебного Дома».

– Жители славного элизия «Сады Приуралья»! Сорок лет мы вместе создаём новую жизнь. Благодаря покровительству Хранителей, наш элизий процветает. Люди счастливы и деятельны. Каждый старается внести свой посильный вклад в общее дело. Вот и теперь, мне выпала большая честь огласить волю нашего благотворителя, который своим примером показывает, что может достичь трудолюбивый и талантливый человек. Семья «Текстильное дело» выразила желание вновь внести свой вклад в процветание «Сады Приуралья», а именно со следующего месяца – с первого июня роботы, которые используется на лёгком труде на конвейерах в бизнесе этой семьи, будут сознательно упразднены. Все кто сейчас по

каким-то причинам не работает, но хочет получить работу, получают её и, наконец, смогут ощутить себя полноценными жителями. Давайте поблагодарим эту легендарную семью! – Председатель общественной палаты зааплодировал. К нему присоединился Куратор и свита. Люди молчали.

– От себя хочу добавить, что семья «Хлебный Дом» присоединяется к такому благому делу.

На площадь раздалась хлопки, и скоро она наполнилась овациями, в которых потонули выкрики недовольных.

Внезапно тысячи огней праздничных фейерверков осветили небо. Один из них начертил разноцветными огнями огромные буквы: «БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ!». Они зависли над площадью, переливаясь и постепенно тая.

Ан смотрел на рассыпающиеся буквы, слушал восторженные возгласы горожан, и почему-то вспомнил Эльзу – художницу. На её картинах не было ярких красок и фигур, с полотен смотрел серые безжизненные лица людей у станка, за кассой, за рулём комбайна. Серые лица печальных людей.

«Счастье... Что такое счастье? – думал Ан, глядя на гаснущие огоньки. – Счастье вот такое лёгкое, зыбкое, феерическое, на мгновенье принимающее изумительную форму, несущую пронзительную радость и тут же разлетающуюся, рассыпающуюся ни во что, от которого остаются только отдельные яркие вспышки – воспоминания иллюзорной радости? Может ли счастье быть реальным? Работа на конвейерах – счастье для тех, кто дал такую работу другому челове-

ку. Счастье от осознания своей значимости, великодушия, от того, что помог кому-то, чтобы другой человек перестал ощущать себя изгоем, живущим на подачку – пособие? Счастье такого человека в ощущении себя благодетелем? А для того, кто получил эту работу? Будет ли это счастьем? Будет ли счастьем осознание того, что ты такой же достойный горожанин, как и другие, что каждый день ходишь на работу и делаешь что-то нужное, получаешь за это деньги, а значит, можешь позволить себе всё, что они дают? Счастье ли в этом? Счастье ли стоять у конвейера по шесть – восемь часов из дня в день, из месяца в месяц, из года в год, механически, как робот, повторяя одну и ту же операцию?» – Ана передёрнуло. – «Для меня это было бы большим несчастьем. Тогда почему все так радуются? В чем суть благотворительности? К чему эти все овации, аплодисменты?».

Гулкий удар по голове мгновенно выбил из неё все мудрствования. От неожиданности Ан чуть присел и резко обернулся. Рядом, улыбаясь, стоял Робин. В руках он держал огромный скрученный надувной шар в форме улитки. Тум, и шар снова опустился на голову Ана. Он разозлился и попытался дать Робину пинка, от которого тот увернулся, и, ловко дотянувшись до головы Ана, снова приложился к ней: тум, тум.

– Прекрати, – сказал Ан, – себе постучи!

– А мне-то зачем? – смеялся Робин, – Это у меня, что ли такое идиотско-мечтательное выражение? Поделись, о чем

так проникновенно мечтал? А может быть о ком? – Робин подмигнул Ану.

Ан снова попробовал дотянуться до него, но Робин ловко уворачивался, хохоча, пока на них не зашикали. Тогда Робин схватил Ана за руку и потащил в сторону палаток.

– Пошли, я тебе кое-что покажу, – подвёл его к одной из них, где продавались горячие пончики, обсыпанные сахарной пудрой и кокосовой стружкой. Ан кивнул, они купили по паре пончиков, и довольные пошли по краю площади, жуя на ходу.

Робин затих, внимательно рассматривая толпу, будто искал кого-то.

Ан покосился на него.

– Слышал? Объявили о новых рабочих вакансиях, быть может, кто-то из твоих сможет устроиться.

Робин сплюнул:

– Неа, это вряд ли, отца не возьмут с одной рукой даже на лёгкую работу, а мама не захочет оставлять его одного надолго.

– А брат?

– Марат-то? Ну, этот тем более. Он мечтает о художке. Сейчас все грезит конкурсом. Говорит, победителю дадут направление на учёбу. Совсем чокнулся на своих рисунках, – Робин доел пончик. – Вообще-то он так ничего себе рисует, придёшь к нам, глянешь. Кстати, – Робин тревожно осматривался, – сегодня должны сказать результаты конкурса. Он

ещё с утра ушёл к меценату, что конкурс спонсирует, узнать что там, и что-то до сих пор нет.

Робин продолжал шарить глазами по толпе, выискивая брата.

– Может уж дома? – предположил Ан.

– Может, – Робин ударил Ана по плечу: – Пошли к нам. Ты собирался заглянуть. Сегодня мать пироги печёт, свои фирменные, с сухофруктами. Мои ждут тебя в гости.

– Спасибо, Роб, только меня Линда к пяти звала. Хотела познакомить с родителями.

– Упс. У вас уже до знакомства с родителями дошло? – засмеялся Робин, – Поздравляю.

– Да брось, ты. Просто в гости.

– Ну да, ну да. Лан, не переживай, до пяти ещё час, успеешь.

– Ну, пошли.

Ан взглянул на браслет: 16:03. В этот момент пискнул сигнал полученного сообщения, и, раскрыв экран, он прочитал:

«В пять будь на нашем месте. Линда».

Он отправил Линде подтверждение. Поискал её взглядом в толпе и вдруг увидел, стоящей рядом с высокой дородной женщиной, она смотрела на него. Ан хотел было подойти, но женщина, видимо, мама Линды, наклонилась к ней, что-то шепча, и он постеснялся. Махнув девушке, он пошёл догонять Робина.

***

На остановке рядом с площадью народу было мало.

– Как будем добираться? – прищурился левый глаз, спросил Робин.

– Как обычно на электробусе? Или как ты добираться до дома?

– Ну, можно, и как обычно, а можно вызвать мой персональный аэробус, – Робин горделиво выпятил грудь. – Вот скажи, у тебя когда-нибудь был персональный аэробус?

– Откуда? – пожал плечами Ан. – Я на общественном.

– Вот, – подняв указательный палец, констатировал Робин, – это только лишний раз подтверждает твою посредственность, по сравнению с моей гениальностью!

Ан рассмеялся.

– Ладно, давай, гений, вызывай своё летающее корыто.

– Ага! Ты ещё и жалкий завистник! – проговорил Робин, поднося браслет к миниатюрному пульту, расположенному в глубине стеклянного куба остановки справа от серебристой ленты сидений для ожидания. На пульте Робину подмигнули зелёный глазок индикатора, принявшего вызов, а на браслете высветилось: прибытие аэробуса в течение десяти минут.

– Садись, – хлопнул он по сидению, – чуток подождать надо.

Ребята сели. В открытую дверь соседней секции остановки они видели, как входили люди и быстро пропадали из глаз, спускаясь по широкому бесшумному эскалатору под землю в метро, или поднимались на поверхность и раство-

рялись в толпе гуляющих.

Пару раз около них останавливался электробус, забирая пассажиров. Наконец, над входом в соседнюю секцию загорелась надпись «Внимание! Проход закрывается через 02:00 минуты». На табличке начался отсчёт: «01:59», «01:58»...

В небе показался аэробус. Через минуту пол в соседнем отсеке остановки закрылся, а ровно в то время, когда на табло высветилось «00:00» дверь секции метро, выпустив последних пассажиров, закрылась, створки потолка разъехались в стороны, пропуская аэробус, который приземлился в центр соседней секции. Ещё через минуту на табло загорелась надпись «Робин Смелов. Благодатное», и дверь открылась.

Робин толкнул Ана в бок, и они поднялись.

– Почему «Благодатное»? – тихо спросил Ан.

– А какое? Бараки? – хохотнул Робин, – Халявное, потому и благодатное.

***

Дверь школьного аэробуса закрылась, и через минуту он взмыл в небо. Ан впервые летел. Он прильнул к иллюминатору. Первым его желанием было заглянуть туда, за горизонт. Рассмотреть, что там в той таинственной неизвестности. Конечно, в школе они изучали географию Земли, виртуально путешествовали по другим элизиям и даже несколько раз побывали в Элизиуме. Они знали о крупнейших производственных комбинатах в тайге и в пустынях, о научных

комплексах на крайнем севере и на океанских островах, в степях и высоко в горах. Да что там знали, каждый, у кого был интернет, а он был у всех, мог беспрепятственно путешествовать в любой точке Земли. Виртуал был настолько реальным, что давал стопроцентный эффект присутствия. Туристический бизнес процветал. Свои отпуска жители Земли могли проводить в любой точке планеты и в любых условиях, не выезжая из своего элизия, ссылки на бесплатные туристические буклеты всплывали на каждом сайте, где пользователь не запрещал рекламу, ограничить желания людей мог только их кошелёк. Для осуществления мечты достаточно было заключить договор с туристическим агентством, и снять домик в одном из множества небольших туристических комплексов, расположенных в деловой зоне элизия.

Да, Ан всё это знал, у него даже были друзья в других элизиях, с которыми он познакомился на олимпиадах и теперь часто общался в Сети. Но всё это было не то. Ан мечтал сам увидеть всё, и сам всё почувствовать. Однако дальше зоны барачков и огромной лесопарковой зоны, которая начиналась сразу за барачками, он ничего не увидел.

Зона барачков – особый мир со своими магазинами и парикмахерскими, кинотеатрами и поликлиниками, в общем, со всем необходимым, что требуется человеку для скромной, но достойной жизни, которую могли себе позволить безработные, жившие на одно пособие. Их многоквартирные двух – четырёх этажные дома каменным поясом охватывали эли-

зий, утопая в зелени.

Зона барачков – это мир лишних людей, как презрительно называли их жители элизия. Место проживания тех, кто по каким-то причинам не мог или не хотел работать, довольствуясь жизнью на ежемесячное пособие. Они были нежелательными гостями, и для посещения центра им требовалось разрешение, которое нужно было получать по интернету за сутки, и на которое требовалась причина, а потому редко кто покидал пределы барачков, да и то, если только по необходимости. Лишь детям разрешался беспрепятственный проход в город и выделялся специальный школьный автобус.

Ан не признавал различий между людьми и не считал жителей барачков лишними, но почему-то всегда испытывал чувство неловкости, даже вины, когда думал о родных Робина, и о тех, кто жил в бараках. Вот и теперь он с тревогой ожидал знакомства с родителями Робина.

***

Школьный автобус высадил их на небольшой ровной площадке недалеко от дома Робина.

– Пошли, – Робин привычно спрыгнул и, кивнув Ану, быстрым шагом направился к распахнутому настежь подъезду двухэтажного здания, который разухабисто встречал их визгом частушек, доносившихся из открытого окна второго этажа. Ан, поднял голову и смотрел, как колыхалась от ветра тюлевая занавеска, зазывая.

Робин, стоя у подъезда, окликнул его. Потом взглянул на

открытое окно:

– Соседи уже празднуют.

Подходя к Робину, Ан провёл рукой по тёплой жёлтой стене:

– Дерево? – удивлённо спросил.

– Экология, – насмешливо поднял вверх указательный палец, ответил Робин.

В подъезде царил полумрак. Только проём двери освещал широкую лестницу со щербатыми ступенями. Под лестницей кто-то завозился.

– Фроська, опять тискаешься, смотри! Я ревную! – громко сказал Робин. Под лестницей захихикали, и выглянула толстая физиономия:

– А Роб, ты? Привет! Чего не на празднике?

– Чего я там не видел.

– А это кто с тобой?

– А тебе что? Друг.

– Да не, я так, – физиономия спряталась.

– Смотри, девку не забрюхать, «так», мала она ещё, обжиматься под лестницей.

– Да, не, мы так, балуемся, не по-серьёзному, – из-под лестницы донеслись смешки и повизгивание.

Ан покраснел и подёргал друга за рукав, спеша уйти. Робин, взглянул на него и засмеялся. Ан ткнул его локтем в бок. Тот охнул, и дал ему подзатыльник. Так смеясь и толкаясь, они вошли в квартиру.

– Вы что, не закрываетесь?

– А чего днём закрываться-то, ночью вон на крюк запираем, – Робин кивнул на большой почти полуметровый металлический крюк, висевший рядом с дверью на стене.

Длинный коридор с жёлто-бежевым линолеумом и стенами цвета свежей мяты освещал мягкий свет, который лился сквозь матовые узорчатые стёкла дверей, три из которых были расположены слева и две – справа.

– Проходи. Наша – последняя.

Ан остановился, разглядывая распростёртые полыхающие огнём крылья феникса, изображённого на стекле.

– Брат?

– Угу.

Дверь открылась, и на пороге показалась маленькая кругленькая женщина. Чёрные волосы её были аккуратно собраны на затылке в большой пучок. На неё был фартук, а в руках большая кастрюля.

Увидев их, женщина улыбнулась, ямочки заиграли на её щеках. Светло-карие глаза ласково сузились.

– Привет, ма, – Робин, чмокнул её в щеку, – вот, знакомься это Ан. А это моя мама – Елизавета Макаровна.

– Ах, какие вы молодцы, что пришли! Здравствуйте, Ан. Проходите, проходите! Я сейчас, только пирожки в духовку поставлю, да горяченьких принесу! Отец, встречай гостя! Я на минуточку! – крикнула она вглубь комнаты, пропустила их вперёд и быстро пошла на кухню.

Они вошли в маленький коридорчик. Из открытой двери комнаты вышел высокий сутулый мужчина. В левой руке он держал сигарету.

– Ааа, вот ты какой Ан, – мужчина маленькими бусинами карих глаз рассматривал его.

– Ан, это мой батя.

– Гаврила Петрович, – представился мужчина, затянувшись сигаретой. – Руки, уж извини, не подаю, – он кивнул на правую руку, висевшую безжизненной плетью.

– Здравствуйте, – смутился Ан, с трудом отводя взгляд от протеза. Он не думал, что это так поразит его. Правда, до этого никогда не встречался с инвалидами.

– Ну, проходите, чего тут стоять, – он посторонился, пропуская ребят вперёд.

Ан вошёл в большую светлую комнату и огляделся. Его поразила чистота и старомодность её. В центре стоял стол, по белоснежной скатерти, которого бегали солнечные блики от до блеска вымытого окна. Над столом низко нависала большая люстра – абажур, расписанная странными разноцветными узорами. Они, переплетаясь, притягивали взгляд, скользивший по завиткам от краёв в центр, в глубину цвета.

– Марат расписал, – заметив взгляд Ана, с гордостью произнёс Робин.

Древняя мебель гордо выставляла напоказ свои начищенные до блеска бока. Фарфоровые статуэтки всевозможных размеров и форм, заботливо расставленные на многочислен-

ных кружевных салфетках, приглашали полюбоваться ими. Со стены над комодом на Ана смотрел портрет: молодой мужчина обнимал за плечи юную девушку. Она, чуть склонив к нему голову, улыбалась. Такая радость была в их глазах, что Ан невольно засмотрелся.

– Ну, садись, что ли Ан, – Гаврила Петрович придвинул стул, на который был надет чехол из светлой ткани. Потом взглянул на портрет, улыбнулся:

– Маратка нарисовал. Он мастак бумагу пачкать, – в голове слышалась гордость за старшего сына.

Ан присел на краешек стула.

– Ну, вы что, с праздника? Как там? Что нового слышно?

– Да, ничего такого. Всё как обычно, – Робин открыл дверь в соседнюю комнату, заглянул туда и вернулся. Тоже сел за стол.

– Да! «Хлебный Дом» и «Текстильщики» решили заменить роботов на безработных.

Гаврило Петрович усмехнулся:

– Благодетельствуют, значит. Похоже, роботы у них не выдерживают нагрузки, а покупать новых накладно. Ну, что ж, может, кто и позарится.

Он загасил сигарету, бросил окурочек в пепельницу и провёл ладонью по скатерти, разглаживая несуществующие складки. Тяжело вздохнул.

– Бать, а что Марат не приходил?

– Нет, не приходил. А что ему приходиться-то? С художни-

ками своими сейчас затешется куда-нить. Праздник всё-таки. А может, на площади?

– Неа, на площади его не видел.

– Ну, значит, где-то гуляет. Конкурс вон закончили. Отмечают, поди. Пусть себе, а то сидит безвылазно дома, малюет. Может, девчонку себе хоть найдёт.

Потом слегка хлопнул по столу, и весело спросил:

– Ну, а вы то, что, Творцы, к испытанию готовы?

– А то! – усмехнулся Робин.

Мать, вошедшая в комнату, услышала слова отца:

– Мы так гордимся тобой, сыночка.

– Угу, гордимся, – хмыкнул в усы отец.

Она поставила на подставку широкую низкую кастрюлю под белым полотенцем, и стала быстро накрывать к чаю:

– Мы очень рады, что Робин дружит с вами. Вы – хороший мальчик, серьёзный. И семья у вас достойная, у нас все знают и уважают Коровиных. Мы ещё вашу маму знали, сердечная была девушка, – она вздохнула – Очень мы с отцом надеемся, что вы с Робинком поедете учиться вместе. Присмотрите там за ним, уж такой он легкомысленный у нас ещё, – она горестно покачала головой.

– Легкомысленный, – передразнил отец, и припечатал – шалопутный. Я даже не поверил, когда письмо-запрос из школы пришло с просьбой дать согласие на перевод его в Творцы в случае успешного испытания.

Ан весело смотрел на Робина, лицо которого от смущения

пошло красными пятнами.

– Хватит уже, а?

– Вы не беспокойтесь, я, конечно, присмотрю за ним, – улыбаясь произнёс Ан, и тут же почувствовал, как Робин пнул его под столом.

Потом они пили чай с фирменными пирогами Елизаветы Макаровны. Объевшись, довольный и сытый Ан слушал тихий разговор. Ему было уютно и хорошо, словно он тут уже давно и всех знает, и все знают и любят его.

Отчаянный вопль выбил из рук Елизаветы Макаровны чашку, которая разлетелась вдребезги.

– Господи ты, боже мой! – воскликнула она, прижав руки к груди.

Гаврила Петрович плюнул:

– Начинается!

Наверху над комнатой послышался топот, грохот, отчаянный визг.

– Убью, сука! – надрывался мужской голос.

– Помогите! Помогите! – кричала женщина.

Ан остолбенел. Робин, доедая пирожок, поднялся.

– Посиди тут, я ща, – сказал он Ану, жуя на ходу.

– Я с тобой.

– Ещё чего!

– Да не ходи, – махнул рукой Гаврила Петрович, – не в первой, Робин ща приструнит.

– Сыночка, не ходи! – взмолилась мать, цепляясь за Ро-

бина, – Мало ли что. С пьяных-то глаз!

– Ну, что ты, ма, в первый раз что ли? Я быстро.

Он ушёл.

Они молчали, прислушиваясь к звукам скандала, разгромившегося наверху.

– А ты кто такой?! – взревел мужской пьяный голос. Понеслось тяжёлый стук, грузно упавшего тела. Наступила тишина.

Через несколько минут дверь открылась, и вошёл Робин, который вёл под руку худенькую растрёпанную женщину с заплаканными глазами.

Мать подскочила к ней:

– Кирочка, проходи, милая, садись. Я тебе сейчас чайку налью. Вот скушай пирожок. Сама только испекла к празднику.

Женщина, всхлипывая, опустилась на стул.

– Чего там опять с Серёгой не поделили? – спросил отец.

– Сил моих больше нет, – заплакала та, – как его уволили и сюда переехали, так совсем, как с ума сошёл. Пьёт каждый день. Уж узнавать меня перестал. А так мы хорошо жили, ребёночка хотели, – она уткнулась в стол и зарыдала.

– Ну, так роди. У вас детей пока нет, одного вам разрешат.

– Да какое, роди! Не хочет он теперь. Говорит, нищету плодить не будет, – прошептала она.

– Мда, – крякнул отец. – Что он сейчас? Затих?

– Ну, типа того, – усмехнулся Робин, – связали мы его.

Пусть prospится.

– Да, да, – закивала женщина, – трезвый он тихий, ласковый.

– Да когда ты его последний раз трезвым-то видела? – проворчал отец.

Женщина молча плакала.

– На, милая, покушай пирожка. Сейчас тебе чаю налью, – хлопотала около неё мать.

Ан посмотрел на часы. Без пятнадцати пять. Через пятнадцать минут Линда будет ждать на их месте. Он незаметно показал Робину на браслет.

Тот кивнул и поднялся:

– Ну, нам пора, мы пойдём.

Мать встрепенулась:

– Ох, как нехорошо получилось! Ан, голубчик, вы не подумайте чего, и обязательно к нам ещё как-нибудь приходите. Мы всегда вам будем рады!

– Хорошо, обязательно, до свидания, – сказал Ан, выходя вслед за Робинком.

Отец Робина молча кивнул ему.

Робин проводил его к остановке школьного автобуса.

– Ты сейчас куда? – спросил Ан.

– Пойду, поищу Марата, что-то беспокойно мне как-то.

Он раньше так надолго не пропадал.

– А, ну давай. В школе увидимся. Звони, если что.

– Хорошо. Пока.

Они простились.

***

Ан шёл быстро, но всё равно не успевал за стуком сердца. Он волновался. Волновался не потому, что скоро будет представлен главе одной из самых влиятельных в элизии семей, а потому, что считал эту затею провальной. Его вряд ли примут в семью и дадут право быть с Линдой. А хотя почему нет? Возможно, он скоро будет Творцом, а это куда почётнее любого из званий Созидателей, но когда это ещё будет, да и будет ли вообще...

«Может не ходить? Познакоимся потом, после школы, когда всё определится, – Ан остановился. – Нет, надо идти, черт меня дёрнул пообещать». С тяжёлым сердцем он приближался к месту их встречи.

Ждал он Линду недолго, не прошло и пяти минут, как она пришла и сзади обняла его за плечи. Ан повернулся и залюбовался на её милое лицо: разгорячённая, с ярким румянцем на щеках, со смеющимися чуть испуганными глазами, она была так ему дорога, что он хотел обнять её, прижать к себе и больше никогда никуда не отпускать.

– Может, лучше погуляем? – с надеждой спросил он.

– Ты что? Сейчас самое лучшее время знакомиться! Мои все в сборе и в отличном настроении. Папа как никогда шутит со всеми и смеётся. Я его давно таким не видела. Пойдём скорее, не бойся! – она схватила его за руку и потащила. – Он хороший. Просто, обычно, он очень занят, устаёт и, по-

тому, строгий.

Они сели в машину Линды и помчались.

Линда не любила водить, и поэтому, передав управление автоматике, перебралась к Ану на заднее сидение. Положила ему голову на плечо. Так и ехали всю дорогу, сплетя руки. Молчали.

Труба трассы вела через зону барачков, в лесопарковый массив, где на огромных полянах раскинулись особняки влиятельных семей Созидателей – предпринимателей. Мимо проносились, то тесно прижившиеся друг к другу, усадьбы семей бизнесменов, начинающих и средней руки, то уединённые на обширных огороженных территориях, особняки, принадлежащие первым элитным семьям.

Дома Созидателей, владеющих своим делом, были роскошны. Да и назвать эти сооружения домами сложно. Здесь сосредоточилось не только всё для комфортной жизни, но и всевозможные аттракционы, самые странные хобби и развлечения. Именно тут на шумных вечеринках и приёмах обсуждались дела, заключали выгодные контракты, женили детей.

Электромобиль чуть притормозил у ворот, которые быстро и бесшумно открылись, пропуская его, и вновь с лёгким стуком захлопнулись. Машину они оставили у одноэтажного домика охраны, и дальше пошли пешком. Пройдя кленовую аллею и большой двор, они подошли к парадному входу большого трёхэтажного особняка. У входа на уровне глаз

был закреплён гибкий индикатор—распознаватель. Линде встала напротив него. Индикатор чуть сместился, сфокусировавшись на её лице, щёлкнул замок, и дверь открылась. У входа их ожидал представительный пожилой человек – двоюродный – Клим Ильич.

Пётр Степанович – глава семейства – не любил роботов, считал, что они должны использоваться только на тяжёлых и вредных работах, всё остальное должны делать люди, чтобы не превратиться обратно в праздных обезьян.

– Клим Ильич, а папа где?

– Пётр Степанович в галерее показывает гостям свою коллекцию.

Линда кивнула и, взяв Ана за руку, потянула его вверх по мраморной лестнице:

– Пошли знакомиться.

Быстро вбежав на второй этаж, они повернули направо. Первая дверь была закрыта, а около второй двери они остановились, прислушиваясь к весёлым голосам, доносившимся из комнаты. Линда глубоко вздохнула и решительно вошла.

Ан увидел большую овальную комнату, стены которой были обиты зелёным бархатом. На них, гордо поглядывая на окружающих, висели картины – коллекция главы семейства. В центре росло развесистое дерево, яркие сочно-зелёные листья которого, нависали над большими диванами, четырёхугольником стоявшими вокруг него. Между диванами рас-

полагались небольшие, не более метра в высоту, столики из морёного дуба, дубовый же паркет покрывал и пол.

В столы были вдавлены различные формы, наполненные доверху фруктами и сладостями. Между ними рядом с пузатыми бутылками и графинами разместились бокалы для фруктовой и минеральной воды, лимонадные стаканы. Часть гостей, уютно расположившись на диванчиках, наслаждалась фруктами и издалека посматривала на картины; другие, прохаживались вдоль стен вместе с хозяином дома, который с энтузиазмом и гордостью рассказывал историю своей коллекции.

Когда Линда и Ан вошли в гостиную, все обернулись.

– Линдочка, умница моя, – отец радостно распростёр объятия, обнял её и поцеловал в щёку.

Взглянул на Ана:

– Здравствуйте, молодой человек. Линда, познакомь нас.

Линда, казалось, потеряла уверенность. Просительно заглядывая отцу в глаза и чуть заикаясь, она произнесла:

– Познакомься, папа, это мой самый лучший друг – Андо Альденис.

Пётр Степанович, задумавшись, наклонил голову.

– Андо Альденис? Здравствуйте, Андо, я не помню вашу фамилию. Какое дело у ваших родителей?

– Мои родители погибли в авткатастрофе, когда мне было десять лет. Я живу в семье тёти, сестры мамы – Зинаиды Фёдоровны Коровиной. У них нет своего дела. Они работа-

ют в булочной недалеко от нашего дома.

Пётр Степанович побагровел. Багровел он тяжело: сначала покраснел его лоб, потом пятна проступили на щеках, и даже шея налилась кровью. Он смотрел на дочь, и она под его взглядом делалась все меньше. Ещё минута и, казалось, что он испепелит родную дочь, оставив на полу чуть заметную обуглившуюся вмятину. Он не смотрел на Ана, который для него не существовал. Весь гнев его был направлен только на дочь, которая посмела привести в его дом, созданный с такой любовью и гордостью, охраняемый от всего ненужного и жалкого с такой заботой, в его крепость какое-то ничтожество. Посмела осквернить его. За что? Он ни в чем ей не отказывал, она – любимая дочь! Единственная наследница его дела, его надежда и будущее. Она посмела привести в семью чужака.

Тяжёлая минута молчания длилась вечно. Клавдия Егоровна быстро поднялась с дивана и чуть срывающимся голосом произнесла:

– Уважаемые гости! Праздничный ужин готов! Прошу всех пройти в столовую.

Вздых облегчения пронёсся по залу. Гости направились к выходу из комнаты, переговариваясь и посмеиваясь.

Когда все вышли Пётр Степанович отмер. Быстро приблизившись к дочери, он суровым тихим голосом проговорил:

– Как ты посмела привести ЭТО в наш дом? В нашу семью? Я тебя так воспитывал?

– Что значит «ЭТО»?! Ан – мой лучший друг! Мы любим друг друга, и когда мы станем совершеннолетними, мы создадим семью.

– Пётр Степанович, успокойся, тебе нельзя так волноваться! – кинулась Клавдия Егоровна к мужу.

Пётр Степанович, выпучив глаза, хватал ртом воздух, наконец, взорвался воплем:

– Вон! Вон! Вон отсюда! Ты, – он с силой оттолкнул от себя дочь, – в свою комнату, и не смей выходить оттуда, пока я не разрешу!

– А вы, молодой человек, – он резко повернулся к Ану, – убирайтесь! Прочь из моего дома! И навсегда забудьте мою дочь и дорогу сюда! Вам понятно?

Он приблизил к Ану разгорячённое лицо и зашипел:

– Иначе я тебя и всю твою семью уничтожу! Сгниёте в бараках на пособии! Понятно?

Пётр Степанович покачнулся. Клавдия Егоровна подставила ему плечо. Ан проводил взглядом рыдающую Линду, выбегающую из комнаты, повернулся и с бешено колотящимся сердцем вышел.

***

Он не помнил, как дошёл до дома. Переступив порог, столкнулся с Сандрой. Она в новом платье с тщательно уложенными волосами и макияжем, скрывающим заплаканные глаза, спешила в гостиную, судя по всему, из кухни. В руках у неё был поднос с фруктами.

Мимходом поцеловав Ана в щеку, она сказала:

– Пошли в гостиную, все уже собрались. Мама о тебе несколько раз спрашивала.

– Зачем я ей понадобился? Без меня не веселится, что ли? – буркнул Ан.

Сандра внимательно взглянула ему в лицо:

– Что с тобой? Что-то случилось? Ты сам не свой.

– Все в порядке. А ты как? Твой хозяин тут?

Сандра поджала губы, чуть покраснела и ничего не сказав, пошла в гостиную.

Ан отправился следом за ней.

В небольшой комнате, которая казалась ещё теснее из-за большого количества людей, был накрыт стол, за которым расположились гости.

На месте Семёна Игнатьевича – хозяина дома – сидел незнакомый Ану пожилой мужчина, на вид лет шестидесяти пяти. Напротив него – Семён Игнатьевич, муж Зинаиды Фёдоровны, ещё не старый человек, но уже почти весь седой с одутловатым лицом от постоянной работы в душном помещении у горячей пекарской печи. Справа от него сидела жена. По правую руку от почётного гостя, напротив родителей, сидела Сандра, смущённо потупясь.

При входе Ана раздались радостные возгласы. Он знал всех, кто тут был и, по своему, любил этих людей, как и они, любили его.

– А вот и Ан, наконец-то! – дядя встал и подошёл к нему,

обнял, похлопав по спине.

– Давай садись.

– Здравствуйте! – Ан опустился на свободное место слева от дяди.

– Ну, дорогие мои, все в сборе, – Семён Игнатьевич поднял бокал. – Позвольте, поднять тост за наш элизий! За всех нас! С праздником! Пусть удача и радость почаще стучатся в наши дома!

Все одобрительно зашумели. Послышался звон бокалов, радостные вскрики, поздравления. Праздник продолжался.

Через какое-то время почётный гость поднялся и обвёл присутствующих взглядом. Все затихли, а он откашлялся и сказал:

– Вы все меня знаете, я тоже имею честь быть знакомым с вами. Со многими мы работаем вместе, делаем одно дело – кормим людей хлебом, – все одобрительно зашумели. Гость поднял руку. – Позвольте мне в этот праздничный день сделать предложение дочери этого почтенного семейства – Александре Коровиной, которую давно знаю и очень люблю. Я больше двадцати лет, как вдовец, и хотел бы просить Сандру дать согласие на создание семьи со мной, а её родителей прошу разрешение на этот союз. Я даю слово сделать Александру счастливой, всем её обеспечить.

Пунцовая Сандра стеснялась поднять глаза.

Семён Игнатьевич грузно поднялся из-за стола и подошёл с распростёртыми объятиями к гостю. Гость, чуть отстранив-

шись, отечески похлопал его по плечу.

– Дорогой Эдгар, почтём за честь выдать свою дочь за такого почтенного человека! Мы с матерью, конечно, согласны. Сандра, а ты что скажешь?

Сандра беспомощно посмотрела вокруг. Все выжидающе глядели на неё. Она взглянула в глаза Эдгара, и ей почудилась усмешка под всепоглощающей похотью. Ей захотелось закричать: «Нет! Ни за что! Никогда!»

Она задохнулась, перевела дыхание и тихо произнесла:

– Я согласна.

Все захлопали. Тут же была объявлено соглашение о намерениях. Все стали поздравлять Эдгара, Сандру и родителей. Принялись много есть и пить, как после тяжёлой работы, стараясь не смотреть на престарелого жениха и молодую невесту.

По закону после объявления при свидетелях о намерении создать семью, оно должно быть зарегистрировано через месяц в общественной палате элизия, если одна из сторон не изъявит желание расторгнуть это соглашение. Только после этого соглашение о браке считалось заключённым. И хотя семья официально создавалась через месяц, после объявления соглашения о намерениях при свидетелях, брачующимся разрешалось вести совместную и интимную жизнь. Через полчаса праздничного застолья, жених, пользуясь своим правом, встал из-за стола, и, что-то прошептав на ухо невесте, вышел из комнаты.

Гости переглянулись и, похохатывая над нетерпением жениха, принялись обсуждать праздник на площади. Зинаида Фёдоровна покраснела, Семён Игнатьевич потянулся к бутылке.

Сандра продолжала сидеть. Через пять минут Зинаида Фёдоровна позвала её. Она поднялась и подошла к матери. Та ей на ухо что-то сказала, Сандра густо покраснела и вышла из комнаты.

У Ана сжалось сердце. Он хотел было пойти следом, но глава семьи, взяв его за руку, грозным взглядом заставил сидеть.

– Дядя, мне нужно подняться к себе, скоро испытание, нужно готовиться.

– Ну, хорошо, ступай, – нехотя уступил Семён Игнатьевич, – только не вмешивайся ни во что! Понял меня?

– Понял.

***

Ан хотел подняться к себе, но проходя мимо кухни, он услышал тихий смех Эдгара и глухие стоны Сандры. Его ноги помимо воли остановились, рука потянулась к двери, и он потянул её на себя. Дверь чуть приоткрылась, и в щель он увидел голову Сандры, свесившуюся со стола. Её волосы, спустившиеся до самого пола, и ногу Эдгара, наступившую на них. Он не увидел её лица. Ан стоял и не мог отвести взгляда от этих обычно искрящихся золотисто-рыжих волос, которые теперь, как ему казалось, блеклой ржавой тряпкой

волочились по полу всякий раз, когда Эдгар со спущенными штанами с кряхтением елозил по телу Сандры, и издавали глухие короткие стоны, словно жаловались.

Тошнота подступила к горлу Ана, он поспешно прикрыл дверь. Поднялся к себе. Ему было противно находиться среди этих людей, до слез жаль Сандру и хотелось прибить старика – жениха. Он рухнул в кресло перед окном. В голове бились воспоминания сегодняшнего дня. Линда, Сандра, всплывая в памяти, терзали его душу. В комнате было уже совсем темно. За окном отдельными вспышками изредка полыхали воспоминания грандиозного салюта, которые на мгновенье озаряли его комнату и снова погружали её во мрак.

Ему не хотелось включать свет.

«Бедная Сандра», – думал он. То, что он увидел, так потрясло его, что он не мог прогнать это видение. Сердце колотилось. Он вспомнил о Линде, и нежность залила его душу.

«Каким же надо быть скотом, чтобы так вести себя с женщиной!» Воспоминания о Линде наложились на картины насилия, и он с ужасом почувствовал, что видения сильнейшим образом повлияли на него. При воспоминании о Линде он стал не только с нежностью думать о ней, а стал думать о ней, как о женщине. Он и раньше думал и чувствовал её, как женщину, но только во сне или когда сладость поцелуя полностью охватывала его. Тогда он чувствовал свою упругую силу. Он боялся её, боялся, что Линда, почувствовав,

испугается и это отдалит их, а потому старался скрыть её. Но чтобы мерзкие картины вызывали в нем тоже состояние?! Он поразился, почувствовал себя испачканным, с ожесточением стянул одежду и пошёл в душ, надеясь смыть с себя эти липкие видения.

После душа, освежённый и немного успокоенный, уселся за книги. Скоро выпускное испытание, и хотя он знал, что готов, но волновался. Однако ничего не лезло ему в голову. Навалилась огромная усталость, едва превозмогая себя, он дошёл до постели и забылся тяжёлым сном.

***

Ана разбудили громкие возгласы. Поняв, что шум доносился из гостиной, Ан быстро оделся и пошёл туда. В комнате царил суматоха. Сандра лежала в высоком кресле, глаза её были закрыты. Около неё хлопотали домашние и гости.

Около стола оставался только один пожилой мужчина. Ан подошёл к нему:

– Что случилось? Здравствуйте, мы, кажется, раньше не встречались?

– Здравствуйте, юноша, не очень вежливо молодому человеку приставать с вопросами к старшим, не находите?

– Извините, вы правы, я просто волнуюсь за семью.

– А вы родственник? Тогда это вас оправдывает. Присаживайтесь, не волнуйтесь, все будет хорошо.

Ан сел рядом.

– Я поверенный и близкий друг вашего родственника –

отца вашей тёти. Он вчера скончался в возрасте 125 лет.

– Дедушка умер?

– Вы знали его?

– Да, конечно! Но это было давно, ещё до того, как я переехал жить к тёте, и я плохо помню.

– Ну, так вот. Отец вашей тётушки скончался и завещал ей всё своё состояние. Я приехал уладить всю бумажную волокиту.

– Понятно. И большое ли это наследство?

– Очень приличное. Можно сказать, что Сандра теперь одна из самых выгодных невест элизия. Думаю, вашей тёте нужно будет продать дом отца в Элизиуме. Я ей в этом помогу. С такими деньгами, сами понимаете, ваша тётушка сможет приобрести любой дом тут, чтобы жить без забот. А может купить себе и дело, если о таком когда-либо мечтала. Я слышал, что её дочь Сандра планировала создать семью с местным булочником Эдгаром? Так вот, теперь она спокойно может послать его ко всем чертям. И не спорьте! Никогда не поверю, что столь юная особа полюбила такого старого сморчка, – он брезгливо поморщился. – В общем, праздник удался! – он наполнил себе рюмку искрящегося напитка, стоящего перед ним, – не присоединитесь?

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, пойду к себе.

– Удачи, молодой человек, – поверенный, запрокинув голову, залпом выпил.

Ан, чуть поклонился, прощаясь, и направился к двери.

Выходя из дверей, он столкнулся с Эдгаром, который прошипел:

– Ну, это мы ещё посмотрим, – оттолкнул Ана и выскочил из комнаты.

Ан посторонился и оглянулся. Сандра уже пришедшая в себя, рыдала на груди у тётки. Зинаида Фёдоровна тоже плакала, молча глядя её по вздрагивающей спине.

Глава «Робин»

Река тихо несла свои воды. Серебристая прохлада ласково обняла ноги, дрожью пробежала по спине, остудила разгорячённую голову. Он был один. Нет. Не один. Их было двое: он и река. Ему хорошо, приятно ощущать, как вода постепенно поднимаясь, обнимает его тело. Тугой комок воспоминания грязной липкой лягушкой возился внизу живота, но вот вода коснулась его, и он испугано затих, съёжился, отступая от воды, перебрался выше.

Вода заботливо омывала его, остужала недоумённое раздражение и растворяла в себе, даря гармонию покоя. Он сделал ещё шаг. Река, словно понимая его нетерпение освобождения, заторопила течение вод, они быстрыми струями пробегали по животу, спине, груди, вытесняя скользкую лягушку – воспоминание куда-то в горло. Он оттолкнулся от дна, река приняла его, и он поплыл. Лицо, то погружалось в воду, то на секунду отрывалось от неё ради глотка воздуха. С каждым вздохом воспоминания возвращались, но он не мог не дышать. Он плыл и растворялся в воде: опускался под воду и забывал обо всём; но грязная лягушка хотела жить, и, сжимая его сердце липкой лапой, толкала вверх, вон из воды, и тогда он выныривал, хватал ртом воздух, и спешил вновь погрузиться в очищающие струи. Вода попала в рот, сбила дыхание, он закашлялся и насилу отдышался. Перевернулся

на спину – хорошо! Над ним плыло небо. Небесная река тихо несла облака. Он увидел в ней такую глубину и силу, что его вдруг охватило страстное желание стать едва заметной рябью-туманом, слиться с дыханием бездны. Мысленно он уже рисовал это бесконечное вечное течение. Реку жизни. На душе стало спокойно и радостно. Захотелось взять кисти и рисовать, рисовать, пока на полотне не заплещется голубая беспредельность.

Река омыла его, успокоила. Огляделся: течение отнесло уже далеко, почти до моста. Надо возвращаться. Повернул обратно, но течение сбивало, разворачивало, не выплыть.

«Надо плыть к берегу, – решил он, – а по нему домой», но река и не думала отпускать, снося в глубину. Он сильно устал. Наконец, течение чуть ослабило хватку, юноша облегчённо перевёл дыхание, и, напрягая силы, поплыл к берегу. Поток, словно почувствовав, что упускает добычу, вдруг закрутив, рванул его к себе, прижал, обжёг ледяным дыханием тело, судорогой сводя ноги. Река играла с ним: тащила на самое дно и выбрасывала обратно, и снова вертела в толще водоворота. Вверх – вниз, вверх – вниз. Захлёбываясь и теряя сознание, он почувствовал, как липкая грязная лягушка мгновенно раздулась до гигантских размеров, села на него и, обхватив мёртвыми ледяными лапами, с ласковой улыбкой мецената убийственно движется по нему вверх-вниз, вверх-вниз.

– Нет! – закричал он, вдохнул воду и потерял сознание.

Земная река, наигравшись, отпустила его, бережно передавая бесконечности небесной.

***

Робин стоял около стола и капал лекарство в гранёный стакан. Двадцать, двадцать одна, двадцать две... двадцать пять. Хватит. Подошёл к матери, сидевшей за столом, и подал ей лекарство. Та отрицательно мотнула головой, отстраняя его руку.

– Не нужно, убери, – сказала, вытирая слезу.

– Ма, выпей, прошу тебя. На тебе лица нет. Всю ночь не спала. Тебе нужно успокоиться и прилечь.

– Ну, как успокоится, как успокоится! Сердце разрывается! Я чувствую, с мальчиком что-то случилось.

– Если бы случилось, давно бы позвонили. Загулял, небось. Вот придёт, выпорю. Будет знать, как родителей с ума сводить, – пробурчал отец, беспокойно водя рукой по столу.

Робин поставил стакан на стол и отошёл к окну. За окном посветлело. Всю ночь проискав брата, они так и не нашли его. После того, как Марат ушёл на встречу с меценатом, его никто не видел.

– Надо звонить в полицию, – повернулся он к отцу. Тот мрачно взглянул на него и ничего не сказал. Мать тихо запричитала.

Отец поднял руку, чтобы связаться с полицией, но не успел, браслет резко завибрировал и он поспешно принял

вызов. Мать поднялась, и они с Робинот выжидательно смотрели на него. Взглянув на них, отец включил громкую связь.

– Гаврило Петрович Смелов? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да, я, – ответил тот, бледнея.

– Вы могли бы прийти в полицейский участок?

Мать обессилено повалилась на стул, Робин кинулся к ней.

– Что случилось?

– Приходите, на месте поговорим.

– Хорошо, я приду.

Связь прервалась.

Робин хлопотал около матери, голова её запрокинулась, а руки безжизненно упали вдоль тела. Вызвали экстренную помощь, и через пятнадцать минут электромобиль увёз их в больницу, а ещё через полчаса Робин с отцом вышли из больницы, и направились в полицейский участок.

***

Заспанный дежурный отправил их в пятый кабинет, махнув рукой вглубь длинного полутёмного коридора.

Найдя нужный номер, они постучали и вошли. Пожилой грузный полицейский сидел за столом и читал какие-то бумаги.

Он устало посмотрел на них:

– Смеловы?

– Гаврило Петрович, – представился отец.

– Робин.

– Садитесь, – полицейский указал на стулья, стоящие напротив его стола.

Пока они рассаживались, он вынул носовой платок и стал вытирать багровую шею, рассматривая их.

– Утро, а уже жарко, – наконец, проговорил он, отдуваясь, – солнце шпарит, как летом.

Робин старался унять колотивший его озноб.

– Чего вызывал-то? – наконец проговорил отец.

– М-да, тут вот какое дело, – полицейский принялся перебирать бумаги, стараясь не смотреть им в глаза.

– Поступил сигнал от рыбака. Он обнаружил на берегу одежду и браслет. По опознавательному коду, принадлежит Марату Смелову. Сейчас там идут поисковые работы. Я вот, должен вас поставить в известность. Но тело ещё не найдено, возможно, он жив. Хотя... – он снова завозил платком по шее, отдуваясь.

Сердце Робина гулко и больно ударило. Он взглянул на отца. Тот сидел неподвижно, опустив голову.

– В общем, такие вот дела, – протянул полицейский. – Сочувствую вам. Но надо опознать вещи.

Он тяжело поднялся, подошёл к сейфу, который со скрежетом открылся. Из тёмного его нутра полицейский достал большие прозрачные пакеты, разложил на столе.

– Посмотрите. Его?

Отец взглянул и кивнул. Робин тоже узнал чёрные широ-

кие брюки брата, его зелёную кофту-балахон под цвет его глаз, которую ему связала мама на новый год, жёлтый длинный шарф, с ним Марат почти никогда не расставался, считая необходимым атрибутом художника. Спазм сдавил горло Робина, и он не мог ничего сказать. Слёзы выступили на глаза, комната предательски расплылась. Он молча кивнул.

– Хорошо, – проговорил полицейский, – подпишите протокол.

Отец, а за ним Робин подписали документ.

– Ну, всё. Можете быть свободными. Мы вас оповестим, – полицейский замылся, – тогда.

***

Тело нашли, когда солнце уже коснулось верхушек деревьев, присматривая место для ночлега. Робин поехал на опознание один. Отец напился ещё утром, свернув в ближайший кабак, как только они вышли из полицейского участка, и пил целый день. Вечером его притащил сосед сверху. Сам едва держась на ногах, он помог Робину довести отца до дивана. Стукнул Робина по плечу, помотал пьяной головой, пробормотал:

– Ик, держись парень, всякое бывает, – махнул рукой, и, придерживаясь за стену, пошёл к себе.

«Да как же так! Почему! Этого не может быть. Никак не может быть! Брат не мог утонуть, он же отлично плавал. Я сам его учил», – думал Робин.

Несмотря на то, что Марат был на два года старше Робина,

по характеру он был очень мягким и добрым, не любил шумные компании, не любил командовать. Он любил Робина и с радостью отдавал первенство его деятельной натуре, сам же предпочитал сутками пропадать в своей комнате, рисуя. Робин гордился братом, но постоянно опекал, считая слабохарактерным и чересчур мягким. Он сам, можно сказать, вытащил Марата на реку и заставил научиться плавать. Мало ли что! И вот что из этого вышло. Теперь Робин ругал себя, зачем он вообще полез к брату со своим обучением. Пусть бы он никогда не ходил на реку, а сидел бы со своими рисунками дома. Это он во всем виноват!

«Ну, что его туда понесло? Май, не лето всё-таки. Только малышня барахтается в прогретой на мелководье воде, но Марат же не ребёнок, – думал Робин, – за каким чёртом, его туда понесло? Что случилось? Ну не мог он взять вот так и утонуть. Что-то здесь не так. Что-то не так. Несчастный случай. Они говорят, несчастный случай. Ну, какой может быть несчастный случай! Он им так и написал в протоколе опознания, что не верит ни в какой несчастный случай, что Марат с утра ушёл к меценату конкурса. Почему оттуда он вдруг попал на реку? Это точно он виноват. Меценат этот. Пусть расследуют. Разберутся во всем. Не мог Марат сам утонуть!» – мысли бились в его голове, как рой пчёл, жалили, не давали успокоиться.

«Они сказали, что будет экспертиза, и пришлют результаты. Но если замешен меценат, то точно ничего не скажут.

Надо узнать результаты. Самому все узнать», – Он задумался. – «Тит! Точно Тит!», – Робин вспомнил, что в их классе учится парень – Тит Хромов, у которого отец работает экспертом-криминалистом. Тит часто рассказывал всякие истории, от которых мороз пробирал по коже. И хотя было не понятно, выдумывал ли он их сам, или действительно тайком читал в компьютере у отца, к которому, как он всем хвастался под строжайшим секретом, подобрал код доступа, ребята любили приглашать его в компании, чтобы послушать и пощекотать нервы.

Робин набрал номер, Тит ответил сразу.

– Привет, Тит. Это я – Робин. Тут такое дело. Ты, наверное, уже слышал, про брата.

– Да, Роб, слышал. Мы дома все за вас переживаем.

– У меня к тебе просьба. Мне нужно знать правду, ты не мог бы достать копию экспертизы вскрытия?

– Ты серьёзно? Зачем тебе Роб? Брось.

– Как это брось, он мой брат, – спазм сжал горло Робина, – я должен знать. Я прошу тебя, как друга, помоги. Если бы ты был на моем месте, я бы обязательно помог.

– Да, я вообще не уверен, что смогу что-то узнать. Ну, ладно, я попробую.

– Обещаешь?

– Обещаю, Роб.

– Спасибо, Тит. Если что, ты сразу звони. Я в долгу не останусь.

– Ладно.

***

Тит позвонил на другой день утром.

– Привет, Роб.

– Привет, ну как? Удалось?

– Ага, отец, как раз вечером готовил отчёт. Я ночью снял копию. Лови. Только если что, я ничего не знаю, понял? Не хочу подвести отца.

– Не волнуйся. Я никому. А что у отца комп без пароля?

– Почему? С паролем, конечно, но я давно его подсмотрел.

– Значит все твои рассказы – не фантазия? – поинтересовался Робин.

– Ну, как тебе сказать, чтобы не соврать, – засмеялся Тит, – просто пересказать, никто слушать не будет, так что приукрашивал чуток. Вообще, я хотел бы, как отец в криминалисты пойти. Классная профессия! Надеюсь, выйти на тестировании. Ладно. В общем, я ни при чем. Хорошо?

– Да, я тебя не выдам.

– Ну, пока.

– Пока, спасибо.

Робин синхронизировал браслет с компьютером и перебросил файл. Сердце его бешено стучало, когда на экране открылась страница с текстом экспертизы. Дата, время, визуальный осмотр, параметры тела... Робин старался не вчитываться в формальные строчки документа, старался не ду-

мать, что всё это написано о его Марате. Стиснув зубы, он быстро просматривал текст, прокручивая его к концу. Вот нашёл. Выводы. Он впился взглядом в прыгающие от волнения буквы: клинико-патологоанатомический эпикриз, причины смерти, – скупые холодные строчки. Что-то царапнуло его взгляд, он остановился и прочитал ещё раз: «...за шесть часов до момента смерти имел половой контакт с женщиной, признаков насилия не обнаружено...».

В голове разорвалась бомба: за шесть часов до момента смерти имел половой контакт с женщиной. Робин откинулся на спинку стула: «Марат, как?! Кто?!» Перед глазами стояла хрупкая фигура брата, его тонкое лицо, длинные светлые волосы, развевающиеся по ветру: Марат так быстро ходил, что казалось, будто он летел над землёй, чуть касаясь её; шея замотана жёлтым шарфом, оттеняющим тёплым цветом его зелёные глаза, застенчивая нежная улыбка.

Робин встал и прошёлся по комнате. Не может быть. Робин никогда не замечал за ним склонности к мужчинам. Он остановился. А Лилька? Как же Лилька? Марат же был влюблён без памяти в Лильку! Робин бросился в комнату Марата.

Открыл дверь и замер на пороге. Впервые, как Марат ушёл из дома, кто-то входил к нему. Робин осмотрелся. В углу на столе и прямо на полу около дивана лежали разного размера листы бумаги. Робин подошёл и взял их, рассматривая. На рисунках очень часто встречалось милое девичье лицо с огромными глазами и распущенными до плеч волосами.

Это была Лилия – соседка из дома напротив. Она смотрела на Робина, то улыбаясь, то задумчиво, то ласково, то сердито, но как бы не была изображена девушка, чувствовалась большая симпатия художника, который с бережной тщательностью выписывал каждый штрих портрета.

«Вот же, вот. Лилька! Марат же по ней с ума сходил. Но, как же тогда. Насилия не было. Физического не было, – пальцы его так сжали лист бумаги, что их свело, – его принудили! Меценат. Но, как он мог? Ради чего, ради своей Академии? Не может быть! Он такой слабый...», – Робин опустился на диван. Голова кружилась. Грудь так сдавило, что он не мог глубоко вздохнуть. Он сжал кулаки: «Убью, сволочь!» и кинулся вон из комнаты.

***

Он бежал в мастерскую отца, где тот прятал оружие. Отец был заядлым охотником, но уже много лет, после того, как начал пить, не брал оружие в руки. Однажды отец заметил, как сыновья вертят его в руках, и, испугавшись несчастного случая, выпорол Робина, как заводилу, и, запретив строго-настрого прикасаться к оружию, спрятал его. Но Робин знал куда. Оружие притягивало, и пару раз тайком он всё же брал его в лес пострелять по банкам, но это было уже очень давно. Возможно, отец продал, как грозился. Нет! Рука нащупала короткий холодный ствол в потайном месте.

***

Робин нашёл мецената у входа в художественную школу в

окружении ребят, которые, отталкивая друг друга, протягивали рисунки, на которых он, снисходительно улыбаясь, размашисто писал автографы.

Робин взглянул на доску объявлений, висевшую около входа:

«23 мая в 11:00 начало отборочного тура работ выпускников художественной школы для выставочной галереи почётного жителя элизия – мецената Билла Сгоровица. Работы принимают до 15:00 в демонстрационном зале школы». Часы над входом показывали половину четвёртого.

Стиснув зубы, Робин ждал. Наконец, последняя девочка, получила драгоценный автограф, и, радостно размахивая им как флагом, убежала.

Меценат обернулся, увидел Робина и улыбнулся.

– А вам, молодой человек, тоже рисунок подписать?

Робин помолчал, потом медленно, тихо и отчётливо произнёс:

– Не мне, моему брату Марату Смелову.

Меценат вздрогнул и побелел.

– Да, но... Вы знаете, я очень сожалею. Приношу вам свои соболезнования. Я понимаю. Это такое горе. Он был такой талантливый.

Робин, не отрываясь, смотрел в бегающие глаза мецената.

– И за это вы изнасиловали и убили его?

Меценат отпрянул:

– Вы с ума сошли! Что вы такое говорите! Как можно!

Робин вытащил из кармана руку, крошечный зрачок дула уставился на мецената.

Меценат побагровел, хотел что-то сказать, но только издавал нечленораздельные звуки, отступая.

– Ты, ответишь за всё!

– Что вы! Что вы! – залепетал меценат, – Никакого насилия не было. Он сам.

Последние слова наотмашь ударили Робина. Не помня себя, он выстрелил в трясущееся лицо мецената.

Тот закричал и упал.

Робин бросил оружие, повернулся и быстро пошёл, не ведая куда.

***

Его арестовали через три квартала в парке. Визжа тормозами, у входа остановились две полицейские машины. Из них выскочили четверо и кинулись в сквер, сверяясь с импульс-сигналом, исходившим от браслета Робина. Его схватили, холодный металл болью скрутил запястья, жёсткие руки поволокли в машину.

В полицейском участке его бросили в камеру и оставили одного. Робину было всё равно. Он не раскаивался, жизнь погибла, осталось только ждать, когда за ним придут. Он знал, что за убийство человека преступник осуждается на высшую меру – стирание личности. Пусть. Только жаль мать. Но он не мог больше жить в этом лицемерном городе, где лучшие люди, меценаты, вынуждают мальчишек к сношени-

ям, а мальчишки ради карьеры подставляют им задницы. Он хотел одного, чтобы этот элизий и он сам, провалились в ад.

За ним никто не приходил. Ему молча приносили еду, молча убрали посуду. Иногда в глазок двери кто-то заглядывал, с минуту рассматривал его, и снова он оставался один. День сменяла ночь. Об этом он узнавал только по свету из маленького прямоугольника решётчатого неба. Тишина. Он прислушивался к себе, стараясь понять, что ощущает. Удовлетворение? Раскаяние? Ничего. Он не ощущал ничего. Как будто ничего не произошло или то, что произошло, было единственно верным и необходимым.

Его вызвали через два дня. Следователь – крепкая молодая женщина, с короткой стрижкой вьющихся каштановых волос и прищуренными серо-зелёными глазами, предложила ему сесть и представилась.

– Меня зовут Лицея Григовна Дильвах. Я ваш следователь – психолог.

Робин молча смотрел в пол.

– Робин, я ознакомилась с вашим делом. И хотела бы услышать вас. Вы понимаете, что совершили преступление, стреляя в человека?

– Понимаю.

– Вы можете объяснить причину вашего поступка?

Робин молчал.

Следователь ждала ответа и, не дождавшись, продолжала.

– Я разговаривала с потерпевшим.

Робин вскинул голову:

– Он жив? Я не убил его?

– Жив. Вы изрядно напугали его, и он попал в больницу с сердечным приступом.

– Но как же...

– Ваш отец показал, что переделал оружие, которое хранил в гараже, в игрушку, как только заметил интерес сыновей к нему, чтобы избежать несчастного случая. Но это не исключает преступления, которое вы совершили, так как вы этого не знали, и покушались на жизнь человека. Вы это понимаете?

– Понимаю, – растерянно произнёс Робин.

– Хорошо, что понимаете, – она порылась в бумагах и протянула Робину лист бумаги.

– Прочтите.

– Что это? – Робин взял лист и пробежал по нему глазами. Он покраснел, мелкие капли пота выступали на лбу по мере того, как он читал.

– Что это?! – звенящим, срывающимся голосом повторил он.

– Неужели непонятно? Это заявление мецената Билла Сгоровица, в которого вы стреляли. Он ходатайствует о вашем освобождении. Утверждает, что вы были в невменяемом состоянии из-за смерти брата и не понимали, что делали.

– Как?

– А вот так. Билл Сгоровиц один из самых уважаемых граждан элизия. Город многим обязан ему. Мы не можем отмахнуться от его волеизъявления, поэтому вас не будут судить. Вы освобождаетесь под его поручительство. Но запомните, Робин Смелов, ещё одно правонарушение, любое и вас уже ничто не спасёт. Даже меценат. Вам понятно?

Робин кивнул.

– Подпишите. Протокол о вашем освобождении.

Робин подписал.

– Хорошо, – она вынула из пакета и протянула его браслет.

– Можете быть свободным. Но учтите, Робин, – она строго погрозила пальцем.

Робин поднялся, браслет тихо защёлкнулся на его руке

***

Он увидел их сразу, как только за ним закрылась дверь полиции.

Постаревшая мать, сгорбившись, спешила к нему, опираясь на руку Ана, за ними шёл трезвый радостно улыбающийся отец.

Мама, маленькая, осунувшаяся, крепко обхватила его руками, будто боясь, что сын снова пропадёт. Робин обнял её и поцеловал в солёные щеки.

– Ну, что ты, – виновато говорил он, – что ты, всё хорошо.

Она уголком платка вытерла глаза и закивала, чуть отойдя в сторону, пропуская отца.

Тот подошёл и в сердцах постучал кулаком по лбу Робина:

– Дубина стоеросовая, что удумал! Как же мы с матерью потом! – он махнул рукой, отвернулся.

– Прости, батя, – Робин обнял его и ткнулся лбом ему в плечо.

Тот махнул рукой:

– Ладно, пошли уже домой. Нечего тут.

Робин шагнул к Ану. Они обнялись.

– Спасибо, что не оставил моих.

– Брось, о чём ты, – Ан отстранился и заглянул Робину в глаза. – Надо поговорить. Когда сможешь, свяжись со мной. Это срочно. Хорошо?

– Ладно.

Ан кивнул и повернулся к родным Робина.

– Прошу прощения, я должен уйти.

– Ан, голубчик, спасибо тебе. Ступай. Но потом приходи к нам, обязательно, как только сможешь. Хорошо? Мы всегда тебе рады и ждём!

– Обязательно, Елизавета Макаровна, спасибо.

Гаврило Петрович молча пожал ему руку. И они пошли.

Ан посмотрел им вслед и направился к школе. Несмотря на то, что занятия уже закончились, он утром получил вызов, и в три часа должен был явиться в кабинет директора.

***

Школа встретила его непривычной тишиной и запахом ремонта. Все классы, кроме выпускного, были отпущены на летние каникулы. Выпускники же, не спали ночи напролёт,

готовились к последнему испытанию. Ещё почти неделя подготовки. Зачем он мог понадобиться сейчас?

– Андо Альденис, – робот Григорий замигал на него лампочками глаз.

– Григорий, тебе скучно? Или ты перестал идентифицировать лица? Может тебе на профилактику пора?

– Это был не вопрос, а констатация факта – робот поднял вверх указательный палец.

– Ну, хорошо. Меня ждут. Сообщите, что я пришёл.

– Второй этаж, кабинет двадцать первый.

– Отлично.

Ан вбежал на второй этаж, чуть помедлил у двери с табличкой «Директор». Дверь открылась, и из оповестителя над дверью, донеслось: «Андо Альденис. Ученик выпускного класса».

Ан вошёл. Кабинет директора был полон народу. Директор, Григорий Тихонович, сидел за столом, а наставники расположились на трансидях, кто вдоль стен, кто в центре. При появлении Ана все обернулись к нему, а Григорий Тихонович приветственно поднял руку и жестом пригласил пройти и сесть рядом.

– Здравствуйте, Андо. Хорошо, что вы пришли. Проходите, пожалуйста, садитесь.

– Здравствуйте, – сказал Ан и слегка поклонился, здороваясь со всеми, потом подошёл на указанное место, сел.

– Андо, – директор слегка замаялся, но потом решительно

заговорил, – мы все, наставники, довольны вашими успехами. В этом году у нас два кандидата в клан Творцов – вы и Робин Смелов.

За спиной Ана кто-то раздражённо хмыкнул.

Григорий Тихонович продолжал, чуть повысив голос.

– Да, Андо, вы с Робинот – гордость нашей школы, – он помолчал, смахнул невидимую пыль со стола. Печально взглянул на Ана. – Однако, вы в курсе последних событий в семье Смелова. И не смотря на то, что меценат Билл Сгоровиц ходатайствует о том, чтобы произошедший инцидент никак не повлиял на судьбу Робина, мы не можем не отреагировать на происшествие. Мы знаем, что вы – друзья, и хотели бы узнать ваше мнение о психологическом состоянии Робина. Нужна ли ему психологическая помощь? Возможно, в связи с несчастным случаем с его братом, он нуждается в ней, но стесняется признаться в этом?

– Ну что за глупость, спрашивать об этом у друга! Одно го поля ягода. Отправить на принудительное обследование и точка.

Ан узнал в говорящем отца Линды и поёжился.

Директор нахмурился:

– Уважаемый Пётр Степанович, мы бесконечно ценим помощь, которую вы оказываете, будучи председателем общественной палаты, но я бы убедительно просил не забывать, что вы находитесь в школе и потому необходимо следить за своей речью. Уничижительные и оскорбительные слова тут

недопустимы. Мы для того и собрались сегодня, чтобы спокойно все обсудить.

– Что же тут обсуждать! – Пётр Степанович поднялся. – На лицо вопиющий, можно сказать, невиданный случай в нашем элизии! Школьник стрелял во взрослого, заслуженного человека! Я должен поставить коллектив школы в известность, что направил сообщение Кураторам-Хранителям образования и элизиев. В нём я просил о внеочередной проверке соответствия обучающего процесса школы современным требованиям воспитания подрастающего поколения. Я считаю своим долгом донести до вашего сведения, что в моем послании Кураторам просил их лично решить вопрос о возможности перехода в клан Творцов Робина Смелова. Уверен, что неадекватному человеку, представляющему потенциальную угрозу, не место там. И, кроме того, давно уже пора решить вопрос о правомерности обучения детей из барачников в общих школах! Я давно предлагаю создать начально-профессиональные учреждения по месту их жительства и запретить свободный доступ в центр элизия. Яблоко от яблони – не пустая фраза, а народная мудрость, что и доказал последний вопиющий случай!

– Ваше право, – тихо произнёс Григорий Тихонович, – но я твёрдо уверен, что у всех детей элизия имеются равные права на обучение и развитие личности. Но сейчас речь не об этом. Я всё-таки до принятия школой решения, хотел бы узнать мнение одного из близких друзей Робина Смелова,

Андо.

Ан сглотнул, обвёл взглядом комнату и твёрдо посмотрел на директора:

– Я знаю Робина уже восемь лет, мы с ним близкие друзья. Я уверен, что он очень честный, порядочный и выдержанный человек. То, что случилось, это исключение, случайность, которая вызвана эмоциональным всплеском и временной потерей контроля. Это совершенно не характерно для Робина. Просто он очень любил своего брата, и неожиданная смерть его подкосила, выбила из колеи. Я уверен, что Робин полностью справился с ситуацией, и впредь не допустит ничего подобного. Я сегодня виделся с ним. Он совершенно адекватен и не нуждается во врачах. Он раскаивается. Очень заботится о своих родителях. Он сможет подготовиться и принять участие в выпускном испытании. Если надо я помогу ему. Я могу поручиться за него!

– Очень хорошо, – директор кивнул и поднял руку, останавливая Ана, – думаю, мы все удовлетворены? – он осмотрел сидящих.

– Ну, не знаю, не знаю, – проговорил недовольно Пётр Степанович, – Если кого интересует моё мнение, то я считаю, что Робин Смелов не только не должен быть допущен к испытанию и к переводу в Творцы, но для него должны быть закрыты все учебные заведения и нашего элизия. Образованный человек наделяется ответственностью, а какая может быть ответственность у человека, который не может со-

владать со своими чувствами, покушается на жизнь другого! Эдак, ему что-то ещё не понравится, выбьет из колеи, как тут выразился его молодой друг, и что? Он начнёт громить производство, стрелять в своих подчинённых? Я категорически против. Для асоциальных лиц у нас есть пособия и изолированная зона. Ну, в крайнем случае, место на конвейере, работа простая, не вызывающая эмоций. Думаю, общественная палата меня поддержит, и мы будем ходатайствовать об этом перед школой.

– Это тоже ваше право, – спокойно проговорил директор школы, – мы выслушали уважаемых гостей, – он почтительно склонил голову перед председателем общественной палаты. – Думаю, мы не можем дальше отрывать их от насущных дел. Благодарю вас, Пётр Степанович! Не смеем вас больше задерживать.

Председатель общественной палаты презрительно хмыкнул и быстро вышел из кабинета.

Все проводили его взглядом.

Директор повернулся к Ану:

– Ну, что ж, спасибо, Андо, идите. Думаю, в ближайшее время вам стоит быть рядом с Робинотом, чтобы поддержать его. Но и не забываете о подготовке к испытанию. Мы надемся на вас.

Ан кивнул: – До свидания. – Пошёл к выходу, но у порога остановился: – А что будет с Робинотом?

– С Робинотом всё будет хорошо. Вечером мы отправим его

семье наше решение.

Ан вышел.

У школы он связался с Робинем и передал разговор. Робин выслушал молча.

– Что ты молчишь? Что думаешь?

– Что ж тут думать. Не допустят меня к испытанию, это точно, – тихо сказал Робин, – Ладно, Ан, спасибо, что позволил, предупредил. Буду ждать решения. Вечером, как получу, перезвоню.

– Брось, директор за тебя, наставники, думаю, тоже. Надеюсь, что допустят. Ладно, давай, держись. Жду твоего звонка.

***

Сообщение из школы пришло в девять вечера. Всего несколько слов, которые перечеркнули его надежду: «Робину Смелову. С сожалением сообщаем, что Вы не допущены к выпускному испытанию. Данные аттестата об окончании школы и характеристика занесены в вашу персональную базу данных. Вам даётся право поступления в один из вузов элизия по вашему выбору, при условии успешно сданных вступительных экзаменов. Напоминаем, что до первого сентября этого года вам сохраняется школьное пособие, и льготы учащегося. В дальнейшем ваше обеспечение будет зависеть от принятых вами решений. Желаем Вам успехов».

Робин неподвижно смотрел на сообщение, словно ждал, что буквы вдруг передумают и сложатся совсем другие фра-

зы, фразы, дающие пропуск в Наукоград Элизиума к безграничным знаниям и возможностям. Но маленькие мёртвые буковки не хотели оживать, не дали ему шанса.

Робин прикрыл глаза: «Куда теперь?». Безразличие к своей судьбе, которое охватило его в полиции, с освобождением сменилось безумной надеждой, что возможно ещё есть шанс, которая теперь рассыпалась.

Он подошёл к открытому окну. Тишину тёплого майского вечера будоражил соловей. Робина вдруг охватило непреодолимое желание бежать, куда глаза глядят, все равно куда, только подальше отсюда и навсегда.

Он пошёл в гостиную, где после ужина мать с отцом смотрели новости.

– Пойду, пройдуся. Не беспокойтесь, если что, я переночую у Ана.

Мать тревожно взглянула на него.

– Всё хорошо, ма, – он подошёл и поцеловал её в голову.

Он хотел было уйти, но чувствуя недоумённые взгляды родителей, объяснил:

– Пришло сообщение из школы. Меня не допустили к выпускному испытанию. Нужно подумать, определиться, как быть дальше.

Отец крикнул и отвернулся. Мать с жалостью смотрела на сына. Эта жалость разозлила Робина, и он, не оглядываясь, вышел из комнаты.

***

Опять не горели фонари. Робин стоял в жёлтом пятне ярко освещённого подъезда, двери которого были распахнуты.

– Ей, сосед, иди сюда! – услышал он и шагнул в темноту.

На скамейке увидел соседа сверху – Сергея.

– Привет.

– Здорово, Робин, ты чего тут? К испытанию не готовишься?

– Я уже прошёл.

– А, ну да, ну да, уж день, как с испытания вернулся, – хохотнул Сергей.

Робин, насупившись, молчал.

Сергей серьёзно посмотрел на Робина:

– Не допустили что ли?

Робин кивнул.

Сергей дружески хлопнул по плечу:

– Плюнь! Да и вообще, что это за испытание? Разве это испытание? Жизнь – вот будет тебе испытание. А остальное так – детские игрушки. А ты, поди, и девку ещё не тискал?

Робин отвернулся.

Сергей заржал.

– Ладно, пошли.

– Куда?

– Испытываться будешь!

Робин отпрянул.

Сергей засмеялся:

– Да не бойся ты, никто тебя силком на девку не загонит.

Пошли, отметим твоё освобождение. Двойное, получается, – он поднял вверх указательный палец. – Так и быть, раз у тебя сегодня такой праздник, я угощаю.

– Пошли.

***

На территории бараков были два развлекательных центра. Два самых крупных здания, конкурирующие между собой, но совершенно разные внешне: одно – круглое обширное приземистое здание в три этажа вверх и вглубь – «Черепаша», как его прозвали жители бараков; и второе узкое и высокое в восемь этажей высилась над бараками – «Сигара».

Оба здания принадлежали крупнейшим семьям элизия. Лебединским, владеющим «Хлебным Домом» – «Черепаша» и Захаркиным, делающим деньги на сети супермаркетов – «Сигара». И Лебединский, и Захаркин были выбраны в общественную палату, причём Пётр Степанович Лебединский её председателем. Таким достойным людям, совсем не к лицу вкладывать средства в развлекательный бизнес, больше частью подпольный, и потому оформлены они были на подставных лиц. Хранители знали, но смотрели на это сквозь пальцы: если отнять у «лишних» последнее, неизвестно чем все закончится. И потому хлебом в виде пособий, и зрелищами в развлекательных центрах, жители бараков были обеспечены.

Сергей повёл Робина к «Черепаше» Лебединского, но повёл не с парадного входа, где в красивом и уютном интерье-

ре можно было предаться дозволенным утехам: виртуальным играм и интернет – знакомствам, если нет желания палить свой домашний IP-адрес; поиграть в казино или посидеть в баре; посетить огромный виртуальный кинотеатр или крохотный уютный старомодный неумирающий театр; поглазеть на картины в выставочных залах или потешить свои животы в кафе и ресторане – всем тем утехам, которые необходимы человеку, чтобы забыться от серых будней. Сергей уверенно прошёл мимо центрального входа, завернул за угол и по неприметной лестнице спустился к двери, ведущей в полуподвальное помещение, открыл её и, махнув Робину, вошёл внутрь.

Робин последовал за ним, чуть пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку. Переступил порог и удивлённо огляделся: большое светлое фойе с зеркальными стенами с одной стороны и огромными стёклами, стилизованными под окна с видом на мегаполис с его сияющими огнями ночных улиц, с другой. У входа их встретил робот.

– Здравствуйте! Меня зовут Миляга. Мы рады видеть вас в нашей уютной современной развлекаловке. Наш девиз: любое желание клиента – закон. Где бы вы желали отдохнуть? Оплата наличными или браслетом?

– Ну, – Сергей повернулся к Робину, насмешливо улыбнулся, – с чего начнём?

Робин пожал плечами.

– Ладно, надо принять для храбрости. Миляга, – обернул-

ся он к роботу, – для начала нам в бар, а там видно будет.

– Очень хорошо, очень хорошо, – засуетился робот, – могу вам предложить гида для компании, если пожелаете.

– Не надо, мы сами себе компания, пошли! – отказался Сергей и решительно двинулся к одному из настенных зеркал. Дотронулся до крохотного изображения фужера с коктейльной трубочкой в нижнем правом углу, и зеркало повернулось, впуская их.

Их сразу оглушил грохот музыки, в котором потерялись все остальные звуки огромного зала. В центре на большой сцене круговой голограммой транслировался концерт популярной группы. Зал был разделён на множества матовых кубов. Сергей повёл Робина к одному из них. От прикосновения его ладони стеклянная перегородка бесшумно открылась, пропуская внутрь.

Они очутились в маленькой комнатке: уютные диванчики расположились вдоль стен, драпированных мягкой тканью, а центр её занимал низкий, но широкий столик. Сюда не долетали звуки зала, а мерцающий свет, скользящий по складкам ткани, создавал ощущение уюта и полной изолированности.

– Если хочешь, можем включить группу или подобрать что-нибудь другое.

– Давай группу.

– Давай.

Сергей нажал на столе квадрат со стрелками, идущими от центра наружу, одна из стен, стала прозрачной на ней появи-

лась голограмма, в голову ударил звук.

Робин с интересом разглядывал столешницу. В центре неё большой чёрный квадрат, разделённый на шестнадцать поменьше: по четыре квадрата в длину и ширину. На каждом из квадратов одного ряда был свой символ и цифра от одного до четырёх, а по краям стола, с четырёх сторон, вделаны плоские металлические пластины.

– Ну, с чего начнём? – в предвкушении потирая руки, спросил Сергей.

Робин промолчал.

– Тогда я заказываю. Делай, как я. Твоё место – 2, моё – 1, – он нажал на квадрат с изображением напитков и цифрой 1. Пластина перед ним втянулась в стол и через пару секунд встала на место. На ней лежала плоская коробочка, наполненная множеством микроскопических бутылочек. Робин повторил за ним.

– Ну, выбирай, что будешь.

Робин дотронулся до одной из бутылочек, и под ней загорелась надпись «Водка русская» – мгновенно язык обожгла горечь, сладким послевкусием разлившаяся по языку. Робин опешил. Сергей рассмеялся.

– Может для начала что-нибудь помягче? – посоветовал он. Сам же решительно нажал сверху на бутылочку, на которой было написано «Коньяк. Полночь Элизия». Коробочка ушла вниз и через пару секунд пластина встала на место. На ней снифер и небольшая пузатая бутылка темно-корич-

невого искрящегося напитка. Сергей медленно налил четверть бокала. Поднёс к лицу, вдыхая липовый аромат, глаза от предвкушения закрылись. Он медленно отпил, подержал обжигающую жидкость во рту, перекатывая, и проглотил, удовлетворённо кивнул и долил бокал до половины.

Робин смотрел, как постепенно краснеет его лицо, влажно блестя глаза, а рот растягивается в улыбке.

Сергей откинулся на спинку.

– Ну, что, брат, выбрал себе?

– Даже и не знаю, может быть это? – Робин нажал бутылочку, на этикетке которой было написано: «Молилари экстра». Коробочка ушла вниз и вскоре оттуда показалась запотевшая прозрачная бутылочка. Робин налил напиток в фужер и отпил. Вкус – сладковатый с приятной анисовой нотой, понравился ему. Приятно потеплело в груди, и он засмеялся.

Сергей одобрительно кивнул.

– Молодец! Надо закусить, а то с непривычки быстро опьянеешь.

Выбор блюд был во втором ряду панели.

Вызвав меню, он задумчиво рассматривал закуски.

– Ты голодный?

– Ну, съел бы картошечки с хорошим куском мяса.

Сергей хмыкнул:

– На хороший кусок мяса у меня вряд ли наскребётся, а вот на куриные биточки с макаронками, за милую душу, – он заказал, и через пару минут перед ними стояли две тарелки

с биточками и макаронами, политыми ароматным соусом.

Поели. Робин весело поглядывал вокруг. Его руки отбивали такт на столе в унисон звучащей музыки. Он ещё пару раз наливал себе в фужер, и, зажмурившись, бросал обжигающую влагу в горло. Наконец, Сергей насмешливо взглянул на него и сказал:

– Ну, что, брат, готов мужиком стать?

Робин с вызовом взглянул на него:

– А я тебе, что ли, не мужик?

– Пока бабу не понюхал – телок, – припечатал Сергей.

– Чего её нюхать-то, ты что, придурок? Я бы лучше понюхал травку, у тебя есть? – Робин круглыми глазами, в глубине которых притаился испуг, посмотрел на Сергея.

Сергей посерьёзнул.

– Вот это выброси из башки. Наркотики найти легко, отказаться от них потом будет трудно. Лучше не испытывать судьбу.

– Сдрейфил? Человеку всё по силам, если он человек, а не пустышка. А если пустышка, так и сдохнет, не жалко.

Сергей помотал головой:

– Я не враг тебе, да и соседи мы, как я буду твоим старикам в глаза глядеть? Пошли, я тебе лучше покажу что-то позабористее.

***

Горячие потные человеческие тела переплелись с упругими телами роботов и уже не понятно, где тут живое, а где

искусственное. И то, и другое – женское, мягкое, влажно-податливое, охающе-визжащее, жадно ловящее малейшее желание и рабски исполняющее его, с единственной целью – вызвать трепет тела и усилить его до конвульсий наслаждения, заставить забытья.

Робин в изнеможении закрыл глаза. Первое чувство интереса, восторга быстро сменила усталость тела, гадливость физики любви, её животная простота и монотонность. Мозг, пресытившись первыми впечатлениями, требовал новизны, остроты ощущений, которые приходили от сознания того, что ты можешь забыть все нравственные нормы и запреты, что тебе позволено всё, ты – властелин, ты – бог над всеми этими телами, которые млеют в экстазе от каждого твоего прикосновения. А вместе с этим осознанием приходила тошнотворная обыденность действий, бессмысленность и однообразность. Женщина живая или робот, всё равно. Женщина переставала быть женщиной, она становилась роботом, предметом удовлетворения прихоти.

Робина стошнило. Вытирая рукой рот, он вдруг думал: «Какая разница, чем вызывать оргазм женщиной, роботом, своей рукой... – всё одно. Нужен только мозг, который нарисует картинку власти тела над телом, который придумает, что именно это дает наслаждение. Всё остальное – внешние приспособления, однообразные и тупые приспособления для механических действий, вызывающих разрядку тела».

Робину стало мерзко. Он почувствовал себя грязным. Ему

захотелось уничтожить источник грязи – все эти тела, которые грубо касались его, вызывая тяжёлые чувства. Он уже не различал, где было живое тело, а где тело робота. Ему было всё равно. Для него все превратилось в приспособления, которые надоели, и которые хотелось уничтожить.

Робин встал и пошатываясь пошёл к выходу.

– Ты куда? – спросил Сергей, который удовлетворял себя, наблюдая за любовными играми молодой девушки и робота, имитирующего женщину.

Робин не ответил. Он поднял бутылку, валяющуюся у двери, она полетела в переплетённые тела. Послышался чей-то вскрик.

«Испортилось, – подумалось Робину. – А пофиг, починят. И как я раньше не замечал, что женщины – это же просто человеческое приспособление для сношения, странно. Теперь я знаю. Оно мне не нужно. Убогость какая-то. В наше время так животнo-примитивно доставлять себе удовольствие, – он поморщился, – да ещё и грязно к тому же. Хорошо бы в душ. Хотя чего уж душ, через минуту опять будешь в дерьме. Такова жизнь. Кругом дерьмо. Дерьмо! Дерьмо! – Робин сжал кулаки, остановился, – а брат пошёл к реке. Думал смыть дерьмо. Наивный, – усмешка перекосила его лицо, – разве можно отмыть дерьмо жизни, если жизнь и есть само дерьмо, – мысль обожгла его, и он остановился, – а он отмылся, отмылся совсем. Так и надо. Так и правильно. Он бы не смог жить в этом. А я? Тоже смыть дерьмо с себя? Смыть. Смыть.

Смыть, – он пошёл куда глаза глядят и одна эта мысль билась в его голове, – но как, как, как? Как отмыться до конца? К реке? Нет. Я не хочу уйти, отскребываясь от грязи. Лучше уж утонуть в этом дерьме. Опустить на самое его дно и там задохнуться».

Робин остановился. Огляделся. Он шёл по огромному фойе «Черепахи». Подошёл к одной из стеклянных дверей. Быстро пробежал глазами по меню справа. Увидел клавишу «Вызов помощника» и нажал её. Через минуту увидел, как к нему из другого конца фойе спешил робот-помощник. Он остановился перед Робинем.

– Чем могу помочь?

– Проводи меня туда, где наркотики.

– Наркотики запрещены законом. Мы соблюдаем законы. Но если клиент желает, я могу проводить его в комнату райских наслаждений.

– К бабам что ли? Не надо, был я там.

– Нет, та комната земного наслаждения.

– Ну, хорошо, веди меня в своё райское наслаждение.

– Это очень дорогое удовольствие. У клиента есть такие средства?

– Есть. Сколько нужно заплатить?

Робот назвал цену. Робин вызвал на браслете экран и открыл счёт. Усмехнулся. Как раз такая сумма числилась на его счёте, но это были все деньги – пособие до сентября, до месяца, когда он должен был или поступить на работу или

поступить в высшее учебное заведение.

«Учиться дальше? Чтобы жить в этом дерьме. Работать? Тупо изо дня в день ходить на ненавистную работу? Нет, уж увольте».

И решительно произнёс:

– У клиента есть такие средства.

***

Его вынесли через два часа. Погрузили в электромобиль и отвезли на окраину лесопарка. Там выбросили в овраг и уехали. Когда его найдут, статистика зафиксирует еще один факт самоубийства. Только и всего.

Но тело Робина полиция не обнаружила. Старик, что-то ищущий на дне оврага, споткнулся и, едва не упав, выругался. Фонариком осветил препятствие на пути, перевернул его, всмотрелся в лицо и потянулся к браслету...

***

Он очнулся от того, что кто-то тихо провёл по щеке. Открыл глаза и увидел прямо перед собой изумрудные глаза брата. Робин не успел удивиться, как глаза отпрянули, и он понял, что над ним наклонилась маленькая, лет пяти, девочка. Увидев, что человек открыл глаза, она испугалась, спрыгнула с дивана и спряталась за спинку стула.

Робин сел. У него закружилась голова, и он зажмурился. Постепенно всё вставало на свои места, он открыл глаза. Девочка выглядывала из своего убежища, с интересом рассматривая его.

– Привет, – сказал Робин, – Ты кто? Как тебя зовут?

Девочка засмузилась и снова спряталась.

– Не бойся. Иди сюда. Давай знакомиться. Меня Робин зовут.

Робин огляделся. Низкая небольшая полутёмная комната. Диван, стол, рядом пара стульев, платяной шкаф, небольшое зеркало на комодке – вот, собственно, и всё убранство, которое освещал свет, льющийся сквозь мутные стёкла оконца.

«Где я? Куда это меня занесло? – подумал Робин, потирая ноющий затылок. – Это надо было так напиться вчера». Он плохо помнил, что произошло, знал только, что они с Серёгой пошли праздновать его окончание школы. Робин взглянул на руку, и похолодел – браслета не было.

Тихо открылась дверь, в комнату вошёл высокий сутулый и очень худой старик. В руках он держал большую кружку.

– Очнулся что ли. Ну и горазд ты спать. Мы уж с Люской думали, что ты не проснёшься никогда.

– Здравствуйте. А где я?

– Не помнишь, значит ничего?

– Нет, почему, помню, как вчера ходили отмечать окончание школы. Потом, правда, не помню. Наверное, выпили изрядно, – Робин смутился.

Старик подошёл к нему, кряхтя сел рядом. Протянул Робину кружку:

– На вот, выпей.

– Что это?

– Лекарство.

– Я, что, болен? – Робин прислушался к себе, пытаясь определить, что у него болит.

– Для профилактики, – усмехнулся старик, – позавчера нашёл тебя полумёртвого в овраге. Похоже после празднования.

– Это я что, всё это время проспал? – похолодел Робин, – Мои теперь с ума сошли, и браслет ещё где-то потерял.

– Браслет твой у меня. Чтоб не беспокоили. Тебе надо было выспаться, а твоим я сказал, что ты пока тут погостишь.

– Спасибо вам, – Робин взял у старика тёплую кружку и поднёс к лицу. Вкусно пахло мятой и ещё какими-то травами. Он глотнул. Приятная горьковато-терпкая жидкость наполнила рот.

– Пей всё, чего мусолить.

Робин выпил.

– Вот и хорошо, – старик с трудом поднялся и подошёл к комоду. Открыл верхний ящик и достал браслет, положил его на комод.

– Держи свой браслет. Матери позвони, – и обернулся к девочке, всё ещё выглядывавшей из-за спинки стула, – Люська, ты чего тут? Иди-ка чайник поставь.

Девочка засмеялась, тряхнула светлыми кудряшками и кинулась вон из комнаты.

– Какая славная девочка! Жаль, что не познакомился с ней. Застеснялась. Не захотела со мной разговаривать.

– Да немая она. Уж какой год, как молчит. Как родители по пьяни сгорели, а её еле живую из огня вытащили, так с тех пор и молчит. Испугалась, говорят сильно. Шок.

– Так, это же просто лечится, – удивился Робин, – хотите я её к врачу отведу?

– Хм, шустрый какой. А то без тебя не знают, – хмыкнул старик, – у тебя много денег-то, чтобы девчонку вылечить?

Робин набрал код, на браслете высветилась надпись «На вашем счёте средств 00. 00».

«Да, я ж все просадил в «Черепaxe»! Как же я теперь»?

Старик насмешливо смотрел на него.

– У тебя, наверное, родители богатые, тебе и деньги не нужны.

– Причём тут родители! – Робин запустил пятерню в густую чёрную шевелюру, потёр затылок. – И вообще! Она же ребёнок. Детей бесплатно должны лечить.

– И кто ж тебе такое сказал? Учитесь вы да, бесплатно, и пособие вам на время учёбы дают. Ну, и если помирать будешь, то не дадут, конечно, спасут. А немота что? Угроза жизни что ли? Вон она егоза, жива – здорова. Пособие она получает, а медицина у нас платная. Деньги есть – иди хоть золотые зубы себе вставляй, хоть бриллиантовые глаза. Учиться не сможет, ну так это не большая беда. Вырастет, работу себе всегда найдёт, не везде требуется разговаривать, кое-где немые работники на вес золота. Не пропадёт.

– Но как же без учёбы. Может у неё талант какой.

– Талант. Ещё скажи, что Творец в ней пропадает, – засмеялся старик, – по любому, нету у нас средств, лечить её. Жива и хорошо.

Дверь распахнулась и вошла девочка. Она осторожно несла небольшой деревянный поднос. Поставила его на стол, старательно переставила чайник, три белые в мелкий красный цветочек блюдца с такими же чашками на них, и маленькие ложечки, сахарницу и вазочку, доверху наполненную крошечными сухариками.

– Молодец, Люська. Давайте чай пить.

Он, кряхтя, устроился за столом, кивком пригласил Робина сесть рядом на свободный стул. Робин хотел уж было сесть, но взглянул на Люсю.

– А как же Люся? Стул то один.

Люся звонко засмеялась и, схватив его за руку, потянула к столу. Робин сел, а она протянула к нему руки. Робин улыбнулся и, взяв её на руки, посадил на колени. Люся ладошкой погладила его по щеке. Ему стало тепло на сердце. А девочка уже хлопотала: подвинула поближе их чашки, потянулась за заварным чайником и, чуть высунув от старания язык, налила в чашки чай, насыпала по ложечке сахара и вопросительно глянула на старика. Тот махнул рукой, и девочка, радостно улыбаясь, досыпала в чашки ещё по ложечке. Подвинула чашку Робину, посмотрела на него своими зеленющими глазами и закивала головой: пей мол, вкусно. Робин взял чашку.

Долго пили чай. Люся оказалась болтушкой. Пока Робин

рассказывал о себе, она часто перебивала его, дёргала за рукав, когда ей что-то было непонятно, качала головой осуждающе или гладила руку, когда ей становилось жаль его.

Старик молча слушал.

– Ну, и куда ты теперь?

Робин молчал. Куда он теперь? Он не знал.

Старик поднялся.

– Ладно, если хочешь, можешь пожить у нас.

– Но у меня нечем заплатить.

– С Люськой вон посидишь. Мне некогда. Конец мая, трава цветёт. Собирать надо.

– Так вы травник? Знахарь?

– Помогаю потихоньку, сколько могу. За девкой приглядишь, по хозяйству что поможешь. Домой, я понимаю, не пойдёшь?

– Не пойду. Им и так тяжело, куда я ещё нахлебником.

– Дурка ты малый, дети для родителей не могут быть нахлебниками. Звони хоть, не теряйся, не рви им сердце ещё и ты.

Робин кивнул.

– Ладно, мне в лес надо, засиделся тут с вами, – он надел плащ с большими карманами, взял корзину, погрозил Люське пальцем и вышел.

Они остались одни.

– Ну, Люся, что делать будем?

Девочка быстро слезла с его колен и подбежала к комо-

ду. Открыла самую нижнюю полку и достала оттуда толстую старую растрёпанную книгу, и, прижимая её к себе, побежала к дивану. Быстро вскарабкалась на него и ладошкой хлопала рядом с собой, зовя Робина.

Он подошёл и сел рядом. Она сунула ему книгу.

– Ну, давай прочитаю. Зелёные глаза её радостно вспыхнули.

Глава «Испытание»

Утром пошёл сильный дождь. Бюро погоды за три дня предупредило, что по графику наступает срок полива растений и очистки мегаполиса, когда в дождь добавляли нейтрализатор и смывали все загрязнения, превращая их в удобрения, что особенно актуально сейчас, после праздничного фейерверка.

Ночь была тёплой. Ан не закрыл окно, и теперь шум ливня разбудил его. Ещё не совсем проснувшись, в полудрёме, он слушал, как потоки воды обрушиваются на элизий.

«Сегодня испытание», – мелькнуло в голове, и Ан быстро сел.

В дверь постучали.

– Ан, пора вставать, у тебя сегодня экзамен! Иди завтракать! – донёсся тётин голос.

– Иду, тётя.

Через десять минут он вошёл на кухню, где уже собралось всё семейство.

– Доброе утро!

– Доброе! – тётя оторвалась от шкворчащих на плите сырников и улыбнулась ему.

– Здоров, – дядя свернул газету.

Сандра, раскладывая тарелки на столе, кивнула.

– Ну, что, выпускник, к испытанию-то готов? – дядя бро-

сил газету на подоконник.

– Готов.

– Это хорошо. Смотри, покажи там, на что ты способен. Директор ваш, Григорий Тихонович говорил, что у тебя есть шанс выдержать на отлично, и перейти к Творцам. Не будь дураком, не упусти его, ты же мечтаешь учиться в Наукограде?

– Ну, да, хотел бы.

– Ну, да, хотел бы, – передразнил его дядя. – Что ты мямлишь? На экзамене так будешь, не видать тебе Творца, как своих ушей.

– Отец, что пристал к парню? Дай ему поесть спокойно! Не дёргай, он и так волнуется, – вступилась тётя, ставя на середину стола белую глубокую тарелку с горкой румяных сырников.

– Волнуется, – проворчал дядя, перекладывая себе на тарелку порумянее, – а не должен волноваться или должен так спрятать все свои волнения, чтоб никто не увидел. Надо быть уверенным в себе, а не нюней. Только так можно добиться в жизни всего, чего хочешь, а не: «Ну, да, хотел бы...», тьфу, – захватив целую ложку густой сметаны, он опрокинул её белой шапкой на горячие сырники.

– Да что ты развоевался-то с утра? – тётя обернулась к мужу.

Дядя глянул на Ана.

– Да ничего, так я. Не сердись, – он потянулся и потрепал

его по шее, – это я любя, ты же мне как сын, переживаю за тебя.

Помолчал и добавил:

– А ты там все-таки, понастойчивее!

– Хорошо, дядя, – улыбнулся Ан.

Легко стукнувшись лбами в знак примирения они, засмеялись.

– Ну, вот и хорошо! Ай! Горю! Воды!!

Ан взглянул на тётю и обмер: полотенце, лежащее на её плече, одним концом упало в огонь конфорки и загорелось. Огонь быстро побежал по нему и добрался уже до фартука. Ан хотел броситься к тёте, помочь, но не смог даже пошевелиться. Его словно парализовало, мир исчез, остался только огонь. Пламя, пожирая пространство, тянулось к нему:

– Ты мой. Растворю. Сожгу. Уничтожу. Ты – ничто, – блики огня говорили на понятном только им языке. В ярком пламени стали проступать какие-то тени.

Ан очнулся, когда кто-то облил его холодной водой. Вздрогнув, он осмотрелся. Тётя стояла вся мокрая в луже воды недалеко от выключенной плиты. С её волос капала вода. Дядя с пустым ведром рядом с ней. А Сандра с большой банкой возле Ана. Все трое почему-то с жалостью смотрели не на тётю, а на него.

– Простите, – прошептал Ан.

– Ничего, ничего, – засуетилась тётя, – Ничего страшного. Сама виновата, неаккуратно около плиты. Ты как? Как себя

чувствуешь?

– Ты так побелел, что мы все перепугались, – сказала Сандра.

– Я нормально. Испугался огня. Никогда не думал, что могу так испугаться огня.

Дядя с тётёй переглянулись.

– Не думай об этом. У каждого свои закидоны. Ладно. Быстро! Все приводим себя в порядок. Мы уже опаздываем, – покрикивая, дядя вышел из кухни, унося ведро.

***

Школьный двор бурлил. Родители, школьники, выпускники, учителя – все смешались в одну радостно-напряжённую гомонящую толпу, ожидающую традиционную речь Куратора-Хранителя, который ежегодно допускал выпускников к испытанию, а затем объявлял его результаты.

Ан стоял рядом с Линдой. После неудачного знакомства с её родителями они увиделись впервые. Чуть в стороне переминалась с ноги на ногу Клавдия Егоровна, которой Пётр Степанович строго – настрого наказал следить за тем, чтобы Линда не встречалась с Аном, но она не решалась подойти к группе выпускников.

– Волнуешься? – Линда погладила руку Ана.

– Есть немного. А ты?

– Нет. Это у тебя решается судьба, а за меня уже давно всё решили, – потупилась Линда.

Ан обнял её за плечи и шепнул на ухо:

– Не переживай. Я что-нибудь придумаю. Мы обязательно будем вместе. Ведь ты хочешь, чтобы мы были вместе?

Линда взглянула на него васильками глаз, черные зрачки-воронки закрутили Ана, затягивая на самое дно, засмотревшись в них, он забыл обо всём.

Резкий звук звонка заставил их вздрогнуть. Обернувшись к школе, они увидели директора школы. Невысокий лысый толстячок в темно-синем костюме стоял рядом с высокой худощавой женщиной. Её смуглую кожу и короткую стрижку чёрных волос эффектно подчёркивал белый брючный костюм.

«Хранитель», – выдохнула толпа.

– Уважаемые родители и выпускники! – голос директора, многократно усиленный, был слышен в каждом уголке школьного двора. – Поздравляю вас со знаменательным днём вашей жизни! С окончанием обучения! Все эти годы каждый день, из года в год вы приходили в школу, которая стала для вас вторым домом. Тут вы выросли, получали знания, обретали друзей, становились людьми – будущими достойными членами нашего славного элизия. Наконец, пришло время последней проверки ваших знаний, последнего испытания, результаты его определяют каждому из вас дорогу в будущее. Сегодня день, когда вам необходимо сконцентрироваться и показать всё, чему вы научились и на что способны. Желаю вам спокойствия и ясности ума. Передаю слово Куратору – Хранителю элизия.

Женщина кивнула директору и сделала шаг вперёд.

– Друзья! Уважаемые выпускники! Восемнадцать лет Хранители создавали все условия, чтобы вы могли счастливо расти и бесплатно получить образование, выявить и развить свои таланты и способности. Теперь пришло время вам выбирать свой жизненный путь и послужить на благо нашего общества. Только так, общими усилиями, делая нашу жизнь прекрасной, оберегая незыблемость её порядка, мы можем с честью сказать, что сделали все для процветания цивилизации планеты Земля.

Повисла секундная пауза и стала слышна глубокая тишина, казалось, мир замер перед решающим испытанием.

– Прошу выпускников пройти в здание школы и подняться в актовый зал.

Директор и Хранитель встали по обеим сторонам двери, пропуская выпускников.

Ан за руку с Линдой пошли вслед за всеми.

***

Актовый зал был переоборудован под экзамен. На сцене за длинным столом расположились наставники тех дисциплин, по которым предстояло испытание: математике, физике, химии, естествознанию, робототехнике и программированию, истории Земли и обществоведению, словесности и риторике. Перед каждым из них на зелёной мраморной столешнице стоял монитор, соединённый с компьютерным центром, спрятанным за полупрозрачной занавесью в глубине

сцены.

Внизу, в зале, в четыре ряда по десять столов расположились места для испытуемых, на каждом – компьютер, рядом с ним табличка с номером.

У входа в зал всех остановили.

– Внимание всем! – директор поднял руку.

– Сейчас вы по одному заходите и садитесь на любое, понравившееся вам свободное место. Важно: проходить и занимать места быстро, чтобы не задерживать остальных. Прошу! – директор отошёл в сторону, Куратор – Хранитель встала напротив него.

Испытуемые начали занимать места. Через несколько минут все расселись. Куратор – Хранитель и директор школы зашли в зал последними, и прошли на сцену к преподавателям.

Все было готово.

Директор подошёл к краю сцены с последним напутствием.

– Ребята, задания вам предстоит выполнить непростые. Не спешите, у вас достаточно времени, чтобы все спокойно обдумать. Внимательно читайте то, что появится на экране монитора. Даже если задание покажется вам лёгким, обязательно прочтите его дважды, прежде чем приступить к выполнению. Вся информация по прохождению экзамена в вашем компьютере. Обязательно ознакомьтесь с вступительной инструкцией и строго следуйте ей. Если у кого-то воз-

никнут проблемы с пониманием задания, или кому-то понадобится обратиться к членам комиссии, нажмите на красную кнопку, которая находится под монитором. Я надеюсь, что вы все отлично справитесь с испытанием. Хорошо! Теперь прошу всех зарегистрировать своё участие. Для этого приложите ладонь к индикатору личности, который находится прямо под табличкой с номером вашего стола. Проверьте, если регистрация прошла успешно, то на табличке должно высветиться ваши имена: идентификационное и общественное. Если увидите ошибку, нажмите красную кнопку. Прошу приложить ладони!

Экраны мониторов преподавателей засветились, высвечивая вход учеников в систему. Директор внимательно просматривал список. Наконец, на его мониторе высветилось: «Вход в систему произведён успешно. Все испытуемые зарегистрированы».

– Молодцы. Так, все хорошо. Начинаем испытание. Оно продлится ровно четыре часа. Прошу всех надеть на голову обруч, который лежит на вашем столе. В ходе испытания его снимать нельзя. Если это сделать необходимо по какой-то причине, например, вам необходимо прервать испытание, чтобы выйти, то не снимая обруч, нажмите красную кнопку. В противном случае будет считаться, что вы не прошли испытание. Внимание! – Он обернулся к Куратору – Хранителю. Она кивнула и быстро набрала комбинацию цифр. – Время пошло! Удачи всем.

Экзамен начался. На мониторах наставников, Куратора и директора школы, отразились иконки испытуемых. Один клик, и в развороте иконки можно было видеть монитор испытуемого и весь ход его экзамена с отображением верных и ошибочных решений с комментариями.

***

Ан вместе со всеми приложил ладонь к идентификатору, и надел обруч. Первые три часа прошли для Ана довольно легко, со всеми предметными заданиями он справился. Остался последний блок.

«Интересно, а что это за последний блок»? Экран на мгновение погас. Затем на чёрном фоне высветились жёлтые крупные буквы: «Проверка психологической адаптации. Подтвердите готовность – Enter».

Ан опешил, что за психологическая адаптация? Такого предмета в школе не было. Чуть поколебавшись, он нажал Enter.

В обруче послышался щелчок, в глазах у него потемнело, а затем ярко вспыхнул свет. Он сидел в глубоком кресле в тесной комнате, напоминающей каюту корабля, за широкими иллюминаторами которого чернел космос, рассыпаясь миллиардами звёзд. Яркая вспышка и звуковой сигнал привлекли его внимание к табло над дверью, на котором зажглась пульсирующая надпись: «СРОЧНЫЙ СБОР». Раздался механический голос: «Внимание экипаж! Всем срочно явиться в центр управления кораблём», повторив дважды,

ГОЛОС УМОЛК.

Ан встал и вышел в коридор, который узкой металлической змеёй уходил вглубь корабля и упирался в массивную дверь. «Центр управления» прочитал он надпись над нею и направился туда. В большом круглом зале под панорамными окнами в полумраке светились стенды со встроенной аппаратурой, наклонённые под углом в сорок пять градусов.

Напротив входа у стендов расположились три кресла. В центральном сидел седой плотный мужчина, руки его покоились на широких подлокотниках. Слева от него – молодой парень, по возрасту чуть постарше Ана. Он обернулся к Ану и улыбнулся, приветственно взмахнув рукой. Старший, не оборачиваясь, произнёс:

– Приветствую Андо на борту нашего корабля. Проходите, занимайте свободное кресло.

– Здравствуйте, – поздоровался Ан, усаживаясь в кресло.

– Итак, вся команда в сборе. Давайте знакомиться. Меня зовут Беркли Смагондар, я – командир корабля. В кресле штурмана – Александр Смирнов. В кресле ассистента – Андо Альденис. Меня можете называть просто командир.

– Меня – Саша.

– Ан.

– Отлично. Теперь к делу. Наше задание в конверте, который лежит передо мной. Ан, возьмите конверт и прочитайте вслух, что там написано.

Ан взял конверт – плотная белая бумага, без надписей

и не запечатана. Внутри оказался тонкий листок, свёрнутый пополам. Это была карта звёздного неба. Расположение звёзд было незнакомо, Ан с интересом принялся рассматривать созвездия и обнаружил, что две звезды обведены красными кружками. На обороте карты он прочёл:

«Планета «Альфа» терпит бедствие. От неё получен сигнал бедствия. Необходимо выяснить, что происходит и по возможности помочь. На планете «Омега» находится чрезвычайно ценный для Земли груз, который необходимо в обязательном порядке доставить на Землю. Выполнение обеих задач важно. Приоритет исполнения задания установите сами. Действуйте по обстановке».

Ан ещё раз взглянул на карту и положил её перед командиром, который бегло осмотрев, передал штурману:

– Введите координаты.

Александр поколдовал над пультом управления, и прямо перед ними на панорамном окне появилась полупрозрачная карта с ярко горящими точками–планетами – «Альфой» и «Омегой» – целями их путешествия, и тонким белым пунктиром проложенного пути до них.

Ан вздрогнул от внезапного голоса бортового компьютера:

– Планета «Альфа» топлива достаточно до подлёта к планете. Для возвращения на планету Земля топлива недостаточно. Уточните место дозаправки. Планета «Омега» топлива достаточно до подлёта к планете и для возвращения на

Землю.

– Так, – нахмурился командир. – У нас проблемы. Неизвестно сможем ли мы дозаправиться на «Альфе».

В каюте повисла тишина.

Наконец, командир произнёс:

– Прошу каждого принять решение: летим ли мы на «Альффу», помогаем спасти разумную жизнь, но неизвестно сможем ли заправиться и выполнить второе задание, вернуться. Или летим к планете «Омега», и с необходимым Земле грузом возвращаемся.

Ан растерялся. Он, конечно, изучал астрономию, но она считалась необязательным предметом. Космос земляне не исследовали. По мнению Хранителей, это требовало неоправданно колоссальных финансовых вложений, а Земля должна быть самодостаточным замкнутым миром. Учёные искали новые источники ресурсов в возобновляемой природе, что считалось естественным, а потому правильным, хотя космические компьютерные игры пользовались большой популярностью, как среди детей, так и у взрослых.

– Я думаю, что надо лететь к планете «Омега» и с ценным грузом возвращаться на Землю, – не колеблясь, сказал командир. – Для меня все ясно. Я отвечаю за ваши жизни и за выполнение задания.

– Да вы что? – подскочил на месте штурман. – Конечно, живые важнее! Они там погибают, а у нас есть возможность их спасти! Ну, не долетим до Земли сразу. Так оттуда можно

послать сигнал, и за нами прилетят, а груз этот никуда не денется. Ан, ты как?

«Странное задание. Что тут испытывают мою гуманность что ли, или практичность? Выбор: спасение живых существ или ответственность перед своей планетой? Какой ответ они от меня ждут? Думаю тут важнее ответственность перед Землёй». Он колебался. Наконец, тихо произнёс:

– Я думаю, что лететь на планету «Омега» и вернуться на Землю с ценным грузом будет правильнее, чем лететь к «Альфе» и узнать, что мы ничем не можем помочь. При этом Земля может потерять и корабль, и ценный груз.

– Что ж, ваше предложение вполне разумно, – произнёс командир. – Летим на «Омегу».

И корабль устремился к заданной точке.

«Дурацкое задание, – думал Ан, – и вообще, решать должен командир, а не ассистент». Он чувствовал себя виноватым, словно сам, одним махом, уничтожил целую планету, которую, если бы не его трусость, спасли бы.

«Да, ничего я не струсил! – убеждал он сам себя. – Чтобы мы могли сделать? Три человека? Только оценить обстановку и послать сигнал на Землю. И сидели бы там, пока с Земли не прилетели. Глупо! Только зря время тратить. Да и неизвестно, что там. Может глобальная природная катастрофа. Только корабль погубили бы, я высказал разумное решение». Но всё равно, червь сомнения точил его. Ан стал замкнутым и хмурым, и команда, чувствуя его настроение,

не приставала с разговорами, что усугубляло ситуацию: Ан воспринял это, как отчуждение, и ещё больше раздражался.

Наконец, корабль вошёл в орбиту планеты и на втором витке приземлился. Попытки выйти на связь с базой ни к чему не привели. Было решено самим идти на место, выяснить, что происходит и забрать груз.

– Штурман и ассистент, выводите вездеход. Я буду через несколько минут.

Саша подмигнул Ану, и они направились в технический отсек корабля.

– Управлял когда-нибудь вездеходом?

– Бывало.

– Если хочешь, можешь сесть за управление.

– Давай, спасибо. Только таким я ещё не управлял, – смутился Ан, рассматривая огромную, в два раза выше его роста, машину. – На танк похож, только без дула, мы проходили по истории.

– Да ты что! Сравнил тоже. Давай забирайся, – Саша ловко вскарабкался в верхний люк и скрылся внутри. Ан полез следом. В отсеке вездехода было холодно даже в скафандрах, и тесно. В обзорное окно просматривалась платформа звездолёта, под ним – пульт управления. Саша усаживался рядом в кресло.

– Ну, готов? – спросил он.

– Готов!

– Давай!

Ан запустил двигатель. Штурман быстро набрал на пульте управления комбинацию цифр, стена звездолёта перед ними вздрогнула и стала опускаться вперёд.

Ан дождался, когда стена полностью опустится, и осторожно начал ход, стараясь держать машину точно посередине. Съехав с платформы, они остановились.

Штурман новой комбинацией цифр поднял стену, которая закрыла вход в звездолёт.

– На всякий, – пояснил он, – и по инструкции положено. Машина тихо гудела, ожидая командира.

– Смотри сюда и запоминай. Если что, чтоб смог попасть внутрь, – он медленно показал порядок набора цифр. – Запомнил? А вообще, лучше запиши код в браслет, – посоветовал он.

Ан последовал его совету.

– Да ерунда это все, – сказал он, сохраняя код в памяти. – Что толку, если я и попаду в звездолёт? Без вас я все равно не смогу взлететь, нас не обучали, как им управлять.

– Не скажи! А автопилот-то на что? Забираешься в звездолёт и громко орёшь: автопилотирование, цель полёта – планета Земля. И всё! Спи себе спокойно до прилёта, – засмеялся Саша.

Послышался стук открываемого люка.

– Что за веселье? Анекдотами балуетесь? – командир забрался внутрь.

– Ага, балуемся, – весело ответил Саша, подмигнув Ану.

– Ну, все на месте, поехали! – командир устроился рядом с ними. Саша незаметно толкнул в бок Ана.

Ан завёл вездеход.

– Вон там тридцать градусов от горизонта справа видишь базу?

– Небольшой покатый холм?

– Ну, можно и так назвать. Рули туда.

Вездеход вздрогнул, и тяжело вдавливаясь в почву, пошёл вперёд. Ану казалось, что на планете выпал темно-серый снег. Он был таким лёгким, что проходя по нему, вездеход оставлял за собой густую завесу снега-пыли, которая ещё долго стояла в воздухе перед тем, как осесть. Здесь всё было так необычно и завораживающее, что Ан невольно засмотрелся.

– Уснул? – Ан взглянул на штурмана. Тот, улыбаясь, смотрел на него.

– Все в порядке, – Ан прибавил скорость, и вездеход рванул вперёд, оставив за собой фейерверк пыли. Командир недовольно покачал головой, Саша весело хмыкнул.

***

Пологий холм постепенно приближался, пока, наконец, не превратился в цепь из нескольких огромных ангаров, прижавшихся друг к другу. Остановились около ближайшего крайнего. Двери ангара были закрыты.

– Нас не ждали что ли? – Саша взглянул на командира.

– Должны были ждать.

Саша спрыгнул с вездехода и загрохотал кулаком по металлу двери.

Пару минут ничего не происходило. Потом дверь ангара стала медленно приоткрываться, и из неё вышел человек.

– Привет, Элла! Как ты? Как дела? Давно не виделись!

«Девушка!» – ахнул Ан.

– Привет! Как у вас? Всё в порядке?

– Да, всё нормально, – командир спрыгнул следом за Сашей, и махнул Ану, чтобы следовал за ними.

– Давайте, проходите быстрее, у нас тут ЧП, – велела девушка, быстро входя внутрь и оставляя дверь открытой.

– Что такое?

– Что случилось? – в один голос воскликнули командир и штурман, следуя за ней.

Ан чуть замешкался, неловко вылезая из вездехода. Внезапно он почувствовал, как планета заходила ходуном, и, не удержавшись, упал, покатился в огромном пыльном комке. Послышался оглушительный грохот.

Придя в себя, он сел, скафандр спас от похоронившей пыли. Руками отталкивая тягучую вату, поднялся во весь рост и остолбенел. На месте ангара зияла пустота. Второй ангар, который стоял почти вплотную к первому, одним краем завис над провалом. Вездеход находился в каких-нибудь десяти метрах от края провала.

Ана охватила такая слабость, что он сел прямо в пыль, взметнув её в маленькие фонтанчики.

«Как же так! Что делать? Я один на планете. Задание не выполнено. А люди? Что с людьми?»

Он заставил себя встать и осторожно подойти к провалу, заглянуть внутрь.

Ангар лежал на боку недалеко от поверхности земли. Всего каких-то метров шесть – восемь.

– Эй! Меня слышит кто-нибудь? – крикнул Ан и прислушался. Тишина.

«Рация!» – добежав до вездехода, Ан быстро забрался внутрь, щёлкнул тумблером радиосвязи.

– Командир! Командир! Саша! Это Ан! Кто-нибудь меня слышит? Приём!

Прислушался. Из радиостанции доносился только треск. Он снова и снова пытался выйти на связь. Прошло долгих пять минут, когда Ан, наконец, услышал:

– Слышу тебя.

Ан подскочил от радости.

– Как вы? Живы? Как я могу помочь?

– Ан, это я – Саша. Командир и Элла похоже сильно пострадали. Они без сознания. Я вроде цел, только рука. Слушай внимательно. Главное доставить груз на Землю. Груз находится в последнем от этого ангаре. Там большой ящик маркированный «Земля 385».

Голос стал пропадать, теряясь в треске помех. Ан лихорадочно крутил настройку.

– Сашка, Сашка! Ты где! Я тебя не слышу, ты пропал!

– Спокойно, – тихий голос штурмана прорывался сквозь треск. – Тебе нужно поместить ящики в грузовой отсек вездехода.

– Какой груз?! Ты что?! А как же вы?

– Ангары в любой момент могут уйти под землю. Сначала груз. Потом придёшь за нами. Я пока постараюсь привести в чувство командира и Эллу. Иди уже. Потом свяжемся. Не отключайся. Я подскажу если что. Поторопись!

– Хорошо!

Ан завёл вездеход, и, стараясь выжать максимальную скорость, повёл к последнему ангару.

– Я тут на месте. У ангара. Дверь закрыта. Как её открыть? Сашка! Сашка! – в ответ тишина.

Ан выбрался из машины и бросился к ангару. Только подойдя совсем близко, он увидел справа от двери ангара кодовый замок. Поколебавшись, Ан набрал единственный код, который знал – код входа в звездолёт.

Пару секунд ничего не происходило, затем металлическая стена вздрогнула и плавно поползла вверх, открывая проход.

Он вошёл. Здесь было тепло. Жужжали кондиционеры, поддерживая необходимую температуру. Огромный ангар казался пустым. Только в центре него стоял большой ящик метра два в длину и полтора в ширину и в высоту. Ан попытался его сдвинуть и не смог.

«Должны же быть на складе какие-то подъёмные механизмы. Не руками же они всё таскают!».

Ан огляделся. По центру склада от входа к противоположной стене проходили колонны, а вдоль них под потолком тянулся толстый чёрный трос, в конце которого, у задней стены ангара, висел большой металлический крюк. На колонне рядом с ящиком, он заметил чёрную коробочку с кнопками: две кнопки располагались по бокам коробочки, и две сверху – снизу неё. На кнопках – стрелки с различными направлениями: вправо, влево, вверх, вниз. Секунду поразмышляв, Ан нажал кнопку влево или вперёд. Раздался тихий щелчок, и крюк медленно пополз от задней стены к Ану, когда он завис над ящиком, Ан повторным нажатием на кнопку остановил его. Стрелка «вниз» позволила спустить крюк, а зацепить за широкий кожаный ремень, которым ящик был плотно опоясан, было делом на пару минут.

Так, управляя крюком, Ан приподнял ящик и медленно понёс его к выходу. Аккуратно заведя в ангар вездеход, он поставил его под груз. Открыл верх грузового отсека и медленно погрузил ящик. Он был огромным, и Ан подумал, что не сможет закрыть грузовой отсек, ящик будет выпирать. Но все обошлось, крышка отсека, почти вплотную притираясь к ящику, закрылась. Ан машинально смахнул пот со лба, проведя рукой по скафандру, закрывающему лицо, улыбнулся.

«Фух. Одно дело сделано, теперь главное – люди», – думал Ан, выводя вездеход из ангара, и на максимальной скорости мчась к звездолёту. Через полчаса он был на месте.

Набрав код, Ан с замиранием сердца ожидал, откроется

ли вход. Звездолёт не подвёл, код сработал, и платформа стала медленно опускаться, открывая проход. Ан осторожно зашёл вездеход внутрь. Быстро выбрался из него.

«Как его разгрузить-то»? – Ан лихорадочно осматривался. Не найдя ничего подходящего, он попытался наладить голосовую связь с кораблём:

– Груз доставлен на корабль! Необходима разгрузка! – на разные лады кричал Ан. Звездолёт насмешливо молчал.

«Идиот! Столько времени потерял! Поеду так».

Он забрался в вездеход и с тревогой посмотрел на сигнал грузоподъёмности. На нем высвечивалось: «Внимание! Загрузка 98% максимально допустимой грузоподъёмности». Он знал, что на вездеходе стоит ограничитель грузоподъёмности, и что при его превышении, двигатель автоматически блокируется.

«Если даже в эти два процента не влезем все, то перевезу по очереди. Вперёд»!

Вездеход не успел выехать из звездолёта, как планета снова содрогнулась. Корабль вздрогнул, машину качнуло так, что Ана подбросило, и он стукнулся головой о люк. Хорошо, что скафандр смягчил удар. Новый толчок заставил юношу вцепиться в сидение. К счастью, всё вскоре затихло. Переждав несколько минут, Ан осторожно вывел вездеход из звездолёта, поднял платформу и посмотрел в сторону базы. Отсюда сложно было что-то различить, виднелся только перекошенный холм, который теперь скорее напоминал огром-

ную шляпку гриба, сбитую ногой привередливого грибника и застрявшую вертикально в траве.

«Надо срочно вывозить людей. Саша, возможно, сможет разгрузить ящик. Ну, я – дурак – столько времени потерял, надо было сразу туда ехать!»!

На предельно возможной для перегруженной машины скорости, он мчался к провалу, где находились люди. Опасаясь близко подводить вездеход, остановил его метров в десяти.

Прихватив рацию, он вылез из кабины и побежал к провалу. Не добежав пяти метров, он перешёл на шаг, чем ближе подходил к краю, тем осторожнее были его шаги. Подошёл, лёг и заглянул внутрь.

– Сашка! Командир! Вы тут? – прокричал он в рацию.

Сердце радостно стукнуло, когда донёсся хриплый голос Сашки:

– Нету нас, на курорте загораем! Груз забрал на вездеход?

– Забрал. Хотел выгрузить в звездолёте, но не смог.

В рации что-то неразборчиво сказали.

– Что?

– Груз полетит в вездеходе в транспортном отсеке. Его выгрузят на Земле. Почему ты здесь? Тебе же ясно сказали лететь к Земле на автопилоте. Доставить груз и прислать за нами спасательную экспедицию.

– Я это..., – Ан не знал, что сказать. Сказать, что не полетит без них, что совесть ему не позволяет так сделать? Как то

по-детски звучит. – Я не смог открыть звездолёт, наверное, не ту комбинацию запомнил.

– Угу. А где ж ты пытался вездеход-то разгрузить? – сквозь треск помех, слышался кашель.

Сильный подземный удар покачнул землю под Аном. Земля осыпалась, подняв густую пыль. Рядом обвалился кусок породы и с шумом скатился вниз, оставляя за собой широкий грязно-серый шлейф. Ан с усилием отполз подальше от осыпавшегося края воронки и снова заглянул внутрь.

– Саш, как вы там?

– Нормально. Хватит болтать. А то так тут все и останемся, и с грузом. Трос притащил?

– Да!

– За вездеход конец зацепил?

– Да!

– Ну, и на том спасибо. Осторожно разматывай бобину и опускай вниз. Не торопись! Постарайся не пылить, и так ничего не видно! Трос-то хоть взял с креплением?

– А то!

– Ну, молодец. Давай.

Очень медленно и осторожно Ан начал разматывать бобину. Трос тихо пополз вниз.

– Всё. Есть! Жди, сейчас прикреплю командира.

Через десять минут Ан почувствовал, что трос дёргается и услышал:

– Давай иди в вездеход и очень медленно, слышишь? На

самом медленном! Давай заднюю. Понял?

– Да, понял!

Ан бросился к машине. Трясущимися руками включил мотор, поставил на задний ход и медленно стал отводить машину от края провала. Трос натянулся и задрожал. Капли пота заливали глаза Ана. Чуть-чуть добавил скорости, машина вздрогнула и попятилась, выбирая трос из провала.

Проехав метров десять, Ан увидел, как тёмное тело, окутанное в грязно-серое пылевое одеяло, перевалилось через край провала и поползло следом за вездеходом. Ан резко остановил вездеход. Выключил двигатель и бросился к командиру. Наклонился, всматриваясь в пелену серой пыли. Пепельно-белое лицо с ввалившимися закрытыми глазами смотрело на него сквозь шлем. Трясущимися руками Ан оттащил командира подальше от провала.

– Сейчас, командир, потерпи. Сейчас поедem в звездолёт, а там и домой. Всё будет хорошо, – шептал Ан, отцепляя трос от крепления на его поясе. – Погоди пока тут. Я быстро.

Ан на ходу крутил ручку бобины, закручивая трос. Подбежал к машине. Сунул бобину на соседнее сидение, сел сам, и аккуратно взяв вправо, чтобы задним ходом не задеть потом командира, приблизился к провалу. Закрепил один конец троса к вездеходу и, прижав к себе трос, пополз к краю.

– Эй! Все в порядке! Давай другого! Спускаю трос!

– Молодец, – прохрипело в ответ. – Не другого, а другую. По нежнее там с девушкой.

– Да, аккуратно я, аккуратно!

Ан сначала вытащил Элли, потом очередь дошла и до Сашки. Подняв его, он кинулся к нему и обнял. Слезы защипали глаза:

– Хорошо, хоть ты в сознании, а то бы я не знал, как бы вас и достать.

– Все нормально. Ты молодец, – Сашка похлопал его по спине.

– Ты сам как? Что такое? Перелом? – Ан с ужасом смотрел на безжизненно болтающуюся левую руку.

– Хрен его знает.

– Как же ты закреплял их?

– Так, правая-то мне на что? Давай вперёд.

Сашка, как мог, помог Ану погрузить в вездеход сначала девушку, а потом командира. Наконец, забрались сами.

Машина, натужно загудев, дёрнулась и заглохла. В глаза красными пульсирующими буквами забила надпись над пультом управления: «Загруженность 99,9%. Опасность сбоя работы двигателя»

Они переглянулись.

– Давай ещё раз пробуем, если не пойдёт, кому-то надо будет остаться.

Ан глубоко вздохнул и, задержав дыхание, плавно и очень осторожно включил двигатель. Машина вздрогнула, чихнула, дрожь пробежала по её стальному телу.

– Давай, милая! – шептал Ан.

На секунду всё замерло, и мерный рокот мотора заставил их облегчённо вздохнуть.

– Есть!

– Ты смотри, нам везёт! – Саша хлопнул Ана по спине. – Ничего доползём. Главное не торопись и не дёргай.

Очень медленно они добрались до звездолёта.

– Иди, открывай, – прохрипел Саша. После того, как волнение его немного отпустило, стало заметно, что он держится из последних сил.

Ан спрыгнул с вездехода и быстро набрал код входа. Платформа звездолёта стала тихо опускаться.

– Фантазёр, – улыбаясь, произнёс Саша. – Код он позабыл.

Наконец, вездеход внутри. Платформа вновь поднята и звездолёт готов к взлёту.

Вытащив командира и девушку из машины, они сняли с них скафандры. Фактически все делал Ан, Сашка помогал, но что он мог сделать с одной рукой? Они были живы, но всё ещё без сознания. Серые бескровные лица с запавшими глазами пугали Ана. Саша понял:

– Ничего страшного, не бойсь. Сгоняй в медицинский отсек, пригони каталку. Отвезём их в медкапсулы, там они до Земли точно доживут, а уж потом можно не волноваться.

Когда раненных уложили в капсулы, штурман разрешил помочь и себе. Ан осторожно снял с него скафандр, стараясь не сильно травмировать висевшую плетью руку. Лоб Саши покрывала испарина, а цвет лица был не лучше, чем у

командира и девушки. Под его руководством, Ан сделал ему укол и закрепил раненную руку.

– Ну, всё. Отлично. Со здоровьем разобрались. Пора выбираться отсюда. Пошли в центр управления.

Заняв свои места, они последним взглядом окинули планету. Мощный толчок подбросил звездолёт на месте. Метрах в пятидесяти от него образовалась трещина, которая уходила вдаль к базе.

– Срочно взлетаем. Приказываю: автопилотирование груза и людей до планеты Земля.

– Принято. Автопилотирование установлено.

Штурман улыбаясь, откинулся в кресле:

– Ну, вот и все, теперь можно и отдохнуть.

Корабль задрожал. На табло появились цифры, отсчитывающие секунды до старта: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0 –

СТАРТ ЗАПРЕЩЁН. ПЕРЕГРУЗ КОРАБЛЯ.

Они оцепенели.

– Какой на хрен перегруз! – прохрипел Сашка.

– Перегруз свыше 100 килограммов. Полёт невозможен. Необходимо исключить перегруз, – от спокойного голоса автопилота, ситуация казалась безнадёжной.

– Так, – первым опомнился штурман, – давай быстро выбрасываем все, что можно.

– А что можно? Кроме аппаратуры и нет ничего. А кресло и спальные места, как я заметил, приварены к полу.

Они осматривались вокруг.

– Каталка! – одновременно вскрикнули, посмотрев друг на друга.

– Тащи на выход каталку, – приказал Саша.

Ан вскочил и выскочил из центра управления.

Через пять минут запыхавшийся он вернулся:

– Пробуем?

– Пробуем.

– Приказываю: автопилотирование груза и людей до планеты Земля.

– Принято. Автопилотирование установлено.

Корабль задрожал. На табло появились цифры, отсчитывающие секунды до старта: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0 –

СТАРТ ЗАПРЕЩЁН. ПЕРЕГРУЗ КОРАБЛЯ.

– Какой перегруз?

– Семьдесят пять килограмм.

Воцарилась тишина.

– Что делать будем? Больше нечего выбросить? – Ан вопросительно посмотрел на штурмана.

Тот сидел бледный, с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Казалось, что он был без сознания.

– Саш?

– Да. Ты сколько вешишь?

– Я вроде 80.

– Я – 76. Надо кому-то остаться и переждать до следующего звездолёта в одном из ангаров или оставить тут вездеход с грузом.

Оглушительный взрыв заставил их инстинктивно пригнуться к пульту управления. Взглянув в панорамное окно, они увидели, как шляпка гриба далёкой базы раскололась и развалилась. А потом все место в сотни метров вокруг неё накрыла густая пелена серой пыли.

Свет в звездолёте моргнул и погас. Взвыла сирена опасности. Крупными красными буквами билась надпись:

УГРОЗА АВАРИЙНОГО СБОЯ. ВОЗМОЖНЫ СБОИ В АВТОПИЛОТИРОВАНИИ.

Саша вцепился здоровой рукой в ручку кресла:

– Ну, вот и всё. Приехали.

Ан решительно поднялся:

– Судьба сама решила, как быть. Я не умею управлять звездолётом. Я остаюсь.

– Глупость. Возможность сбоя ещё не сбой.

– Нет, Сашка, рисковать нельзя. Лети, доставишь раненных и груз на Землю, а потом вернётесь за мной. Не переживай, я вас дождусь. Пойду к ангарам. Не могло же развалить полностью базу. Пережду там. Дежурила же девушка тут одна и ничего. Землетрясение, может, скоро закончится.

Штурман проводил Ана до выхода. Саша видел сквозь шлем его решительное лицо с крепко сжатыми губами. Они обнялись. Сашка оттолкнул его и резко отвернулся. Ан успел заметить, как из его глаз текли слёзы. Резко повернувшись, Ан пошёл прочь от корабля.

– У тебя двадцать минут, чтобы отойти подальше и

укрыться. Потом мы взлетаем, – услышал Ан в рации скафандра.

– Хорошо. Включи мне музыку. Хочу слышать, как вы полетите.

Ан растворился в пыли планеты. Он шёл быстро. Стараясь успеть укрыться за ближайшими холмами до взлёта звездолёта. Наконец, достигнув их, он обошёл и уселся на землю, прижавшись спиной к холму.

– Прощай, брат, прости! Я вернусь! – почудился ему голос Сашки в грохоте взлетающего корабля и в музыке родной Земли. Целых две минуты он слышал её, пока его не накрыла оглушительная тишина.

«Вот и всё», – подумал Ан и закрыл глаза. Сознание его померкло.

– Испытание окончено, – произнёс спокойный женский голос, – снимите обруч.

– Какое испытание? – Ан открыл глаза.

Он находился в зале за столом перед компьютером, на чёрном фоне которого жёлтыми буквами горела надпись: **ИСПЫТАНИЕ ПРОЙДЕНО. СНИМИТЕ ОБРУЧ.**

– Как я мог забыть! Я же на экзамене! Это было простое испытание. Сердце радостно встрепенулось. Но почти сразу же её сменила тоска, сжавшая грудь, на глаза навернулись слезы.

Он снял обруч.

***

Все два дня, которые школа дала выпускниками на восстановление после экзамена, он проспал, вставая только для того, чтобы поест, выпить лекарство, которое тётя усиленно пихала ему в рот, причитая что-то про зверства учителей, да добежать до туалета.

Постепенно Ан приходил в себя. В ночь перед оглашением результатов он не спал. Включил компьютер и зашёл на их с Линдой канал связи. Двадцать непрочитанных сообщений! С волнением прочитал их все и успокоился, у Линды всё нормально.

Взглянул на часы – половина первого ночи. Почти не веря в отклик, все же нажал на иконку вызова. Через пару минут белая иконка «не в сети» загорелась весёлым зелёным цветом. У Ана радостно стукнуло сердце, когда на экране появилось взволнованное заспанное лицо девушки. Всклопоченные волосы, полурасстёгнутая ночнушка, за Линдой Ан увидел разобранную постель и раскинутые по полу тапочки.

– Линда! Привет! Прости, что так поздно.

– Ан! Ну, наконец-то! Как ты? Я вся испереживалась. Хорошо, что стукнул. Я специально не отключала комп. Заждалась уже тебя. После экзамена ты выглядел так ужасно, что я испугалась. У тебя всё хорошо?

У Ана потеплело на душе:

– Всё хорошо.

– Трудное было испытание?

– Ну да, нормальное. А ты-то как? Всё сдала? Где психо-

логическую адаптацию проходила?

– Ты не представляешь! – Линда тихо засмеялась в кулак. – Я замещала отца, возглавляла совет директоров Хлебопекарного союза.

Ан улыбнулся:

– И как понравилось?

– А то! Здорово! Хорошо, что я ходила на финансовые семинары, что-то хоть понимала. Знаешь, а это классно, оказывается, принимать решения и рулить людьми.

– Ну, конечно, я всегда думал, что из тебя выйдет отличный рабовладелец, – засмеялся Ан.

Линда шутливо замахнулась на него.

Послышался стук в дверь. Она открылась, и на пороге показалась фигура её отца.

– Линда, ты, что не спишь? Завтра ответственный день.

– Пока, пока, до завтра, – быстро прошептала Линда и отключилась.

Ан радостный, что удалось увидеться с Линдой, забрался в постель. Лёг, закинул руки за голову.

«Вот и всё. Школа осталась позади. Завтра всё решится. Я обязательно поеду учиться в Научоград. Я чувствую. Жаль расставаться будет с моими, они хорошие у меня. Ну, это ничего, мы всегда сможем видеться в сети, да и я смогу к ним приезжать на каникулы».

Ан уже представлял себя студентом. Вот он в аудитории слушает лекцию Беклашева Астерия. Ан зажмурился от сча-

стья, так близко было до осуществления мечты – учиться у знаменитого профессора. Проходит время, когда Ан зачитывался его книгами об искусственном интеллекте, мысленно разговаривал с ним, делился планами, идеями и заочно уже полюбил его. Скоро, совсем скоро, он сможет делать это реально! Возможно, и страстное желание учиться в Наукограде во многом определялась именно тем, что там преподавал гениальный учёный.

С радостью на сердце Ан задремал.

***

Утром ночное радостное настроение после встречи с Линдой пропало без следа. Впервые за всё время, как Ан себя помнил, ему не хотелось идти в школу. Он боялся узнать результат испытания. Что он сдал предметные экзамены, он не сомневался. Но сдал ли он финальное испытание? Исполнится ли его мечта продолжить учёбу в Университете Наукограда? Сейчас он был в этом совсем не уверен.

– Ан! Завтрак готов! – слышался голос тёти.

Ан сел и увидел аккуратно разложенный на стуле костюм. Темно-синие брюки и пиджак с серебристой искрой, серебристого цвета рубашка и черные туфли с носками в тон костюма. На рубашке под воротником, над первой пуговицей искрился массивный на вид, но очень лёгкий амулет – символ школы: раскрытая древняя книга, обрамлённая цветущими зелёными ветвями яблони. Рядом с ним, такие же, только очень маленькие, сверкали запонки.

Ан посмотрел на всё это великолепие. Натянул домашние брюки, кофту и пошёл в ванную.

– Вот и вырос наш мальчик, – сказала тётя, вытирая слезу, когда Ан свежий и раздурманенный после холодного душа, вошёл на кухню.

– Доброе утро!

– Доброе! Живой? – улыбкой встретил его дядя, сворачивая газету и бросая её на подоконник.

Ан ничего не ответил, только покраснел.

– Ну, и нагнал ты страху на свою тётушку. Она чуть в обморок не упала, когда увидела тебя после испытания, говорит, был бледный аж до синевы и шатался, как выходец с того света.

– Интересно было бы взглянуть на нас со стороны, – засмеялся Ан, – толпа бледных зомби. А где Сандра?

– Побежала увольняться, – хмыкнул дядя. – Не терпится освободиться.

– Здорово! Избавится от своего дурака–начальника, – он вспомнил, что происходило на кухне тогда в праздничный вечер, и густо покраснел под испытующим взглядом дяди.

– Да уж, приятного мало.

– Это всё благодаря моему отцу и его наследству, царство ему небесное за доброту! – тётя поставила на стол любимые сырники Ана. – А ведь мог всё отписать Хранителям. Ему бы поставили бюст из чистой бронзы там, где родился, и увековечили бы в Дарственной книге, а он о нас вспомнил.

– Угу, – только и мог произнести Ан с полным ртом тво- рога.

– Ты, Ан, главное, не переживай. Если что, то теперь ты сможешь и в элизии прекрасно устроиться. Откроешь своё дело. Мы поможем. Правда, отец?

– Не вопрос. Ты чем хотел бы заниматься?

Ан чуть не поперхнулся. Медленно вытер губы тыльной стороной ладони:

– Программированием.

Тётя с дядей переглянулись.

– Ну, где ж ты тут сможешь программистом-то работать? – дядя задумчиво почесал подбородок. – Компьютеры и программы поставляют Хранители, они же и забирают их в случае поломки, хотя я что-то не припомню такого. Только, если модернизируют.

– Да вряд ли они. Скорее Творцам передают, – вмешалась тётя.

– Ну, да. Я к тому, что компьютеры все под контролем Хранителей. Стратегический вид связи, – поднял он вверх указательный палец.

Тётя фыркнула:

– Ешь давай, «стратегический вид связи». Сметанки подложить?

Дядя недовольно взглянул на неё:

– Хватит, – отломил половинку сырника, обмакнул его в сметану и, жмурясь от удовольствия, начал пережёвывать.

– Не переживай, Ан. Я уверена, что все будет хорошо, и уже сегодня ты станешь Творцом. Не забывай нас тогда, – сказала тётя грустно. – Ну, ладно, давайте быстрее. Через час начало.

***

Ан, облачённый в парадный костюм, убежал вперёд искать Линду. Он торопился, хотя до начала объявления результатов было ещё полчаса. В его душе творилась кутерьма. Надежда и радость от осознания того, что возможно уже сейчас он станет Творцом и сбудутся его мечты, растворились в тоске по Линде, которая сегодня станет Созидателем и останется в элизии навсегда. Творцы и Созидатели, как день и ночь. И хотя разрешались смешанные браки, но это происходило очень редко, так различен был их путь.

«Что будет дальше с нами? И могу ли я отказаться от Творца ради Линды и стать Созидателем? Даже, если я стану Созидателем, вряд ли её отец согласится на наш брак. Скорее ему будет лестно, если женихом его дочери станет Творец», – эта мысль немного успокоила его, и он уже увереннее подходил к заветной беседке.

Она была пуста, и Ан направился к школе.

Во дворе, как и в день испытания, собралось много народа. На этот раз среди присутствующих были и гости–элизийцы, пришедшие порадоваться за друзей или просто поглазеть на праздник. И если в день испытания его поразила напряжённая тишина, то сегодня он опешил от шумной всеобщей

радости. Ан почти оглох от радостных возгласов, переливчатого смеха, громкой бравурной музыки. Он подошёл к стоящим недалеко от ступенек, ведущих в школу, одноклассникам. Ребята обменялись приветствиями, и, ожидая комиссию, делились впечатлениями об испытании.

Быстро пробежав взглядом по нарядной толпе выпускников, Ан отыскал Линду. Она стояла с родителями и смотрела на него. Он приветственно поднял руку, она ответно поманила, и тут же отец сердито одёрнул её. Линда резко повернулась к нему, что-то сказала, и, развернувшись, решительно направилась к выпускникам. Ан взглянул на отца Линды и даже издалека увидел, как побагровело его лицо.

Линда, подойдя, поздоровалась и встала рядом. В этот момент раздались звуки гимна, и выпускники стали выстраиваться в ряд вдоль ступеней.

Из школы вышел директор.

– Приветствую вас, уважаемые родители, выпускники и гости нашего праздника! Сегодня не только праздник школы, но и праздник всего элизия! Мы чествуем наших воспитанников, закончивших подготовку к главной своей миссии – служению элизию, служению Земле. Сегодня дети станут взрослыми. Прошедшие испытания показали, что мы подготовили отличных специалистов и достойных граждан.

По толпе пронёсся радостный шёпот.

– Церемония посвящения в кланы землян объявляется открытой. Прошу выпускников пройти в актовъй зал.

Директор отошёл чуть в сторону и встал около двери. Мимо него потянулись вчерашние школьники. Когда последний из них скрылся в дверях, директор вновь обратился к собравшимся:

– А теперь прошу родителей и гостей праздника.

Толпа радостно хлынула к двери.

***

Ан сидел во втором ряду рядом с Линдой и держал её за руку. Все первые четыре ряда занимали выпускники. Дальше расположились родители и гости.

На сцене за столом, покрытым красным бархатом, сидели Куратор-Хранитель элизия, директор школы, наставники – члены комиссии и почётные гости: председатель общественного совета элизия, представители старейших и богатейших фамилий мегаполиса – крупнейшие работодатели элизия.

Вся задняя стена сцены была обтянута таким же красным бархатом, что и стол. На красном фоне золотом горели слова:

«ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫПУСКНИКОВ С СОВЕРШЕННО-ЛЕТИЕМ! СЛАВА ХРАНИТЕЛЯМ ЗЕМЛИ!»

Внизу под этими словами переливался радужными огнями символ школы. Поднялся Куратор-Хранитель элизия. Шум мгновенно стих. Раздался гимн элизия, и все встали. После последних звуков гимна воцарилась тишина. Ан хотел было сесть. Но на сцене не садились, чего-то ожидая. Зал насторожился.

И тут вновь грянула музыка. Такого Ан никогда раньше не

слышал: резкие торжественные звуки, напоминали шаги великана. В их такт на сцену из-за кулис, печатая шаг, вышли двое в парадной форме. Они несли знамя Элизия и знамя Элизиума. Пройдя половину пути от кулис до стола, они повернулись спиной к залу и сделали несколько шагов к стене сцены, затем развернувшись, остановились. Мгновенье ничего не происходило, и вдруг место между ними заколебалось, и все увидели голограмму человека: мужчину в развевающейся одежде, рука его была вытянута вперёд и вверх. На его ладони медленно вращался Земной шар. Огненно-голубая энергия перетекала из ладони человека к Земле, витками огибая её. Издалека казалось, что рука и Земля объята пламенем. Ан, не отрываясь, словно в трансе, смотрел на них. У него сильно разболелась голова, перед глазами все поплыло, появилось чувство, что он забыл что-то важное и вот сейчас все вспомнит, вот сейчас, сейчас!

Музыка оборвалась.

– Эмблема Главного Хранителя, – раздаётся шёпот о всех сторон.

– Прошу садиться, – как сквозь пелену услышал Ан, и почувствовал, как сзади кто-то тянет его вниз за пиджак. Он сел. Линда тревожно зашептала ему на ухо:

– Ты что? Ты хорошо себя чувствуешь? Что случилось? На тебе лица нет!

Он повернулся к ней, постепенно приходя в себя.

– Всё нормально.

Она взяла его ладонь.

– Какая ледяная у тебя ладонь!

Он в ответ погладил её.

Ан перевёл взгляд на сцену. Там стояла Куратор-Хранитель элизия:

– Друзья! Мне представлена честь, огласить решение экспертной комиссии по результатам испытаний, утверждённых Куратором-Хранителем науки и образования, и вручить почётные дипломы. Я с гордостью сообщаю, что этот выпускной год стал одним из лучших в истории школ нашего элизия. Все выпускники отлично справились с испытанием, за что я лично хочу поблагодарить, как педагогический состав школы за профессиональный добросовестный труд, так выпускников и их родителей, за трудолюбие и упорство. Вы все зарекомендовали себя с лучшей стороны, и результат не заставил себя ждать! С радостью сообщаю, что в этом году запрос от Хранителей на вакантные должности для нашей школы увеличен в три раза! Девяносто выпускников по рекомендации Хранителей смогут выбрать направление своего дальнейшего обучения и работы вне элизия. Со списком избранных, рекомендациями по отраслям экономики и с крупнейшими промышленными производствами, которые их ждут, можно будет ознакомиться завтра на сайте школы. Кроме того, каждому избраннику будут высланы рекомендации с перечнем адресов производственных учебных заведений, прикреплённых к крупнейшим промышленным произ-

водствам, и каталоги специальностей, по которым они готовят специалистов.

Куратор поклонилась, пережидая аплодисменты, и продолжала.

– А теперь решение экспертной комиссии! – она взяла со стола большой запечатанный конверт и открыла его. Достала небольшой лист бумаги, пробежала по нему глазами и заметно покраснела от удовольствия, потом взглянула в зал и объявила:

– Итак, поздравляю школу и жителей Элизия: впервые за последние пять лет выпуск пополнил клан Творцов. Этим избранным стал выпускник Андо Альденис!

Зал взорвался возгласами и аплодисментами. Куратор-Хранитель подняла руку:

– Прошу Андо Альдениса пройти на сцену!

Грянул гимн школы, который утонул в грохоте оваций.

Линда крепко сжала Ану руку, шепнула на ухо:

– Поздравляю!

Ан поднялся. Он не помнил, как на не гнувшихся от волнения ногах, поднялся на сцену, пожал Куратору руку, получил от него диплом, свидетельство и знак Творца. Повернулся к залу. Стоял и растерянно улыбался. Он увидел тётю, которая помахала ему, улыбаясь и вытирая слёзы.

Зал затих. Все смотрели на него.

«Надо что-то сказать», – мелькнула мысль. Речь он не приготовил, ему и в голову это не пришло.

– Спасибо, – с трудом выдавил он из себя. – Спасибо школе, Хранителям, моей семье. Спасибо всем! – Ан смутился.

Хранитель улыбнулась и похлопала его по плечу. Ан вопросительно посмотрел на неё, она кивнула в ответ, и Ан сошёл со сцены.

***

Самый счастливый день в его жизни подходил к концу. И хотя праздник в его честь был в самом разгаре, Ан вдруг почувствовал сильную усталость. Ему захотелось уйти к себе и лечь спать. Позади испытание, волнение, триумф победы, поздравления и радостные лица – всё, что держало его в напряжении последние дни ушло, оставив только непреодолимое желание выспаться. Впереди прощание с родными, университет, новая жизнь – всё, что его ждёт завтра. А сейчас, сейчас надо набраться сил, ведь всё только начинается.

Пожелав всем спокойной ночи и ссылаясь на усталость, Ан поднялся в свою комнату уже в полудрёме, разделся и рухнул на постель, сон почти мгновенно сморил его.

Он увидел, что едет в машине с родителями. Мама что-то тихо напевает, отец, улыбаясь, слушает её. Они счастливы: вон там за поворотом их ждёт что-то необыкновенно-радостное. Вдруг вспышка озарила салон. Молния? Но грома не слышно. Ан в снегу недалеко от машины, видит за стеклом маму и отца, они радостно машут ему, зовут к себе. Раскат грома сотрясает землю и всё погружает во тьму. Ан пытается рассмотреть хоть что-то, пытается встать, но силы

оставляют его. Из тьмы прямо на него надвигаются чьи-то ноги, останавливаются. Ан хочет рассмотреть кто это, его взгляд скользит вверх и видит, как над ним навис клубящийся огонь, жаркие языки пытаются дотянуться до него, поглотить, сжечь, жарко лизут лицо, какие-то тени проступают из огня. Тени сгущаются, обретают форму. Ан видит горящую машину и мужчину, который идёт от машины к нему. Мужчина наклоняется над ним, и Ан видит голограмму-эмблему на комбинезоне мужчины: рука, вытянутая вперёд и вверх, на её ладони медленно вращался Земной шар. Огненно-голубая энергия перетекала из ладони человека к Земле, витками огибая её. Из далека, казалось, что рука и Земля объ-яты пламенем. Ан кричит и просыпается в поту, с бешено колотящимся сердцем.

Ан сел. Он смотрит в темноту, но не видит её. Перед его глазами тот далёкий день. Медленно, как в замедленном кино, он видит кадр за кадром всё, что происходило в тот день.

«Я вспомнил! Вспомнил! Но что это? Как же это? – мысли жалят его. Он не может усидеть на месте, вскакивает с постели и мечется по комнате. – Почему? Почему люди Главного Хранителя убили моих родителей? За что? А может это случайность? Не может это быть случайностью! Я видел, как Хранитель поджёт машину! А может предательство и Главный Хранитель не в курсе, что творится за его спиной? Может быть, и он в опасности?! Но прошло столько лет и с ним всё хорошо... Ничего не случилось... От него что-то скры-

вают или действовали по его приказу? Как узнать? Что делать? Нельзя так всё оставить! Рассказать родным? А если они узнают и убьют и их?! Надо молчать. Надо всё узнать. Самому. Нельзя прощать. Кто бы ни был виноват в гибели невинных, они должны быть наказаны!». Без сна встретил он рассвет. Тревожный рассвет неизвестности.

Часть III «Элизиум»

Глава «Наукоград»

Первый летний день хмурился. Солнце, словно потеряв что-то ценное, грустило и пряталось ото всех за плотными облаками. Лишь изредка его длинные узкие лучи-щупальца высывались и скользили по пелене неба, по земле, по людям, стоящим на перроне, словно искали пропажу, и, не найдя, втягивались обратно, чтобы через несколько минут вернуться и продолжить поиски.

Сегодня Ана провожали в Элизиум. Он стоял на платформе рядом со стеклянным лифтом, в окружении родных. Уже переданы бережно завёрнутые ещё тёплые тётушкины пирожки. И Сандра сунула ему собранный чемодан, на дно которого уложила тёплый шарф, сама связала, на память. И дядя умолк, в очередной раз, наказав ему не быть мямлей, а если что, не забывать, что у него есть родные, которые всегда помогут. Наступила та тягостная минута расставания, когда все сказано, и пора уходить, но трудно сделать последний шаг, сердце не хочет отпускать родное, привычное и шепчет: «Подожди. Не спеши, ничего не забыл? Может ты тут в последний раз».

Ан почувствовал взгляд и обернулся. В нескольких ша-

гах стоял Робин и маленькая белокурая девочка, которую он держал за руку. Ан поставил чемодан и, извинившись, быстро подошёл к другу. Они обнялись.

– Пришёл-таки! Как я рад тебя видеть! Ты куда пропал? И на связь не выходил, – Ан радостно всматривался в похудевшее лицо друга.

– Сандра моим позвонила, сказала, что ты сегодня уезжаешь. Не мог не попрощаться, – улыбаясь, ответил Робин.

– Молодец, что пришёл. Ты как, здоров? Похудел.

– Да со мной всё нормально. Вот познакомься, моя подруга – Люся. Люся, а это мой друг – Ан. Я тебе о нём рассказывал. Помнишь?

Кудрявая головка показалась из-за Робина, куда она спряталась, когда подошёл Ан, и на него взглянули смеющиеся зелёные глаза, потянулась крохотная ладошка. Юноша наклонился и осторожно пожал Люсину ручку:

– Здравствуйте, Люся. Будем знакомы. Как поживаете?

Девочка радостно закивала, и Ан удивлённо взглянул на Робина.

– Она не разговаривает, – сказал Робин и добавил, – пока не разговаривает.

Ан кивнул.

– А вообще, Роб, какие у тебя планы?

– Готовлюсь в наш медицинский. Добро получил. В августе вступительные.

– Рад за тебя. Ты всегда мечтал заниматься биологией и

медициной.

– Да, – усмехнулся Робин, и погладил Люсю по голове, – врачи и тут нужны. Ну. Давай. Удачи тебе.

Они пожали руки.

– Смотри!

Ан оглянулся. У самого края платформы стояла Линда. Тонкий солнечный луч пробился из-за облаков и высветил из серого утра её фигуру. У Ана сжалось сердце, такой хрупкой и одинокой она ему показалась.

– Иди, – подтолкнул Робин.

Ан быстро пошёл к ней, и она сделала несколько шагов навстречу.

– Линда, ты зачем? Мы же обо всём договорились. Не надо было приходить, чтобы твоих не расстраивать. Потом, когда оформили перевод, всё бы рассказали.

Линда отвела взгляд, и опустила голову:

– Прости, Ан.

– Что-то случилось?

Она молчала. Ан взял её руки, прижал к груди и попытался заглянуть в глаза. Она решилась и посмотрела на него.

– Ан, я долго думала. Мы с тобой совсем разные, мы не сможем быть вместе. Моё место здесь, в элизии. Я должна продолжить дело отца. Дело нашей семьи.

Ан удивлённо отстранился, и она заспешила:

– Ты не подумай, что. Это моё решение. Я сама так хочу. Прости, Ан! Мы должны расстаться навсегда. У каждого из

нас свой путь, и он ведёт в другую сторону. Так будет правильнее всего, и лучше для тебя, и для меня, – она перевела дыхание, завела локон за ухо, – прощай, Ан! Ты был моим самым лучшим другом! Я всегда буду помнить о тебе. Желаю всего самого – самого! Ты достоин! – Линда вдруг поцеловала его в щёку и быстро пошла прочь. Ан рванул было за ней, но остановился, а она уже бежала, не оглядываясь.

«Как же так! Линда! Почему! – билось в его голове. – Не захотела со мной. Значит, не любила! А я, дурак, размечтался. И правильно. Так и надо. Я сам-то знаю, куда еду? Что ждёт меня? Может меня самого убьют, как родителей. И пусть! Пусть живёт без меня! Это, даже к лучшему, не нужно отвлекаться на всякую ерунду. Окончить Университет, узнать правду и отомстить – вот моя главная цель, и ничто не должно меня отвлекать. И кто женится в восемнадцать-то лет? Жениться всегда успею, если жив останусь. Да и вообще, зачем жениться? Глупости всё это, пустая трата времени», – всё это в одно мгновение пронеслось в голове, сердце его сжалось и похолодело, прощаясь с Линдой.

Погружённый в мысли, он простился с родными, махнул Робину и вошёл в лифт, который унёс его в капсулу поезда.

***

Через несколько часов поезд плавно остановился на центральном вокзале Элизиума. Ан спустился из вагона на перрон, и поражённый замер. Оживлённость и геометрия самого крупного железнодорожного вокзала на планете заорожила

его. Многочисленные стеклянные ярусы платформ убежали вверх, выбрасывая паутину стальных трубопроводов, по которым ежеминутно отправлялись и прибывали поезда, извинаясь капсулами вагонов. Вспышки разноцветных информационных табло, бесконечные снующие людские потоки, как пауки, плетущие эту металлическую сеть, гвалт вокзальной толчеи сбивали с толку. Ан смешался, озираясь по сторонам.

За его спиной послышался смех, и он обернулся.

Прислонившись к гранитному барьеру, стоял парень. Высокий худой с длинными, почти до плеч, прямыми чёрными волосами, он улыбался серыми, как сталь трубопроводов, глазами.

– Что растерялся? Только приехал?

Ан смутился, но виду не показал:

– Ну, да, только с поезда.

– Издалека?

– Элизий – «Сады Приуралья».

Незнакомец присвистнул:

– Далековато.

– А вы – местный?

– Ага.

– А чего тут? Встречаете кого или проводили?

– Да не, просто люблю вокзальную суету.

– Правда? – удивился Ан.

– А тебе куда? К кому приехал-то? – перевёл разговор незнакомец.

– В Наукоград, поступаю в Университет.

– О! Это хорошо. Я тоже в этом году поступаю. Ты на какой факультет?

– Математическая кибернетика.

– Ты гляди, и тут совпало. Ну, давай что ли, знакомиться.

Горислав, – он протянул Ану руку, – можно просто Славка и на «ты».

– Андо, Ан, – Ан пожал ему руку, улыбаясь.

– Ну, пошли, Ан, провожу, покажу Университет.

– А ты давно приехал?

– Давно, – засмеялся Горислав.

– А, так ты родился тут? В семье Творцов? – допытывался Ан, пока Горислав, проворно лавируя между встречными потоками людей, вёл его к выходу.

– Да какая разница: Творцы, Хранители, Созидатели – всё люди.

Ан удивлённо покосился на него:

«Странный парень, любит околачиваться в этом столпотворении, и о кланах так непонятно рассуждает. Люди, конечно, все люди, но Созидатели почему-то не учатся в Университете Наукограда. Ладно, хоть дорогу покажет, а то тут не разобраться. Мне повезло, можно сказать».

Быстро, меняя эскалаторы, они спустились на улицу.

– В метро? Или на такси?

– Давай в метро, – чуть покраснел Ан, стесняясь, что должен экономить. Но Горислав не обратил на это никакого вни-

мания, кивнул и повёл Ана в подземку.

***

Через полчаса они стояли напротив гигантского здания – шара, и Ан, запрокинув голову, рассматривал его. Сотканный из стеклянных пластин – чешуек, он переливался на солнце, и, казалось, парил в синем летнем небе, как маленькая планета. Ану вспомнилось другое небо, замороженная голубизна которого, переливаясь, отражалась в зеркальных стенах кристалла – комбината где-то в далёкой тайге, вспомнилось тепло мамы, обнявшей его. Он вздохнул.

– Наш Университет, – с гордостью произнёс Горислав.

– Тут, наверное, не меньше пятидесяти этажей?

– Сто восемь этажей и четыреста метров в диаметре. Второе по высоте здание, после Башни Хранителей!

– Здорово! А общежитие тут же? Или рядом где?

– Точно не знаю, ещё не узнавал. Думаю, что тут же. Рядом, на территории Наукограда, только научные и обслуживающие здания вроде бы.

– Спасибо тебе, – Ан хлопнул по плечу нового знакомого, – пошёл я устраиваться. А ты когда? Хорошо бы нам вместе попасть, раз уж мы познакомились.

– А, ну да. Хорошо бы, – смутился новый знакомый, – я попозже. Успею ещё. А ты давай, оформляйся. Ещё увидимся.

– Ну, пока. До встречи, – Ан кивнул и направился к открытому входу, зияющему темнотой, как пещера в гигант-

ской скале.

***

Горислав примчался домой разгорячённый. На пороге его встретил Куки с тапочками:

– Гориславу нужно переобуться. Куки принёс тапочки.

– Спасибо, Куки, мама дома?

– Антонида дома, на кухне.

– Ма, я пришёл – закричал Горислав, переобуваясь.

– Я на кухне, Славик, иди сюда! Руки не забудь помыть!

Наскоро ополоснув руки, Горислав вошёл на кухню и сел за стол.

– Проголодался? – мама поставила в центр стола глубокое фарфоровое блюдо, наполненное тушёным мясом с овощами. – Ты что такой красный? —она положила ладонь ему на лоб, – Что-то случилось?

Горислав отвёл голову.

– Ма, а отец дома? – спросил он, жадно вдыхая аромат рагу, которое Антонида накладывала в тарелку.

– Нет, ещё. Попозже придёт. А ты что хотел?

– Поговорить надо.

– Кушай, – Антонида подвинула ему тарелку. – А со мной поговорить не хочешь?

– Почему же. Очень даже хочу, – с набитым ртом проговорил он.

Антонида поморщилась:

– Прожуй сначала, потом поговорим.

***

За чаем она внимательно посмотрела на него:

– Ну, о чём ты хотел поговорить?

– Ма, я в этом году поступил в Университет.

Антонида удивлённо посмотрела на него:

– Думаешь, я не в курсе?

– Да не в том дело. Я не хочу, чтобы в Университете мне были какие-то поблажки, как сыну Главного Хранителя.

Она улыбнулась:

– Конечно, сынок, не переживай об этом. Отец никогда не допустит, чтобы тебе делали поблажки. Даже и не думай. Будешь учиться на общих основаниях. Мы не афишируем, что ты наш сын. Ни при каких обстоятельствах. Так что тебе придётся потрудиться, чтобы получить звание.

– Не на общих, ма! В том то и дело, что не на общих! Занятия ещё не начались, а у меня уже особые привилегии!

– Это какие, такие привилегии?

– Как какие?! Все живут в общежитии, даже те, кто из Элизиума, а я один дома! Я не хочу, чтобы ко мне относились, как к маменькиному сынку!

Антонида растерянно смотрела на него.

– Но, Славик, это в целях твоей безопасности. Ты же помнишь, как в детстве тебя похитили. Мне спокойнее, когда ночью ты дома.

– Ерунда! Какая безопасность? Кому я вообще нужен? После того дурацкого случая, в Элизиуме не было вообще

ни одного преступления. Отец говорил, что здесь абсолютно безопасно. Да и в Наукограде охрана. Я должен жить, как все, в общежитии. Поговори, пожалуйста, с отцом! Иначе меня все засмеют.

– Ну, кто тебя засмеёт? – улыбнулась Антонида. – Все уважают Хранителей, а уж тем более твоего отца. Никто не посмеет.

– Вот именно, не посмеют! В глаза не посмеют, а за глаза? Я хочу быть на равных условиях со всеми! Прошу тебя, не беспокойся обо мне и уговори отца. Вы же за равенство и справедливость, так что должны подавать всем пример!

– Хорошо, хорошо, не горячись, я поговорю, – Антонида начала убирать посуду со стола. – Кстати, ты опять ходил на вокзал. Там так опасно! И кто тот молодой человек, с которым ты познакомился, может, расскажешь?

Горислав вскочил:

– И прекратите меня опекать! Я – взрослый человек. Сколько можно! Всё! Я ухожу! Утром я переезжаю в Наукоград. Имею право! – он с вызовом смотрел на мать.

Антонида прижала руки к груди, чуть улыбаясь, тревожно смотрела на него:

– Ну, конечно, имеешь! Не расстраивайся. Живи, как считаешь нужным. Мы с папой будем только рады, если тебе хорошо.

Горислав увидел, как глаза её заволакивало слезами. Сердце его сжалось, он быстро подошёл к ней и обнял.

– Прощу тебя, не переживай! Я очень люблю вас с папой, но мне пора уже жить самостоятельно без постоянной опеки. Ты понимаешь?

– Понимаю, сыночек, – она прижалась лицом к его груди.

– Видишь, какой я уже большой стал, выше тебя, – нежно погладил её по голове.

***

Ан жадно пил податливую сладость трепетных губ Линды, когда раздался оглушительный грохот. Он открыл глаза и сел на постели. Прислушался. Тихо. На часах восемь утра. Ан сунул ноги в тапки, накинул халат и пошёл в личную комнату. Ему нравилась личная комната. Нравилась не только тем, что она совмещала спортивные тренажёры и место для релаксации, но и теми тёплыми воспоминаниями детства, которые настигали его всякий раз, когда он утром вставал в отпечатки ступней. Давно прошли дни, когда советы робота-тренера были обязательны, теперь он каждый раз улыбался, когда вспоминал свою борьбу с Эльзой. Но эти воспоминания не только грели его сердце, они бередили душу, не давали забыть то, что забыть нельзя, невозможно – гибель родителей, напоминали о его долге: узнать, кто и почему убил его родителей, отомстить.

Освежившись, Ан пошёл на кухню. Открыл дверь и замер на пороге. За столом спиной к нему кто-то сидел.

– Здравствуйте.

Спина сидящего вздрогнула, человек обернулся, и Ан с

удивлением и радостью увидел Горислава.

– Привет! – жуя, проговорил тот, – давай присоединяйся, сырники любишь?

– Привет! Ты как тут? – Ан подошёл к столу и сел напротив, – поселился? – улыбаясь, спросил он.

– Ну, вон, как видишь. С тобой теперь буду жить в одном блоке, не возражаешь?

– Нет, конечно, я рад.

– Ну, и отлично, – Горислав пододвинул ему тарелку с сырниками, и полный соусник сметаны, – присоединяйся. Я дома не стал, спешил в Универ. Я тут пока никого ещё не знаю, думаю, вдруг меня поделят чёрте знает к кому. А ты вроде ничего. Ма сунула с собой.

Ан засмеялся.

– Ты тоже вроде ничего. Рад, что будем вместе, – Ан положил пару сырников на тарелку и сверху полил сметаной. – Сырники вещь. Я их тоже с детства люблю. Тётушка тоже знатно их готовит.

– Ты что с тёткой жил?

– Да, в семье у тёти, – нахмурился Ан, – родители погибли в автокатастрофе, давно уже, мне десять было.

– Уважаемые абитуриенты! – раздался громкий голос. – Всем, кто не прошёл зачисление, необходимо явиться на кафедру своего факультета. Информация о структуре Университета, расположение кафедр и аудиторий, ваши персональные текущие задачи вы найдёте в компьютерах учебной ком-

наты вашего блока. Информация обновляемая. Все студенты ежедневно перед занятиями обязаны знакомиться с информацией и строго ей следовать. Любые вопросы решаются исключительно через персональные компьютеры. Хорошего вам дня! И Добро пожаловать в Университет!

Ан с Гориславом переглянулись.

– Пошли, глянем, – поднялся Ан.

– Угу, – побормотал Горислав, дожёвывая.

– Похоже, ты любишь поесть, а по тебе не скажешь, вон какой худой, – Ан засмеялся.

– Не худой, а жилистый. И вообще у меня конституция такая.

– Ага. Ясно.

Они прошли общую гостиную и вошли в учебную комнату. Это была большая, но уютная светлая комната с панорамным окном, из которого открывался вид на мегаполис. Ан подошёл к окну.

– Как красиво! Никогда не видел строений таких форм, – Ан, с любопытством рассматривал здания Наукограда, которые геометрическими фигурами расположились вокруг Университета.

Скаленоэдр, призма, трапецоэдр, октаэдр, дипирамида – кристаллы всевозможных форм и размеров выростали из цветущего ковра садов, их окружающих, а дальше, за ними, открывался вид на огромный мегаполис – Элизиум, в центре которого сияющей иглой выстреливала в небо Башня Хра-

нителей. И конца не было этим причудливым строениям из стекла и гранита даже с высоты пятидесятого этажа.

– Фантастическая картина.

– Угу, – Горислав крутанул интерактивный глобус, стоящий перед окном.

– Ладно, а где тут компьютеры? – повернулся от окна Ан.

Они осмотрелись. Напротив окна – стена–экран, под ней ряды видеоматериалов за стеклянными дверцами. Книжные шкафы полностью занимали две другие стены. Рядом с ними напротив друг друга два компьютерных стола.

– Твой какой? – Горислав подошёл к одному из них.

Ан пожал плечами, и пошёл к другому. На чёрном фоне экрана светилась жёлтыми буквами надпись:

«Приложите браслет к идентификационному окну».

«Где это окно?», – Ан осмотрел монитор, и в правом нижнем углу экрана заметил небольшую сантиметр на сантиметр иконку. Приложил к ней браслет. Надпись на экране сменилась:

"Спасибо! Внимание идёт настройка персональных данных. Смотрите прямо перед собой!".

Ан увидел, как на верхней панели в центре замигал глазок видео камеры. Через минуту он прочитал:

«Настройка произведена».

Экран сменил фон на серо-голубой, и Ан увидел информационное меню. Взглянул на Горислава:

– Слав, ты как?

– Изучаю, – не поднимая головы, откликнулся тот.

Ан прочитал сегодняшнее расписание и подошёл к Гориславу. Фон экрана на компьютере Горислава вдруг сменился на чёрный, и на нём вспыхнула алая надпись:

«ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР. ДОСТУП ПОСТО-
РОННЕГО ЛИЦА ЗАПРЕЩЁН».

– Ой. Извини, – Ан поспешно ретировался.

– Мда, – протянул Горислав, – как я понимаю учебные задания нужно выполнять здесь и самостоятельно. Проблемка, однако. Придётся всё самому. Думаю, и на передачу файлов тоже запрет стоит.

– Скорее, всего. Лан. Разберёмся, – Ан улыбнулся, – тебе, куда сейчас по расписанию на кафедру?

– Угу.

– Мне тоже. Пошли.

***

На кафедре «Математической кибернетики» после личного подтверждения прибытия, их зачислили в список студентов и взяли на довольствие.

– А занятия начнутся в сентябре? – спросил Ан у строгой пожилой женщины – ответственного секретаря кафедры.

– Почему в сентябре? – вытянув длинную шею и искоса взглянув на них, от чего стала поразительно похожа на страуса, спросила она. – Вы что бездельничать сюда приехали? Для первокурсников занятия начинаются со дня зачисления. Значит, – она подняла вверх указательный палец, – с сего-

дняшнего дня. Ознакомьтесь с расписанием! – она ткнула в информационный стенд у выхода. – Кроме того, расписание и вся другая, необходимая вам информация, размещена в ваших персональных компьютерах. Читайте внимательно! Попасть в Университет сложно, но будьте уверены, что нерадивым ученикам вылететь из него ничего не стоит. – Она посмотрела на них поверх очков, и видимо, смягчившись их растерянным видом, пояснила, – до начала лекций, вы должны пройти подготовительный курс. Занятия чередуются: три недели занятий, неделя отдыха. Во время отдыха вы можете подать заявку и воспользоваться экономотуром в одном из турагентств Элизиума на ваше усмотрение. Все-таки лето и вам нужно отдохнуть перед учебным годом. Но и о подготовке не забывайте! Впрочем, вся информация в ваших компьютерах. Ступайте уже, и не мешайте работать. Если понадобится, вас вызовут. Следуйте строго своему расписанию! – грозно звучал её голос им в спины.

– Ну и гримза, – отдуваясь, сказал Горислав.

Ан засмеялся:

– Лан, пошли у нас сейчас математика в 51 003 аудитории.

Похоже 51 – это этаж.

– Вы – гениальны! – хохотнул Горислав.

***

Они остановились у массивной матовой двери, над которой горели цифры 51003. Определитель просканировал их лица, и двери бесшумно открылись, пропуская в аудиторию.

В большой комнате ряды столов амфитеатром поднимались вверх от экрана–доски и преподавательского стола к задней стене, где громоздилась учебная аппаратура. Напротив входа во всю стену окно, затянутое тонкой бесцветной плёнкой, пропускающей свет, но закрывающей вид. В случае необходимости плёнка становилась чёрной, и тогда в аудитории интерактивная доска вспыхивала экраном.

Занятие ещё не началось, но студенты уже собрались, и когда Ан с Гориславом вошли, все повернули к ним головы, с интересом рассматривая.

Их было двадцать. Двадцать первокурсников факультета «Математической кибернетики». Пятнадцать юношей и пять девушек. Все одного возраста, но нельзя было сказать, что все активно знакомились и общались. Группа разделилась на две части. Несколько студентов сидели в первых рядах, напротив стола преподавателя. Похоже, что они хорошо знали друг друга и не желали вступать в какие-либо отношения с остальными, которые по одному, по двое рассредоточились по аудитории большей частью в середине и на последних рядах.

– Приветствую сокурсников! – произнёс Горислав, весело всех оглядев. – Позвольте представиться – Горислав, можно просто Славка. Это Андо.

– Ан.

Горислав взглянул на браслет:

– До лекции ещё десять минут давайте знакомиться! – он

быстро сбежал к кафедре, от которой вверх шёл центральный проход между рядами и остановился в его начале, взглянув на рядом сидящих студентов. Один из них поднялся. Это был невысокого роста крепыш с коротко постриженными волосами пшеничного цвета, мелкими чертами лица и с удивительно большим носом, крючком нависающим над верхней губой.

«Какое странное лицо у носатого, – подумал Ан, с интересом его рассматривая, – похож на нахохлившегося попугая».

– А вы из какой семьи будете, уважаемый? – спросил носатый.

– В смысле, из какой? – удивился Горислав. – Из человеческой, у вас другая, что ли?

По залу прокатился смешок.

Носатый чуть нахмурился, но пояснил:

– Я имею в виду, уважаемый, из семьи Хранителей, Творцов или быть может, – он хмыкнул и переглянулся со своими, которые захихикали, – из семьи Созидателей?

– А какая, уважаемый, вам разница, из какой я семьи?

– Большая разница, – он встал, горделиво вытянулся во весь свой небольшой рост и торжественно произнёс. – Я родился в семье Хранителей! Я – потомственный Хранитель, и мне не пристало общаться с теми, кто находится на низшей ступени общества, и тем более с теми, кто стал Творцом, лишь пройдя выпускное испытание. Умственные способности ещё не являются признаком родовитости и знатности се-

мый. Хранителям допустимо, не принижая своего достоинства, общаться только с ровнями себе или на крайний случай с представителями семей Творцов.

– Как интересно, – протянул Горислав, сунув руки в карманы, – а можно поинтересоваться, достопочтимый, за что ж такая честь представителям семей Творцов?

– Хм, это знает каждый цивилизованный человек, – носатый сел и пренебрежительно откинулся на спинку сидения, – Творцы работают на Хранителей, мы – Хранители не можем не контактировать с ними.

– Ну, так тут все – Творцы, а вы, похоже, не собираетесь с ними контактировать, как вы выразились, если они стали Творцами только по результатам выпускного испытания. Где логика?

Носатый поморщился и махнул рукой в сторону позади его сидящих:

– Ну, какие они Творцы? Они все из семей Созидателей. Настоящими Творцами будут только, когда получат диплом об окончании Университета, если ещё хватит на это ума. Если вы из семьи Хранителей или Творцов, присоединяйтесь к нам. Здесь, кроме меня все из семей Творцов.

– А мне все равно, кто из какой семьи. Если тут, значит способные ребята и достойны того, чтобы учиться в Университете. А кто что из себя представляет, посмотрим позже, по результатам учёбы.

– Понятно, – скривился носатый. – Похоже вы из семьи

Созидателей. Ваше место в конце.

Горислав вспыхнул:

– Где моё место, я сам решу. А ты не очень-то тут выступай. Здесь все на одних правах. А будешь высовываться, я тебе покажу, где твоё место.

– Ты мне покажешь? – носатый вскочил. Около него столпились повскакавшие с мест студенты.

– Покажу, покажу, не сомневайся.

Ан подошёл и встал рядом с Гориславом.

Они стояли друг напротив друга, сжимая кулаки.

– Что тут происходит? – в аудиторию вошёл преподаватель. – Прошу всех занять места.

Носатый пренебрежительно скривился, и плюхнулся на своё место. Горислав с Аном переглянулись и пошли наверх.

– Приветствую первокурсников. Я – преподаватель вычислительной математики, Борисоглебский Ян Збитневич. Хочу напомнить вам о необходимости соблюдения строжайшей дисциплины. Нарушители отчисляются из Университета и отправляются домой. Если вы хотите учиться в нашем Университете, то всегда помните об этом. Понятно?

– Понятно, – отозвались студенты.

– Замечательно, начинаем лекцию. Сейчас я ознакомлю вас с программой, которую за лето вы должны пройти, чтобы быть готовыми приступить к полноценным занятиям с сентября.

– Дерьмо, – никак не мог успокоиться Горислав.

– Да брось, что завёлся из-за дурака? Ты же живёшь в Элизиуме, значит из семьи Хранителей или Творцов. Так бы и сказал ему.

– Ты ничего не понимаешь! – горячо зашептал Горислав. – Такие вот компрометируют Хранителей и вообще всю нашу жизнь. Причём тут кланы? Мы все – цивилизация. Творцы работают на Хранителей! Ты слышал когда-нибудь подобную чушь? Творцы – учёные! Учёные не могут работать на кого-то. Они работают на науку. А этот... обезьяна носатая, наверное, и способностей нет никаких. Родители сунули в Университет, чтобы потом должность ему свою передать. Паскудство! Таких надо уничтожать, как гниль, разъедающую наше общество!

– Ну, ты, брат, загнул.

– Я не загнул! Я прав!

– Прошу тишины! Не отвлекайтесь! У нас много работы и мало времени, скоро сентябрь, а у вас ещё и каникулы!

***

Дни в Университете бежали стремительно. Ан и оглянуться не успел, как пролетели первые три недели занятий. Он со многими сдружился и во многом благодаря Гориславу. Балагур и весельчак, тот стал душой курса. Вокруг него всегда были студенты, его любили и прислушивались к его мнению. Даже из кружка Бриггаса Огаста, как, оказалось, звали носатого, многие перешли на к Гориславу. Бриггасу оставалось только завистливо поглядывать в их сторону.

Ан любил общество Горислава, но больше ему нравилось сидеть с книгой или за компьютером. Он изучил всю информацию по искусственному интеллекту, которую только нашёл. Наконец, осуществилась его мечта – он читал работы Беклашева Астерия – ведущего специалиста в этой области. Ан боготворил учёного и надеялся попасть на его лекции, хотя университетская библиотека была ещё закрыта, те лекции, которые он смог найти, он прочитал и не один раз. Он мог часами размышлять над теоретическими выкладками гениального учёного, пытаясь понять, что же происходит в нейросети искусственного интеллекта при обработке им данных и самообучении.

***

В последний учебный день перед недельными каникулами Ан и Горислав сидели в гостиной. У обоих на коленях лежали ноутбуки. Ан углубился в чтение очередной статьи. На мониторе ноутбука Горислава мелькали экзотические картинки.

– Слушай, Ан, ты, где хочешь провести каникулы?

– М-м-м.

Горислав толкнул его локтем в бок.

– Да отвлекись ты на минуту!

Ан поднял голову.

– Что?

– Ты в курсе, что завтра начинаются каникулы?

– Угу.

– Как думаешь провести?

– Ну, не знаю даже. Библиотека пока закрыта. Может попробовать получить доступ в электронную? Хотя вряд ли. Там доступ только с учёными званиями.

Горислав посмотрел на Ана с жалостью и произнёс:

– И это замечательно!

Ан покосился на него.

– Чего ж тут замечательного? Никак не могу найти одну статью Беклашева. А без неё не врублюсь в его выкладки по методам, где он проводит градацию между вычислительными и интеллектуальными процедурами.

– Оставь Беклашева в покое. Начнутся занятия, сам у него спросишь.

– Ты думаешь, он возьмёт меня в свою группу? – Ан с надеждой взглянул на Горислава, – я слышал к нему трудно попасть, нужно быть гением, чтобы Астерий разрешил присутствовать на лекциях.

– Можешь быть уверен, ты – гений, я тебе гарантирую.

– Ты всё шутишь.

– Какие шутки! Только гений может в последний вечер перед каникулами сидеть и читать лекции. Давай заканчивай. Ты не забыл, что мы завтра уезжаем?

– Куда уезжаем? – удивился Ан.

– Здравсте! С добрым утром! Как спалось?

– Славка, да, ладно тебе!

– Ну ладно, так ладно. Давай, откладывай свой комп и глянь, что я нашёл.

Ан отнёс компьютер на стол и присел рядом Гориславом, посмотрел на экран. На мониторе плескалось море. Лазурное, волнующееся. Фокус изображения сместился, и Ан увидел прозрачную глубину, коралловый риф, разноцветных рыбёшек, гоняющихся друг за другом, огромные крылья ската, проплывающего в глубине.

– Красиво.

– Угу. Красиво. Ты когда-нибудь путешествовал?

– Неа. Откуда? У нас в элизии это дорогое удовольствие.

– А как же вы отдыхали?

– Ну как, как. У нас там хорошо. Лес, река. А бассейн и тренажёры прямо на крыше нашей многоэтажки. Да! А ещё можно было выбрать тур и снять домик, стилизованный под любой курорт, отдыхать там и путешествовать виртуально с различным уровнем погружения. Тётя копила на настоящее путешествие, и один раз они с Сандрой даже уезжали на неделю. Помню, как они были счастливы. А я ещё был маленький, как говорил дядя, у меня всё впереди.

– Ну, ясно. В общем, глупо отказываться от подарка Университета. Давай выбирать, куда отправимся.

– Знаешь, – сказал Ан, – а может мне домой съездить, проведать своих?

– Соскучился уже? – насмешливо произнёс Горислав.

– Соскучился, – Ан вспомнил родные лица, но тут появилось чужое, отворачивающееся, избегавшее взгляда лицо Линды, вспомнились и её последние слова. – Хотя нет, луч-

ше в путешествие, – буркнул он.

– Ба, да у нас несчастная любовь! – воскликнул, внимательно смотревший на него, Горислав.

– Не говори ерунды!

Горислав пожал плечами, и ребята углубились в рекламные буклеты турагентств, которые им выслал деканат.

Они выбрали затерявшийся в Индийском океане остров, на котором помимо курорта расположилась научная метеорологическая лаборатория. Вернее его выбрал Ан. Гориславу же было всё равно, и он согласился.

***

Неделя отдыха пролетела мгновенно. Загоревшие, веселые, отдохнувшие они вернулись в Наукоград. Каждый был доволен по-своему.

«А что, – думал Горислав, – нормально отдохнули. И девчонки попались классные». Ему было приятно вспоминать стайку девчонок из их Университета, но с кафедры филологии и педагогики, с которыми там познакомился и которые почти не отходили от него. Они вместе плавали в море, валялись на пляже, подставляя спины жаркому солнцу, ныряли с аквалангами любоваться кораллами.

«Славные девчонки. Особенно Алиска. А какие у неё ножки, а попа, а сисечки! Такие упруго-аппетитные. Даже непонятно, что соблазнительнее. Так бы всю и съел. А как она смешно повизгивала, когда я их тискал, – Горислав мечтательно улыбался воспоминаниям. – А последняя ночь пе-

ред отъездом, голышом в море, только он и Алиска. Кстати, надо ей позвонить».

Ан иногда поддерживал компанию, но чаще всего уходил в лабораторию метеостанции, хотел разобраться с системой связи и управления через удалённый сервис. Он познакомился с учёными из лаборатории, и часто пропадал там, довольный тем, что Горислав развлекается, и он может оставить его, не опасаясь угрызений совести, что забросил друга.

«Всё-таки очень мало мы ещё используем возможности компьютера. Больше доверяем себе. Исследования ведут, как в пещерном веке, почти вручную, и это в наше-то время! Понятно, что они растягиваются на месяцы, а то и на годы. А вообще, какие это славные самоотверженные люди. Только Земцов немного странный. Как он смотрел на меня, когда увидел первый раз, будто знал раньше и хотел что-то сказать. Может мы виделись раньше, но я забыл? Нет, вряд ли, я совсем его не помню. Я точно никогда раньше не видел его полное лицо и нос картошкой, и ямочку на подбородке. Такое запоминающееся лицо, я бы точно запомнил. Но вот глаза! Странные бледно-голубые глаза, как замёрзшее небо, я помню их. Чувствую, что видел их раньше, но когда и где? И почему он в последний день вдруг дал визитку? Сунул в руку: «Звони, если что». А что, если что? Ничего не объяснил. Ушёл. Не спроста, это всё. Он что-то хотел сказать, точно хотел, что-то связанное с гибелью родителей, я уверен. Но что? И почему не сказал? Может это его я видел в лесу,

тогда? Нет. Совсем не похож. Да и убили того...».

Так пролетало лето, недели подготовки сменялись короткими каникулами, приближался сентябрь.

***

– Ан, ты костюм из химчистки получил?

– Не знаю, не смотрел ещё. Глянь в шкафу.

– Доставили! – услышал Ан через какое-то время вопль Горислава. – Паразиты! А мне нет, ты представляешь! Беспредел! В чём я завтра на посвящение пойду?!

– Не кипятись, Слав, сейчас сделаю запрос.

– Я сам могу сделать запрос. Не в том дело! Нет, какое отношение к своим обязанностям! Надо узнать, кто ответственный и уволить на хрен!

Он связался службой обслуживания и через десять минут в дверь позвонили. Горислав открыл. На пороге показался робот-посыльный.

– Вас приветствует служба сервисного обслуживания Наугограда. Ваш заказ выполнен, прошу получить.

– Не прошло и года, – проворчал Горислав, забирая большой пакет и расписываясь на бланке.

– Благодарим вас за то, что пользуетесь нашей сервисной службой.

Горислав с досадой захлопнул перед роботом дверь. Его браслет тихо проиграл мелодию. Горислав стукнул себя по лбу и с возгласом:

– Алиска ждёт! – бросил пакет на диван и выскочил из

блока.

Ан вздохнул. Открыл почту и отправил тётке видео-сообщение. Спросил, как у них дела и попросил тоже прислать видео. «Почему тут запрещены личные контакты? Странно, могли бы общаться через интернет, а для родных даже сделать видео трансляцию завтрашнего посвящения в студенты. У многих, наверное, тут единственный сын или дочь, переживают за них. Мои были бы рады, присутствовать хоть и виртуально на таком событии. Станный запрет».

Он подошёл к окну. Постоял, придвинул кресло и сел. Ему вдруг с тоской вспомнился элизий. Как он любил сидеть у окна и мечтать о будущем. И вот оно это будущее: он тут в Наукограде, сбылась его мечта. Доволен ли он? Конечно, доволен, что за глупости ему лезут в голову? Очень скоро он увидит гениального Беклашева, и, возможно, даже будет учиться у него. Но есть одно но, которое гложет его, не даёт почувствовать себя счастливым: он так ничего не узнал о родителях, об их гибели. Действительно ли они погибли так, как ему это вспоминается? И где он может узнать об этом? У кого? Похоже, он так никогда ничего и не узнает. «Ничего, – думал Ан, – ничего. Придёт время, и я обязательно всё узнаю, не знаю как, но узнаю».

***

Утро первого сентября выдалось погожим. На крыше – трансформере Университета под прозрачным гигантским куполом на рядах вокруг центрального круга расположились

студенты. Только первые два ряда оставались свободными, проход к ним был перекрыт бархатными бардовыми лентами. Все оживлённо переговаривались, ожидая начала церемонии. И вот купол озарился золотым светом, словно солнце засияло над головой так ярко, что на мгновение все зажмурились. Грянул гимн Элизиума, пол в центре разъехался, и из глубины поднялась сцена, где на флагштоках развевались флаги: Элизиума и Наукограда. Перед флагштоком за большим столом расположились Куратор-Хранитель науки и образования, ректор Университета и преподаватели.

Гимн Элизиума смолк, и через секунду раздались торжественный звуки гимна Университета. Бордовые ленты змеями скользнули на пол и в дверях показались первокурсники, которые направились к первым рядам, где быстро рассаживались. Когда последний студент занял своё место, поднялся ректор Университета.

– Уважаемые преподаватели и студенты! Сердечно рад поздравить вас с началом нового учебного года в Университете – истинном и единственном храме науки, подготавливающим Творцов для миссии служения человечеству. Будущее человечества в ваших руках, и это не только почётная миссия, но и высочайшая ответственность, ответственность за будущее!

Горислав толкнул Ана:

– Ты как? Чувствуешь высочайшую ответственность? – хохотнул он.

– Чувствую, чувствую.

– Молодец какой! А в чём, позволь узнать, эта твоя ответственность выражается?

– Славка, отстань, дай послушать.

– Ф-ф-ф, чего тут слушать-то?

... – От вас требуется только трудолюбие и желание получить всё то ценное, что мы готовы вам передать. А сейчас напутственное слово от нашего уважаемого Куратора-Хранителя науки и образования!

Зал взорвался аплодисментами. Куратор науки и образования поднялся.

– Друзья! Коллеги! Приветствую вас и поздравляю с началом учебного года. Хранители убеждены, что судьба планеты Земля в надёжных руках талантливейших людей. Не подведём же их ожидания и будем достойными своей миссии!

– Вот ты, Ан, в курсе, какая у тебя миссия-то?

– Миссия? – Ан задумался. – Может быть, изобрести глобальный искусственный интеллект? – Неуверенно предположил он.

– Извини, дружище, но ты совершенно не достоин своей миссии.

– Чего это не достоин-то? – возмутился Ан.

– А как можно быть достойным великой миссии, когда ты в ней не уверен, – зашептал Горислав. – Может быть... – передразнил он друга. – Ты должен выпятить грудь, бить в неё

кулаком и уверено заявлять о своей миссии! Можешь даже поклясться, что выполнишь, или погибнешь! Тебе не говорили, что ты мямля?

– Сам хорош, трепло и балабол, ты-то знаешь свою миссию?

– А то!

– Андо Альденис! – громко произнёс Куратор-Хранитель первое имя.

Ан вздрогнул. Горислав, улыбаясь, толкнул его и кивнул на сцену.

– Ступай, тебе медальку дадут.

Ан поднялся и пошёл к Куратору. Тот пожал ему руку, поздравил с зачислением в Университет и прикрепил на грудь эмблему Творца-Ученика, на которой на фоне переливающегося кристалла-шара Университета улыбалось миниатюрное лицо Ана, а под ним золотыми буквами сияла надпись: Творец-Ученик.

Радостный и смущённый Ан вернулся на своё место, где его эмблему кинулись рассматривать первокурсники, которые сидели рядом. Горислав, посмотрев на эмблему, одобрительно хмыкнул, и с нетерпением уставился на сцену, ожидая, когда пригласят и его.

– Нас, наверное, сто человек, так сто лет будем ждать, пока всем значки дадут, – ворчал он.

Словно услышав его, рядом с Куратором встали Ректор и

Главный преподаватель, которые тоже стали вызывать первокурсников для вручения эмблемы.

Наконец, Куратор произнёс: – Горислав Оргунов!

Горислав подскочил и ринулся к сцене. Куратор пожал ему руку, прикрепил эмблему и вдруг обратился к залу:

– Внимание, друзья! В этом году к нам в Университет поступил сын Главного Хранителя! Горислав Оргунов! Прошу всех относиться с уважением! А на вас, Горислав, – обратился он к пунцовому юноше, – лежит особая ответственность – быть примером для всех. Ваша почётная обязанность – продолжить дело отца, и мы горды, приветствовать вас в Университете Наукограда, где вы сможете всесторонне подготовиться к выполнению этой великой обязанности.

Горислав неловко кивнул и почти бегом направился на своё место.

– Вот, козёл, – шептал он, усевшись на своё место, – кто его просил.

Посвящение продолжалось. Горислав покосился на Ана, тот сидел словно окаменев.

Горислав резко повернулся к нему:

– Ты чего? Не ожидал, что ты тоже, такой же. Для тебя не важен человек, а важен клан, к которому он принадлежит? И что ты молчишь-то? – разозлился Горислав. – Даже разговаривать не хочешь?

Ан посмотрел на нахохлившегося Горислава.

– Почему не хочу. Просто от неожиданности. А что ты не

сказал, что сын Главного Хранителя. Ты что, стесняешься своего отца?

– Вот ещё, – фыркнул Горислав, – что мне стесняться своей семьи-то? Опасаюсь дураков, которые видят вместо людей, кланы, а я хочу в жизни всего достичь сам, понимаешь? Сам!

– Понимаю, чего тут не понять, не кричи, пожалуйста.

Горислав хотел что-то сказать, но промолчал, махнул рукой и отвернулся.

До конца посвящения они не сказали друг другу ни слова.

***

С этого дня Ан стал сторониться Горислава. Всё чаще Горислава окружали восторженные почитатели, которые ловили каждое его слово, а Ан засиживался за компьютером. Прекратились разговоры по душам и совместные обеды-ужины. Горислав и Ан всё больше отдалялись друг от друга. Ан готовился к собеседованию у Беклашева, а потом, после удачного собеседования, был зачислен в группу его учеников, что ещё больше отдалило бывших друзей: Ан выбрал специализацию, изучавшую искусственный интеллект и интернет, Горислав был зачислен на административное программирование. Теперь только рано утром за завтраком перед занятиями и вечером в учебной комнате их можно было застать вместе. Ни тот ни другой не делали попыток к сближению. Горислав, из-за самолюбия, Ан, потому что стал думать о нём, как о возможности войти в семью

Главного Хранителя и приблизиться к тайне гибели родителей, но его душа противилась лжи. Страстное желание узнать правду и нежелание лгать, даже из-за этого, боролись в нем, и пока побеждало второе. Но кто знает, как будет потом? А сейчас Ан гнал от себя эти мысли и с головой ушёл в учёбу.

***

Ан с волнением ждал десятого сентября, дня, когда была назначена первая лекция Беклашева. Первая лекция по традиции была открытой, и на ней могли присутствовать все желающие. Ровно в десять утра он сидел в переполненной аудитории. Студентов пришло столько, что были заняты не только все места, но и проходы, даже вдоль стен нельзя было найти ни одного свободного места. Все с нетерпением ждали преподавателя.

Он вошёл стремительно. Низкого роста, полный и совершенно лысый он двигался с удивительной лёгкостью. Под аплодисменты прошёл за кафедру, махнул руками, призывая к тишине. Студенты сели.

– Ну-с, уважаемые коллеги, и зачем вы сюда явились?

Про аудитории пронёсся неуверенный ропот.

– Учиться. Послушать светила кибернетики, – слышались выкрики.

– Хм, хм, – произнёс он, – ну, светило вон там, за окном, – кивнул он на солнце, – это вы не по адресу, А что касается учёбы, так всё в ваших руках. У каждого из вас есть окно в беспредельный мир знаний – компьютер, стоит только от-

бросить лень и можно научиться всему на свете. А вот вы скажите, зачем вам учиться? Для чего?

Студенты растерянно переглядывались.

– Чтобы приносить пользу человечеству, – кто-то неуверенно выкрикнул.

– Эко, батенька, хватил! Вы уверены, что сможете принести пользу человечеству? Чудненько! А в чем эта польза, вы можете определить? Что хорошо для человечества, а что плохо?

Все молчали. Он обвёл смеющимися глазами студентов.

– Вы все знаете историю, вы прекрасно помните, как одна эпоха сменяла другую. Эпохи были разные, были и трудные смутные времена, кровопролитные войны, и революции, открытия, застои, кризисы и взлёты развития всё было в истории человечества, а можете ли вы определить, какое время, какая эпоха для человечества принесла пользу, а какая была бесполезной?

– Такое невозможно. Жизнь, какая бы она не была, не может быть бесполезной.

– Вот! – воодушевлённо вскинул руку Беклашев. – Вы абсолютно правы. Жизнь не может быть бесполезной. А что такое жизнь?

Со всех сторон посыпались предположения студентов:

– Рост!

– Развитие!

– Движение!

– Совершенно верно! Движение! И неважно, какое движение, поступательное развитие вперёд или ретроградное отступление. Любой из моментов жизни важен и необходим! Прогрессивное движение вперёд обязательно в какой-то пиковый момент своего развития остановится, исчерпав свои возможности, и тогда общество будет лихорадочно искать выход из тупика: попятиться назад, метаться в кризисах и войнах – до тех пор, пока человечество не увидят новый путь для движения вперёд. Только застой тяжёлый, удушающий саму жизнь, может уничтожить человечество, больше ничего. А вы можете определить, в какое время мы с вами живём?

– В прогрессивное! – слышались отовсюду голоса.

– Да? А позвольте у вас поинтересоваться, каким действием, движением вперёд, открытием ознаменовалось, ну, хотя бы последнее десятилетие?

– Нет войн.

– Ликвидированы эпидемии.

– Нет бедных.

Доносились со всех сторон возгласы.

– Замечательно, замечательно! Нет войн, ликвидированы эпидемии, бедность и прочие и прочие, несомненно, реальные достижения нашего мира, но прошедшие много десятилетий назад, это констатация свершившегося некогда действия. Я же спрашиваю, какое движение происходит сейчас или, хотя бы, в последнее десятилетие? Можете ли вы назвать какое-нибудь крупное открытие, которое привело бы к

колоссальным изменениям в мире?

Гул прошёл по аудитории, студенты растерянно переглядывались, пожимали плечами.

Беклашев, оглядывал аудиторию.

– Вот именно! – наконец сказал он, – и я не знаю! И меня это пугает! Наше человечество вошло в полосу застоя, и если вы своими мозгами не выведете его из этого состояния, то оно обречено на гибель! Любой, даже самый прекрасный мир, обречён на самоуничтожение, если в нём отсутствует движение. Движение к чему-то: к мечте, идее, которая заставит развиваться, самосовершенствоваться. Я, как учёный, посвятивший свою жизнь изучению искусственного интеллекта, предлагаю вам такую идею. Вы можете принять её или отвергнуть, предложив миру свою. Но главная ваша задача, как учёных, предложить идею саморазвития человечеству, бороться с застоём, а значит приносить истинную пользу! Сегодня я хотел бы ознакомить с основами моей идеи, суть её в том, что искусственный интеллект способен и должен взять на себя функцию управления внешней жизнью человечества. Многие страшатся «очеловечивания» искусственного интеллекта. Опасаются, что он может закабалить человека, превратить его в раба и манипулировать им, даже уничтожить, так как возможности искусственного интеллекта по вычислительным функциям на много превышают человеческие. Но это ошибочное утверждение! Искусственный интеллект функционирует исключительно в тех рамках,

которые ему задаёт человек. Только в этих рамках возможно и его самообучение, и его функционирование. Управление экономикой, планирование – всё, что связано с расчётами, анализом и оценкой взаимосвязей, должно быть передано искусственному интеллекту, как беспристрастной, совершенной, универсальной машине-управленцу, способной в этом качественно заменить человека. И я вам это докажу! Сегодня я начинаю цикл лекций, которые помогут вам понять, в чём отличие вычислительных и интеллектуальных функций или почему человечеству не нужно бояться искусственного интеллекта.

***

Ан был поражён. Он смотрел на преподавателя, как загнипнотизированный. Как так, разнести в пух и прах сегодняшнее мироустройство! У него словно открылись глаза. Нельзя ограничивать себя шаблонами, жизнь – безграничное движение. А куда движемся мы? Куда нас ведут Хранители? Они говорят, что их главная задача – охранять мир, который они построили. Что это значит? Значит, они хотят, чтобы этот мир существовал вечно? Но это же стагнация, загнивание и гибель человечества! Быть может, они предложат что-то новое, что поднимет человечество на новую ступень в развитии, в движении? Но что? И каким должно быть дальнейшее движение цивилизации? Куда? Никогда прежде не приходили такие мысли ему в голову. Он удивлялся себе. Почему? Почему он сам об этом не думался. Это ведь элементарные

вещи, о которых он знал интуитивно. Для себя он выбрал путь развития – стать Творцом. И стал им, а дальше что? Что он может предложить человечеству как Творец?

***

Ан после лекции долго не возвращался в блок, всё бродил по Элизиуму, присматривался к кипящей жизни вокруг него, вспоминал элизий, Сандру, Робина, размышлял. Уже село солнце, когда он увидел вызов на браслете, его искал Горислав. Ан удивился, давно они не созванивались друг с другом. Ответил на вызов.

– Ты где? У тебя все в порядке?

– Все нормально, а что? Что-то случилось?

– Случилось, иди домой. Я тебя тут жду. Расскажу.

***

Горислав встретил его у порога, схватил за руку и потащил в гостиную. Там был полумрак. Горел только экран телевизора, на котором, как мельком увидел Ан, шли новости.

– Ты что?

– Ты же был на лекции Беклашева сегодня?

– Конечно, был. Ты знаешь. Чего спрашиваешь?

– Он арестован.

– Кто арестован?

– Ты что, дурак? Беклашев арестован!

– Как арестован? За что? – Ан растерянно сел на диван.

– А я знаю? Сказали в новостях, что арестовали при выходе из Университета за пропаганду против Хранителей.

– Какая ерунда! Я был на лекции, ничего против Хранителей он не говорил. Вообще оценил высоко, всё, что они сделали.

– Не знаю. Но факт есть факт. Мне звонил отец, сказал, чтобы я не смел общаться ни с кем, кто посещает лекции Беклашева. Что всех будут проверять, и возможно среди них есть враги нашей цивилизации.

– Бред какой-то! Ты сам то в то веришь? Я что – враг цивилизации?!

– Нет, конечно! – Горислав взволновано ходил по комнате. – А вообще ты знаешь, отец очень порядочный и честный человек. Я ему верю. Что-то тут не так. Может быть, его обманули? Все это очень странно. В общем, я тебя предупредил.

– Спасибо. Может тебе переехать в другой блок? В целях безопасности, – усмехнулся Ан.

– Тебе все шуточки. Ты не понимаешь, как все это может быть серьёзно. Знаешь, я хочу тебя познакомить со своими. Ты не против?

Кровь бросилась в голову Ану: «Вот он момент, когда можно подойти близко к тому, чтобы разгадать загадку гибели родителей. Воспользоваться? Глупо не воспользоваться. Я должен все узнать. И если Главный Хранитель – враг, то я должен знать врага в лицо».

Ан подавил волнение.

– Когда?

Горислав облегчённо вздохнул и дружески хлопнул Ана по плечу.

– Я рад, что ты согласен, а то думал, что не захочешь. Я узнаю у своих когда и скажу тебе. Хорошо?

– Хорошо, – чуть запинаясь, ответил Ан.

Горислав радостно засмеялся.

– Идём на кухню, я там сегодня ужин затеял.

***

На следующий день Университет гудел как улей. Утром все студенты получили объявление, что занятия на сегодня отменены, и всех студентов убедительно просят не покидать здание университета под страхом отчисления. В окно Ан видел, как преподаватели выходили из Университета и садились в электромобили, которые ждали их перед входом. Больше десятка электромобилей увезли учёных.

Ан с Гориславом вышли из блока и, несмотря на отмену занятий, пошли в аудиторию, где должна была проходить лекция. Однокурсники уже собралась там. Около стола в окружении друзей стоял Бриггас Огаст. Он волновался, и от этого казался ещё носатее, чем обычно. Остальные студенты сгрудились в центре аудитории. Огаст что-то горячо говорил и прервал свою речь, как только Ан с Гориславом вошли. Все посмотрели на них. Носатый прищурился, а потом с вызовом крикнул:

– Я уверен, что Оргунов – предатель! Именно он мог донести моему отцу о профессоре и того арестовали.

Ребята вскочили с мест. Горислав бросился к носатому, но Ан удержал его.

– Огаст, что за глупость говоришь! Если бы это было так, ты бы помалкивал, и не смел выступать против Горислава, а то ведь недолго и из университета вылететь, если такое услышит его отец, не правда ли? Ты и вякаешь только потому, что уверен, что Славка не предатель, и никогда ничего не доносит отцу. Мерзавец!

Носатый стусевался и ретировался, бормоча ругательства.

Ребята окружили Ана и Горислава. Горислав стоял бледный, со сжатыми кулаками, на его скулах бугрились желваки.

– Да брось, забей. Мы знаем, что это не ты.

– Спасибо, – от волнения просипел Горислав.

Дверь с треском открылась и на пороге появилась группа старшеклассников.

– Сидите? – спросил один из них. Невысокого роста, худой, он был стремительный и резкий. Быстро вбежал на кафедру.

– Ян Чижевский! Ян Чижевский! – слышались возгласы.

Ян обвёл взглядом аудиторию:

– Сидите! И ничего не делаете? Все старшекурсники выступили против ареста преподавателя! Мы требуем освободить учёного, который виноват только в том, что честно нас учил, – он рубанул воздух рукой. – Вот! Мы составили пе-

тицию руководству Университета и Куратору образования. Присоединяйтесь! Чем нас больше, тем выше шанс, что профессора Беклашева отпустят на свободу! Подходите! Подписывайте! – он призывно махнул рукой.

Ребята кинулись к кафедре подписывать. Только Бриггас Огаст с друзьями остались на месте.

– Подписывайте и выходите на площадь перед Университетом! Мы собираемся там и идём к Башне Хранителей, чтобы передать петицию Куратору образования. Кто не трус – присоединяйтесь! За профессора Беклашева! За науку! За свободу мысли!

Ан с Гориславом переглянулись и пошли к столу. Они подписали петицию, и увлекаемые всеобщим энтузиазмом, вышли из аудитории. Когда выходили из лифта, то увидели ректора: бледный с дёргающейся щекой он стоял в центре холла и срывающимся, почему-то необычно-визгливым голосом, призывал студентов разойтись по блокам, грозя исключением из Университета всем, кто покинет его. Студенты молча обходили его и скрывались за дверями входа. Ан с Гориславом тоже осторожно обошли ректора, и вышли на улицу.

Ана поразило волнующееся человеческое море – сотни юношей и девушек – и поразительная тишина, окружили их с Гориславом, поглотили и повлекли к Башне Хранителей. Впереди шёл Ян Чижевский с петицией в руках. Встречающиеся им люди останавливались и долго смотрели вслед,

кто-то присоединился, кто-то спрашивал, что случилось.

И вдруг:

– Свободу профессору Беклашеву!!!

– Свободу науке!!!

– Свободу мысли!!!

Кто первый выкрикнул, Ан не заметил, возможно, это был парень с петицией, но вслед за ним сотни и сотни голосов, сливаясь в один мощный голос, выкрикивали своё недовольство, свою надежду на то, что они могут что-то изменить в этой жизни. Они были как единый человек, бесстрашный и решительный. Каждый чувствовал свою значимость, и в этом единстве личное «я» становилось мелким, уступало место сильному и всеобъемлющему «мы». И казалось, что это «мы» способно на все: освободить учителя, свернуть горы, достать до солнца.

На площади перед Башней Хранителей их остановил полицейский кордон, перед которым стояли полицейские чины во главе с Куратором-Хранителем Элизиума. Куратор поднял рупор, и его рык разнёсся над площадью:

– Внимание всем! Приказываю стоять!

Колонна студентов, словно споткнувшись, остановилась.

– Немедленно разойтись! Всем вернуться в Университет!

Повторяю! Всем покинуть площадь и вернуться в Университет!

Второй рык произвёл уже не такое сильное впечатление на студентов, толпа всколыхнулась, и начали медленно продвигаться.

гаться вперёд. Подойдя почти вплотную к Куратору Элизия, остановились. Вперёд вышел Ян Чижевский:

– Мы просим принять от нас петицию. Мы ходатайствуем об освобождении нашего преподавателя – профессора Беклашева. Его оклеветали! Это лучший из преподавателей!

Куратор выхватил петицию и разорвал её в клочья.

– Неповиновение власти?! Всем разойтись иначе будете арестованы!

Он обернулся к полицейским:

– Внимание! Приготовиться!

Полицейские сделали три шага вперёд, и подняли парализаторы.

Студенты попятилась. Большая часть их постепенно отходила назад. Впереди осталась только небольшая группа старшеклассников и Ан с Гориславом.

Куратор махнул рукой, полицейские бросились на них и, заламывая руки, потащили к электромогилам, припаркованным рядом. Кто-то завизжал, и все бросились врассыпную. Ан с Гориславом оказались в одном электромогиле. Хлопнула дверца, и он тронулся. Проехали они недолго. Объехав Башню Хранителей, электромогилы въехали в раскрывшиеся ворота и остановились в её цокольном этаже. Из машины студентов отвели в камеру.

***

Сквозь частую толстую решётку лился тусклый свет из узкого коридора. Шершавые холодные каменные стены, такие

же каменный пол и низкий потолок. Одна длинная скамья. В углу в полу отхожее место, накрытое круглой крышкой. И всё. Ан осмотрелся. Холодно. Почему так холодно? Только лето закончилось. Ан и Горислав сидели рядом, пытаясь согреться. Ан чувствовал, как Горислава колотит озноб.

– Что скажет твой отец? Зачем ты полез-то со всеми?

– А что отец? – вскинулся Горислав. – У меня своя жизнь и своя голова на плечах! Я сам за себя отвечу.

Их было семеро студентов. Они, нахохлившись и прижавшись друг другу, молча сидели на скамье. Браслеты у них изъяли, и Ану казалось, что просидели они вечность. От пережитого нервного потрясения многие сидя уснули, когда по каменному полу послышались гулкие шаги, и к решётке подошли двое. Остановились, всматриваясь в ребят.

– Который из них? – спросил низкий толстый полицейский.

– Третий слева. Похоже, спит. На лицо упали чёрные волосы. Рядом со светлоголовым. Вон видите?

– Ага! Понятно. Сейчас всё будет исполнено.

Он поднёс свой браслет к замку, и несколько решёток отъехали в сторону, открывая проход. Они вошли в камеру. Толстяк подошёл к Гориславу и тронул его за плечо:

– Горислав Оргунов, на выход.

Горислав вздрогнул, откинул волосы со лба и выпрямился, но не встал.

– Горислав Оргунов, прошу вас следовать за нами!

– Ещё чего, – наконец, буркнул Горислав, – я с вами никуда не пойду. Пришёл со всеми, и уйду со всеми.

Пришедшие переглянулись.

– Ваш отец приказал, чтобы вы отправлялись немедленно домой!

Горислав покраснел, и сунул руки в карманы:

– Отец не может указывать мне, как жить! У меня своя жизнь!

– Немедленно встаньте и следуйте за нами! – толстяк наклонился, чтобы взять его под руку и вывести силой, но Горислав вырвал руку, вскочил, ударился головой о стену и снова плюхнулся на скамью.

– Оставьте его, – резко приказал второй. Толстяк ретировался.

Они ушли.

– Ты чего? Надо было идти. Как ты теперь? – спросил Ан.

Подошёл старшекурсник, который нёс петицию, протянул руку Гориславу:

– Ян Чижевский, рад знакомству.

Горислав радостно потряс её.

– Взаимно.

– Молодец! Свой! Брат! – студенты окружили Горислава, дружески хлопая его по плечам и спине.

Горислав улыбался, пожимал всем руки, он был горд, что его, наконец, приняли, как своего.

***

На другой день им прочитали лекцию о необходимости подчинения властям, и о том, что влечёт за собой неподчинение, отдали браслеты и отпустили. Они возвращались героями, казалось, что их встречал весь Университет, когда перед входом студенты накинулись на них с объятиями и поздравлениями.

Но главная радость ждала всех к вечеру. По Университету было объявлено, что профессор Беклашев с завтрашнего дня продолжит свои лекции по расписанию. Вот это была настоящая победа! Ликованию не было предела. Студенты, преподаватели поздравляли друг друга. Во многих блоках отмечали победу. Ян Чижевский позвал на вечеринку и Горислава с Аном. Там впервые Ан встретился с учёными, которые в открытую критиковали существующий порядок. Если на лекции Беклашева были теоретические рассуждения о необходимости поступательного развития цивилизации, то тут Ан услышал мысли, критикующие существующий порядок. Они странным образом откликнулись в нём, как будто он сам давно об этом думал, но только теперь осознал.

– Вы только посмотрите вокруг! – говорил высокий мужчина светловолосый с аккуратно подстриженной бородкой и усами, когда Ан с Гориславом вошли в комнату, – в элизиях идёт разложение на высшие семьи и никому не нужных лишних людей, которые не могут применить свои способности нигде, кроме как в питейно-игровых заведениях. И таких становится все больше и больше, по мере того, как все

больше богатств накапливается в руках крупных семейств. Неужели до сих пор не понятно, что пока существует экономика, основанная на оценке не человеческих качеств и вложений в общество, а на денежном эквиваленте, мы вовлечены в этот порочный круг, в круг, в котором живут деньги, а не люди. Люди, только как придаточный элемент, обслуживающий деньги! От чего мы ушли и к чему мы пришли? Вот скажите мне! Да! Я понимаю и признаю огромную заслугу Хранителей в объединении цивилизации, именно оно помогло нам справиться со многими проблемами: нет войн, нет распрей между людьми из-за границ, ресурсов, предрассудков. Но! Но распределительная система в виде подачек развращает и отупляет. Даже несчастный инвалид захочет ощущать себя полезным обществу в чем-то, чем жить на подавание – пособие. Да! Да! Все эти пособия – есть суть подавание, когда общество не в состоянии дать людям возможность раскрыть себя, свои таланты, способности и умения, влиться в общество на равных и потому откупается от него. На пособие, и сиди не высывайся в своей норе, чтоб мы тебя не видели и не слышали! Клань, семьи, для которых фетишем, как и сотни лет назад, остаются деньги – вот наша проблема и тормоз в развитии человечества, – он вдруг увидел вошедшего Горислава и замолчал. Взял бокал и глотнул вина. Опять взглянул на смутившегося Горислава, и обратился ко всем:

– Думаю мне пора. Завтра с утра лекция, – и раскланяв-

шись, вышел.

К ребятам подошёл Ян:

– Ничего, не тушуйтесь, просто вас ещё мало знают, сами понимаете.

– Понимаем, – закивали ребята.

***

За всеми этими событиями незаметно приближалась первая сессия. Студенты готовились к экзаменам, реже встречались на вечеринках в блоках и чаще в библиотеках. Тем вечером Ан сидел в гостиной и смотрел новостной телеканал. Последнее время он пристрастился вечером смотреть новости. На экране мелькали кадры с собранным урожаем, который в этом году был рекордным. Экономика, происшествия, преступления, творчество, научные открытия, облегчавшие жизнь – все было в центре внимания новостей. Все кроме новостей, критикующих существующий порядок или Хранителей, или делающие хотя бы намёк, на то, что жизнь может быть другая.

Ан потянулся к браслету, чтобы отключить телевизор, как неожиданные резкие кадры остановили его. Серебристый электромобиль на всей скорости вдруг вильнул, его занесло, он сделал разворот и со всего размаха ударился о столб линии электропередач, мгновенно превратившись в грудку искорёженного металла. У Ана похолодело сердце. «Кто это так!». Голос за кадром произнёс:

– С прискорбием сообщаем, что гениальный учёный

Беклашев Астерий разбился в автокатастрофе. Несчастный случай лишил науку, Университет, Элизиум, весь мир талантливому выдающемуся человеку! Хранителями принято решение увековечить память о нём. На центральной площади Наукограда будет возведён бюст Беклашева Астерия из драгоценного металла. Родным покойного назначено повышенное пожизненное обеспечение.

– Славка! Славка!

– Ты чего орёшь? – Горислав вошёл в комнату, жуя яблоко.

– Ты посмотри! Беклашев погиб!

Горислав закашлялся и сипло произнёс:

– Как погиб? Когда?

– Да вот, сейчас передали в новостях. Автокатастрофа.

– Не может быть? Какая автокатастрофа? У нас же безопасный транспорт и почти не бывает автокатастроф. Автоматика. Ничего не понимаю.

– С прискорбием сообщаем, что в электромобиле знаменитый профессор был не один, а со своим подающим надежду талантливым студентом – Яном Чижевским. Останки погибших будут переданы родным для прощания и погребения в семейных усыпальницах. Весь мир скорбит вместе родными и близкими!

– А я понимаю, – тихо проговорил Ан, сжимая кулаки.

***

Университет словно вымер. Все сидели по своим блокам,

боясь лишний раз выйти. И все равно из аудитории в аудиторию полз слух о том, что профессор Бекмашев и студент Чижевский не просто погибли, а их убили. Во всем обвиняли Хранителей и самого Главного Хранителя. От Горислава шарахались, как от чумного. Он побледнел и похудел за эти дни. Длинный, худой, осунувшийся, бледный с тёмными кругами под глазами, как после болезни, он сторонился всех, даже Ана. Ан жалел его, и старался поддержать, как мог. Но как он мог?

– Хорош, киснуть. Ты чего такой?

– Будто сам не знаешь чего.

– Экзамены скоро. Соберись. Что ты сидишь и пялишься в теленовости? Готовится будешь или нет?

– Зачем? И так поставят нужную оценку.

– Замечательно. Скурвился, значит, на хяляву решил жить.

Горислав вздрогнул и покраснел:

– Не говори ерунды. Ты что не понимаешь ничего? Как мне дальше жить?

– В смысле, как дальше жить? Как все живут.

– Я не все!

– Да ну, и чем же ты отличаешься?

– Я – сын Главного Хранителя и даже ты меня за это презираешь. И даже Алиска. Не желает меня, видите ли, знать! И пофиг! А я люблю свою семью и я не верю, слышишь! Я не верю, что отец виноват, что он причастен! Я его знаю всю

свою жизнь, а вы не знаете!

– Не кричи. Ну, знаешь и знаешь. Не причастен и не причастен. Я и не утверждаю, что именно он. Ты вообще не причём в этой ситуации. Что ты накручиваешь?

Горислав вскочил и подошёл почти вплотную к Ану:

– Ты, правда, думаешь, что это не отец виновен?

– Да ничего я не думаю, что я могу думать, если я не знаю!

Горислав отошёл к окну.

– Знаешь, отец хочет познакомиться с тобой. Они с матерью приглашают тебя в эту субботу в гости. Если ты пойдёшь, конечно, а не будешь занят подготовкой к экзамену, – тоскливо усмехнулся он.

У Ана бухнуло сердце. Он смотрел на сутулую спину Горислава, и ему стало жаль его. «Надо идти, – подумал он, – я должен всё узнать и отомстить! А Горислава жаль».

– Почему же занят? Приду.

Горислав резко обернулся к нему. Глаза его сияли.

Глава «По закону мести»

Тихий прерывистый звук сигнала поступившего сообщения настойчиво напоминал о себе. Мысль сбилась. Ан нахмурился и с досадой оторвался от работы. Часы в нижнем углу компьютера показывали восемь утра.

«Да что ж такое! Кому с утра пораньше неймётся?».

Он открыл сообщение:

«Системная рассылка.

Уважаемые студенты шестого курса! Администрация Университета поздравляет вас с успешным завершением обучения и сдачей выпускных экзаменов! Напоминаем, что сегодня 21 июня 2248 года в 15:00 в зале Собраний состоится торжественное посвящение в Творцы-Учёные. Явка всех студентов шестого курса строго обязательна. Распределение будет завершено в течение ближайшей недели, и до 3 июля сего года вы должны будете приступить к своим новым обязанностям, покинув Университет.

Мы горды, что подготовили в вашем лице плеяду талантливейших Творцов-Учёных и уверены, что вы не посрамите славное имя нашего Университета. В добрый путь и до прощальной встречи сегодня в зале Собраний!».

Ан откинулся на спинку трансда.

«Вот и всё, – мелькнула мысль. – Что же дальше? – Неопределённость ждала сердце. – Ещё неделю ждать рас-

пределения... Это просто невыносимо!» – Ему хотелось действия чёткого, конкретного, которое привело бы в порядок его мысли и чувства. Не в силах оставаться на месте, он резко встал. Локоть задел органайзер, который со звоном разлетелся по полу. Ан бросился подбирать.

Дверь в учебную комнату открылась, и на пороге показался заспанный Горислав в пижаме. Оглядев пустую комнату, он хотел было уйти, но тут из-за стола Ана показалась голова.

– Привет, – Горислав зевнул, прошёл за свой стол и плюхнулся на трансид. – Встал уже? Что ты там потерял? – Его взгляд наткнулся на системное сообщение. – Кстати, завтра родители устраивают торжество по случаю окончания Университета, – он покосился на Ана и, зная его нелюдимость, поспешно добавил: – Ну, не торжество, конечно, а так, – покрутил в воздухе пальцами, – небольшой семейный праздник. Будут только свои. Тебя просили быть. Придёшь?

Ан посмотрел на него из-за стола и поднялся.

– Спасибо за приглашение. Только знаешь, совсем нет настроения веселиться.

– Чего это вдруг? – Горислав потянулся. – Экзамены позади. Всё отлично.

– Угу. Это у тебя всё отлично. Уже до испытания знал, где будешь работать, а мне ещё неделю мучиться. Не представляю, что буду делать, если не попаду в ЕКЦ.

– А чего не попадёшь-то? Уже, наверное, все знают о твоей мечте, а преподаватели тем более. Ну, хочешь, я погово-

рю всё-таки с отцом?

Ан ответил не сразу, он сел и принялся устанавливать органайзер, наконец, произнёс:

– Нет, если что, я и сам могу поговорить.

– Вот и правильно, – Горислав хлопнул по столу, – не хандри, всё уладится, и будешь ты всю жизнь возиться со своим искусственным интеллектом. Интересно, а может у тебя в планах сделать его женщиной? А что? Было бы отлично: и любимая работа, и любимая жена – всё в одном лице, а то я думаю, чего это ты с девчонками не знакомишься? Бережёшь себя для идеала? – Горислав, смеясь, увернулся от увесистой книги, первой, что попалась под руку Ану. Поднял её, взглянул на название «Платон, Ампер и Винер – начало эпохи кибернетики» и хмыкнул, – что это ты корифеями-то разбрасываешься? Больно умный стал, да?

Ан засмеялся.

– Ну, наконец, стал издавать человеческие звуки, – улыбнулся Горислав. – Лан, некогда мне тут с тобой. Опять мне костюм из химчистки не принесли! Ну, никакого уважения к будущему правителю! Пойду, всех уволю нафиг!

Ан посмотрел ему вслед.

«Хороший парень. Может рассказать ему обо всём? Не поверит. Как слепой кутёнок, свято верит своему отцу, а доказательств у меня нет. Чтобы были доказательства мне обязательно надо поступить на работу в ЕКЦ! Обязательно! Хотя бы без допуска...».

***

На крыше – трансформере Университета в центре огромного зала Собраний на сцене стоял высокий пожилой мужчина. Свет, исходивший от гигантского купола, освещал его прямую фигуру, облачённую в серебристую мантию, ниспадающую свободными складками. Когда-то тёмно-русые волосы, теперь отливали серебром седины на висках и затылке. Высокий лоб мощно нависал над кустистыми седыми бровями. Взгляд спокойных властных стальных глаз, казалось, видел самую суть вещей. Притихшие студенты заворожённо смотрели на него – живое воплощение Власти, Порядка и Справедливости – на Главного Хранителя.

«Вот он. Спокоен уверен в своей правоте и в своём праве распоряжаться чужими жизнями, – думал Ан. – Движением пальцев он может возвысить человека надо всеми, и одним взглядом приказать уничтожить его. Какое бесчувственное каменное выражение! Маска, а не живое лицо! Это не человек, это сгусток злой воли, власти над миром. Ещё шесть лет назад, когда я впервые увидел его, он был другим. Властным, сильным, но живым. С ним можно было соглашаться или нет, любить его или ненавидеть. Он мог чувствовать и вызывал ответные чувства. Теперь в нём нет жизни – высохший старик, Кощей, как из древней сказки, что читала мне мама, только не выдуманный, а настоящий. Разве что чахнет не над золотом, а над властью, держит её когтистой лапой, – Ан вздохнул и провёл рукой по лицу. – Успокойся,

что накручиваешь? Тебе же ничего не известно, только детские воспоминания, сны. – Он снова взглянул на сцену. – Да что уж, известно – неизвестно, – спорил он сам с собой, – одного взгляда достаточно, чтобы понять, что главное для этого человека – это сохранить власть. Ради этого он жил и живёт. Как прав был Беклашев! Жажда власти – есть отрицание мысли и культ эмоции, граничащей с животным инстинктом. Пока он правит, мир обречён на медленное умирание. С этим нужно бороться, и бороться его же методами! – Ан сжал кулаки, попытался успокоиться. – Не надо судить по внешнему виду и по догадкам, которые подсовывает тебе воображение, чтобы так думать о человеке, нужно оперировать неопровержимыми доказательствами, а не пытаться играть в Господа Бога, – Ан отвёл взгляд от Главного Хранителя и взглянул на Горислава. – Славка, отличный парень, друг. Сколько раз я пытался рассказать ему всё, и сам себя останавливал, видя слепую любовь к отцу. «Дети не отвечают за родителей» – выжег я в своём сознании ещё тогда, как только узнал, что Главный Хранитель – его отец. Жалею ли я? Нет! Но сколько планов мести перечеркнула его ироническая улыбка, заставляя сомневаться в себе, даже в своих воспоминаниях. Прости, Славка, я знаю, ты – другой, совсем другой. И если бы только поверил мне, ты бы сам захотел всё изменить! Настало время. Пора расстаться, иначе я так и буду топтаться в нерешительности...».

«Папа, родной, как сильно сдал! А ведь ещё совсем не ста-

рый, только-только разменял девятый десяток. Устаёт. Все силы отдаёт работе. За всю жизнь я ни разу не видел его без дела, всегда чем-то обеспокоен, кому-то помогает, постоянные звонки, советы, переживания, – думал Горислав, не сводя глаз с Главного Хранителя. – Вон как глаза запали, и похудел сильно в последнее время. Только мы с мамой знаем, как ему стало тяжело ходить, а от трости отказывается из гордости. Вот и сейчас придерживается кончиками пальцев за кафедру, – сердце Горислава сжалось. – Надо уговорить его чаще отдыхать, да и мне надо больше времени проводить с ним, – Горислав, почувствовав взгляд Ана, взглянул на него и ободряюще улыбнулся. – Переживает. Сегодня же поговорю с отцом. Он обязательно поможет».

***

Вечеринка отшумела, и гости разошлись. Уставшая и побледневшая Антонида поцеловала Горислава.

– Спокойной ночи, сын, – и повернулась к мужу, – Эги, пойдём отдыхать. Такой суматошный день, ты устал.

Главный Хранитель поднялся, проводил её, обняв за плечи, до двери:

– Иди, Тонь, я буду через пять минут. Нам надо со Гориславом поговорить.

– Ну, хорошо. Только недолго. Славик, не задерживай отца, он уже с ног валится от усталости, – Антонида вышла, и в комнате остались только отец с сыном.

Главный Хранитель прошёл к маленькому столику. Сел

около него, и кивком головы подозвал сына.

– Так о чём ты хотел со мной поговорить, сын?

– Отец, я об Ане хотел, – Горислав просительно смотрел на отца. – Он мечтает работать в ЕКЦ и не просто мечтает. Ан талантливый программист, первый у нас на курсе, и уже сейчас работает над идеей создания глобального искусственного интеллекта. Помогите ему, пожалуйста! Он – настоящий учёный.

– Хм, Горислав, – Главный Хранитель задумчиво взял со столика стакан с водой, – я, конечно, в курсе талантов Андо, но работать в ЕКЦ Земли могут только особо доверенные люди. И потом, – Главный Хранитель сделал глоток и взглянул на сына, – у нас только одно вакантное место, и это место для тебя. Сам подумай! Не могу же я устроить вас двоих, пусть даже он твой лучший друг.

– Как! Но... Я думал, что возможно...

– Невозможно, сын, я, как Главный Хранитель, не имею права нарушать порядок. Вакансия одна, а ты хочешь, чтобы я, используя служебное положение, устроил двоих?

– Нет, конечно!

– Ну, вот видишь, ты сам всё понимаешь!

– А как же тогда быть?

– Как быть. Как быть, – Главный Хранитель поднялся и принялся шагать по комнате. – Значит так, мы можем предложить Андо место в одном из филиалов ЕКЦ. Там, правда, у него не будет возможности работать над искусственным

интеллектом, ресурса нет, – Главный Хранитель потёр ладонью лоб и обернулся к сыну, – но ты уверен, что нам необходим этот искусственный интеллект? Не принесёт ли он опасность в будущем? ЕКЦ отлично справляется с текущими и прогнозными задачами планирования, экономика работает стабильно. Что ещё нужно?

– Но, отец, жизнь и наука не стоят на месте, нам необходимо развиваться, в том числе создать искусственный интеллект. Ресурсы земные не безграничны, и человечеству необходимо будет выйти в космос. Мы должны подготовиться.

– Ну, хорошо. Я могу устроить Андо на свободное место в ЕКЦ, но, во-первых, сразу его не допустят к работе над искусственным интеллектом, нужно будет время, чтобы зарекомендовать себя, а для этого годится любой из филиалов ЕКЦ, и во-вторых, как же ты? – Он остановился напротив сына и вопросительно взглянул на него.

Горислав взволнованно поднялся.

– Думаю, мне не принципиально, где работать в филиале или нет, моя работа возможна и там, и там, а Ану всё-таки лучше сразу начать в ЕКЦ, чтобы, как ты говоришь, зарекомендовать себя.

Отец задумчиво смотрел на него. Наконец, произнёс:

– Ты действительно хочешь работать в филиале? Они очень далеко от Элизиума, – он помолчал и добавил, – и мать расстроится.

Горислав решительно рукой рубанул воздух:

– В конце концов, я уже не мальчик, и мне пора жить самостоятельно.

Отец дружески похлопал его по плечу:

– Ты прав, сын! Я горжусь тобой, – и вышел из библиотеки.

***

На вокзале Горислава провожали родители и друзья. У него было много друзей, и Горислав в толчее только успевал поворачиваться и пожимать руки, прощаясь. Ан стоял рядом. Он уже знал о своём назначении и, хотя Горислав категорически отказывался, подозревал, что занял его место. Он был благодарен ему и в то же время расстроен, что осуществлять задуманное будет «руками» друга. Это мучило его. Пройдой ночью он так и не смог заснуть после того, как получил сообщение о своём назначении, и теперь выглядел осунувшимся. Горислав приписывал состояние Ана усталости, и расставанию.

– Да брось, ты, не хандри! Всё будет хорошо, и на севере люди живут, и неплохо, знаешь, живут, особенно дети Главных Хранителей, – он нервно посмеивался, с тревогой думая, как там у него всё сложится. – А расставаний в нашем мире не существует, ты же специалист по интернет – связи, и сам лучше меня знаешь!

– Ну, да, конечно, если не считать, что у Творцов и Хранителей разные выделенки, но, что нам стоит создать третью, единую, – улыбнулся Ан.

– Вот видишь! Я всегда в тебя верил, – хлопнул его по плечу Горислав.

Последний сигнал и стеклянный лифт унёс Горислава с платформы в капсулу поезда. Ан, ссутулившись, двинулся к выходу.

Антонида тихо плакала, с укором смотря на мужа.

– Ну, что, добился своего? И зачем надо было отсылать мальчика так далеко?!

– А что, по-твоему, я должен был оставить его в Элизиуме, и это после его участия в выступлении студентов? Там, по крайней мере, он будет изолирован от ненужных для будущего правителя контактов в ближайшие несколько лет, а уж об интернет – безопасности я позабочусь. Это очень удачно, что Андо мечтает работать в ЕКЦ, пусть работает, он никому не помешает, а мне с сыном помог.

Антонида покачала головой, выдернула руку из руки Главного Хранителя и пошла прочь.

– Тонь, ну ты что! Это ненадолго! Ну, пара-тройка лет! – поспешил за ней Главный Хранитель, она только махнула.

***

Ан стоял перед дверью и недоуменно рассматривал её. Обычная дверь, без сканера и кодового замка, без сигнала вызова. Он ещё раз сравнил номер кабинета с тем, что был в его вызове из ЕКЦ. Все верно, кабинет триста восемьдесят пятый. Ан, поколебавшись, постучал. Замок щёлкнул, Ан взялся за ручку двери и потянул на себя. Послышался

звон разбившейся посуды и вопль:

– Ах, ты! Негодяй! Опять за своё! Сколько раз тебе говорил, чтоб не лазил, где не положено!

Ан увидел ноги, торчащие из-под компьютерного стола, стоявшего у стены.

– Иди сюда! Ну, иди, иди сюда, кому говорю! – ноги дёрнулись, их хозяин, ударяясь спиной о край стола, явно пытался кого-то схватить.

Наконец, послышалось сдавленное мяуканье и ноги попятнулись. Из-под стола выбрался худой маленький человечек, прижимающий к груди большого рыжего кота. Человек увидел Ана и на мгновение оторопел. Этого оказалось достаточным, чтобы кот, ловко извернувшись, вырвался из его рук и выскочил в открытую дверь. Ан удивлённо проводил его взглядом. Человечек бросился было за котом, но того и след простыл в длинном извилистом коридоре.

Человечек сердито тряхнул седыми всклокоченными волосами и, уперев руки в бока, пошёл на Ана.

– Какого чёрта, вы врываетесь, да ещё и дверь за собой не закрываете! Я вас не вызывал! Идите на своё рабочее место! И без вызова не входить! Понятно?!

– Понятно, – изумлённо проговорил Ан и протянул направление сердитому старику.

– Ну, чего, чего вы тут мне тычете, – недовольно пробормотал тот, но бумагу взял. Пожевал губами и строго взглянул на Ана:

– Вам когда было предписано явиться?

– Сегодня к девяти часам.

– К девяти часам! А сейчас сколько?

Ан взглянул на браслет:

– Пять минуты десятого, – улыбнувшись краешками губ, произнёс Ан.

– Вот именно! Уже пять минут! Надо быть пунктуальным, молодой человек, тут вам не игрушки! – он кашлянул, одёрнул полы пиджака и внимательно оглядел Ана.

– Ну те-с, молодой человек, и что прикажете с вами делать? И зачем мне стажёры, скажите на милость? Мне программисты нужны! Про-грам-мисты! А не пойми что!

Ан покраснел:

– Вообще-то, я окончил Университет, и имею диплом программиста. Мне присвоено звание Творец-Учёный в области математического программирования.

– Да что вы говорите! Творец, да ещё и учёный, да к тому же в области математического программирования! Это ведь какая честь для нас! – всплеснул руками человек. – А мы тут все так, после школы собрались. Идите-ка вы, учёный, в шестьсот семьдесят вторую, базы данных форматировать, Мария давно уборщика просила, – он отвернулся от Ана и пошёл к столу, положил листок и что-то быстро чиркнул на нём.

– Вот, заберите! – листок бумаги лёг на край стола.

«В Отдел Статистики. Принять стажёром» – прочитал Ан,

беря листок. Он нерешительно потоптался на месте, хотел что-то сказать, но передумал, повернулся и вышел из кабинета.

«Вот шут гороховый!», – думал он, идя к лифту.

Лифт остановился на шестом этаже, двери разъехались, открывая проход в просторный светлый вестибюль, от которого в глубину этажа уходил коридор. Весёлый такой коридор, с пушистым бежевым ковралином на полу и забавными картинками, изображающих зверей и природу, на светло-серых стенах. Шестьсот семьдесят второй кабинет был почти в самом конце коридора. Голубой луч сканера пробежал по лицу, и дверь, пискнув, открылась. Ан вошёл в узкий проход.

– Здравствуйте! – крикнул Ан и прислушался. Тихим гудением его приветствовал кластер серверов. Ан пошёл по длинному коридору, по обе стороны которого высились шкафы. Коридор упёрся в стеклянные двери, которые открылись при приближении Ана, и он услышал мелодичный перезвон сигнала оповещения. Ан очутился в квадратной три на три метра стеклянной комнате. В противоположной стене и в стенах справа и слева находились по две двери, над ними светились голубоватым светом таблички с яркими жёлтыми надписями: «Архив: уровень 1», «Архив: уровень 2», «Архив: уровень 3», «Архив: уровень 4», «Архив: уровень 5», «Архив: уровень X». В центре комнаты на массивном столе возвышался компьютер. Ан подошёл к нему, на мониторе увидел пустую строку запроса и под ней надпись: «Введите

уровень архива, номер запроса и код доступа. При необходимости вызовите дежурного». Большая красная кнопка горела под монитором. Ан, поколебавшись, нажал на неё.

Ничего не произошло. Ан хотел было нажать ещё раз, но тут дверь под табличкой «Архив. Уровень 1» открылась и на пороге показалась девушка, высокая стройная в серебристом лёгком брючном костюме. Она быстро подошла к Ану, и, кивнув, громко сказала:

– Здравствуйте! Дежурная, Ангелина Свиридова, что вы хотели? У вас запрос?

– Здравствуйте, Ангелина. Меня направили к вам, устраиваться на работу. Вот моё направление.

Ангелина взяла протянутый листок, и быстро пробежав глазами, улыбнулась.

– Очень хорошо, Андо! Нам очень нужен стажёр. Пойдёмте!

Она пошла к двери под табличкой «Архив. Уровень X», мельком взглянула на сканер замка и, придерживая открывшуюся дверь, пропустила юношу вперёд. Раздвинув прозрачные шторы, они прошли в небольшой компьютерный зал. В центре него за столом сидела женщина и что-то быстро набирала на клавиатуре.

– Мария! – окликнула её Ангелина. – Извините, к нам пришёл стажёр! По направлению из Университета! Куратор направил его к вам.

Женщина оторвалась от работы и посмотрела на вошед-

ших. Ан увидел строгое худощавое лицо, огромные чёрные глаза, которые казались ещё выразительнее из-за короткой стрижки платиновых волос. Её лицо можно было бы назвать красивым, если бы ни недоверчиво-пронзительный взгляд и строго сжатые в нитку губы.

– Ангелина, не кричите, я не глухая, – строго сказала Мария. – Направление! – она протянула руку. Ангелина передала ей направление. Мария прочитала и положила его на стол. – Очень хорошо. Нам нужны стажёры-программисты. – Она устало потёрла лоб. – Так, пока будете работать на первом уровне. Ангелина, – она строго посмотрела на девушку, – проводите, пожалуйста, – она взглянула на направление, – Андо Альдениса в ваш отдел, и передай Максиму, что я распорядилась под его руководство. Будут вопросы, пусть свяжется со мной. Ступайте! – она резко развернулась на кресле и застучала по клавиатуре.

Ангелина дёрнула Ана за рукав, и они вышли.

***

– Ребята! У нас новичок! – крикнула Ангелина, как только они вошли в комнату под табличкой «Архив. Уровень 1».

Помещение, куда попал Ан, по размеру было такое же, как и зал, дверь из которого вела сюда. Только в центре него находился не стол с компьютером, а низкий сервировочный столик на гнутых ножках с вазой, наполненной фруктами, на столешнице и двумя полутораметровыми шкафчиками с двух его сторон. Уютный диванчик и разбросанные вокруг

стола трансиды, завершали картину, приглашающую к отдыху. И, конечно же, место отдыха не пустовало, на диванчике Ан увидел знакомого котяру. Он развалился во весь рост, свесив пушистый хвост, и хитро поглядывал на Ана щёлчками глаз.

Вместо стен комнату опоясывала бездонная синь неба с лёгкой рябью медленно плывущих белых облаков и огромным оранжевым солнцем, свет которого не слепил глаза, а мягко касался всего вокруг. Внезапно солнце вздрогнуло, зарябило, и в образовавшуюся в нём щель вышел пожилой человек в серебристом, как и у Ангелины костюме. Он быстро подошёл к Ану:

– Здравствуйте, молодой человек.

Ангелина подала ему направление:

– Мария направила его к нам, под ваше, Максим, руководство!

Максим взял направление, прочитал и улыбнулся, потеплевшими серыми глазами:

– Рад! Искренне рад. Ну, давайте знакомиться. Я – руководитель отдела архива первого уровня Григорьев Максим.

Ан радостно пожал протянутую руку:

– Я тоже очень, очень рад.

Небо вновь дало трещину и из неё выпала весёлая молоденькая толстуха. Она подкатилась к Ану, и, смеясь, представилась, протягивая руку:

– Алла! Привет! Бум знакомы!

– Андо, привет! Очень приятно! – отозвался тот, стараясь скрыть удивлённый взгляд, который невольно обращался к её костюму. Казалось ещё чуть – чуть и он порвётся от резкого движения, но нет, рельефно обозначив все складки её тела, сидел, как влитой.

– Максим, Геличка, Андо, идите сюда! – сказала Алла, уютно устраиваясь на диванчике. – Давайте чаю выпьем за знакомство. Ибрагим! – крикнула она, – Иди уже, чего застрял?

Максим чуть сдвинул брови, взглянув на браслет:

– Ладно, раз такое дело. Общий перерыв десять минут.

Алла захлопала в ладоши. Ангелина быстро пристроилась рядом с ней на диванчик, подняв кота и положив его себе на колени. Тот довольно замурлыкал. Ан и Максим расположились по бокам диванчика на трансдах. Все уселись и Алла, спросив, кто что хочет, захлопотала у шкафчика – меню, выбирая напитки и всё необходимое для чаепития. Показался Ибрагим. Высокий, стройный, можно даже сказать, худой, чёрные длинные волосы до плеч, аккуратно подстриженная бородка и усы, хмурый взгляд светло-карих глаз недовольно осмотрел всех.

– Вам бы только побездельничать, – проворчал он, на ходу сунул Ану руку. Ан встал и пожал её, ощутив крепкое ответное пожатие.

– Ибрагим.

– Андо. Но обычно меня зовут Ан.

Ибрагим сел верхом на трансид и внимательно посмотрел на Ана.

– Ну, Ан, так Ан. Чем хотел бы заниматься, Ан?

Все выжидающе посмотрели на юношу.

– Вообще я программист, закончил факультет «Математическая кибернетика».

– Ясно дело не балерина, – хмыкнул Ибрагим, и отправил в рот крохотное печенье.

Ангелина укоризненно посмотрела на Ибрагима. Ан улыбнулся:

– А, вообще, я в Университете интересовался искусственным интеллектом, и хотел бы принять участие в его разработке.

– Искусственный интеллект? Да кому он нужен, искусственный интеллект? – хмыкнул Ибрагим. – Хотя, конечно, интересоваться можно всем, чем угодно, – он взял, подвинутую к нему Аллой чашку и, глотнув, скривился. – Алла, опять ты килограмм сахара насыпала! Ну, сколько раз просил! – он поставил чашку на столик и поднялся: – Ну, ладно, приятно познакомиться, стажёр, если что, обращайся, – и нырнул в небо.

Алла вздохнула и виновато произнесла:

– Ну, как можно пить не сладкий чай...

Ангелина засмеялась и обняла её:

– Да будет тебе! Ибрагим ничего не понимает! Давай по шоколадке!

– Угумс, – довольно кивнула Алла и проворно наклонилась к меню выбора.

– Искусственный интеллект – это хорошо, – задумчиво произнёс Максим. – За ним – будущее. Так что, Ан, не бросайте свою мечту. Ну, а пока нужно будет заняться нашими обычными делами. Вам поручается привести в порядок базу данных. Ваше первое задание: изучите её и предложите эффективное структурирование. Посмотрим, чему учат сейчас в Университете. Задание понятно?

– Да, понятно.

– Вот и хорошо. Работа творческая. Дерзайте. Через три дня жду от вас план выполнения. – Максим поднялся. – Не засиживайтесь. Работа не ждёт. Ангелина, покажи Ану его рабочее место. Да! – обернулся он, почти подойдя к небу, – и смени, пожалуйста, фон! Две недели уже это небо висит. Изобрази что-нибудь эдакое, – он улыбнулся и щёлкнул пальцами, – для разнообразия.

– Хорошо, – кивнула Ангелина.

***

Рабочее место Ану понравилось. Пусть небольшой, но личный кабинет, и самое главное – компьютер мощный высокоскоростной. Ан с любопытством изучал его: по внешнему виду совсем такой же, как учебный, но по характеристикам университетский был простой игрушкой, по сравнению с этим.

Быстро пройдя персонализацию и зарегистрировавшись в

сети новым пользователем, он получил целый пакет инструкций. Тут было всё, начиная с ознакомительной частью о ЕКЦ и отдела Ана, дней рождения сотрудников, расписанием дня и до правил обращения к базе данных через цепочку иерархических доступов. Этот раздел он прочитал особенно внимательно.

На экране высветилось: «Уровни доступа к базе данных архива».

Ан нашёл данные о себе.

«Мой уровень третий. Доступна только личная информация или запрос. Отправить запрос о родителях? В принципе это было бы естественным, если предположить, что я знаю, что родители погибли, но ничего об этом не помню. Надо будет поговорить с Максимом. Любая информация важна, но я уверен, что там нет никакой важной информации. У меня должен быть код доступа А, и он у меня будет! – пытаюсь подавить волнение, он так сжал руки, что косточки пальцев побелели. – Спокойно, спокойно. Не думаю, что принцип кодирования доступов различаются по уровням. Итак, моя первая задача – изучить принципы архивирования данных и кодирования доступа на моем уровне. Большая удача, что мне дали задание, которое выведет к моей цели! Это очень хорошо. Очень хорошо...» – Ан погрузился в работу.

Ан так увлёкся работой, изучая принципы архивирования, протоколы коммуникации, топологию сети, что не замечал, как летело время.

«Какая громоздкая устаревшая система! – думал он, погружаясь в лабиринты архивирования данных. – Ну, зачем, зачем это многократное копирование и дублированное хранение фрагментов баз данных! А промежуточные звенья филиалов ЕКЦ вообще следует удалить. Сколько тратится бездарно людских и материальных ресурсов. Да и не только филиалы. Сам огромный архив ЕКЦ вполне мог занять своё скромное место в памяти искусственного интеллекта. Никаких запросов в архивы, только прямой контакт любого пользователя: вопрос – ответ. И полное сохранение конфиденциальности на любом уровне, при единственном условии – первичной био персонификаций пользователя в глобальной сети и его прав доступа. И всё! Искусственный интеллект обеспечит любую степень защиты. Да что там архивы! Эффективный экономический прогноз и выбор лучшей наиболее перспективной модели развития из сотен и даже тысяч возможных – не это ли одна из главных актуальных потребностей? Вот, оно! Вот доказательство необходимости его применения!».

Три дня изучения структуры архива и анализа базы данных пролетели мгновенно и, наконец, Ан последний раз просмотрел предлагаемую им схему реструктурирования.

«Однако.... Это уже не реструктурирования ... – думал он, – это принципиально новый подход к системе формирования архива базы данных ЕКЦ. Система уникальна, но потребует значительных вложений для внедрения, – Ан убрал

руку от «Enter», сомневаясь. – Поймёт ли Максим? Возможно, мне следовало просто решить рутинную задачу по структурированию и всё. Не отстранят ли меня после таких «фантазий» вообще на разбор запросов пользователей, чтобы охладить пыл фантазёра? Может не отправлять? Ещё есть время написать обычный отчёт, к вечеру он у меня будет готов. Стоп! А что выбирать-то? Отправлю оба варианта. Да! Точно оба!» – Ан закрыл почту.

За полтора часа до конца рабочего дня всё было готово. Ан последний раз пробежал глазами отчёт, и секунду поколебавшись, отправил его Максиму. Откинулся на спинку рабочего кресла, и прикрыл глаза:

«Это шанс убедить в необходимости работы над искусственным интеллектом, а если допустят к работе над проектом, то и шанс получить полный доступ к базе данных. Ну, или хотя бы более высокий уровень. Что скажет Максим? Возмутится, что превысил свои полномочия и потратил рабочее время на фантазии? Или я смог убедить его?».

На экране компьютера белая иконка рядом с отправленным сообщением загорелась зелёным цветом:

«Прочитал», – подумал Ан, и почти в ту же секунду его браслет завибрировал, он поспешно принял вызов:

– Что делаешь? – услышал он голос Ангелины.

Ан нервно сглотнул.

– Отчёт Максиму отправил, жду сообщения от него.

– А-а-а, молодец! Пойдём чай пить в честь такого собы-

тия? – засмеялась она.

– А как же сообщение от Максима?

– А что сообщение-то? – фыркнула Ангелина, – Куда оно денется? Браслет-то с тобой.

Максим так и не вызвал его. Ан не спешил уходить с работы, ожидая звонка, но, так и не дождался. Через час после окончания смены он выключил компьютер и ушёл.

***

На другой день Ан пришёл на работу раньше обычного, и, войдя в отдел, увидел Максима, удобно расположившегося на трансиде с чашкой в руке.

– Доброе утро, Максим!

– Доброе, доброе, Ан! – улыбнулся Максим. – Не хотите ли чаю? Я вот люблю посидеть с чашечкой перед работой.

Ан взял из шкафа – меню чашку и подставил под носик, в меню выбрал чёрный чай с лимоном, две чайные ложки сахара. Чай, весело булькая и растекаясь травяными ароматами, приправленными кислинкой лимона, быстро наполнил чашку. Ан сел рядом с Максимом.

Максим весело поглядывал на него. Наконец, поставил чашку на стол:

– У вас очень хороший отчёт. Толковый. Я рад, что вас хорошо обучили в Университете, и что у вас такой интерес к теме. Вопрос вы подняли нужный и, главное, актуальный. Я тоже думал об этом, но представлял себе несколько иную

систему. Хотя, должен признать, что ваш вариант мне более импонирует. – Он взял чашку и сделал несколько глотков. Ан, забыв обо всём, не отрывал от него глаз. Максим взглянул на него, поставил чашку на столик и поднялся.

– Я отправил ваш отчёт Марии. Думаю, она примет верное решение. Но это сложно, не думаю, что в ближайшее время можно будет приступить к осуществлению вашей идеи. А пока приступайте к выполнению второго варианта форматирования базы данных. В отчёте вы указали, что вам необходим месяц. Вы все хорошо продумали? Успеете за месяц?

Ан на секунду задумался и уверенно сказал:

– Успею. За месяц должен закончить.

– Вот и славно. Работайте, – Максим едва заметно, по-старомодному, поклонился и пошёл к себе.

– Максим! – окликнул его Ан, поднявшись.

– Да?

– У меня личная просьба. Не знаю, не будет ли это рассматриваться, как использование служебного положения в личных целях....

Максим выжидающе смотрел на него.

– Вы, должно быть, в курсе, что мои родители погибли, когда мне было десять лет?

– Да, конечно, я знаю биографию всех моих сотрудников.

– Я почти ничего не помню ни о своих родителях, ни об их гибели. Знаю только, что в машине, в которой они погибли, был и я, но чудом избежал смерти. Могу ли я сделать запрос,

чтобы подробнее узнать о своих родителях и об их гибели?

Максим молча смотрел на Ана.

– Это очень важно для меня!

– У нас не принято делать запросы для себя. Вы можете обратиться к кому-либо из коллег и попросить их сделать запрос.

– Я не хотел бы отрывать ребят от работы, – Ан посмотрел на руки, потёр ладони. И потом, – замялся он, – если в прошлом, в жизни моих родных откроется что-то... нелицеприятное, то я не хотел бы посвящать в это людей, с которыми я работаю, чтобы избежать пересудов. Не хотел бы ворошить. Я хочу только знать.

– Ан, ну что за ерунду вы говорите, – Максим недовольно поморщился. – У нас в отделе работают исключительно порядочные люди, профессионалы. Какие пересуды? Вы о чём? – Максим недовольно покачал головой.

– Простите меня, – Ан опустил голову.

– Я понимаю, ваш вопрос деликатный. Хорошо. Можете сделать запрос сами. Я подключу вас к пользовательской базе, только, пожалуйста, не забывайте о работе. Форматирование должно быть завершено через месяц.

– Конечно, конечно! Даже не беспокойтесь! Работа, прежде всего! – воскликнул Ан, стараясь скрыть свою радость.

«Вот и хорошо! Вот и отлично! – ликовал Ан, – теперь у меня развязаны руки, и если вдруг что, могу сказать, что

просто искал информацию о своих родителях. Хотя, что это я. Мне действительно нужна информация о моих родителях».

***

Наступили рабочие будни. За пятнадцать минут до начала смены все, кроме начальника отдела и Ибрагима, собирались за чаем. Максим к этому времени уже работал в своём кабинете. Как убедился Ан, он редко чаёвничал или обедал со всеми, только в каком-нибудь исключительном случае, если поздравляли сотрудника с днём рождения или наступал какой другой праздник или событие. Обычно за столом были девушки и Ан. Изредка присоединялся к ним и Ибрагим, обычно приходя к самому началу работы.

Чем больше Ан углублялся в работу, тем нелюдимее становился. Ангелина посматривала на него сначала с удовольствием и большой симпатией. Видно было, что Ан понравился девушке, и она не против была продолжить с ним знакомство и за пределами работы, но по мере того, как Ан замыкался в работе, симпатию Ангелины сменило удивление, а потом и дружелюбное равнодушие. Дни в архиве проходили однообразно и скучно, если бы не рыжий котяра, который почему-то решил обосноваться в их отделе. Как выяснилось, кота звали Фантом и принёс его Куратор-Хранитель ЕКЦ Земли. Ангелина посмеиваясь, рассказала Ану по большому секрету, что кота из дома выгнала супруга Куратора, за то, что он был вездесущ и жуткий хулиган. Куратор

любил своего питомца и принёс его на работу, но заставить сидеть в кабинете так и не смог. Фантом считал своим домом весь огромный ЕКЦ. Он мог куда-то пропасть на несколько дней, потом вдруг появлялся и спал сутки напролёт на каком-нибудь диванчике. Уследить за ним было невозможно, казалось, он появлялся одновременно в разных местах и везде успевал напраказничать. Может быть, за эту всеобщую и дали ему такую кличку.

У Ана никогда не было животных, и он относился к ним настороженно. В то утро Ан прошёл раньше обычного. Раздумывая об универсальном коде доступа, он снял мокрый плащ, на улице всю ночь и утром шёл дождь, встряхнул его, и хотел уже, было, сесть к компьютеру, как громкий негодующий мявк под ним, заставил его замереть в полусогнутом состоянии. Он посмотрел на сидение, на котором вальяжно развалился Фантом. Его пушистый большой хвост свесился и сердито подёргивался, глаза сузились и недовольно смотрели на Ана. Ан выпрямился.

– Извини, конечно, но это моё место. Слезай, давай, мне работать надо.

Фантом не пошевелился, только прижал к голове уши. Ан попытался его спихнуть, но не тут-то было.

Зная, что Фантом был любимцем Ангелины, он связался с ней:

– Гель, у меня тут котяра рыжий развалился. Можешь забрать? Меня он не слушается, – Ан покосился на кота.

Тот презрительно дёрнул хвостом и отвернулся.

Геля засмеялась.

– Сейчас приду, – пообещала она.

Геля прибежала через пять минут.

– Ну, что тут у вас? – весело спросила она и подошла к Фантому. Протянула руки, чтобы взять его, но кот, ловко увернулся, и шмыгнул под компьютерный стол.

– Вот разбойник! – воскликнула Геля, наклоняясь и пытаясь увидеть Фантома. – Подожди, сейчас! Я принесу какую-нибудь палку, шуганём его оттуда.

– Да, ладно, не нужно, пусть сидит, там он мне не мешает. Надоест, сам вылезет. – Ан сел в кресло и включил компьютер. – Спасибо, Геля. Извини, что побеспокоил тебя.

Ангелина засмеялась.

– Ничего страшного. Если что, зови. Я на него, озорника, управу найду! – она погрозила хитрой мордочке, которая выглянула из-под стола, и вышла.

Ан проверил почту. Ответа на его запрос не было, и он углубился в работу. Мелодичный звон оповестил о поступившем сообщении. Ан открыл почту и увидел, что пришёл ответ на его запрос:

«На запрос Андо Альдениса идентификационный номер 0402222413250 от 15 июля 2248 года сообщаем, что Юлия Вербер (по мужу Альденис) идентификационный номер 1505219213013 и Поль Альденис идентификационный номер 2708219012516 погибли в автокатастрофе 8 февраля

2234 года. Место автокатастрофы – скоростная трасса Сиб-роботоград 2. Причина – несчастный случай – сбой системы управления. Останки кремированы. Их сын, выживший в автокатастрофе, передан на воспитание сестре матери Юлии Вербер (Альденис) – Зинаиде Фёдоровне Вербер (по мужу Коровина) идентификационный номер 30112182130235 в элизий «Сады Приуралья».

Информация подготовлена 15 июля 2248 года.

Уровни прямого доступа: А. К. Х. Уровни запроса: Т. С.

Информация обновлена. Дата обновления 12 февраля 2234 года».

Ан смотрел на написанную мелким шрифтом последнюю строчку сообщения: «Информация обновлена».

«Дата обновления тот же год и даже тот же месяц, когда произошла автокатастрофа. Что это означает? Почему информация обновлена? Какие могли произойти изменения в течение нескольких дней? В чём? Возможно, это прольёт свет?».

Ан ввёл в данные запроса дату, предшествующую обновлению.

«Доступ закрыт» крупными красными буквами высветилось сообщение.

«Что же делать? Нужен код доступа и, желательно, универсальный. Так. Что мне известно? В мой код доступа входит личный идентификационный номер и биометрические параметры лица, глаз. Их подделать нельзя. Их подделать

нельзя...» – крутилась смутная мысль в голове Ана. Он вздрогнул, кто-то мягко прыгнул ему на колени. Кот! Он и забыл о нем совсем. Ан замер, а кот, потоптавшись на его коленях, вдруг улёгся и замурчал. Мягкое тепло разлилось по телу Ана, мурлыканье успокаивало. Он улыбнулся и осторожно провёл рукой по шёрстке.

– Нравится, когда тебя гладят? Вот ты какой, – Ан гладил кота и смотрел на экран монитора. Нужен сигнал, по которому компьютер примет его за «своего». И это не могут быть индивидуальные биологические признаки или идентификационный номер, по ним машина определяет «чужого» и его право на информацию. По ним даётся код доступа к информации. Необходим универсальный код. Код, который подключаясь к программе, мог бы быть идентифицирован ею, как код доступа к конкретной информации. Фантом кода. Ан гладил кота. «У меня месяц, только месяц, чтобы все узнать и вернуть в первоначальное состояние. Нельзя так оставлять. Любой программист увидит подключение, и кто его сделал».

***

Только через три недели Ан смог войти в блок архива Главного Хранителя. Система не спросила код доступа, открыв главное меню. Ан затаив дыхание, вызвал поиск. Чуть подрагивающими пальцами ввёл дату и цель запроса. Нажал поиск. Ничего не произошло.

«Неужели не сработало? Не может быть! Я сделал все, что нужно. Должно сработать».

Ан обновил страницу.

Экран моргнул, на вновь открывшейся странице, он прочитал:

«Страница не найдена».

«Как же так! Я ошибся? Мои родители действительно случайно погибли? Не может быть! Я же помню, я очень хорошо помню!».

Ан взял распечатанный ответ на его запрос. Ещё раз перечитал его.

Конечно, если это несчастный случай, то в базе Главного Хранителя не будет храниться никакой информации, вряд ли в ней хранятся все случайные происшествия. Для этого есть статистика. Его взгляд упал на последнюю строчку: «Информация обновлена. Дата обновления 12 февраля 2234 года». Информация обновлена. Обязательно надо узнать, почему обновлена.

Ан открыл архив Главного Хранителя за 12 февраля 2234 года. Вторым окном открыл тот же архив за день, предшествующий обновлению. Сравнил библиотеки архива. Выпало одно звено. Звено – уровень пятый. Несуществующий пятый уровень! Понятно, что дата обновления – это дата последнего форматирования, в ходе которого из архива был исключён пятый уровень. Исключён, но уничтожен ли? Ан ввёл запрос на пятый уровень. Есть! Открыл характеристики:

«Право доступа В – Координатор

Объект доступа – полный доступ. Исключение – уровень А.

Форма доступа – прямая.

12 февраля 2234 года архив закрыт. Причина: ликвидация должности – Координатор. Основание: Указ Главного Хранителя».

Странно, очень странно. Именно в то же время была ликвидирована должность Координатора. Судя по допуску – второго человека в иерархии. Почему? А что если?

Ан ввёл в строку поиска архива Координатора интересные его данные и через секунду получил ответ:

«Юлия Вербер (по мужу Альденис) идентификационный номер 1505219213013 и Поль Альденис идентификационный номер 2708219012516 ликвидированы 8 февраля 2234 года.

Место – скоростная трасса Сиброботоград 2. Автокатастрофа.

Причина – свидетели ареста Творца-учёного Глеба Лунна.

Основание – личное распоряжение Главного Хранителя.

Их сын – Андо Альденис, выжил в автокатастрофе 8 февраля 2234 года. Произведена коррекция памяти. Передан на воспитание сестре Юлии Альденис – Зинаиде Фёдоровне Вербер (по мужу Коровина), идентификационный номер 30112182130235, проживающей в элизий «Сады Приуралья».

Основание: личное распоряжение Главного хранителя.

Причина: свидетель ареста Творца-учёного Глеба Лунна.
Информация подготовлена 9 февраля 2234 года.

Уровни прямого доступа: А, В. Уровни запроса: отсутствуют».

Ан откинулся на спинку трансда. Глаза его были закрыты, лицо бледно, на скулах вспухли желваки.

«Вот и всё. Теперь уже точно. Никаких сомнений нет. Это он убил их. Мерзавец. Я отомщу. Я его сам буду судить, и сам приведу приговор в исполнение».

Ан вышел из архива, выключил компьютер и принялся мерить шагами комнату.

«Нельзя жить дальше, пока не восстановится справедливость. И я её должен восстановить. Может поэтому я и остался жить. Он не только убивает ни в чем неповинных людей, он поставил науку на грань вымирания, превратил её в прислугу. При нем я никогда не смогу заниматься искусственным интеллектом. Да что я! Прав был Беклашев! Общество стагнирует. Ещё один шаг и от неотвратимой гибели человечество уже ничто не спасёт. И главный источник зла – Главный Хранитель! Его нужно уничтожить. Немедленно. Беспощадно. С корнем выдрать этого паразита с тела Земли. И я сделаю это! Я убью его. Освобожу мир от этой мертвечины. – Ан остановился. – Но как? Как я смогу это сделать? Прийти в гости, как будто хочу узнать подробности о жизни Горислава и отравить? Нет, это мерзко пользоваться именем друга, чтобы убить его отца. – Ан сел, и уставился невидящими

глазами в тёмный экран монитора. – Он должен погибнуть так же, как приказал убить моих родителей. Автокатастрофа! Но для этого у меня должен быть доступ к управлению его машины».

***

Шли дни. Длинные однообразные будни сливались в месяцы, как в один однообразный нескончаемый день: утро, завтрак из кухонного меню, которое пополнялось раз в три дня сервис-службой, офис которой находился в том же доме, где арендовал квартиру Ан; работа с бесконечным потоком запросов и одинокий вечер за книгой или перед экраном телевизера. Ан пытался подключиться к какой-нибудь игре, чтобы погрузиться в другой мир, отвлечься, но не смог, чтобы он не делал, ел ли, работал, неотрывно смотрел на страницу книги или экран монитора, одна мысль билась в его голове: как убить Главного Хранителя? Он придумывал сотни вариантов и находил ещё больше причин, чтобы признать их невыполнимыми. Ан похудел. Его и так нельзя было назвать общительным и душой компании, а теперь он явно сторонился других людей. Ангелина, сначала удивлённая его отчуждением, пыталась растормошить его, но потом оставила его в покое.

***

Наступило утро. Обычное начало самого обычного дня, такого же, как и сотни других, уже прошедших дней и ещё будущих. Ан налил себе горячего шоколада в большую про-

зрачную кружку, добавил немного молока. Он любил прозрачную посуду, вот и теперь, задумчиво наблюдая за тем, как постепенно светлеет шоколад, Ан унёсся мыслями далеко. Туда, где вершилось возмездие....

Главный Хранитель обнял Антониду, привычно поцеловал её в щеку и направился к машине. Немного поколебавшись, прислушиваясь к дающему себя знать в последнее время сердцу, кряхтя, забрался на сидение. Включил управление. Машина чуть вздрогнула и приятным женским голосом отозвалась:

– Бортовой навигатор Хельга, рада приветствовать вас. Укажите маршрут.

– Привет, привет, – откликнулся Главный Хранитель. – Маршрут обычный – Башня Хранителей.

– Маршрут принят. Желаете что-нибудь? Свежие новости? Вода? Перекусить? Побеседовать?

– Ничего не нужно.

– Хорошей дороги!

Машина тронулась. В тишине Главный Хранитель задремал. Сказывался возраст. Оставалась каких-либо десять минут езды, когда Главный Хранитель проснулся от какого-то странного тревожного чувства. Прислушался. Ему показалось, что в машине необыкновенно тихо.

«Отказала автоматика?» – похолодел он. Но тут до него донёсся чуть слышный шум, работающего двигателя. Главный Хранитель успокоился и откинулся на спинку сидения.

Дорога бежала прямая, как серо-стальная лента. Ещё сотня метров и лента плавно свернёт к парку, обогнёт его, а там и рукой подать до Башни Хранителей. Главный Хранитель залюбовался кронами деревьев, чуть тронутыми прощальной позолотой.

«Осень. Скоро зима. Как там Горислав обустроился? Отчёты отчётами, но надо бы съездить самому, посмотреть как он там. Ведь не пожалуется, если что, характер!» – Главный Хранитель спокойно следил за приближающимися деревьями.

Дорога свернула, а машина Главного Хранителя продолжала двигаться вперёд. Он резко выпрямился. Схватил руль, но не смог его повернуть. На лбу выступили капли пота, глаза расширились, он изо всех сил пытался повернуть руль, который как прибитый, не поддавался.

«Что это?! Заклинило?! Почему не сработала автоматика?! Что происхо...» – додумать он не успел. На полном ходу, пролетев за считанные секунды от дороги до тяжёлой массивной чугунной ограды парка, машина врезалась в неё и сложилась в гармошку, дробя и сминая старое тело....

Ан перевёл дыхание и открыл глаза. Видение пропало. Он вытер со лба пот. Сколько раз он уже убивал Главного Хранителя, наслаждаясь мстостью, но на своём рабочем компьютере он так и не мог подключиться к автоматике Главного Хранителя, для этого нужны были другие мощности и другой уровень доступа, не архивный. Приходилось только ждать.

Ан вздохнул, тряхнул головой и отправился на работу.

***

В холле ЕКЦ царил непривычная суматоха. Робот-уборщик усердно тёр и без того блестящие чёрно-белые квадраты мраморного пола, ловко уворачиваясь от работников центра, которые с озабоченными лицами метались взад и вперёд, пытаясь срочно решить какие-то свои незаконченные дела.

«Опоздал? – подумал Ан и взглянул на браслет. – Нет, ещё десять минут до начала работы. Странно».

Он поднялся на свой этаж. В общем зале никого не было.

«Вот новости! Первый раз вижу, чтобы все разошлись по своим рабочим местам, без утреннего чая. Даже Ангелина и Алла. Удивительно!».

Ан прошёл к себе. Включил компьютер. Секунду поколебавшись, набрал Ангелину, она откликнулась сразу.

– Доброе утро, Геля! Ты не в курсе, что случилось? В холле такой переполох сегодня.

– Ой, Ан, ты не представляешь! Сегодня к нам придёт Главный Хранитель!

– Куда к нам? В наш отдел? Зачем ему отдел статистики? – удивился Ан.

– Да, нет, конечно! Не специально в наш отдел, он придёт к Куратору, а зачем никто не знает. Может, какая проверка? Может реорганизация? Я так переживаю!

– Да подожди переживать, раньше времени. Если проверка или реорганизация, то вряд ли Главный Хранитель лично

пришёл бы.

– Это конечно. . . . Но лучше подготовиться, на всякий случай. Я тут у себя порядок навожу. И тебе тоже советую!

– Ладно, спасибо, – улыбнулся Ан, – давай наводи. Я сейчас тоже посмотрю, что у меня из незакрытого. Пока. До связи. Надеюсь, посещение Главного Хранителя обед не отменит?

– Надеюсь, нет, – в голосе Ангелины послышалась улыбка, – это даже очень хорошо, что ждём Главного Хранителя. Ради этого случая ты хоть пообедаешь с нами, а то последнее время совсем замкнулся в себе.

– Да, нет! Что ты. Я не замкнулся, просто работы много, запросов, – смутился Ан.

– Ага, ага, а у нас вроде, как и запросов нет.

– Не обижайся. Сегодня вместе обедаем. Если, конечно, ничего сверхъестественного не случится.

– Надеешься, что Главный Хранитель позовёт тебя на обед? – засмеялась Ангелина.

Ан засмеялся:

– Нет, конечно, но Максим может вызвать и дать какое-то срочное задание. Непонятно, что происходит.

– Главное, чтобы текучка была в порядке, а остальное нас вряд ли коснётся.

– Ну, хорошо, если так. Давай. Пойду у себя наводить порядок.

– Пока, Ан, – Ангелина отключилась.

***

До обеденного перерыва отдел работал как обычно. В два часа дня все собрались в общей комнате. Пришёл и Ибрагим с Аном, вышел Максим.

Алла, как всегда, хлопотала у меня. Все расселись вокруг сервировочного столика, и выжидающе смотрели на Максима. Начальник отдела был невозмутим.

– Ну, что вы едите меня глазами, – наконец, не выдержал он. – Мне тоже ничего неизвестно. Мария утром сказала, что возможно нас всех соберут ближе к вечеру, для объявления, но это не точно, – он потянулся за чашкой пахучего чая, которую в руках держала Алла. Она отодвинула её подальше. – Алла, ну, что такое! – возмутился он, – мне уже и чаю попить нельзя?

– Не дам, пока не расскажите всё как есть! – тихим, но упрямым голосом произнесла она.

– Да что рассказывать-то! – он хлопнул по коленям. – Обычная проверка. У нас такие проверки по четыре раза в год проходят, раз в квартал. Первый раз что ли? Вы что всполошились-то?

– Как-то раньше в ЕКЦ не приезжал Главный Хранитель, – задумчиво произнёс Ибрагим. – Не похоже это на простую проверку.

– А я слышала, что у нас открыли заговор против Хранителей. Будто они собирали информацию, и охрана засекла несанкционированные допуски в сеть, – шёпотом произнес-

ла Ангелина.

Максим поднялся:

– Ангелина, не говорите ерунды. У нас подобного никогда не было, да и в принципе невозможно. В ЕКЦ работают только проверенные люди. Не морочьте голову и не распространяйте слухи, если хотите здесь работать.

Ангелина побледнела.

– Извините, просто я слышала...

– Совершенно не интересуют ваши слухи. Идите, работайте. Вам сообщат всё, что вы должны знать.

– А победать-то можно? – шёпотом спросила она.

– Можно. Но если я услышу от вас или от кого-либо подобные разговоры, уволю! Всем понятно? – он оглядел сотрудников. Они молчали. – Вот и хорошо. Не хватало ещё, чтобы наш отдел расформировали из-за глупых языков! – И развернувшись, он ушёл к себе.

Алла переглянулась с Ангелиной, передала ей чашку. Ибрагим молча пил, задумчиво смотря в пол. Ан глотнул ароматного чая и закашлялся от нервного спазма, сжавшего горла. Отдышавшись, оставил чашку и тоже поднялся:

– Я тоже, пожалуй, пойду к себе, надо разобрать сегодняшние запросы.

Его проводили хмурыми взглядами.

«Этого ещё не хватало! Да не может быть, чтобы меня засекли. Во-первых, у меня был доступ. Во-вторых, столько времени уже прошло. Тут что-то другое. Надо проверить

свои следы на всякий», – решил он.

***

Сигнал поступил за полчаса до окончания смены. Ан открыл корпоративную почту и внутренне ахнул: Куратор вызывал его к себе.

«Зачем я ему понадобился? Неужели...» – сердце на секунду притормозило свой бег, чтобы рвануть с бешеной скоростью. Ан встал, машинально проверил карманы. В одном лежала флеш-карта, он выложил её на стол; в другом – шоколадная конфета – подарок от Ангелины. Ан развернул её и сунул в рот. Осмотрелся, снял халат и решительным быстрым шагом вышел.

***

За столом спиной к окну сидел Главный Хранитель. Напротив него расположились Куратор и сотрудники ЕКЦ в рабочих серебристых костюмах, из них Ан знал только Марию. Максима среди них не было. Все обернулись, когда открылась дверь.

Ан остановился.

– Здравствуйте, – негромко произнёс он.

– Ну, здравствуй, Андо. Давно не виделись, – сказал Главный Хранитель, внимательно его осматривая. – Подойди поближе.

Ан приблизился.

– Как работа? Нравится? Справляешься? Не зря я порекомендовал тебя? – он взглянул на Куратора.

Куратор быстро посмотрел на Марию, та встрепенулась и отозвалась:

– Андо Альденис работает хорошо, справляется. Успешно провёл форматирование базы данных. Мы получили от него несколько интересных предложений по усовершенствованию работы ЕКЦ.

– Да? Это очень хорошо. Я доволен, что не ошибся в тебе, – Главный Хранитель встал, подошёл к Ану и отечески потрепал его по плечу. Кровь бросилась Ану в лицо. Он отвёл взгляд.

– Ну, что ты, не стоит смущаться! Я рад, что у тебя всё хорошо. И вообще, коллеги, я доволен состоянием дел на ЕКЦ и тем, что нашёл здесь понимание соратников. Я надеюсь, что вы обдумаете моё предложение, и в самом скором времени я получу от вас ответ с предложениями, – он обернулся к сотрудникам ЕКЦ.

– Безусловно, можете даже не сомневаться. В самое ближайшее время.

–Значит так! Помните, что дело требует, чтобы выполнение его было доверено исключительно проверенным лояльным работникам!

– Несомненно! Несомненно! Хотя все работники ЕКЦ исключительно лояльны, вы можете даже не сомневаться! Но мы привлечём самых опытных и ответственных работников, – Куратор прижал руки к груди.

– Вот и хорошо. А сейчас я должен идти. Желаю всем пло-

дотворной работы на благо Земли, – он поднял руку, прощаясь. Сотрудники ЕКЦ чуть поклонились.

Главный Хранитель посмотрел на Ана.

– А вас, молодой человек, я попрошу следовать за мной, – улыбнулся Главный Хранитель, – Антонида ждёт вас на ужин и, к тому же, вас ждёт сюрприз.

Ан недоумённо – недоверчиво посмотрел на него. Главный Хранитель засмеялся:

– Горислав хотел тебя видеть.

– Он вернулся!

– Нет, конечно, он пока нужен там, но ты можешь пообщаться с ним по домашнему каналу связи.

Ан хмуро взглянул на Главного Хранителя и ответил:

– Это очень хорошо.

Тот засмеялся:

– По тебе этого не скажешь.

Ан выдавил из себя улыбку.

Главный Хранитель хмыкнул, и пошёл из кабинета.

– У тебя плащ в гардеробе? Пошли, – бросил он Ану. Тот последовал за ним.

***

Ажурные чугунные ворота медленно открылись, пропускающая электромобиль Главного Хранителя, и тут же закрылись вновь. Электромобиль побежал по длинной узкой дорожке, с обеих сторон которой были высажены клёны, сейчас почти опавшие. Доехав до площади – цветника перед многоэтаж-

ным зданием, Главный Хранитель остановил машину.

– Давай пройдемся. Погода чудная, совсем не ноябрьская: солнце и тепло, как в сентябре.

Они медленно обошли широкую площадь, на которой под прозрачным куполом цвело лето. Главный Хранитель медленно вдыхал прохладный воздух. Высокий осанистый он пружинистой походкой шёл, едва опираясь на красивую трость, чуть впереди Ана, радостно улыбаясь солнцу и дружелюбно посматривая на Ана, посмеиваясь его скованности, которую приписывал смущению.

Показался подъезд и Антонида рядом с открытой дверью, в наброшенном, по-старомодному на плечи, большом белом пуховом платке. Главный Хранитель помахал рукой жене, та радостно ответила. Ан смотрел на Антониду, и на сердце у него теплело. Он любил её – эту маленькую полную пожилую женщину, которая так напоминала ему тётушку: такая же добрая и с ямочками на щеках, когда она улыбалась.

Антонида махала им издали. Вдруг Ан увидел, как улыбка сползла с её лица, глаза стали огромными, а рот открылся в беззвучном крике. Он оторопел и остановился. Главный Хранитель резко обернулся. Ан глянул назад. Из-за деревьев парка к ним бежал человек в чёрном плаще с капюшоном, скрывающим его лицо. Человек сжимал в руке оружие, направленное в их сторону. Время остановилось.

– Эгмунд !!! – донёсся вопль Антониды.

Ан с радостным любопытством следил за человеком:

«Вот оно возмездие! Да свершится возмездие!».

Ан взглянул на Главного Хранителя: моложавое, чуть несокомерное лицо его удивлённо вытянулось, глаза недоуменно расширились, через мгновенье болезненная белизна разлилась по нему, мелко задрожал подбородок, в широко распахнутых глазах недоумение сменил немой крик ужаса. Он ссутулился, съёжился и вцепился руками в трость, чтобы не упасть. Ан похолодел:

«Старик, жалкий немощный старик», – мелькнула мысль. Главный Хранитель был так слаб и стар, так безмолвно остро умолял о защите, что Ан, не помня себя, сделал шаг и прикрыл его своим телом. В ту же секунду он почувствовал, как острая рвущая боль ударила в грудь чуть ниже ключицы, и осел к ногам Главного Хранителя, теряя сознание. Он уже не увидел, как в то же мгновенье террориста почти разнесло в клочья разрывными пулями охранников.

***

Ан почувствовал, как чья-то тёплая мягкая рука осторожно и ласково провела по лбу. Не открывая глаз, он улыбнулся.

– Здравствуйте, Ан, – тихо произнёс знакомый голос.

Ан открыл глаза и увидел склонённое над ним лицо Антонида.

– Как вы себя чувствуете?

«Как я себя чувствую? А что случилось, – подумал Ан, прислушиваясь к себе. Всё было как обычно, только левая

сторона груди, как будто онемела. Ан провёл по ней рукой. Она наткнулась на гладкую прохладную повязку.

«Ах, да! Я ранен, – ударила мысль. – Покушение на Главного Хранителя, а я помешал!» – он поморщился.

– Вам больно? Позвать врача? – всполошилась Антонида.

– Нет, не нужно, спасибо, Антонида. Всё нормально, – он посмотрел на её доброе лицо, и улыбка чуть тронула его губы. Ему нравилась, что эта маленькая заботливая женщина так добра к нему. Было приятно, что она сейчас тут.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Я чувствую себя хорошо, – он приподнялся, опираясь на руку, – а как Главный Хранитель?

– Лежите, лежите, – забеспокоилась Антонида. – Всё хорошо. Благодаря вам, он невредим, и передаёт вам огромную признательность. И я, милый Ан, сердечно вас благодарю! Вы спасли не только моего мужа и отца Гориславу, вы спасли человечество от хаоса! Вы – герой!

– Ну, что вы, Антонида, вы преувеличиваете.

«Не герой я, а последний идиот! Столько мечтать о мести, и сплеховать в последнюю секунду! Только дурак может так поступить», – думал Ан. Должно быть, на его лице отразилось недовольство. Антонида вдруг забеспокоилась, что утомляет Ана, и засобиралась уходить.

– Вы отдыхайте, отдыхайте спокойно, – она ласково погладила Ана по руке и поднялась. – Врачи говорят, что опасности никакой уже нет. Нужен только покой и сон, и через

месяц вы будете совершенно здоровы. А я ещё к вам загляну, если вы не против?

– Что вы! Я всегда рад вас видеть!

– Вот и хорошо! – Антонида выложила на стол прозрачные контейнеры. – Это вам покушать, чтобы быстрее поправиться. Я помню, что вы любите мои пирожки. Вот, кушайте на здоровье.

– Спасибо.

Ан проводил взглядом Антониду и закрыл глаза.

«Как же так произошло? Почему? Я рисковал жизнью, чтобы спасти убийцу своих родителей! Я что, совсем дурак?! – Его руки сжались в кулаки, загребая простыню. – Как такое могло случиться?! – Ан прокрутил в голове то, что случилось в тот злополучный день, и в его памяти живо возник тот новый облик Главного Хранителя, облик беспомощного старика, который он увидел в момент покушения. – Так вот он какой, Главный Хранитель! От него осталось только память о прошлых великих делах, а на самом деле он беспомощный, отживший своё, старик! Он ничего не может без поддержки, без охраны, без всей этой, выстроенной им системы, на которую опирается как на костыли. Убери их, что останется? А ничего! Одно только громкое звание – Главный Хранитель. Умри он, Система назначит другого Главного Хранителя, который будет ревностно блюсти её интересы. Интересы высшей касты. Построили Рай на Земле! Рай для себя, разделив людей, чтобы легче было ими управлять, обо-

гащаясь, – спазм сжал горло, захотелось пить.

Ан осторожно сел на постели, дотянулся до прозрачного кувшина, стоявшего на пристенном столике рядом с ним, и налил себе воды. Сделал несколько глотков. Вода освежила и успокоила его. Он встал и медленно подошёл к окну. Поздняя осень срывала последние листья с деревьев. Они летали, гонимые ветром, цепляясь друг за друга, будто ища поддержку. Собирались в кучи. Те, кто оказался внизу, могли уже не беспокоиться, что беспокойный ветер сорвёт их, и будет пинать, перегоняя с места на место. Внизу было мягко, тихо, тепло под телами своих собратьев-листьев, можно было ни о чём не беспокоиться, а спокойно себе гнить в своём тихом райке. Природа обновлялась перед новым витком жизни.

«Всё обновляется. Страхивает с себя всё старое, отжившее. Только человечество застыло в своей тёплой куче. И ничего тут не меняется. Как началось тысячи лет назад гнобление одних людей другими, так и остаётся до сих пор. Вся история человечества по сути – это совершенствующийся способ паразитирования одних людей за счёт других. С того момента, как человек осознал себя и своё место в мире, ничего не поменялось в желаниях человека: получить от жизни максимальное удовольствие. Меняются только средства, которыми человек добивается их: рабовладельческий, феодальный, капиталистический, и все их разновидности, даже теперь – кланово-корпоративный, всё это по сути одно и то же – жажда одних людей, обогатиться, существовать за

счёт других. Жажда самоутвердиться, соревнуясь во внешней оценке друг друга, в оценке материальной, которая не есть истинная характеристика человека, оценка его личных достоинств, а которая продаётся и покупается.

Пора сбросить листья, но вырастут ли новые? Человечество достигло технического развития необходимого и достаточного для осуществления своей цели: жить в своей тёплой куче, надёжно прикрывшись своими собратьями. Больше человечеству не надо. Всё. Деревья умерли, – Ан потёр ладонями лицо. Взглянул на равнодушное синее небо. – Значит надо менять деревья! Посадить новые! Человечество завершило круг, круг детства, когда радостно только от того, что у тебя есть не только такие же игрушки, как у других детей, но и переполняет гордость от того, что твои игрушки лучше. А если вдруг случится, что какой-то игрушки у тебя нет, то одна мечта, одно желание будет руководить всей твоей жизнью: любыми способами и немедленно заполучить точно такую же! А ещё лучше такую, какой нет ни у кого, ну, или хотя бы очень редкую, чтоб остальные удивлялись, преклонялись и восхищались! И горе тому, кто не сумел добыть такую игрушку. Тлен листьев...

Пора разорвать круг детства человечества и шагнуть за его горизонт в юность. И мы это можем сделать. Пора! Пора вступить в пору юности, когда важны личные качества, а не игрушки! Когда важно действовать и чувствовать себя в команде, в команде единомышленников, друзей, соратни-

ков. Пора оценивать человека не по внешним игрушкам, а по тому вкладу, который лично он внёс в дело единой команды. Нашей команды – Человечества. Какая цель у неё? Именно та, которую провозгласили Хранители, но которую так и не достигли, заигравшись в свои игрушки, – Ан взволнованно прошёлся по комнате. – Вот что главное! А не борьба с немощным стариком. Его время прошло, он сам уйдёт, но махина, созданная им, останется. И значит нужно, просто необходимо, свалить эту махину. Вот цель! Но как? Как это сделать?».

В дверь тихо постучались, и вошла девушка в розовом костюме медсестры.

– Вы уже встали! – улыбнулась она. – Это очень хорошо.

Она поставила на столик маленький контейнер. Обернулась к Ану и, внимательно посмотрев ему в лицо, встревоженно сказала:

– Что это у вас лицо такое пунцовое? У вас всё хорошо? Как вы себя чувствуете?

– Всё хорошо. Не беспокойтесь.

– Лягте, пожалуйста, я должна измерить ваши показатели.

Ан подошёл к постели и лёг. Медсестра была очень молодой, небольшого роста и чуть полновата. Под лёгкой повязкой волос не было видно, но глаза её были удивительные. Небольшие редкого голубого цвета, но совсем не холодные, как это бывает, а скорее нежные, как у незабудки, глаза делали её лицо удивительно добрым, а чуть вздёрнутый,

курносый нос – немного простодушным. Она наклонилась над ним, и Ан заметил маленькие едва заметные точки светло-коричневых веснушек.

«Какая милая», – подумал он и спросил:

– Как вас зовут?

– Настя, – ответила она, укладывая руку Ана в жёлоб подлокотника кровати, к которому был подсоединён медицинский сканер. – Лежите, пожалуйста, спокойно. Не беспокойтесь, обследование займёт всего несколько минут.

Старательно насупив брови, она всматривалась в показания, мелькавшие в окошках сканера. Потом строго посмотрела на Ана:

– У вас повысилось давление! Вам пока рано ходить. Пройти можно только в личную комнату, а так нужно всё время лежать, – она принялась отсоединять провод сканера от руки Ана, – показатели будут переданы доктору. Обход будет через час. Прошу вас лежите.

– Ну, это очень скучно всё время лежать, когда чувствуешь себя здоровым.

– Это ошибочное ощущение! Вы находитесь под действием сильнодействующих лекарств.

Ан вздохнул:

– Но можно мне читать или хотя бы смотреть телевидение?

Настя на мгновение задумалась, потом решительно произнесла:

– Через несколько дней, а пока вам нужно больше спать.

Я сейчас должна сделать укол и поставить капельницу, лягте поудобнее, капельница рассчитана на час.

Она ушла, а мысли не давали Ану покоя.

«Как? Как? Как?», – билось сердце. Ветер швырял в окно мёртвые листья: тук, тук – как? как? – слышался Ану шёпот перемен.

Глава «По праву жизни»

Падал мокрый снег на промёрзшую декабрьскую землю, когда Ан, похудевший, но чувствующий себя вполне здоровым, выписался из больницы. Его никто не встретил, только пискнул браслет, оповещая, что пришло сообщение. Прочитав его, Ан улыбнулся: Антонида приглашала вечером на ужин. Внизу приписка о том, что Главный Хранитель ждёт встречи с ним для важного разговора.

«Что бы это могло быть? – он поморщился, представив себе, что должен общаться с неприятным стариком. Стариком, именно таким он представлял теперь Главного Хранителя после покушения, и ничто не могло заставить смотреть на него прежними глазами. – Но надо идти, надеюсь, это формальное приглашение исключительно из вежливости, и оно не станет традиционным», – вздохнул, поднял воротник пальто и пошёл по тротуару к ближайшей остановке вдоль бесконечной вереницы мчащихся куда-то машин. Не успел он пройти и десяти метров, как рядом с ним, взвизгнув тормозами, остановился электромобиль-такси. Из окошка высунулся водитель:

– Андо Альденис?

– Да.

Водитель выскочил из машины, оббежал её вокруг и распахнул дверцу:

– Прошу вас! – и, видя колебания, Ана добавил, – Не беспокойтесь, дорога оплачена, прошу вас! Прошу!

Ан пожал плечами и сел в электромобиль.

– Кто оплатил поездку? Можно узнать?

– А чего ж нельзя-то. Антонида Оргунова заказала такси.

– Понятно.

– Вы уж извините, задержался я, последняя поездка была дальняя, подзарядиться пришлось. Не сердитесь!

– Ничего страшного. Вы как раз успели вовремя.

– Вот, и ладно! – повеселел словоохотливый пожилой водитель. Он лихо управлял машиной, не включая автоматiku. – Я вас сейчас мигом домчу. Не сомневайтесь.

Ан с интересом рассматривал невысокого коренастого мужчину с удивительным диссонансом словоохотливости и угрюмой внешности – на лице его лежала печать тяжело прожитой жизни: две глубокие продольные морщины прорезали щеки, а глаза запали в тёмные круги.

– Извините, можно задать вам вопрос?

– А чего ж нельзя-то, спрашивайте, конечно.

– Я почему-то был уверен, что в Элизиуме таксисты – это исключительно роботы.

– Ясно, – усмехнулся водитель. – Вы, должно быть, недавно живёте в Элизиуме или мало пользовались такси?

– Да, вы правы, хотя я и приехал сюда, – Ан на мгновение задумался, – семь лет скоро будет, но жил в Наукограде, учился в университете, а потом работа. Собственно, вот и

всё моё общение. Конечно, у меня есть друзья, но как-то мы больше общаемся по работе.

– Ясное дело. Жизнь, она каждого затягивает в свой омут: работа, дом, работа. Из одного выскочишь, в другой попадёшь. Только и видишь, что вместе с тобой вертится. Особенно, если и высовываться-то особо и не нужно: тут тебе и дом, и работа, и обслуживание, и виртуалки – развлечения, да и вообще всё, что хочешь.

Он замолчал, и через минуту продолжил.

– Роботов много в элизиуме, это верно. Да, только и людям тоже где-то работать надо, не всё же в семьях Творцов рождаются гениальные дети. Чаще всего люди обычные. Ну, нет у них выдающихся талантов, чтобы Творцом стать, а «звание» Творца не передаётся по наследству, – усмехнулся он, – это вам не Хранители. И что? Элизиум-то огромный, работа всем нужна, а человеческая услуга очень востребована. Так что, и среди таксистов Созидателей много, хотя работа, конечно, идеальна для работа.

– Вы простите меня, пожалуйста, если обидел вас.

– Да какая обида-то, – усмехнулся водитель, взглянув на Ана в зеркало. – Жизнь такая, а на неё не обижаются.

Ан кивнул, рассматривая в окно засыпаемый снегом город. Он любил снег, и теперь следил взглядом, как медленно кружились крупные набухшие от влаги снежинки. День перевалил за середину, а на широких тротуарах было безлюдно, и казалось, что только бесшумно мчащиеся куда-то ма-

шины обосновались в городе.

– Как тихо, – сказал Ан, чтобы поддержать разговор, – все на работе, а вечером уж тут должно быть развернётся гуляние.

Водитель покосился на него.

– Как я понимаю, вы только из больницы?

– Да, вот поправился, выписали.

– Это хорошо. А давно в городе-то не были?

– Ну, где-то с месяц, должно быть.

Водитель кивнул.

– А! Ну, тогда понятно...

– Что понятно? – Ан посмотрел на водителя.

– Понятно, что вы ещё, должно быть не в курсе. Хотя по телевидению все время передают.

– Да я вот как-то... больше книги.

– Ну, да, книги – это хорошо, но уж больно дорого.

– А что случилось?

Водитель замаялся, с сомнением взглянул на пассажира.

– А чёрт его знает! Мало кто чего понимает. Но там, наверху, наверное, виднее.

– Что виднее?

Водитель молчал, поглядывая на пассажира в зеркальце заднего вида, наконец, решился и, понизив голос, будто их кто мог слышать, сказал:

– Да тут, тоже с месяц назад где-то, покушение на Главного Хранителя было! Говорят, что открыли целый заговор

Творцов-учёных, а может даже и среди Хранителей есть, – громким шёпотом проговорил он. – Мы все, добропорядочные граждане, очень сочувствуем Главному Хранителю, дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни, нам на радость! – поспешно добавил он, – но люди-то опасаются, вдруг что? Вот больше дома и сидят теперь. – Он снова покосился на пассажира и уверенно закончил, – а вот скажите, на милость, как можно прощать такие вещи? Нельзя этого простить! А потому и правильно, что ловят поганцев, разве таким место среди нас? Вы как считаете?

– Правильно, конечно, правильно, – глухо отозвался Ан.

– Ну, вот, я так и говорю, – удовлетворённо кивнул водитель, и назидательно добавил, – но и новых покушений бояться не нужно, я так считаю, теперь уж раскрыли их и наведут порядок. Ну, бдительность, конечно, тоже нельзя терять. – Он глянул на пассажира. – Да вы, как приедете домой, телевирт включите, там всё подробно расскажут, а я рассказывать-то, не очень горазд. – Он замолчал, и остальной путь они молчали.

***

Сканер замка скользнул по лицу и, дверь тихо открылась. Ан вошёл в квартиру и осмотрелся. Всё было по-прежнему, как будто он только вернулся с работы. Хотя нет, что-то было не так. Ан почувствовал присутствие постороннего.

«Ну, конечно, вот в прихожей вещи подозрительно аккуратно разложены по местам. Может быть, кто приходил уби-

раться, пока меня не было? Антонида вполне могла нанять кого-нибудь...».

Ан услышал тихий шелест, словно кто-то шёл, чуть шурша мягкими тапочками по полу, и увидел, как из-за открытой двери комнаты показался небольшой, едва доходивший Ану до плеча, робот.

– Здравствуйте, Андо Альденис! Я – домашний робот-помощник РПД-325. Прикреплён к вам на весь срок службы. Документы на столе рядом с компьютером. Пока работаю на базовом меню.

– Замечательно! Этого мне только и не доставало! Как же тебя зовут, робот-помощник, надеюсь не РПД-325?

– Нет, РПД-325 – серийный номер: робот помощник домашний, серия усовершенствования – 325. Домашнее имя не присвоено. Присвоить имя нужно в настройках меню, но можете называть меня и РПД-325.

– Понятно. Конечно, дам тебе имя, только не сейчас, потом посмотрю твоё меню.

– Какие будут распоряжения?

– Какие распоряжения? Да, собственно, никаких. У нас еда какая-нибудь есть? Я бы съел чего-нибудь.

– У меня все готово. Обед из базового меню. Время приёма пищи и выбор блюд, вы можете корректировать.

– Угу, установлю, а ещё проверю на наличие жучков, – проворчал Ан.

– Жучков в квартире нет. Тараканы, клопы, муравьи и

прочие насекомые выведены много десятилетий тому назад.

– Какие выведены, а какие и усовершенствованы.

– Ваше задание не понял, переформулируйте, пожалуйста.

Ан засмеялся.

– Ладно, пошли на кухню, покажи своё базовое меню.

От долгого нахождения на ногах после месячного лежания в постели, от свежего воздуха и обильной не больничной кухни, Ана потянуло ко сну. И он, дав задание роботу-помощнику разбудить его в шесть часов вечера, чтобы к восьми успеть на ужин к Антониде, уснул, едва его голова коснулась подушки.

***

Ровно в восемь часов вечера Куки встретил Ана у дверей.

– Добрый вечер, Андо, ваше пальто, – чуть притормаживая на поворотах рук, старый робот взял пальто и повесил его на вешалку, которая сразу же уехала во встроенный в стену шкаф.

– Здравствуй, Куки.

Навстречу Ану уже спешила Антонида. Она быстро подошла к нему и протянула приветственно руки. Ан взял их и прижал к груди.

– Добрый вечер, Ан, голубчик. Как я рада, что вы поправились. Рада видеть у нас.

Ан растроганно смотрел на неё.

– Здравствуйте, Антонида. Спасибо вам за заботу, я тоже

очень рад вас видеть. Это вы прислали робота-помощника?

– Не сердитесь, голубчик, я даже не знаю, как вас благодарить за то, что вы сделали для нашей семьи. Робот-помощник – это такая малость, Эгмунд вам обязан жизнью! Примите, пожалуйста, подарок, уважьте стариков.

– Да что вы, какие же вы старики!

Она укоризненно покачала головой.

– Бежит время, быстро бежит, – вздохнула, – ну, пойдёмте в гостиную, Главный Хранитель ждёт вас, – Антонида заговорщицки ему улыбнулась и за руку, повела за собой. – У него для вас хорошие новости.

Сегодня гостиная была трансформирована в стиле кантри. Мягкий свет от разожжённого камина освещал небольшую уютную комнату, отблески пламени плясали на бревенчатых стенах, на низком потолке. Искрились хрустальные грани бокалов и кувшинов, в которых разлито рубиновое и янтарное вино. На столе – молочный поросёнок, огромных размеров щука, запечённая индейка, блюдо рябчиков среди разносолов.

У камина сидел Главный Хранитель. Ноги его укрывал плед, а голова откинута на спинку трансиды. Он задумчиво смотрел на огонь.

Женщина остановилась у порога.

– Эгмунд, – тихо позвала.

Он не пошевелился.

Она подошла к мужу, тронула его плечо:

– Эгмунд, как ты себя чувствуешь?

Он вздрогнул и выпрямился, прозрачные серые глаза сердито посмотрели на жену:

– Прекрасно себя чувствую, Антонида. Что ты?

– К нам Андо пришёл, как ты хотел.

Главный Хранитель повернулся на трансиде и взглянул на Ана. В глазах у него дрогнула радость, и он едва заметно улыбнулся.

– А, Андо! Ну, здравствуй! Как ты? Живой? Как себя чувствуешь?

– Спасибо, Главный Хранитель, всё хорошо, чувствую себя прекрасно.

– Вот и хорошо. Мне нужно поговорить с тобой. Антонида, оставь нас, – он строго взглянул на неё.

Она удивлённо смотрела на мужа.

– Может быть, сначала покушаете? У меня всё уже приготовлено, — обвела рукой стол.

– Некогда тут. Сначала дело! – рявкнул Главный Хранитель.

– Ну, хорошо, хорошо, Эгмунд! Конечно, дело важнее всего, как скажешь, – сказала, прижав руки к груди.

Ан поражённо смотрел, как Антонида потеряно попятилась из комнаты, виновато глянув на Ана.

«Что же это?! – подумал он, – Никогда не видел, чтобы Главный Хранитель так обращался с женой! Об их любви люди складывали легенды, а тут такое!».

Антонида вышла.

Главный Хранитель подозрительно посмотрел на дверь.

– Пойди, глянь, нет ли кого за дверью?

– Что? – опешил Ан.

– Ты что стал плохо слышать?

– Нет. Сейчас. – Ан подошёл к двери, открыл её и выглянул в коридор.

– Никого нет.

– Хорошо. Закрой поплотнее и иди сюда, – он снова откинулся на спинку, прикрыл глаза. Через несколько секунд взглянул на Ана: – Никому верить нельзя. Никому! – Взгляд его чуть потеплел. – Только тебе. Ты доказал свою верность, рискуя жизнью, и я благодарен, – он протянул руку. Ан взял её и, почувствовав крепкое рукопожатие, ответил. Главный Хранитель кивнул на второй трансид, стоящий чуть поодаль:

– Придвинь поближе и садись рядом, надо поговорить.

Ан пододвинул трансид почти вплотную к Главному Хранителю и сел. Тот неотрывно смотрел в огонь, отблеск которого обозначил резкие морщины на его лице, костистый нос с чуть загнутым вниз кончиком, который свисал почти до верхней губы, кустистые седые брови с запавшими под ними глазами, высокий лоб и лысину, окаймлённую редкими седыми волосами.

Ан ждал. Наконец, Главный Хранитель вздохнул, посмотрел на Ана и сказал:

– Вот такие дела! Сам понимаешь, сколько врагов кругом.

И все рвутся к власти. На всё готовое! Каждый прикидывается соратником, другом, а сам исподтишка норовит нанести удар, чтобы тут же занять освободившееся место. Правду говорят, что люди, как скорпионы в банке готовые сожрать друг друга, их нужно держать в железной узде! Они думают, что я стар, и они смогут справиться со мной! Вот им! – он потряс кукишем перед огнём. – Я создал этот мир, и только я – его истинный правитель! Я наведу порядок! – Он взглянул на Ана. – А ты мне в этом поможешь. Тебе я могу верить.

– Что я должен сделать?

– Многое, очень многое, – Главный Хранитель задумчиво посмотрел на Ана.

– Значит так. Помнится, ты мечтал заниматься созданием глобального искусственного интеллекта?

Ан вздрогнул.

– Да.

– И наработки у тебя кое-какие есть?

– Только основная концепция, но без ресурсов её невозможно опробовать и доработать.

– У тебя будет такая возможность. Ресурсы будут, это не вопрос. В самое ближайшее время я подпишу Указ о создании глобального искусственного интеллекта. У тебя будет возможность непосредственно участвовать в проекте. Твоя задача – создать искусственный интеллект, который имел бы возможность взять под тотальный контроль население Земли. Мне нужна объективная беспристрастная рука на пульсе

каждого! Слышишь? Каждого! Такое возможно?

Ан ошеломлённо смотрел на Главного Хранителя.

– В принципе, возможно, – наконец, произнёс он, – у искусственного интеллекта почти безграничные возможности, и при грамотно поставленной задаче...

– Вот и хорошо! Это то, что нужно. А ты, я надеюсь, сумеешь грамотно поставить задачу. Ту задачу, которую я тебе укажу.

– Да, конечно, только, – Ан замялся, – только чтобы иметь руку на пульсе каждого, у искусственного интеллекта должен быть соответствующий допуск.

– Допуск – это не проблема, – отмахнулся Главный Хранитель. – Главное, как быстро ты сможешь наладить подобную систему? Работа должна быть проведена в самое ближайшее время. Я должен оперативно получать сигналы о любых попытках тайного сговора или нелояльных разговорах, действиях. Искусственный интеллект должен отслеживать все контакты, как в интернете, так и по браслет – связи, – Главный Хранитель сжал кулак, словно зажав в нём все невидимые линии человеческих контактов, – и мгновенно реагировать на негатив, оповещая нас. – Он пытливо посмотрел на Ана. – Ты готов создать такой искусственный интеллект?

Ан перевёл дыхание, стараясь успокоить сильные удары сердца, и уверенно произнёс:

– Готов.

Главный Хранитель улыбнулся и хлопнул его по плечу.

– Отлично, мой мальчик! Я верю в тебя. Только не забывай, для нас сейчас самое важное время! Враги не дремлют. Никто не должен знать об истинной цели создания глобального искусственного интеллекта, врагов нельзя спугнуть. Официальная версия – эффективное планетарное административное моделирование. Так что, тебе придётся поработать в двух направлениях. Но не забывай нашу главную задачу!

– Я буду помнить об этом, Главный Хранитель, и сделаю всё возможное.

– Надо сделать не только всё возможное, но и больше.

Ан кивнул.

– Я буду работать над проектом один?

Главный Хранитель молчал, смотря на огонь.

– Значит так, – наконец произнёс он, – одному тебе не справиться, сам знаешь, будет много технической работы. Создание глобального искусственного интеллекта, системы контроля и принципы компьютерного административного моделирования – твоя зона ответственности, а уж чёткое их функционирование – дело всего создаваемого подразделения. Рабочие вопросы ты уж непосредственно решай со своим Куратором – Хранителем, – он откинулся на спинку трансида. – Ну, хорошо, я доволен нашим разговором. Завтра утром ты должен встретиться с Куратором ЕКЦ. Я отдал необходимые распоряжения. – Он устало закрыл глаза. – А теперь ступай, я хочу побыть один.

Ан тихо вышел из комнаты.

У выхода из квартиры его ожидала расстроенная Антонидда.

– Простите, Андо, Главный Хранитель после того ужасного случая сильно изменился. Стал очень строг и к себе, и к окружающим. Пойдёмте, я вас хоть чаем напою, – она виновато улыбнулась.

***

Грохот и лязг забивался скрежетом, и всё вместе составляли такую дикую какофонию, что Ана сбросило с постели. Он стоял посередине спальни и затравлено озирался по сторонам, пока не сообразил, что бешеные звуки доносились из будильника у изголовья кровати. В два прыжка преодолев расстояние, он отключил его.

– Какого хрена! Тупи..., – он не договорил, увидев довольную физиономию робота-помощника, входящего в комнату.

– Доброе утро, Андо! Как спалось? Вы меня звали?

– Звал? – Ан кашлянул, – Хотя да, звал. Я придумал тебе имя.

– Правда? – робот включил радость на полную мощность и засиял улыбкой. – Какое имя?

– Ну, ты его только что слышал, твоё имя – Тупи.

– О! Спасибо. Какое интересное имя. Тупи! Что-то оно мне напоминает, а как пишется с одним «п» или с двумя? Ту-п-п-и! – смакуя звуки, произнёс он. – Чем больше звуков,

тем красивее имя.

– Зато с одним правильнее, – усмехнулся Ан. – Тупи, зачем ты поставил такую ...странную мелодию будильника? – сдерживаясь, спросил Ан.

– Странную мелодию? – лицо робота приняло удивлённое выражение. – Вам не понравилось? – скуксился он. – Это самое лучшее из новинок робото-музыки, – на лице восторженно запульсировали глаза.

– И, пожалуйста, отключи эмоции, не мельтеши ими, как светофор! В глазах рябит!

– Как скажите, но должен вас предупредить, что робот без эмоций – железный чурбан с лампочками.

– Хм... это кто тебе такое сказал?

– Мой сборщик.

– Ну, хорошо, поставь пока минимальный режим. Вечером приду, настрою. Некогда мне сейчас с тобой.

Наскоро позавтракав, Ан отправился в ЕКЦ.

***

До встречи с Куратором оставалось полчаса, и Ан решил заглянуть в свой отдел.

За чайным столиком, как обычно, сидели Ангелина и Алла. Увидев его, девушки вскочили с мест и кинулись навстречу.

– Ан, привет! Как ты себя чувствуешь? – Ангелина схватила его руку.

– Здравствуй! Как ты? Поправился? Хочешь шоколадку?

Уже вышел на работу? А мы собирались к тебе в больницу, я и пончиков приготовила, а нас не пустили! – всплеснула руками Алла.

– Да, говорят из-за какой-то безопасности! Представляешь? Мы можем для тебя представлять какую-то угрозу.

Они говорили хором, перебивая друг друга.

– Девчонки, привет! Рад вас видеть! – смеялся Ан. – Как вы тут? Как дела?

Алла схватила его за руку и потащила к столику.

– Ужас! Просто ужас, что такое делается! Садись вот сюда на диванчик. Тебе налить что-нибудь?

Ан сел. Ангелина пристроилась рядом, а Алла пошла к заварочнику-меню.

– Налей мне, пожалуйста, чаю с лимоном.

– Понятно, – Алла налила напиток, выбрала из меню коробочку конфет «Суфле в шоколаде» и, поставив всё это на столик, уселась рядом с Аном.

– Представляешь, Ибрагима арестовали, – заговорщицки, наклонившись к нему, зашептала Ангелина.

– За что?! – поразился Ан.

– А кто знает? Ничего не сказали, пришли прямо сюда и увели.

– Да, Максим хотел было вступить, а на него так рывкнули, что он отступил, а потом позвонил Куратору.

– А тот на связь и не выходит! Представляешь?!

– Представляю, – опешил Ан, – что и Куратора?

Девушки засмеялись.

– Кто ж Хранителя арестует? Нет, конечно. Потом выяснилось, что его вызвали на беседу к Главному Хранителю, и он временно отключил связь.

– Ясно. А что Ибрагим? Может тоже на беседу...

– Как же, на беседу. В тот же день унесли его компьютер и опечатали кабинет.

Ан отпил чай:

– И как же вы теперь втроём? Справляетесь?

Девушки переглянулись.

– Справляемся, – протянула Ангелина. – А ты, что же возвращаться не думаешь?

Ан смутился. Рука его дрогнула, и чашка, звякнув, опустилась на блюдце.

– Меня переводят в другой отдел.

– В какой отдел? – одновременно произнесли они.

– Я буду заниматься глобальным искусственным интеллектом. Главный Хранитель заинтересовался и дал добро.

– Понятно, – протянула Алла.

– Это после того, как ты спас ему жизнь? В благодарность? Ты попросил его? – близко приблизившись к Ану, заговорщицки зашептала Ангелина.

– Нет, конечно! Причём тут спас жизнь. Просто пришло время. Дальнейшее развитие общества без глобального искусственного интеллекта невозможно.

– И это – правда! – раздался за спиной голос.

Они обернулись. Улыбаясь, к ним шёл Максим. Ан встал и сделал несколько шагов ему навстречу.

– Здравствуйте, Ан. Спасибо, что не забываете нас. Я сегодня в корпоративных новостях слышал об Указе и о вашем назначении, примите мои искренние поздравления. Я очень рад за вас, рад, что ваша мечта, наконец-то, осуществляется. Девочки! – Максим обернулся к девушкам, – позвольте вам представить главного специалиста отдела создания глобального искусственного интеллекта – Андо Альдениса!

Ангелина с Аллой захлопали в ладоши и кинулись обнимать Ана.

– Ну, хорошо. Хватит! Хватит обниматься! Уже скоро девять, пора за работу! И вас Андо, должно быть, ждут ваши свершения, но не забывайте прежних сослуживцев! Всегда вам будем рады, – и, кашлянув в кулак, добавил, – в обеденный перерыв.

Все рассмеялись.

Ан, смущённый и обрадованный такой реакцией на его назначение, пожал всем руки:

– Спасибо вам, Максим, я многому у вас научился. И вам, девушки, с вами было здорово! И да! Я не прощаюсь, надеюсь, будем поддерживать дружеские отношения, если что, я всегда на связи! – Он неловко поклонился и направился к выходу.

***

Хорошо помня инцидент, который случился с ним в пер-

вый рабочий день, Ан точно в назначенное время вошёл в кабинет Куратора-Хранителя ЕКЦ.

– А! Андо Альденис! – Куратор поднялся из-за стола и пошёл к нему навстречу, протягивая руку. – Здравствуйте.

Они обменялись рукопожатиями.

Маленький растрёпанный человечек смотрел на него снизу вверх и улыбался.

– Достойный, достойный взлёт. Рад за вас. Хотя, если честно признаться, мне не нравится подобное разделение ЕКЦ, а вернее выделение из него самостоятельной структуры, которая будет под руководством другого Куратора. Если бы я не знал, кто будет возглавлять направление, то выступил бы решительно против, но! – он поднял указательный палец вверх, – это достойнейшая кандидатура, достойнейшая. И я искренне горд, что этот человек будет работать у нас. Это только подтверждает, что будущее исключительно за ЕКЦ Земли. Гордитесь, молодой человек, не каждому выпадает такая честь. Ну, а как настроение? Боевое?

– Да, настроение хорошее.

– Вот и ладненько, вот и ладненько, – он резво развернулся и подошёл к столу. Тихо зашелестел принтер. Браслет на руке Ана пискнул, оповещая о поступившем сообщении. Ан не успел его прочитать, как подошёл Куратор и протянул лист, отпечатанный на принтере.

– Вот, – сказал он. – Это копия Указа о создании вашего подразделения. Так удобнее будет читать, чем в брасле-

те. Пока подниметесь к себе, ознакомитесь. Теперь вы будете работать в новом подразделении, под руководством другого Куратора. Ну что ж. Хотя мы недолго проработали вместе, но о вас у меня сложились самые положительные впечатления. Если будет необходимость, обращайтесь. Всегда будем рады помочь коллегам, – Куратор похлопал Ана по плечу, – а вообще, я уверен, что сотрудничество между нашими отделами будет самым тесным. Одно дело делаем.

– Спасибо вам, – сказал Ан, беря документ.

– Ну, ступайте, ступайте! Удачи! Вам в двадцать пятый кабинет на тридцатом этаже.

– Хорошо. До свидания.

Ан вышел от Куратора в полной растерянности.

«Вот как! А я думал, что буду работать под его руководством. Интересно, кто же будет курировать мою работу? И, главное, насколько жёстким будет контроль?». Ан остановился и с тревогой взглянул на документ, который ему передал Куратор.

Это была копия Указа Главного Хранителя:

« УКАЗ

О создании Центра Глобального Искусственного Интеллекта Земли

от 24.12.2250 за рег. № 389-А-34.

В целях необходимости дальнейшего совершенствования коммуникационных связей и развития административного моделирования управления корпорации «Земля»

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Организовать на базе Единого Компьютерного Центра Земли (далее по тексту – ЕКЦ) новое независимое подразделение – центр создания и управления функционированием Глобального Искусственного Интеллекта Земли (далее по тексту – ЦУИИ).

2. Определить место функционирования ЦУИИ – с тридцатого по пятидесятый этажи ЕКЦ. Сформировать филиалы ЦУИИ на базе филиалов ЕКЦ в соответствии с приложением № 1 к данному Указу.

3. Ввести должность – Куратор-Хранитель ЦУИИ со всей полнотой полномочий и ответственности за деятельность ЦУИИ, с присвоением кода доступа Б:

право доступа – Куратор-Хранитель ЦУИИ,

объект доступа – полный доступ (исключение – код доступа А, с правом доступа-запроса к нему).

Должностные права и обязанности Куратора-Хранителя ЦУИИ определяются приложением № 2 к данному Указу.

4. Ввести должность главного специалиста ЦУИИ. Всю полноту полномочий и ответственности за создание глобального искусственного интеллекта возложить на главного специалиста ЦУИИ с присвоением ему кода доступа В:

право доступа – главный специалист ЦУИИ,

объект доступа – полный доступ (исключение кодов доступа А, Б, с правом доступа-запроса).

Главный специалист ЦУИИ находится в непосредствен-

ном подчинении Куратора-Хранителя ЦУИИ.

Должностные права и обязанности главного специалиста ЦУИИ определяются приложением № 3 к данному Указу.

5. Передать безвозмездно от ЕКЦ в ЦУИИ необходимое оборудование для качественной и бесперебойной работы подразделения и выполнения им своих функций. Передачу произвести по актам, визированным Куратором-Хранителем ЕКЦ и Куратором-Хранителем ЦУИИ. Отсутствующее оборудование изготовить и/или приобрести по договорам на специальный заказ, заключённым между Кураторами-Хранителями ЦУИИ, Науки и Промышленности, для которых данные заказы приобретают первоочередную значимость.

6. Укомплектовать подразделение согласно стандартному штатному расписанию и техническому обоснованию, скорректированным Куратором-Хранителем ЦУИИ и согласованным Главным Хранителем.

Срок исполнения – месяц со дня подписания настоящего Указа».

Ан сложил документ.

«Так. Замечательно. Просто замечательно. У меня будет непосредственный Куратор. Хотя, конечно, странно было бы предполагать, что я буду работать сам по себе без контроля, но лучше, если бы это был Куратор ЕКЦ, а не человек, работающий со мной в одном поле и даже, возможно, в одном кабинете. И что это будет за человек? Вряд ли он воодушевится идеей смены власти. Придётся решать, как закрыться...», –

думал Ан, идя по узкому проходу между телекоммуникационными шкафами, занимавшими всё пространство вдоль стен от пола до потолка тридцатого этажа.

***

Сканер двадцать пятого кабинета скользнул по лицу Ана, и дверь открылась. Он очутился в огромном круглом зале метров пятидесяти в диаметре и пяти в высоту. В стенах от пола до потолка – ниши, словно сотни ячеек пчелиных сот, часть из которых уже была заполнена вмонтированными в них компьютерными модулями. Провода толстые, тонкие, крученные и нитевидные – всевозможные тянулись в разные стороны: змеились по стенам и полу, даже свисали с потолка. В центре зала находился стеклянный куб десять на десять метров. Сквозь его матовые стены невозможно было определить, кто и что находилось внутри. Судя по тому, что сейчас куб был ярко освещён, внутри него кто-то был.

Ан обошёл его, пытаясь определить вход в монолитных гладких стенах. Он оказался на противоположной стороне. Ан приблизил лицо к сканеру, но дверь не открылась, а послышался лёгкий щелчок, сканер раскрылся, открывая маленькое чёрное окошко. Мелодичный женский голос произнёс:

– Приветствую вас. Приблизите лицо к окошку.

Ан заглянул в темноту.

– Благодарю. Доступ закрыт. Включаю оповещение.

Ан ожидал услышать резкий звук сигнала, но не услышал

ничего. Через несколько секунд замок в двери щёлкнул, и она открылась. Секунду поколебавшись, Ан вошёл.

В центре совершенно пустой комнаты напротив друг друга на расстоянии метров пяти стояли два компьютерных стола. За одним из них боком к входу сидел мужчина в бежевой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Серый пиджак висел на спинке рабочего кресла. На звук открывшейся двери мужчина обернулся.

Ан опешил.

– Не ожидал?

Мужчина быстро подошёл к Ану, протянул руку:

– Ну, здравствуй что ли, – светло-серые глаза его улыбались.

Ан секунду смотрел на него, потом они обнялись:

– Славка, здравствуй!

Горислав рассмеялся:

– Ну, вот опять! Никакого уважения к будущему Главному Хранителю и персональному Куратору! Уволю нафиг.

– Ты меня ещё и не принял, – улыбаясь, отстранился Ан. – Хотя ты прав, субординацию надо соблюдать. Это я так, от неожиданности.

– Ну, то – то же! Так и быть, принимаю тебя на работу.

Они были рады друг другу, и хотя со времени их последней встречи прошло уже почти два года, чувствовали себя так, словно находились в Наукограде, в своём блоке, который на шесть лет стал для них домом.

Они опять обнялись.

– Ну, хватит нежностей, – Горислав хлопнул Ана по спине, – пошли, поговорим.

Поставив рабочие кресла рядом, они с жадностью расспрашивали друг друга о том, что случилось с ними за это, пусть небольшое, но отдалившее их друг от друга время, словно стремились быстрее заполнить словами и сопереживанием этот провал.

– Знаешь, Ан, я искренне благодарен тебе за отца. И за мать, она бы не пережила, если ...

Ан смутился, кровь бросилась ему в голову, он растерялся и не знал, что сказать.

– Я никогда не забуду, Ан, я твой должник.

– Да, брось ты, Слав! Какой должник, не говори ерунды.

– Ну, хорошо, – улыбнулся Горислав, – вернёмся к делам. Тут, конечно, отец перестраховывается. Тотальная слежка! Загнул, конечно. Но, – он задумчиво потёр подбородок, – здоровое зерно в этом есть. Согласись, не могут быть в многомиллиардном населении Земли все исключительно добропорядочные и вменяемые, – он встал и принялся мерить шагами комнату. – Сейчас общественная безопасность снижена, да что там снижена, – рубанул рукой воздух, – её вообще нет! Полиция работает только по фактам свершившихся преступлений, и это в двадцать третьем веке! И, пожалуйста, результат, – Горислав развёл руками и поклонился, – покушение на Главного Хранителя, который, можно сказать, чу-

дом остался жив. Разве было бы такое возможным при достаточном контроле безопасности?

– Что ты предлагаешь?

– Что предлагаешь, что предлагаешь...– Горислав прошёлся по комнате и остановился напротив Ана. – Ну, во-первых, Ан тебе придётся вплотную заняться осуществлением своей мечты. Не забил ещё на неё? Есть идеи по созданию глобального искусственного интеллекта? Нам нужен именно глобальный искусственный интеллект, интеллект, который через глобальную сеть входил бы в каждый пользовательский компьютер, в каждый браслет. Ты готов взяться за это дело?

Ан твёрдо посмотрел в глаза Гориславу.

– Готов. Не просто готов, ты же знаешь, я всегда мечтал продолжить работу Беклашева. Спасибо, Горислав.

– За что спасибо-то? Кто мог бы этим, кроме тебя, заняться? Насколько я знаю, нет таких специалистов. Хотя сотрудники, талантливые сотрудники и, главное, ответственные, которые приняли бы создание глобального искусственного интеллекта, как дело своей жизни, нам очень нужны.

Горислав подвинул кресло к компьютерному столу, и махнул Ану:

– Садись за соседний. Пока это будет твоим рабочим местом. Потом, когда поставим оборудование, обустроимся удобнее. Посмотри мои намётки, – Горислав наклонился к компьютеру. – Я отправил тебе кое-какие мысли. Прошу те-

бя, изучи внимательно. У нас месяц на всякие организационные дела. Указ читал? Сроки жёсткие, отец спуску никому не даст, а на всё про всё нам даётся год. Через год глобальный интеллект должен функционировать. Я тебе сейчас скину приблизительный поэтапный план ввода его в действие. Глянь, может что, подкорректируешь. Вообще, как считаешь, сроки реальны?

Ан включил компьютер.

– Входи в первоочередные задачи. Нужно будет по направлениям плана определиться с персоналом и их функциями. Главное, чтобы идея заработала. Тут я вижу два основных направления, первое, это создание глобальной информационной сети от персональных личных компьютеров к Кеше...

– Какая, такая Кеша? – поражённо прервал его Ан.

– Почему, такая? Не такая, а такой, – засмеялся Горислав. – Нужно же как-то назвать, не талдычить же постоянно: «глобальный искусственный интеллект» – язык сломаешь.

– Хоть такая, хоть такой – всё ерундистика какая-то, – возмутился Ан.

– Ну, ладно, а что ты предлагаешь?

– Да ничего я не предлагаю.

– Но должен же искусственный интеллект иметь какое-то имя, как к нему обращаться-то будем?

– Не к кому пока обращаться.

– Какой ты! Ну, интереснее же работать над чем-то, что имеет имя.

– Ну, не знаю, может быть – Линда...

– Как, как? Линда? Чего вдруг Линда? Хотя имя красивое...

– Да просто так, в голову пришло, – Ан наклонился к монитору так, что Горислав не мог видеть выражение его лица.

– В принципе я не против, Линда, так Линда.

– Так, давай не отвлекаться на ерунду.

– Ну, давай, давай, – засмеялся Горислав, и, посерьёзнев, продолжал, – значит так, – Ан почудился голос Главного Хранителя, он удивлённо взглянул на Горислава, – первое направление – создание глобальной информационной сети от личных компьютеров землян к глобальному искусственному интеллекту, то бишь к Линде, и второе – материализация самой Линды. Тут нам надо поработать над формированием базы знаний, созданием решателя и интеллектуального интерфейса для общения с ней напрямую.

– Да, всё так, – произнёс Ан, просматривая информацию. – У меня есть тут кое-какие идеи, но нужно время, чтобы их структурировать и адаптировать к поставленной задаче. Думаю, за неделю я должен успеть. Хотя, если честно, я сильно сомневаюсь, что нам на всё хватит года.

***

Горислав обладал отличными организаторскими способностями и дела пошло вперёд семимильными шагами. В течение недели была разработана структура будущего отдела, определены основные направления и набраны сотрудники,

многие из которых были недавними выпускниками Университета Наукограда. Как говорил Горислав, потому что у них ещё глаз не замылился, и они не обросли панцирем обыденности и «так нужности», не пробиваемым ни одной новой неординарной мыслью.

Дело закипело. Ан структурировал библиотеку знаний по направлениям и определил по каждому из них ответственного оператора-контролёра из числа новых сотрудников, и пока он колдовал над решателем, они с энтузиазмом взялись за дело – наполнение модуля знаний будущего искусственного интеллекта.

Горислав же вплотную занялся интеллектуальным интерфейсом.

Ан с головой погрузился в работу. Наконец, впервые за много месяцев, он чувствовал такой порыв к исследовательской работе, такое упоение от мозгового штурма поставленной задачи, какое давно не ощущал. Да что давно, какое не ощущал со времени лекций Беклашева.

Ан с радостью наблюдал за энтузиазмом Горислава, за той кипучей работой, которая приближала осуществление его мечты, но он ни на минуту не забывал и о том, ради чего Хранителям нужен искусственный интеллект. Он не мог допустить, чтобы гениальные открытия учёных, итог технического развития землян, был использован против них самих. Тотальный контроль и доступ фанатика к прямому воздействию на личность для удовлетворения своих амбиций и це-

лей – верный путь к деградации и уничтожению человечества.

Не может один человек сконцентрировать в руках всю власть над миром. Это неизбежно приведёт к подмене объективных законов развития общества, на «законы» одного из его индивидуумов, живущего прошлым и настоящим, с присущими ему заблуждениями, ошибками, пространственно-временной ограниченностью, которым управляют инстинкты и придуманная им мораль. Всё это вырвет человечество из эволюционного развития, приравняет судьбу цивилизации к судьбе этого индивида, гибель которого неизбежна.

«Допустить этого нельзя. Нужно действовать. И действовать быстро, – об этом думал Ан постоянно. – Но как? Подключить через интеллект параллельное управление Землёй, отключить Хранителей от источников власти и взять всё на себя? И что? Что изменится в принципе? Один индивид поменяется на другой и всё. Да, возможно, на индивида с более прогрессивным взглядом, но с такими же личностными ограничителями. Как говорит народная мудрость: хрен не слаще редьки. Это не то! Не то! Глобальный интеллект открывает безграничные возможности, он – новый эволюционный шаг в развитии человечества. Сделать этот шаг стало возможным, только объединившись в единое общество с общей системой управления. Это, несомненно, огромная заслуга Хранителей. Но нужен следующий шаг. Человече-

ство должно отдать чиновничью координацию глобальному искусственному интеллекту. Только такой чиновник станет универсальным, неподкупным. Будет функционировать быстро, чётко и принимать оптимальные для развития общества решения из созданных человеком правил и законов.

А какие при этом откроются творческие личностные возможности освободившегося от рутины человечества! Искусственный интеллект не инструмент для тотального контроля и диктата власти! Это структура, в которой должны реализоваться творческие возможности развития цивилизации и каждого человека. Что ждёт человечество? Гибель от искусственного интеллекта, который станет универсальным контролем и оружием в руках сумасшедшего фанатика или универсальным помощником человечества и человека? – Ан откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. – Нужны единомышленники. Один я ничего не смогу. Но кому я могу открыться? – думал он. Он посмотрел на Горислава, который что-то с энтузиазмом стучал по клавишам виртуальной клавиатуры. Горислав улыбался и что-то бормотал, иногда недовольно морщился, отстранялся от монитора, перечитывая, и решительно кидался на клавиатуру снова. – Славка да, ему можно верить, он преданный друг, но он может не понять. Хотя... надо будет осторожно с ним поговорить, но нужно подготовить как-то. Хотя этого мало, катастрофически мало! Один – двое ничего не сделают. Ну, можно, конечно, продублировать уровни управления экономикой и за-

мкнуть их на искусственном интеллекте, а потом отключить реальные точки управления экономикой и включить контур координации Землёй через искусственный интеллект. Но это скорее техническая задача, которая вполне выполнима. Нужен только искусственный интеллект, доступ к уровням безопасности и время. Это все делается и не вопрос. Вопрос в том, как будет функционировать общество после включения дублирующих каналов координации? Можно, получив доступ к ресурсным, материальным ценностям, нанять послушную армию и включить диктат. Но это значит вернуться в средневековье. Ради чего тогда всё это? Чем будущее общество будет лучше настоящего? Настоящее даже гуманнее. Или доверить принятие решений, саму функцию управления искусственному интеллекту? Абсурд. Полный абсурд. – Ан тряхнул головой. – Искусственный интеллект – не всемогущ, и не должен быть таковым. Это всего лишь машина. Умная сверхбыстрая, но машина, которая выполняет программу, заложенную в него человеком. Нужны люди, объединённые одной идеей, только они смогут саморегулироваться. – Ан откинулся на спинку кресла, устало потёр ладонями лицо. – Нужно найти соратников. Кто это может быть? Кто?» – возбуждение мысли не давало усидеть на месте. Ан поднялся и принялся ходить по кабинету.

Горислав посмотрел на него.

– Устал?

– Есть немного. Пойду, пройдусь.

– Давай.

Ан спустился вниз, взял в гардеробе пальто и вышел на улицу.

Конец декабря, а зима всё никак не заявит о своих правах: выпавший за последнюю неделю снег, подтаял и было слякотно. Мелкий крупяной дождь шуршал по тротуару. Чёрные, набухшие от влаги деревья, хмуро шевелили ветками при порывах ветра.

Ан плотнее закутался в шарф.

«Вот даже с погодой мы до сих пор не можем управиться. Не рациональная трата денежных ресурсов! Финансирование фундаментальной науки – не рациональная трата ресурсов! Маразм! – он остановился – А ведь, правда, только учёные могут в полной мере оценить существующее положение и серьёзно воспротивиться ему. Только учёные! Вот кто реальные революционеры, живущие ради будущего, среди них и нужно искать соратников, – Ан осмотрелся, словно хотел найти кого-то из них прямо сейчас, взгляд его упал на кафе на противоположной стороне улицы, и он направился туда.

Кофе было полупустым, и Ан занял столик у окна. Быстро и бесшумно подъехавший робот-официант принял заказ, ожидая, Ан смотрел в окно. Редкие прохожие куда-то спешили, зябко пряча носы в воротники. Хмурые лица, редкая улыбка мелькала при встречах друг с другом.

«Погода. Холод. Мёрзнет город, мёрзнут чувства. До нового года неделя, а праздничную иллюминацию ещё не вклю-

чали, экономят».

Ану принесли заказ: булочки с изюмом и маком, обсыпанные сахарной пудрой и политые шоколадом, ароматный латте в маленькой чашечке. Ан с удовольствием взял одну булочку, посыпанную сахарной пудрой. Втянул её пряный аромат, прикрыл глаза и вспомнил тётушку в тот далёкий день детства, когда она пришла к нему в больничную палату и принесла вот такие вкусные булочки. Как тогда она хорошо пахла... ванилью и яблоками, как мама...

– Как расплачиваться будете? – рядом появился робот-официант.

– Браслетом.

Официант передал Ану карточку-счёт. Тот приложил её к браслету. Раздался тихий писк сигнала оплаты.

– Спасибо, – робот наклонил голову в знак благодарности. – Приятного аппетита, – и быстро уехал в противоположный конец кафе к посетителю.

Ан проводил его взглядом и снова обернулся к окну, вернулся к своим мыслям:

«Да, нужны именно учёные. Думаю, только там я найду соратников. Ведь покушение на Главного Хранителя, по сути, должно было быть делом их рук. Только они понимают, насколько губельна стагнация общества. Тайное общество учёных, – мелькнуло в голове Ана, – о нем я слышал в Университете. Уверен, что оно есть. Должно быть. Но как его найти? А если нет? Тогда надо создать! – Ан допил латте,

и вышел на улицу. – Но кто, кто из учёных? – он перебирал в памяти преподавателей Университета. – Вот был бы жив Беклашева! Он бы понял, поверил и обязательно бы поддержал! Ещё Сенигравский. Да, я слышал его на вечеринке у Яна Чижевского. Он говорил смело, высказывал мысли, близкие мне, но если тогда, увидев меня и Горислава, он испугался и поспешно ушёл, то, вряд ли стоит ждать чего-то другого и теперь. Больше и не знаю никого. Разве что... – Ан поднёс к глазам браслет. Открыл записную книжку и перелистал её, ища запись. – Вот! Земцов – код связи. Да, Земцов. Тот странный учёный из научной метеолaborатории на острове в Индийском океане. Тем далёким летом он странно вёл себя, будто мы давно знакомы или что он чем-то виноват передо мной, дал свой код связи, просил звонить, если что. А что «если что»? Может уже наступило это «если что»? Надо позвонить, назначить встречу. А если это провокация? Ан, не ерунди, – оборвал он сам себя, – кому надо тебя провоцировать? Тем более тогда летом во время каникул, когда ты был никому неизвестным студентом? Да, нужно связаться с Земцовым, – решил Ан и решительно зашагал в ЕКЦ.

***

Земцов на связь вышел сразу, и странно обрадовавшись Ану, предложил личную встречу. Выяснилось, что он уже год, как переехал с острова в Элизиум и теперь работает в одной из научных лабораторий Наукограда. О встрече договорились в ближайший выходной – в воскресенье, в кафе на

набережной, обменялись фото.

За пятнадцать минут до назначенного времени Ан уже сидел за столиком в самом дальнем углу зала, укрытым от случайных взглядов большой мраморной колонной, и осторожно поглядывал на вход.

«Как шпион», – усмехнулся он.

Подъехал робот-официант, и Ан заказал кофе с коньяком и фрукты. Ан не пил спиртного, но почему-то считал, что старинное поверье о том, что глоток алкоголя может успокоить и придать храбрости, верно, а именно этого сейчас ему и не хватало.

Несмотря на то, что Ан почти все время посматривал на выход, появление Земцова он пропустил, и вздрогнул, когда тот встал около столика.

– Здравствуйте.

Ан посмотрел на его полное лицо, нос картошкой и ямочку на подбородке.

«Совсем не изменился. Всё такой же, как почти семь лет тому назад. Хотя нет, глаза как будто стали другими. Потеплели что ли, помню их бледно-голубыми, словно выцветшими, а сейчас синева глубины просматривается сквозь голубизну», – всё это мгновенно промелькнула в голове.

Ан поднялся и протянул ему руку. Земцов пожал её.

– Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Будете что-нибудь? Хотите согреться? – Ан нажал вызов официанта и через минуту к ним подъехал робот, принять заказ.

Они сидели за столиком и смотрели друг на друга, не зная, как начать разговор. Каждый пытался определить, что за человек сидит перед ним? Можно ли доверять?

Наконец, Земцов кашлянул и сказал:

– Перед тем, как начать наш разговор, позвольте представиться: Творец-учёный – Глеб Лунн. Вы слышали обо мне?

Ан растерянно взглянул на визитку.

– Глеб Лунн?! Вы?!

– Как я понимаю, слышали. Если позволите, расскажу вам небольшую историю.

Подъехал робот-официант, поставил на стол заказ и, чуть поклонившись, уехал. Земцов продолжил рассказ. Он рассказал Ану о том, как он в детстве мечтал прославиться, сделав что-то выдающееся. Как мать, Творец-биолог, научила его любить природу, растения. О том, что детское увлечение растениями переросло в дело всей его жизни. О своём открытии фито-энергии, которое перевернуло бы всю жизнь на Земле, открыло людям дорогу в космос, исследование которого правители Земли отложили «до лучших времён» из-за огромных затрат бережно сохраняемых ресурсов. О том, как принёс это открытие Хранителям, и был ими отвергнут. Как пытался бежать, скрыв материалы исследования, но был ранен, и перед самым арестом увидел мальчика, пожалевшим его, родители которого вскоре погибли в автокатастрофе.

Бледный Ан сидел напротив рассказчика, положив на стол

крепко сцепленные руки, и напряжённо всматриваясь в его лицо.

Земцов замолчал. Казалось, что во время рассказа он всё больше и больше старел. Лицо его покрылось испариной, крепко сжатые губы обозначили вертикальные морщины, пересекавшие их уголки. Он накрыл ладонью руки Ана:

– Простите меня.

Ан прерывисто вздохнул.

– За что? Вашей вины передо мной нет. Случайное стечение обстоятельств.

Ан едва заметно дрожащей рукой взял чашку и отпил, пытаясь успокоиться, собраться с мыслями.

– А как же вы стали Земцовым? – поставив чашку на стол, спросил он.

– О, это долгая история! Если у вас есть время и желание её услышать, я готов вам её поведать.

Ан кивнул.

И Земцов начал рассказ:

– В без сознательном состоянии меня доставили на базу Хранителей, где в заключении я провёл не один день. У меня пытались выведать, где я храню результаты исследований фито-энергии, но я не хотел их передавать из-за опасения использования моего открытия против людей. Конечно, это было безумием, узнать всё, что им требуется, Хранители могли и без моего согласия – просканировав мой мозг. Не знаю, почему они это не сделали сразу. Возможно, им хоте-

лось его ещё поэксплуатировать. Так или иначе, но у меня появилась возможность бежать.

Глеб увидел удивлённый взгляд Ана и улыбнулся.

– Знаете, сам удивляюсь, вспоминая прошедшее, как сон или божественное провидение. Но это был не сон или божественное провидение, хотя и помощь Творцов, – улыбнулся он. – Я не могу вам рассказать сейчас, кто организовал побег – это не моя тайна. Расскажу о себе. Очутился я в научной лаборатории, расположенной на острове, затеряншемся в океане. Меня поселили в подводной её части, и я думаю, что никто, кроме тех, двух человек, которые помогли мне бежать, не знали, что я нахожусь на острове. Учёный – человек замкнутый, чаще всего живёт в своём мире. Получив возможность экспериментировать, заниматься научной работой, он уходит в неё с головой, воспринимая окружающую обстановку, как обыденную неинтересную данность. Настоящая жизнь там, в его голове, в его идеях и в экспериментах. Поэтому одиночество, и, главное, новая творческая проблема, возродили меня, уже почти готового расстаться с жизнью. Я продолжил работу над фито-энергией. Теперь объектом моего изучения стал океан. Знаете, океан – это почти безграничные запасы фито-энергии, – глаза учёного горели, он весь подобрался, как перед прыжком. Но вдруг с видимым усилием взял себя в руки, – впрочем, я хотел не о том. Так, о чем я? – он потёр лоб, возвращаясь к разговору. – Да! Как я стал Земцовым. Это случилось так. Года че-

рез три после того, как я поселился в лаборатории, на острове умер от сердечного приступа сотрудник. Умер скоропостижно, ночью. Об этом знала только врач лаборатории, в лазарете у которой он лежал. Его тело увезли, и мне предложили. . . . Знаете, право, мне как-то неловко об этом вспоминать. Хотя в этом нет ничего такого. . . . Мне предложили, занять его место. И я согласился! А что я мог поделать? Я уже хотел жить, хотел продолжить свои исследования. И потом, потом . . . мне стал дорог один человек. . . , впрочем, знаете, это к делу не относится. Я думал, что главное не тело, не имя, главное – твоё дело, то, что после тебя останется людям. В общем, в лаборатории объявили, что Земцова, так, как вы уже поняли, звали человека, который умер, перевезли на континент лечиться. Через несколько дней меня вывезли в закрытую клинику. Пересадка биологических частей, по которым происходит доступ к системам: роговица глаз, лицо, отпечатки пальцев. . . передача мне браслета Земцова, и вот теперь перед вами – Земцов Пётр Игнатьевич или как называют себя Хранители и Творцы – просто Земцов Пётр. Благо родственников ни у меня, ни у него не осталось.

Ан поражённо слушал фантастическую историю.

– И как вам, в новом облике?– вдруг неожиданно даже для себя самого, спросил он.

– Да никак, – ответил тот. И подумав, добавил: – Я не чувствую никаких изменений, вначале было хлопотно с привыканием к новому имени. А внешность. . . Что внешность? Я

же не рассматриваю себя часами в зеркало. А в работе, как-то забываешь о внешности.

Он взял чашку и медленно выпил.

«Удивительная история, – думал Ан, глядя на Земцова, – но похоже он не входит в тайное общество учёных. Для него главное – наука. А тех, кого знает, не скажет, скрыл же имена тех, кто ему помог бежать. И все-таки надо попробовать. Думаю, что патриотических чувств к Хранителям, после того, что с ним произошло, у него нет. Другого выхода нет, надо рискнуть».

– Вот такая моя необычная история. Впрочем, не обо мне речь. Спасибо, что выслушали. Но я бы хотел просить у вас прощения. Всю жизнь меня терзают воспоминания, не даёт покоя то, что я стал невольным виновником гибели ваших родителей. Простите меня, Андо, если сможете. Вы можете быть уверенным, чтобы не случилось, у вас есть верный друг, который всегда придёт вам на помощь в трудную минуту. Знайте об этом.

– Что вы, мне не за что вас прощать. Я в свою очередь тоже всегда рад буду помочь вам в случае необходимости. Я хотел у вас узнать, кстати, простите, должно быть вас следует называть по теперешнему имени?

Его собеседник кивнул.

– Хорошо. Скажите, Пётр, не возникало ли у вас мысли о необходимости что-то изменить в нашем мире, изменить глобально, открыв тем самым новые возможности планетар-

ного развития, например, внедрить ваше открытие?

Пётр внимательно смотрел на него.

– Мой Учитель в Университете говорил, что любое прогрессивное движение вперёд обязательно в какой-то пиковый момент остановится, исчерпав свои возможности, и только творческая мысль сможет вывести его из этого состояния. Не думаете ли вы, что у нашего прекрасного мира настал такой момент? Что мы вошли в полосу застоя и обречены на гибель, если не объединимся в желании найти выход из этого тупика?

– Знаете, я понимаю вас! – наклонившись к самому лицу Ана, горячо зашептал Пётр. – Как я вас понимаю. Я почувствовал это уже тогда, в кабинете Куратора, который отверг моё изобретение. И я готов! Да! Я готов объединиться и сделать все, что в моих силах, для выхода общества из стагнации. Можете мне полностью доверять.

– Я очень, очень рад, что нашёл в вас единомышленника, – Ан пожал его руки. – Но мы должны сохранять строжайшую конспирацию. Вы понимаете?

Пётр кивнул.

– Отлично. Я с вами свяжусь по своему каналу.

Они поднялись.

– Я рад, очень рад нашей встречи, – Пётр обнял Ана. – Знаете, как гора с плеч! Буду ждать вашего звонка. Для вас я всегда на связи!

Они разошлись. Каждый пошёл в свою сторону, радостно

осознавая, что не одинок в этом мире.

***

Ан быстро шёл по тротуару, погружившись в мысли.

«Наконец, хоть что-то. Сейчас самое главное наладить конспиративный канал. Общаться будем через него. Нужна своя ниша в сети, на которую невозможно случайно наткнуться, невозможно попасть без прав доступа. И сделать это надо быстро, очень быстро».

***

Пётр пришёл домой радостно возбуждённый. Сима, встретившая его у двери, удивлённо посмотрела в его смеющиеся глаза. Он снял пальто и, потирая немного замёрзшие руки, подошёл к ней, поцеловал в щеку.

– Ну, как?

– Всё хорошо, Симочка! Просто замечательно. Это действительно он.

Сима схватила его за руку и потащила в комнату.

– Пойдём, пойдём, расскажи всё подробнее!

Они уселись рядом на диване.

– Ну, расскажи, как вы встретились? Как все прошло? Он тебя узнал? Он же был совсем ребёнком! – радостное возбуждение передалось и ей.

– Я думаю, узнал, такое сложно забыть, даже ребёнку. Ты знаешь, и я очень рад, что он не держит на меня зла! Это главное.

– Ну, за что же на тебя держать зло? Сам-то посуди, умная

твоя голова, – смеясь, Сима слегка постучала его по лбу. – В чем ты-то виноват? В том, что сделал открытие и отнёс его правителям?

– Ну, да, я должен был предвидеть, к чему все приведёт. Сима вздохнула.

– Мы не можем предугадать свою судьбу. Да и потом, столько лет прошло, – она покачала головой. – Ну, расскажи, а зачем он тебя позвал?

– Похоже, он не просто вспомнил, но и у него появилась возможность раззнать какие-то подробности этой истории. Знаешь, я думаю, он хочет отомстить. И не просто отомстить, каким-то конкретным обидчикам, – понизив голос до шёпота, он произнёс ей на ухо, – он хочет бороться с системой. Ты представляешь?! Я столько лет ждал единомышленников. Все эти годы ты одна была моей единственной помощницей. Только тебе я смог открыться. Я очень благодарен тебе, что не дала мне не сойти с ума, помогла снова найти своё место в жизни. Но я ничего не мог поделать! Ничего! Только смириться. А теперь! – возбуждение не давало спокойно сидеть, он встал и принялся быстро ходить по комнате. – Ты только представь, Сима! У меня появилось возможность действовать! – Он остановился у каминна, и, смотря на огонь, продолжал. – Прости, Сима, все эти годы мы не говорили об этом, но они всегда со мной мои: Лия и маленькая принцесса Алина. Память о них не может успокоиться, пока они не будут отомщены. Знаешь, как я мечтал

об этом! Но во мне видели только учёного! – Он повернулся к Симе. – И, наконец, такая возможность!

Она сидела неподвижно.

– Сима! Ты что? Тебе плохо?

– Какая возможность? Ты о чем? Ты что собираешься бороться с системой? Опять? – в ужасе выдохнула она.

Пётр нахмурился.

– Знаешь, Симона, я – учёный. Я должен делать все возможное для улучшения нашего мира. А мир не может быть изменён к лучшему, если останется таким, каков он есть сейчас. Как же ты не понимаешь?!

– Я понимаю, конечно, долг, необходимость изменить мир к лучшему, никто кроме нас...но, а как же..., – она запнулась и отвернулась.

– Что как же?

– А как же мы? Как же наш ребёнок?

– Какой ребёнок, Сима? Ты о чем, – начал он раздражённо и запнулся. Быстро подошёл к жене, наклонился над ней и шёпотом произнёс: – Что ты сказала?

Она уткнулась ему в грудь.

– Я хотела тебе сказать, все искала подходящий случай. У нас будет ребёнок. Дочка.

Он резко выпрямился.

– Дочка? – прошептал он побелевшими губами.

Она вскочила и быстро подошла к столу, открыла его и достала небольшую шкатулку. Замочек щёлкнул, и крышка

шкатулки тихо поднялась под мелодичный звон. Сима вынула из неё фотографию, ласково провела по ней ладонью и, подойдя к мужу, протянула,

– Смотри, вот наша девочка.

Пётр взял фотографию и взглянул. Это был объёмный снимок УЗИ, на котором зафиксирован момент жизни его дочери. Он едва понял, что видит, а когда понял, то сердце его радостно сжалось:

«Принцесса, моя принцесса вернулась», – подумал он.

– Но как, – удивлённо – растроганно взглянул он на жену. – Как же это. У нас с тобой уже возраст...

Она, смеясь, хлопнула его по руке.

– Какой возраст? Ты о чем?

– Боже мой! Какое счастье! – он прижал Симу к себе. –

Что же ты молчала?!

– Да я не молчала, сама узнала недавно! Вот собиралась тебе сказать, – она выбралась из его объятий и тихо спросила: – Как же теперь быть? Ты же хотел посвятить себя борьбе. Можем ли мы рисковать нашей доченькой?

– Нет, нет, ни за что! – он снова прижал её к себе. – Не отдам! Никому не отдам! Ни тебя, ни доченьку. В конце концов, я заплатил полную меру этому миру. И пусть он простит меня.

Сима улыбалась, слёзы катились по её щекам.

***

Поздним вечером, когда Ан после душа, смывшего уста-

лость прошедшего дня, по своей ещё юношеской привычке сидел в глубоком тансиде перед панорамным окном и смотрел на никогда не засыпающий мегаполис. Вибрация браслета отвлекла его от мыслей. Он открыл видеосвязь и увидел бледное, но решительное лицо Земцова.

– Здравствуйте, Пётр. Что-то случилось?

Тот ответил не сразу.

– Случилось. Знаете, случилось очень важное для меня. Я должен вам сказать, – он запнулся, отвёл глаза, но потом решительно свёл брови и взглянул на Ана. – Я должен сказать, что, к сожалению, не смогу принять ваше предложение о сотрудничестве.

У Ана упало сердце.

– Почему? Я могу узнать?

– Да, да! Конечно, дело в том, не знаю, поймёте ли вы меня, вы ещё так молоды...

Ан молчал.

– Дело в том, что у нас с женой будет ребёнок. Не удивляйтесь! Я понимаю, мой возраст, но это так. Это, просто, какое-то чудо! И поймите меня, я не могу рисковать. Не имею права! Опять...

– Да, я понимаю.

– Знаете, я хочу вам передать материалы моей работы. На хранение, может когда-нибудь они пригодятся миру.

Ан услышал тихий писк сигнала поступившей почты.

– Простите меня.

Ан смотрел на Петра. Все рушилось, последняя ниточка с учёными лопнула.

– Может быть вы знаете того, кто хотел бы сотрудничать, – почти не ожидая положительного ответа, спросил Ан.

– Да, да! Я хотел вам сказать. Я прислал вам там, на последней странице материалов, может быть, вас заинтересует. Больше я ничего сделать не могу. Прощайте!

– Прощайте. Всего вам доброго.

– Спасибо! Удачи!

Связь прервалась.

Ан открыл поступившее письмо.

«Научные исследования и разработка обоснования применения фито-энергии». Двадцать страниц аннотации и архив прикрепленной информации. На последней странице аннотации он прочитал:

«Уважаемый Андо! Примите мои искренние извинения, что я не смог поменять тихую личную семейную жизнь на самоотречение ради всеобщего будущего. Я – простой слабый человек. Моя любовь к жене и нашей будущей доченьке для меня превышает всего на свете. Превыше самого себя. От всего сердца желаю вам исполнения ваших надежд на великие свершения. Единственное чем я могу вам помочь – это вот этот код связи. Я знаю этого человека, как исключительно порядочного, деятельного и умного учёного. Именно благодаря ему я остался жив. Поговорите с ним. Я уверен, что вы должны найти общий язык. Всегда рад общению».

Ан дважды перечитал послание и удалил его. Посмотрел на часы – 23:45.

«Поздно уже. Завтра позвоню, – решил он. – Хотя сначала надо узнать, что это за человек».

***

На другой день в восемь утра он сидел уже за рабочим компьютером и читал досье Бизеева Модеста. ... Творец-учёный. Идентификационный код – ... Родился в семье Творцов в Элизиуме. Закончил Университет Наукограда по специальности – метеоролог, вулканолог, сейсмист. Научные работы – далее шёл целый список работ, опубликованных учёным. В настоящее время работает в океанологической лаборатории... Тема исследований – ... Время окончания работ – не установлено. Семейное положение – регистрации нет. Контакты: Рабочий... Личный...

«Ну, хоть что-то, хоть что-то», – подумал Ан.

Резкий звук стукнувшейся о стену широко распахнутой двери отвлёк Ана. Он вздрогнул и обернулся. В проём двери пыталось впихнуться нечто громоздкое:

– Боком, боком заноси!

– Да заносу я, заносу!

– Наклоняй, наклоняй! Чтоб тебя!

Нечто накренилось и грозило обрушиться на пол, увлекая за собой вцепившихся в него людей и дверной косяк.

– Держи! Держи! Олух!

– Сказал же, что робота-такелажника надо, а ты: «Я сам!

Я сам!».

Нечто понемногу выпрямилось, приподнялось над полом и аккуратно въехало в комнату. За ним показались рабочие, в руках у одного из них был манипулятор передвижения. Оказавшись на свободном месте, нечто медленно и плавно переместилось в комнату и зависло над её центром.

В дверь вошёл Горислав.

– Ну, вот, приехала твоя Линда, встречай, – улыбаясь, сказал он.

– Доставили? – Ан вскочил и быстро подошёл ближе.

– А то! Смотри, какая красавица.

– Ну, не знаю, я как то себе воплощение представлял другим.

– Каким другим-то? Думал, что по твоим «эскизам» родится суперчеловек и в комнату войдёт копия Линды? И тебе останется только обучить её?

– Нет, конечно, – засмеялся Ан. – Ладно, будем считать, что это только «стволовая» клетка. Какая в ней может быть красота? Но мы из неё вырастим настоящую красоту будущего.

– Отлично, а пока хватит речи толкать, давай помогай освобождать центр. Ребята, давайте, оттащите столы в сторону.

Стол и рабочие кресла были отодвинуты к стенам, и Горислав махнул рукой:

– Сюда давайте, сюда! Осторожнее! Стой! Олух! Ты что

не видишь, куда опускаешь? На разъёмы прямо! – Горислав в запале толкнул рабочего в плечо, и выхватил у него пульт управления. – Дай сюда, я сам! – и медленно, очень медленно повёл чёрную махину вперёд. Аккуратно проведя над разъёмами, выходящими из-под пола и толстой лентой опоясывающей середину комнаты, он тихо опустил сопроцессор прямо в середину.

– Ну, вот, – удовлетворённо сказал он и передал работнику пульт. – Держи. – И хлопнув его по плечу, добавил, – Не обижайся, брат, спасибо.

Рабочий недовольно дёрнул плечом и ушёл, ничего не сказав.

– Мдя, – Горислав виновато кашлянул, – ну, ладно. – Обошёл вокруг и подошёл к Ану, – Ан, ну, вот. Давай проверь, всё ли сделано по твоему техзаданию, и мне не терпится уже начать подключение к сети.

Ближайшие три недели Ан и Горислав почти не уходили с рабочих мест, были заняты подключением искусственного интеллекта к глобальной сети ЕКЦ. Действовать приходилось крайне осторожно, чтоб не вызвать сбои в работе филиалов. Для чего решено было не заменять действующие приёмные модули от филиалов к центральному пульту управления ЕКЦ, а ввести дублирование, при котором приёмные модули по второй ветви аккумулировали информацию в трансформирующихся облаках, уже напрямую связанных с ИИ. Параллельно с подключением ИИ к сети шло интенсивное

формирование базы знаний.

***

Ан сидел перед спящим монитором, и никак не мог решиться. Одно дело раскрывать тайны врага, а совсем другое вторгаться на чужую территорию и совать свой нос в чужие дела обычного человека. Хотя, почему же чужие? Это как раз его дело, кровное. Не мог он оставить все как есть, тем более, что с каждым днём все отчётливее вырисовывалась угроза тотальной слежки. Оставалось не так уж много времени, когда он своими руками отдаст врагу безграничную власть. Надо решаться. Он загрузил на свой компьютер программу-шпион, над которой работал последнее время каждую свободную минуту, и которую, замаскированную под обыкновенную допотопную флешку, незаметно скачал и вынес сегодня из ЕКЦ.

Экран моргнул и засветился табличкой, предлагающей ввести объект. Ан ввёл интернет-данные Бизеева Модеста. По экрану побежали строчки команд, которые закончились маленьким окошком с надписью:

«Объект обнаружен. Произвести подключение: ДА НЕТ».

Рука в нерешительности замерла, но он пересилил себя и решительно нажал «ДА». Монитор на мгновение погас и засветился незнакомой заставкой, на которой высветилась новая табличка:

«Разрешить доступ к корректировке. ДА НЕТ».

Ан быстро нажал «НЕТ», застыл наблюдая.

На экране разворачивалось настоящее сражение. Ан понял, что попал в разгар какого-то обсуждения, и теперь на экране читал чат закрытой группы. В сети были четверо. Имена были скрыты под никами. На экране, появилась быстро набираемая, бегущая строка и в чат полетело сообщение от Громовержца – ника Бизеева.

Громовержец: «Я думал над этим. Но это очень сложный вопрос. Требуется детальной проработки. Не уверен, что можно с подобным согласиться сразу. Вся история человечества – это развитие товарно-денежных отношений, в каких бы формах денежный эквивалент не выступал. Не думаю, что возможен отказ от этого принципа».

Ан понял, что в чате происходит обсуждение и возможно даже спор между Громовержцем и Горой, остальные двое были скорее наблюдателями, которые принимали то ту, то другую сторону по мере того, насколько разумным им казались их доводы.

Гора: «Мы не можем и дальше использовать эту систему, она неизбежно приведёт к тому, что мы имеем сегодня. Вспомни: что наверху, то и внизу. Развитие человечества подобно развитию человека. Вначале, маленькому ребёнку разрешается все, но возможности у него минимальны. Потом, когда человек взрослеет, и у него появляется возможность влияния на окружающий его мир, одновременно приходят и запреты, облакаемые в законы, направляющие его. И только в конце жизни, обретя жизненный опыт, человек не нуждается

ся в законах, он сформировался и сам себе – закон, который он не переступит, видя свою ответственность. Также и человеческое общество. Мы миновали стадию детства и юности, наконец, настала зрелость».

Мимоза: «Гора, ты хочешь отменить законы?»

Гора: «Мимоза, не отменить, а скорее скорректировать, и не законы, а весь уклад жизни».

Синица: «Каким образом?»

Гора: «Сделать уклон на ответственность».

Громовержец: «Не совсем понял тебя. И сегодня в законе прописана ответственность за нарушения законов»

Гора: «Нет, не то. Необходимо создать систему жизни, в основе которой лежит ответственность. Сегодня человечество крутится вокруг единственного постулата – деньги, как регулятор человеческих отношений. И они действительно являются универсальным регулятором вне зависимости от того, как и куда они регулировкой направляют общество. Нам нужен новый регулятор. Предлагаю подумать над ответственностью в форме регулятора».

Синица: «Ха-ха, деньги ликвидируем, регулировать будем законом. Бред! Во-первых, никогда закон не будет настолько объективен, чтобы стать полноценным регулятором человеческого общества. А во-вторых, закон – это насилие. Не думаю, что земляне поддержат насилие – как основу своей жизни».

Мимоза: «Согласна с Синицей. В обществе должен быть

объективный механизм саморегулирования».

Гора: «Это не так, как вы себе представили. Я говорю об ответственности именно, как о регуляторе, а не как о законе. Думаю, вы со мной согласитесь, что человек – существо духовное, именно это его отличает от животного. Но почему духовное существо ставит в рамки материальные законы? Не в этом ли дисбаланс, и, следовательно, и трагедия человечества?»

Синица: «Ну...так называемые, как ты их назвал, материальные законы – лишь регулировка экономической жизни человечества».

Мимоза: «Экономической жизни человечества. Знаешь, Синица, а разве экономическая жизнь не есть все вокруг? Политика только и занимается экономическими вопросами, наука работает только на неё. А искусство? Много ты встретишь альтруистов, которые готовы творить, не оглядываясь на свою экономическую зависимость от общества? И что с такими происходит? Тут я скорее соглашусь с Горой».

Громовержец: «Да, экономика – это всё. Гора, а что ты предлагаешь?»

Гора: «Я предлагаю ввести общественный закон-ограничитель – ответственность».

Громовержец: «И как ты это себе представляете?»

Гора: «Считаю, что в начале, это должно быть прямое воздействие, которое постепенно переведёт человечество из зоны производства товаров в зону развития личности».

Синица: «Это всё прекрасно, но только красивые слова. Что конкретно ты предлагаешь?».

Гора: «А конкретно. Предлагаю к знаменитой формуле Маркса: деньги-товар-деньги, добавить регулятор: личное участие/деньги – товар – личное участие/деньги. Это позволит постепенно перейти от материального диктата к человеческой личности, к её развитию и приобретению ценности. Это будет свидетельствовать, что общество взрослеет и ему под силу перейти к следующему шагу: личное участие – зона ответственности/зона комфорта – личное участие».

Громовержец: «Интересная мысль. Но нужно все хорошо обдумать».

Мимоза: «Да. Но в любом случае, при сегодняшней власти, ни о чем подобном и речи не может быть».

Синица: «Да... Гора, возможно, ты и прав. Но что мы можем сделать?»

Громовержец: «Ну, хорошо. Пора прерваться. Дальше оставаться опасно. Встретимся как обычно. Обсудите в своих группах идею Горы. Удачи всем».

Громовержец остался в чате один. Ан, спеша, начал набирать текст:

Громовержец: «Здравствуйте! Прошу прощения, что незаконно подключился к вашему компьютеру, но дело исключительно важное и не терпит отлагательств».

Долгую минуту Ан ждал ответа, наконец, в чате появилась запись:

Громовержец: «Кто вы такой? По какому праву вторгаетесь в личное пространство? Что вам нужно?»

Громовержец: «Я – Творец-учёный. Занимаюсь разработкой компьютерной сети. Хотел бы вступить в организацию, поставившей своей целью уничтожение существующего порядка. Уверен, что мог бы быть полезен. Готов к личной встрече».

Громовержец: «Какая организация, какое уничтожение существующего порядка! Вы – сумасшедший и шпион! Уберите из моего компьютера, пока я не пожаловался Хранителям на ваши незаконные действия».

Ан опешил. На экране появилось сообщение:

«Чат «Надежда» подтвердить удаление. ДА НЕТ».

«Чат «Надежда» удалён».

Вслед за этим экран компьютера погас.

«Отключился. Удалил чат общения и отключился. Не поверил. Всё. Оборвалась последняя ниточка. Дурак! Идиот! Ну что так топорно полез. Надо было, как то подготовить, а то влез как последняя скотина в компьютер, и ещё навязываюсь в тайное общество неизвестно кто», – Ан был раздавлен.

Часть IV «Революция»

Глава «Линда»

Сандра посмотрела на него, высунула язык и принялась корчить рожицы.

– Сандра, прекрати! – послышался голос тёти, – Ты уже взрослая, а ведёшь себя, как маленькая. Вот мы сейчас тебя такую запечатлим на память, и пусть твои дети посмотрят, какая у них была мама.

Сандра рассмеялась, но постаралась принять солидную позу.

Кадр сменился, и теперь на Ана смотрела молодая с весёлыми глазами тётя и серьёзный дядя, которые сидели во главе свадебного стола.

А вот и он, Ан. Робин чёрным худым галчонком запрыгнул ему на плечи и пытался повалить на землю. Ан набычившись, сопротивлялся, как мог, но не устоял, и они кубарем покатались по земле, хохоча.

Кадр сменялся кадром, Ан всё листал и листал семейный альбом, который тётя сунула ему, когда он уезжал учиться. Лица родных, близких ему людей сменяли друг друга, отзываясь в сердце одиночеством: как все они были далеко. Наконец, Ан положил фототеку на диван рядом с собой и при-

крыл глаза. Девять лет прошло с тех пор, как он уехал из элизия. Почти исполнилась его мечта: он окончил Университет и заканчивал работу над глобальным искусственным интеллектом, но почему же он чувствовал себя таким несчастным? Он был одинок, так одинок, как будто находился в пустыне или даже в самом центре бесконечно пустого космоса.

«Как все далеко. У каждого своя жизнь, и ни до кого больше нет дела, – он зябко поёжился. – Как холодно. Холодно и пусто. Зачем всё? Стремлюсь к чему-то, пыжусь, а на самом деле я просто инструмент в руках Главного Хранителя. Не будь его желания, и я бы никогда не смог даже пальцем пошевелинуть, не то, что работать над тем, о чём мечтал с детства. Мечта на заказ – как это убого и страшно.... Сам я ничего не могу и ничего не стою, да и не нужен никому. Линда..., – он открыл глаза, тоскливый ничего не видящий взгляд его упёрся в потолок, – она должно быть давно замужем, у неё дети..., а может уже сменила отца и рулит своими пекарями. И Робин, наверное, женился, – Ан улыбнулся, вспоминая друга. – Такой балагур вряд ли останется одиноким. Уж главный врач в какой-нибудь центральной лечебнице элизия, с его-то способностями, отличный специалист, и очереди к нему, поди, на месяц. Жизнь их удалась, они востребованы. А он? Хотел стать Творцом и стал им, и что? Кроме пустоты и одиночества – ничего. Покорный исполнитель чужой воли...».

Дверь в кабинет Ана распахнулась, и на пороге показался

Тупи, в руках он держал маленький поднос.

– Андо, Тупи приготовил ваши любимые булочки с изюмом и корицей и имбирный чай.

Он быстро подъехал к столу и поставил на него поднос.

– Не грустите. Тупи с вами. Если хотите, можем поговорить.

Ан усмехнулся: «Да...я только и добился, что внимание робота. А что я ещё хотел? Кому мечтал посвятить жизнь, то и получил».

– Спасибо, Тупи за булочки. С удовольствием выпью чаю, но я хотел бы побыть один.

– Хорошо, Андо! Я буду рядом, – робот выехал из комнаты.

Свежеиспечённая сдоба и горячий ароматный чай немного взбодрили, и на душе его потеплело. Не успел он допить чай, как на экране компьютера вспыхнул сигнал вызова. Ан взглянул на часы: половина десятого вечера.

«Странно, кто бы это мог быть так поздно?» – отставив чашку, он подошёл и принял вызов. На экране высветилась иконка с белым конвертом и сообщением под ним:

«Видео – письмо от Робина Смелова. Принять – Отклонить?». Ан поспешно нажал «принять».

Экран монитора моргнул, и Ан увидел незнакомого мужчину. Коротко стриженные чёрные волосы, открывали волевое лицо с широким лбом и узким подбородком, чёрные глаза пронзительно смотрели на Ана. Несколько мгновений они

смотрели друг на друга. Внезапно насмешливая улыбка тронула плотно сжатые губы незнакомца, в глазах показалась знакомая весёлая чертовщинка, и он произнёс:

– Ну, здорово, что ли, Ан. Чего уставился-то, давно не видел?

Ан выдохнул:

– Привет, Роб! А то, столько лет прошло. Рад тебя видеть, – машинально произнёс Ан и, опомнившись, потряс головой.

Робин хохотнул, будто услышал его и сказал:

– Ладно, отомри. Не забудь, что это письмо, и я тебя не слышу. – И, посерьёзнев, добавил, – надо срочно поговорить. Вызови меня, как будет время.

Письмо свернулось.

Ан на мгновение задумался: отправить запрос на контакт с Роббином Хранителям или вот он, отличный случай проверить мой личный канал связи? Он ввёл код доступа к искусственному интеллекту, и на экране высветилось диалоговое окно, считавшее биометрические параметры. Несколько секунд и Ан получил ответ от искусственного интеллекта.

– Привет, Андо! К работе готов.

– Привет. Работаем на первом канале. Вызови Робина Смолина и обеспечь конфиденциальность. Доступ к каналу по стандартному разрешению.

– Задание понятно. Выполняю.

Прошла томительная минута, наконец, на экране появи-

лось лицо Робина.

– Привет, – хмуро взглянув на Ана, сказал Робин.

– Привет, Робин, рад тебя видеть!

– Был бы рад, давно бы стукнул, а то, как уехал, так и пропал.

Ан покраснел:

– Ты же знаешь, не принято это.... Да и домой я часто отправляю видео, и тебе приветы.

– Ну да, ну да, их уже складывать некуда, приветы твои.

Ан улыбнулся в ответ.

– Ты совсем не изменился, Роб, хотя сначала я тебя не узнал. Как ты? Тётя говорила, что ты закончил медицинский в элизии и работаешь в лечебнице?

– Ну, раз тётя говорила, значит, так оно и есть. Сам-то как? Осуществил свою мечту?

– Почти, – секунду помедлив, ответил Ан, – работаю над ней.

– Ну, я рад за тебя.

Они молча разглядывали друг друга. Наконец, Робин потёр ладонью лоб и сказал:

– Тут знаешь, какое дело, нужна твоя помощь.

– Помощь? Что я могу для тебя сделать? Ты же знаешь, я всегда, с радостью, если смогу.

– Сможешь, сможешь, если захочешь.

Ан выжидающе смотрел на него.

– Я слышал от твоей тёти, что ты выбился в люди. Рабо-

таешь в ЕКЦ главным специалистом. Близко знаком с Главным Хранителем. Люди даже поговаривают, что он обязан тебе жизнью...

Ан молчал.

– Так вот, раз мой школьный товарищ так высоко взлетел, – усмехнулся Робин, – как говорится, грех не воспользоваться.

– Роб, не тяни. Говори уже, чем могу помочь.

– Тут такое дело, – Робин оглянулся, будто проверяя, не слышит ли кто его, – у нас в элизии так называемыми «лишними» и «серыми», ну ты знаешь, создано общество. Ты не подумай! Общество официально зарегистрировано, как общество взаимопомощи Созидателей. Помогаем друг другу в трудную минуту, ходатайствуем перед работодателями, если что. У нас и юристы есть, и даже некоторые бизнесмены, ну, конечно, из тех, у кого мелкий бизнес, помогают тем, кто решается открыть своё дело или у кого споры с работодателями.

– Это здорово, Роб, и ты, конечно, у них главный. Ты всегда был заводилой, – улыбнулся Ан.

– А то, – засмеялся Робин, но тут же посерьёзnel. – Общество солидное, ты не подумай. В него уже входит девяносто пять процентов «лишних» и почти восемьдесят «серых», да и мелкий бизнес хорошо подключился. У нас всё организовано, и крупный семейный бизнес вынужден прислушиваться к нам, хотя, конечно, никакого официального влия-

ния мы не имеем. Типа морально давим.

– И вы хотите получить официальный статус?

– Ты умён не по годам, – улыбнулся Робин.

– Но..., – растерялся Ан, – что же я могу сделать?

– Через два месяца начнутся ежегодные выборы в Общественный совет, и мы подали петицию в Суд элизия с просьбой рассмотреть возможность выдвинуть кандидатом своего представителя.

– Понимаю. Если бы такое решение получили, то у вас уже были официальные рычаги давления на крупные семьи для защиты работников.

– Да. Ты правильно понимаешь.

– И каково было решение суда?

Робин потёр лоб.

– Отрицательное, Ан, естественно, отрицательное. Но нам дали шанс.

– Какой?

– В решении указано, что выдача подобного разрешения не имеет прецедента в прошлом и никак не урегулировано законодательно, и чтобы его получить, необходимо личное распоряжение Главного Хранителя. А как ты понимаешь, доступа к нему у нас ни у кого нет. Нет возможности даже отправить запрос напрямую. Мы отправляли запрос Куратору-Хранителю элизия, но он ответил, что не видит необходимости и целесообразности в подобном нововведении.

– Понятно... Ты хочешь передать петицию к Главному

Хранителю через меня?

– Да, Ан.

Ан задумался.

– Вряд ли у вас что-то получится. Но можно попробовать. Нужно только найти повод, почему вдруг я выступаю с подобным ходатайством. Вряд ли будет одобрен наш с тобой контакт.

– Ты не думал, что пора, в конце концов, навестить свою тётушку? Девять лет прошло, а ты ещё ни разу не видел своих родных, кроме как виртуально. А у неё может здоровье уже не то.

– Что? – подпрыгнул Ан, – тётя больна?

– Угу. Больна, тоской по своему нерадивому племяннику, который забыл про неё.

– Ну, ты даёшь, Роб. Напугал. И ничего я не забыл, но приехать все-таки надо. Ты прав. И своих навестить, и узнать как там вообще дела.

– Вот – вот, и я про тоже.

– Я приеду Роб, обязательно приеду, – Ан открыл календарь дел. – Когда ты говоришь у вас выборы? Через два месяца? – спросил он, просматривая его.

– Да.

– Так, так, так. Значит, как минимум за месяц у Главного Хранителя должна быть ваша петиция, а ещё лучше и раньше. Я приеду через неделю, Робин. Думаю, так мы все успеем.

– Спасибо, Ан, – серьёзно сказал Робин, – я знал, что на тебя можно рассчитывать, что ты поможешь.

– Да не за что, Роб. Ещё неизвестно, как к петиции отнесётся Главный Хранитель. Если честно, то на твоём месте я бы не рассчитывал на него, но попробовать, конечно, нужно.

Вопрос был решён, и они замолчали.

– Ладно, Ан, пора мне отключаться, чтобы у тебя не было неприятностей.

– Пока, Роб. Рад был тебя увидеть. Встретимся через неделю.

Робин задумчиво смотрел на него.

– Ан, а ты не хочешь узнать, как поживает Линда?

Ан вздрогнул. Робин увидел, как бледность разливается по его лицу.

– Зачем, Роб? Думаю, у неё всё прекрасно. Зачем ворошить прошлое?

– Ага, ага. У неё всё прекрасно. Отдельная палата. Правда, окно за специальным стеклом, и выходить никуда нельзя, а так все хорошо: питание хорошее, койка мягкая.

Ан остолбенело смотрел на Робина.

– Выдохни уже.

– Что ты сказал? – просипел Ан.

– Я сказал воды выпей, ни фиги не понимаю, что ты там сипишь.

Ан схватил графин и налил в стакан воды, залпом выпил.

– У тебя, что в графине водка? – поинтересовался Роб.

Насмешливый голос его действовал отрезвляюще. Постепенно Ан приходил в себя.

– Рассказывай.

– Что рассказывать-то? Достал её отец. Как ты уехал, все пытался выдать замуж за своего компаньона. А что? Неплохая партия. Богат. Из семьи крупных бизнесменов – фермеров, которые поставляют в «Хлебный дом» зерно, да и сам ещё не стар, и сорока нет, и видно любит Линду, не надышится на неё. И что она сопротивляется? Не понятно. Должно быть, всё сохнет по кому-то, – Робин в упор смотрел на Ана, – а этот кто-то забил на неё, носится со своей мечтой. Вот она и того, не выдержала и траванулась.

– Как траванулась? – прошептал Ан, с ужасом смотря на Робина.

– Ты что, дурак? Не понимаешь, как люди могут отравиться, сводя счёты с жизнью? Наглоталась снотворного. Не насмерть, конечно, откачали, ну папашка и упрятал её в психушку.

– Что же ты, гад! Сразу!

– Интересно, и я же, гад!

– Я выезжаю, завтра же! – Ан вскочил и забежал по комнате.

– Ей, ей, успокойся. С ней все нормально. Давай, выпей успокоительное, что ли. Приедешь, разберёшься на месте, как тебе лучше быть.

Ан подошёл к компьютеру.

– Спасибо, что сказал. Жди меня. Я выеду сразу же, как смогу.

– Давай. Жду. Только спокойно. Не наломай дров. Теперь многое будет зависеть от тебя.

– Да. Спасибо. Мне нужно..., – Ан взглянул на часы, – нет, чёрт, сейчас поздно. Завтра. Давай, Роб. Хорошо, что ты позвонил. Давай до встречи.

– Пока, до свидания.

Связь прервалась.

***

Март пришёл в заснеженный мегаполис незаметно, прокрался, стараясь не оставлять следов, и до времени спрятался в неприметные прогалины у стволов деревьев, затаился. В элизии «Сады Приуралья» властвовала зима. Ан ощущал её уверенное ледяное дыхание, идя по аллее огромных замёрзших клёнов, к главному входу лечебницы номер два. И хотя сегодня обещали первое потепление до одного градуса тепла, порывистый ветер, швыряющий мелкий колючий снег в лицо, заставлял зябко кутаться в воротник. На душе у Ана было также зябко.

Он приехал в элизий на следующий же день после разговора с Робинот. Тот не встретил его, но соединившись по браслету, просил прийти в клинику. Пискнув пришло сообщение с адресом, и Ан прямо с вокзала, не заходя домой, отправился туда. И вот теперь он стоял у двери. Взясся за ручку, но медлил:

«Куда я? – вдруг подумал он, – Что я скажу Линде? Посочувствую? Она ведь спросит, зачем я приехал. А зачем я приехал? Какая она стала, Линда? Может она ненавидит меня и не захочет видеть? А если захочет, что я ей могу предложить? Как помочь?». Ему всё было ясно вчера, после разговора с Робинсом, всё было понятно до этого момента, он твёрдо знал, что должен приехать и спасти Линду. И вот он тут, стоит в растерянности: как спасти? Что он может сделать? Ан тряхнул головой: «Тюфяк! Что тут гадать-то? Надо увидаться с Линдой, поговорить, а уж потом раздумывать, как помочь». Он дёрнул за ручку и вошёл.

Робин поднялся на встречу Ану, когда тот вошёл в кабинет. Подошёл, протягивая руку для приветствия:

– Пришёл. Хорошо. Пойдём.

– Как она?

– Нормально. Увидишь.

Робин повёл Ана по бесконечным коридорам, по длинному проходу между корпусами в психиатрическое отделение лечебницы. Остановились около двери, ничем не отличающейся от десятка таких же белых гладких, почти сливающихся со стенами. Слева на стене над кодовым замком небольшая табличка «П32». Робин взглянул на Ана. Тот бледный и решительный, чуть набычившись, смотрел на дверь, словно хотел сквозь неё что-то увидеть. Уголки рта Робина дрогнули в едва заметной улыбке, он быстро набрал код, и дверь бесшумно открылась, въехав в стену справа. Они вошли.

Линда сидела в глубоком кресле у камина и смотрела на огонь за стеклом. У Ана сжалось сердце, таким одиноким нахохлившимся птенцом, она ему показалась. Она подняла безучастные глаза на входящих. Увидев Ана, её глаза широко распахнулись, казалось, что всё её существо рванулось к нему, но вдруг, словно на что-то наткнувшись, попятилось и спряталось в самой глубине васильковых глаз, неммым вопросом заглядывая в душу.

– Линда, доброе утро. К тебе гость. Примешь?

Линда взглянула на Робина, снова перевела уже спокойный взгляд на Ана и отвернулась к огню.

– Доброе утро, Робин. А что вдруг гостя ко мне занесло?

– Здравствуй, Линда! Я.... – Ан замолчал, не зная, что сказать и как вести себя.

– Ладно, некогда мне тут с вами. Я на обход. Ан, будешь уходить свяжись со мной. Хорошо?

– Хорошо.

Робин кивнул Линде и вышел.

Ан стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Линда посмотрела на него.

– Проходи, раз пришёл. Бери вон, – она кивнула на трансид у окна, – садись.

Ан передвинул трансид к камину и сел. Он узнавал и не узнавал Линду. Короткая стрижка сменила её когда-то тёмные вьющиеся длинные почти до пояса волосы, делая беззащитным подростком.

– Ты изменилась.

– Я отрезала волосы, – поджав губы, сказала Линда.

– Зачем? Тебе было так хорошо.

Линда повернулась к Ану и заглянула ему в глаза:

– Хорошо? Может быть. Не помню, – с вызовом произнесла она. – Так практичнее, да и привыкла я уже.

Ан смотрел на её худенькую фигуру, жалость сжала его сердце, перехватила дыхание.

– Прости меня, – тихо сказал он. – Я не думал, что всё так. Я был уверен, что ты счастлива, выбрав свою дорогу.

– Да, у нас разные дороги. И ты зря приехал. Спасибо, конечно, за детскую память, но в жалости я не нуждаюсь, ни в чьей.

Она встала и отошла к окну.

– И потом, у меня всё хорошо. Не слушай, что тебе говорит Робин, он, конечно, хороший человек, но перестраховщик ужасный. Я вообще не понимаю, зачем он меня тут держит. Неприятности могут быть у всех. – Она решительно повернулась к Ану: – А то, что со мной произошло – просто несчастный случай. Случайность. И не стоило наводить панику. Зря он тебя вызвал. Хотя нет худа, без добра. Ты хотя бы навестишь своих родных. Ты ведь как уехал, так ни разу у них и не был, если я не ошибаюсь?

Ан молчал.

Она покачала головой.

– Ну да, ну да, я так и думала. Ну, и как твоя мечта? Ис-

полнилась? – она в упор смотрела на него.

– Разве мечта может исполниться? – тихо проговорил Ан. – На то она и мечта, чтобы за ней идти всю жизнь.

Она вспыхнула. Яркий румянец разлился по щекам, глаза стали злыми:

– Ну, и что ты приехал-то? Зачем сбиваешься с пути в погоне за мечтой своей? Спасибо, что навестил, и уходи. Нельзя, чтобы прошлое тянуло назад. Забудь. Ты тут никому ничего не должен.

– О чем ты, Линда?! – он тоже встал. – Какое же ты прошлое?! Ты же знаешь. Я всегда. Я был уверен, что не нужен тебе и не хотел навязываться, вот и ничего не сообщал о себе. Ты же сама, тогда, в день отъезда....

– Ну да, ну да, я сама. И что? Теперь то, что случилось, что ты примчался? Ничего не изменилось. Можешь спокойно следовать за своей мечтой.

Ан разозлился. Он подошёл к Линде и схватил её за плечи, встряхнул и зашептал:

– Ты о чем вообще? Ты же знаешь, что я люблю тебя! Всегда любил! Ну, прости меня. Я ошибся, думал, что ты будешь счастлива без меня, боролся с собой, но я так и не смог вырвать тебя из сердца, – он прижал её к себе. – Что мне сделать, чтобы ты простила меня? Давай уедем! Прошу тебя! Выходи за меня.

Линда отстранилась и огромными глазами с застывшими в них слезами смотрела на него.

– Благодетель! – воскликнула она. – Убирайся! Убирайся вон! Мне твоей жалости не нужно! Слышишь ты? Ненавижу тебя! – она задохнулась, стояла маленькая, прямая, со сжатыми кулаками. Васильки её глаз превратились в пылающее голубое пламя.

Ан отшатнулся, молча смотрел на неё.

– Хорошо, не волнуйся, Линда, – наконец произнёс он, – я уйду. Если любви у тебя ко мне нет, то просто помни, что я твой друг, и я готов сделать всё возможное, чтобы помочь тебе вырваться отсюда, ты сможешь начать всё с начала. Хочешь, мы заключим фиктивный брак, чтобы ты лишилась влияния отца и стала свободной? Подумай. Я приду завтра.

Он повернулся и неровной походкой вышел из комнаты.

Дверь за ним закрылась, и он привалился к стене. Закрыл глаза, пытаясь успокоить, бешено бьющееся сердце.

«Всё кончено, всё кончено, – стучало в голове. – Она вычеркнула меня. Забыла. Никогда не простит. Что я могу сделать? Дурак! Дурак! Пропал на девять лет. Девять лет – долгий срок. Ничего уже не исправить, – навалилась тоска безнадежности. Захотелось тоже, как и Линде забыть всё и уснуть навсегда. Ан, стараясь не поддаваться, сжал зубы, кулаком стукнул в стену. – Не дождётесь! И Линду не отдам! Надо поговорить с Робом, пусть убедит её, что я друг. Пропадёт она тут. Пропадёт! Надо сходить к её отцу за разрешением на брак, не совсем же он подлец, не хочет же он гибели собственной дочери! Увезу её отсюда в Элизии, она будет

свободной, сможет найти себя, а мне ничего не надо! Ничего! Только знать, что с ней всё хорошо. Только бы Линда согласилась! Только бы согласилась!».

***

Ан связался с Робинот, и они договорились вечером, когда Робин закончит работу, встретиться. День был в разгаре, когда Ан вышел из лечебницы и, вызвав такси-электромобиль, отправился к родным. Они долго не виделись, но почти еженедельно обменивались видео сообщениями, и потому Ан был в курсе событий. Он знал, что после того, как тётя получила наследство, дела у семьи пошли в гору. Они переехали в свой дом, но Семён Игнатъевич прежнюю работу бросать не захотел, и каждое утро отправлялся в пекарню, до тех пор, пока Сандра не настояла на том, чтобы отец уволился. Семён Игнатъевич долго отнекивался, но возраст и подорванное здоровье взяли своё, и он, наконец, согласился. Посидев дома без дела, отдохнув и поправив здоровье, он захандрил, и хотел было уже опять проситься в пекарню, но Сандра, которая к этому времени решила и открыла издательское дело, осуществив свою давнюю мечту стать журналистом, уговорила отца работать у неё. Семёну Игнатъевичу миролюбивому и общительному по натуре пришлось по душе должность администратора. Все были довольны: Семён Игнатъевич тем, что снова при деле, а Зинаида Фёдоровна и Сандра тем, что отец больше времени проводил дома и не надрывался у печи. Возраст все-таки.

Ан взглянул на браслет – половина первого. Он думал застать дома только Зинаиду Фёдоровну, которая после получения наследства и покупки дома, уволилась и занялась домашним хозяйством.

***

Ажурный чугунный забор, вдоль которого навигатор вёл машину, наконец, прервался невысокими в полтора человеческих роста воротами. Рядом на розовом мраморе столбе Ан увидел табличку с высеченными на ней позолоченными буквами:

«ВНИМАНИЕ! ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ! ПРОХОД ЗАКРЫТ!

Коттеджи № 35 – 45

Проход только собственникам и по приглашению. Для связи задействуйте переговорное устройство».

Под сообщением чёрная стрелка указывала на небольшой кодовый замок с переговорным устройством. Ан приложил браслет к коммуникатору, расположенному на приборной доске автомобиля. На коммуникаторе загорелся зелёный огонёк и через пару секунд ворота дрогнули, и стали тихо открываться, автомобиль уверенно помчался вперёд. Проехав почти до конца шоссе, с двух сторон которого расположились коттеджи, электромобиль остановился у самого последнего из них под синей крышей с корабликом – флюгером. Ан вышел и, отпустив машину, направился к дому.

***

Дверь открыл домашний робот-помощник. Ан представился, но не успел робот отправить запрос, как послышался вопль:

– Ма! Ан приехал! – Сандра скатилась с лестницы огненным вихрем, и кинулась обнимать Ана.

– Здравствуй, милый! – из комнаты вышла Зинаида Фёдоровна.

– Привет!

– Что же ты не сообщил, что собираешься приехать!

– Надолго?

– У тебя что-то случилась или проведать приехал?

Зинаида Фёдоровна и Сандра обнимали его, гладили по голове, по плечам, наперебой расспрашивали, поворачивая, каждая к себе. Ан смеялся и шутливо отбивался от них.

– Здравствуйте, здравствуйте! У меня всё хорошо. Вот приехал навестить. Как ваши дела? А где дядя? Здоров ли?

– Здоров, здоров, что мне будет-то, – послышался бодрый басок, Ан обернулся и увидел дядю, спускающегося со второго этажа. Он пополнел, густая шевелюра сильно поседела и поредела, но выглядел бодро. Семён Игнатьевич быстро сошёл со ступенек, подошёл к Ану и обнял его. Отстранил от себя, рассматривая.

– Ты изменился, совсем взрослый стал. Мужчина! – удовлетворённо хмыкнул он и стукнул Ана по спине. – Молодец, что приехал, расскажешь о себе, а то замучили эти сплетни-слухи, – он недовольно покосился на женщин. – Пошли

в кабинет, поговорим.

– Куда в кабинет? – Всполошилась тётя, которая с тревогой всматривалась в бледное усталое лицо племянника. – Зачем в кабинет-то с дороги! Совсем, старый, из ума выжил. Дай мальчику покушать, отдохнуть. Успеете ещё наговориться. Ты ведь погостишь, сынок? – она вопросительно – просительно посмотрела на Ана.

– Конечно, погощу, тётушка. Правда, не долго, работа..., но дня два – три погощу.

– О! всего пару дней! – пригорюнилась Зинаида Фёдоровна. – Я думала, что у тебя отпуск, поживёшь месячишко хоть...

– Ну, что ты мама, какой месячишко. Ан же работает над созданием глобального искусственного интеллекта, он главный специалист! Я же тебе говорила, – Сандра с любопытством повернулась к Ану – это правда? Я в интернет – новостях читала. Почему ты сам не писал?

– Да, правда, но собственно пока писать-то не о чем, мы только начали, дядя же всегда говорил, что нечего языком молоть раньше времени, – улыбнулся Ан.

– Ну, вот, что я говорила! – торжественно посмотрела она на родителей. – А вы не верили.

– Ну, почему не верили, – смутился дядя, – просто я не думал, что так быстро. Извини, Ан, но ты был таким мямлей.

Ан и вслед за ним все рассмеялись. Ан почувствовал себя дома, будто и не было этих девяти лет, и не уезжал он из

Элизия.

– А интернет-информация у вас поставлена отлично.

– А то! – воскликнула Сандра.

– Ты ещё не читал наш журнал, – дядя выпятил грудь и похлопал по плечу дочь. – Девочка моя – умница. Её интернет-журнал «Элизий «Сады Приуралья» первый в рейтинге СМИ нашего элизия. Да что там, нашего! Мы уже третий месяц, как вышли на мировой уровень! Наш журнал единственный, который начали покупать в других элизиях. И подписчики растут, как грибы после дождя.

– С таким администратором, – Сандра чмокнула зардевшегося от гордости отца в щёку, – нашим подписчиком станет весь мир.

– Вот как! – Ан во все глаза смотрел на отца и сестру, – Здорово! А о чём твой журнал?

Сандра махнула рукой:

– Да! Актуальные новости из жизни элизия, истории подписчиков, да много всего. Пошли, глянешь, если хочешь.

– Всё! Хватит! – прервала её тётя. – Потом хвалиться будете, а сейчас мыть руки, и все к столу, обед простывает. Успеете наговориться.

Обед за разговорами пролетел незаметно. После обеда все разошлись по своим делам. Тётушка занялась хлопотами к праздничному ужину, Сандру и Семёна Игнатьевича ждал их интернет-журнал.

– Отдохнёшь? Я приготовила тебе комнату на втором эта-

же, – спросила Зинаида Фёдоровна.

– Позже. Мне нужно уйти ненадолго.

– Уйти? Куда это?

Ан молчал. Тётя внимательно смотрела ему в глаза, наконец, вздохнула и сказала:

– Ты из-за неё приехал? Бедная девушка, вот не повезло ей с отцом, упёрся, как баран, да и у неё видно такой же характер. Нашла коса на камень, но он-то тёртый калач, куда она против него воли, вот и сорвалась. В элизии её все очень жалеют.

Ан потёр лоб.

– Да, мне Робин сообщил.

– Ты же любил её, от тётушкиного сердца ничего не укроется. Что думаешь делать?

– Не знаю. Она прогнала меня.

– Ну, знамо дело, что прогнала! Ты ж как уехал, так и носу сюда не казал, да и не звонил ей небось?

– Не звонил.

Зинаида Фёдоровна сокрушённо покачала головой.

– Я постараюсь помочь, чем смогу.

– Да чем сможешь-то, если она будет не согласная?

– Придумаю, что-нибудь. Поговорю с её отцом.

– Ну, поговори, поговори, – задумчиво проговорила тётя, вытирая белоснежным полотенцем вымытую посуду. – Хотя будет ли от этого толк? – она покачала головой. – Ты лучше сегодня не ходи, – посоветовала она. – Отдохни с дороги,

вечером свои соберутся, и Робин обещался, посоветуешься, разузнаешь получше, что да как. Чего горячку-то пороть? Обдумаешь всё, а уж завтра.

Ан с интересом посмотрел на Зинаиду Фёдоровну:

– Робин? К вам Робин заходит?

Зинаида Фёдоровна улыбнулась:

– Заходит, заходит. Очень сердечный человек, настоящий доктор. Он Семёна Игнатьевича на ноги поставил, когда того инфаркт разбил.

– Инфаркт! – воскликнул поражённый Ан. – А что же вы мне ничего не сообщали?!

– Да чего сообщать-то? Да и связь с Творцами-родственниками разрешена только раз в неделю. Пока бы написали письмо, пока бы оно дошло, а тут и лучше отцу стало, спасибо Робину, в три дня его на ноги поставил. Правда, потом месяц он у него был «под арестом», – засмеялась тётя, – лично проверял его распорядок дня и меню. Меня даже в оборот взял, дай ему Бог здоровья, со здоровым питанием. С тех пор и заходит к нам. А как у Сандры журнал пошёл, так он и в редколлегию их входит. Всё сидят материалы обдумывают, колдуют там чего-то, говорят, чтобы заинтересовать читателей, пропагандируют здоровый образ жизни. Придёт вечером на ужин Робин, придёт, не сомневайся, как не прийти?

– Так, может у Робина с Сандрой? – Ан, улыбаясь, вопросительно посмотрел на тётю.

– Что? Да нет! Что ты. У него ж Люська!

– Люська? – Ан задумался, вспомянув, как Робин пришёл провожать его, держа за руку маленькую кудрявую белокурую девочку лет пяти. – Я знал её, она же, кажется, немая?

– Ну да, немая была, так Робин её уже лет пять, как вылечил, поднатаскал по предметам и теперь она учиться в твоей школе. Директор-то ваш, Григорий Тихонович, душевный человек, помог ей поступить. Теперь вот Люська первая болтушка – хохотушка в элизии. Хорошая девушка, умница и добрая очень, наверное, тоже доктором будет. Да ты увидишь её сегодня, она с Робинем придёт, они друг без друга никуда. Робин-то опекуном у неё, а она уже невестится, глаз с Робина не сводит.

***

Последние искры фейерверка, отсверкав, погасли. Последние взрывы смеха и возгласы гомонящей компании затихли. Последние звуки музыки растворились в тишине заснеженного ночного леса, совсем близко подобравшегося к дому Коровиных. Последних гостей увезли вездесущие, никогда не дремлющие такси. Уже полусонную Люську, никак не хотевшую оставлять Робина одного, увёз помощник-робот домой.

Зинаида Фёдоровна устало дремала в гостиной перед затухающим камином рядом с уснувшим Семёном Игнатьевичем, голова которого покоилась на её плече. Надо было бы встать и пойти спать, тело размякло и ломило, возраст и суматошность прошедшего дня давали о себе знать. Надо бы-

ло бы... Но Семён Игнатьевич так мирно похрапывал на её плече, держа её руку в своей, что ей не хотелось шевелиться. В сонном затуманенном сознании проносились клочки-воспоминания её юности, когда она только-только познакомилась с Семёном, и они долго гуляли по берегу реки, и как теперь, он держал её руку. Её голова клонилась к мужу, пока не коснулась его головы. Так они и спали, прижавшись друг к другу. Сандра тихо накрыла их пледом и вышла, осторожно прикрыв дверь. Поднялась на второй этаж, где её ждали Ан и Робин.

– Уснули, – сказала она, входя, – сдавать стали наши старики, – грустно добавила она. Подошла к окну. Мертвенно-белые сучья деревьев раскачивал ветер и, казалась, что они рвутся из промозглого холода, спешат, размахивая ветвями, подобраться поближе к тёплому дому, прижаться к нему, чтобы отогреться. – Март уже, а зима не хочет уходить, – несмотря на то, что в комнате было жарко, Сандра зябко поёжилась. Наконец, тряхнула головой и подошла к мужчинам, которые сидели за компьютерным столом, всматриваясь в экран монитора.

– Ну, что вы уставились в один монитор-то? – пальцы её быстро пробежали по клавиатуре под компьютером и экран развернулся: справа и слева монитора засветились две виртуальных его копии, с миниатюрными клавиатурами под ними на столе.

– Угу, спасибо Сандра, при хозяйке лазить в управление

её компа не очень, – улыбнулся Робин.

– Хм, какие мы щепетильные, – хмыкнула Сандра. – Ну, что тут у вас?

На экране был открыт чат журнала «Элизий «Сады Приуралья». Несмотря на позднее время, часы показывали уже половину первого ночи, в открытом чате журнала шло жаркое обсуждение статьи вчерашнего выпуска – «Отказ от роботизации: вред или благо?». Робот-бот следил за порядком и в нужные, особенно горячие моменты, призывал помнить о колоссальной роли Хранителей и бесконечной благодарности за их деятельность на благо человечества. Призывал к тому, чтобы предложения читателей и их высказывания носили конструктивный характер, и не нарушали главную цель журнала – указывать на отдельные незначительные негативные явления, которые нарушают, установленный миропорядок, являющийся лучшим и самым прогрессивным из всех времён. Споры на мгновенье затихали, чтобы вскоре вспыхнуть с новой силой.

Сандра переключилась на приватный чат.

Здесь было около двухсот человек.

– Тут только доверенные лица, с которыми можно обсудить, как вместе действовать, чтобы добиться реального результата в трудовых спорах. Надёжные люди, проверенные. Все входят в официальное общество взаимопомощи Созидателей.

Ан, просмотрев программы доступа, покачал головой:

– Кто вам программу доступа-то писал? Её же сломать можно за две минуты.

– Ну, вот и займись этим, – проворчал Робин. – Ты же у нас главный специалист.

– И займусь. Пару дней ещё пробуду у вас, настрою, но всё равно, это не дело вот так, в открытом канале. Надо вас в мой личный канал перевести. Там уже стопроцентная гарантия, что никто посторонний не сунет свой нос.

Ан откинулся на спинку трансиды, посмотрел на Робина и Сандру:

– А вообще вы – молодцы. Не ожидал.

– А чего ты ожидал? – Сандра задиристо подняла подбородок. – Что мы тут серое быдло, никому не нужные лишние, которые только и знают, что с покорностью горбятся на хозяев да в редкие свободные минуты стремятся забиться в «Черепaxe» или в «Сигаре»? Мы тоже люди, Ан, и хотим жить по-человечески, а не быть просто заменой роботов!

Ан потянулся и обнял её, поцеловал в макушку. Она повела плечами, высвобождаясь и сердито смотря на него.

– Нет, вот ты мне лучше скажи, как ты, весь такой правильный, весь такой разумный, Творец, прости Господи, вот как ты можешь спокойно мириться с этой жизнью? И вообще мне непонятно, для чего ты живёшь? Чего ты там творишь-то? Ну, нафига тебе искусственный интеллект? Над чем он размышлять будет? Вот расскажи, пожалуйста, а мы с Робинотом послушаем! Просвети нас, чем он людям-то по-

может, этот интеллект твой, нам, простым людям?

Ан молчал, постукивая пальцами по столу, потом встал и в волнении прошёлся по комнате.

– Ан, что с тобой? – спросил Робин, – Что случилось?

– Ребят, вы не представляете, что я пережил за это время.

Сандра и Робин с удивлением смотрели на него.

– Что случилось, Ан, ты имеешь в виду встречу с Линдой?

– Нет, Роб, я имею в виду, как моя мечта превратилась в орудие мести.

– Что?! – одновременно воскликнула Сандра и Робин.

– Сядь, уже и расскажи всё нормально, – Сандра схватила его за руку и потянула к трансиду.

Ан сел. Робин и девушка сели рядом, не сводя с него глаз.

– Начать следует с того, что я узнал, что Главный Хранитель виноват в смерти моих родителей, – начал рассказ Ан. – В детстве, катаясь зимой в тайге на снежокатах, я стал невольным свидетелем ранения и ареста учёного, вся вина которого была только в том, что он сделал замечательное открытие и принёс его Хранителям. Открытие испугало их, испугала возможность потери контроля над ресурсом, который мог стать общедоступным. И это стало первым шагом к преступлению: арест учёного, убийство свидетелей этого ареста. Почему я выжил, для меня осталось тайной. Должно быть, частичное стирание памяти убедило преступников в их безнаказанности. Но я вспомнил. Всё вспомнил, и решил отомстить. Чем больше я узнавал о Хранителях, о мире, кото-

рый они создали, о том, что их единственной целью стало желание сохранить незыблемым власть, которая приносит им сверхприбыли, что это желание срослось с инстинктом самосохранения, и ничто уже не могло изменить его, тем сильнее мечтал уничтожить эту власть, освободить Землю от мёртвых пут. Уничтожить Главного Хранителя – конкретного виновника моей личной трагедии? Чтобы бы это дало? Ровным счётом ничего. Быть может, потешилось моё самолюбие, я был бы горд, что совершил возмездие и только. Жизнь бы от этого никак не изменилась. Место прежнего Главного Хранителя занял другой, и всё осталось бы по-прежнему. И тогда, тогда я решил, что моя мечта должна не только осуществиться, но и помочь избавить мир от этой скверны – лишить Хранителей власти над людьми, благо обстоятельства сложились таким образом, что у меня появилась реальная возможность осуществить это. Сандра, ты спросила, как может искусственный интеллект помочь простым людям?

Сандра кивнула.

– Так вот, Сандра, искусственный интеллект не только может помочь простым людям, он может лишить власти и влияния Хранителей. Он может взять на себя их чиновничьи функции и положить конец стяжательству и бюрократизму. Он может просчитать не то, как и за счёт кого, выгоднее набить себе карманы, а как эффективнее и выгоднее для каждого члена общества управлять ресурсами Земли. Ему ничего не надо: ни славы, ни денег, у него нет амбиций, у него

есть только одна заданная цель – цель, которую ему поставим мы-земляне – как сделать жизнь общества лучше, какая из многочисленных моделей приведёт к эффективному развитию человечества. Вы можешь представить себе такого чиновника сейчас?

Они молчали.

Наконец, Робин спросил:

– Ты хочешь сказать, что ты работаешь над искусственным интеллектом, который заменит Хранителей? И Хранители позволили тебе этим заниматься?

– Конечно, не позволили. Официально по заданию Главного Хранителя я работаю над глобальным искусственным интеллектом, который позволит установить тотальный контроль за настроением и действиями каждого человека. Тотальная слежка. Вы представляете, к чему это может привести?

– Если такое случится, то можно поставить крест на будущем. Ан, тебя нужно убить, чтобы не допустить подобное, – Робин серьёзно смотрел на друга.

– Я сам себя убью, если это допущу. Я убедил их, что это дело очень сложное и мне нужен, как минимум год, чтобы адаптировать глобальную сеть и подключить к ней искусственный интеллект. Но время бежит быстро. Катастрофически необходимо успеть создать дублирующий контур управления и подключить его к искусственному интеллекту. Но я один не смогу этого сделать. Мне нужна ваша помощь.

– Наша помощь? – Сандра удивлённо смотрела на Ана. – Но что же мы можем сделать?

– Всё, Сандра, всё! Твой журнал выходит на мировой уровень. Я уверен, что Робин через него налаживает связь с другими элизиями. Должно быть, в приватном чате уже есть кто-то из них?

– Да, есть несколько человек, у нас для каждого элизия своя приватная комната.

– Это очень хорошо, очень хорошо. Но нужно быть крайне осторожными! И хотя я убедился, что Хранители, осознавая свою безнаказанность, довольно беспечны в вопросах безопасности, но любое неверное движение может этому положить конец. Ребята, – он взволнованно смотрел на них, – скажите мне главное, мы вместе?

Робин переглянулся с Сандрой.

– Ну, Ан ты даёшь. Огорошил. Надо всё обдумать, но, конечно, мы вместе! Да, Сандра?

– А то! Когда я была против хорошего дела?

– Отлично! Только пока никому ни слова. Вернусь, подключу вас к своему личному каналу, разработаем систему конспирации, а пока подумайте, кому можно доверять на все сто. Только помните, что от вашего решения будет зависеть успех нашего дела. Обо всём должны знать только мы трое. Места выхода второго контура управления Землёй в глобальную сеть мы обсудим позднее. Надо будет продумать, на ком замкнутся выходы, кто в нужный момент сможет пе-

реключить управление на глобальный искусственный интеллект. Осторожно постарайтесь узнать, кто из доверенных людей работает или имеет доступ к существующим компьютерным системам управления. Это будет самым важным в ближайшее время. Но не говорите никому ни о чем. Пока. Ни одной живой душе. Это сейчас самое важное.

– Озадачил, – Робин потёр лоб. – Не беспокойся, подумаем. А как же Линда? – вдруг спросил он.

В комнате повисла напряжённая тишина. Наконец, Ан решительно взглянул на Робина:

– А что Линда? Это дело частное, она никак не может повлиять. Линду я увезу отсюда, со мной она будет в безопасности. И да, Робин, я бы хотел просить тебя поговорить с ней, она сердита на меня и не хочет видеть. Я, конечно, виноват, но здесь ей гибель, должна же она понимать! Я считаю, что единственный выход – фиктивный брак.

Сандра насмешливо фыркнула:

– Фиктивный?

– Да, Сандра, я бы и рад был бы, но она и слушать не хочет. Фиктивный брак был бы реальным выходом для неё. Убеди Линду, Робин, мне ничего не нужно от неё, лишь бы она была свободна и в безопасности, – Ан просительно смотрел на Робина.

– Да, что я могу-то, Ан? Ты же знаешь женщин, если что втемяшат себе в голову, то никто их не переубедит.

– Прошу тебя, Роб!

– Хорошо, я поговорю, конечно, постараюсь убедить, но не знаю.

– Я завтра к её отцу. Постараюсь убедить его дать согласие на брак.

– Ей что пять лет? – фыркнула Сандра. – Да и потом, я на все сто уверена, что её отец никогда не согласится, только зря потратишь время и нервы.

– Не в возрасте дело. Брак Созидателя с Творцом и переезд его в Элизиум возможен только по специальным правилам, и одно из них – согласие родителей, которые останутся без поддержки. Другое же – отказ отца дать такое разрешение. Только ссылаясь на отказ, возможно открыть дело в суде и по суду получить право на брак, а я постараюсь заручиться поддержкой Главного Хранителя или его сына.

– Роем под Главного Хранителя и к нему же за поддержкой, – усмехнулся Робин.

– Да не против Главного Хранителя! Если бы он был причиной всех бед, то ликвидировать его было бы несложно. Надо систему изменить, один человек ничего не может!

– Да не горячись ты, я пошутил. Слово нельзя сказать.

– Ну и шуточки у тебя, – набычился Ан.

– Ладно, забыли, – Сандра поднялась. – У меня голова кругом, нужно всё обдумать. Пошли спать, уже скоро три ночи.

– Пока. Спокойной ночи.

– Спокойной, хотя какая тут спокойная ночь, – Сандра

ушла к себе.

Робин хлопнул Ана по плечу:

– У тебя завтра не простой день. Ты с утра к Лебединским?

– Да, пораньше пойду, а потом к тебе в лечебницу, навещу Линду. Если успеешь, поговори с ней, пожалуйста.

– Поговорю. Давай. Пока. Я рано уеду в больницу, увидимся там.

– Хорошо. До завтра.

Они разошлись по комнатам.

***

Пётр Степанович и Клавдия Егоровна Лебединские, как обычно в это раннее утреннее время, пили в столовой чай с первой выпечкой их комбината «Хлебный Дом». По заведённому Петром Степановичем тридцать лет назад правилу каждое утро ровно в половину седьмого посыльный приносил в их дом коробочку, доверху наполненную свежеспечённой сдобой и хлебцами из партий, готовых к отгрузке по булочным элизия. А в семь часов всё семейство уже сидело за столом и пило чай. Пётр Семёнович признавал только чай, и притом исключительно травяной, всё остальное считал не достойным хлеба. Сам же глава семьи относился к установленному ритуалу трепетно, смакуя каждый кусочек ароматного хлеба и наслаждаясь запахами, распространившимся по всему дому. Курьер в это время сидел на кухне, тоже пил чай и ждал, когда робот-помощник Арсений принесёт из столо-

вой разрешение от Лебединского, что хлеб можно отгружать в булочные.

Сегодня они были вдвоём: Пётр Степанович и Клавдия Егоровна. Пётр Степанович сильно располнел и полысел, но характером не изменился. Всё также ценил больше всего на свете хлеб, своё дело и своё слово. Клавдия же Егоровна теперь казалась как будто ниже ростом, но всё такая же прямая и хлопотливая, бесконечно любящая свою семью. Годы похоже не пощадили её ещё больше, чем главу семейства. Она сильно постарела и очень похудела, и уже не напоминала бравого гусарского гренадёра, а скорее всклокоченного растерянного воробья, которого случайно окатили водой.

Пётр Степанович допил третью чашку чаю, и, откинувшись на спинку трансида, позвал Арсения.

– Что, Арсений, газеты доставили?

– Да, Пётр Степанович, доставили. Сейчас принесу.

Пётр Степанович не признавал новости, ни в каком виде, кроме как напечатанными в газете. Интернет, телевидение, радио, просто услышанное – всё он считал сплетнями и, хотя любил послушать, не верил им, но напечатанное слово, остро пахнувшее типографской краской, для него было объективной и непреложной истинной, и потому каждое утро он требовал себе свежих газет. Знакомые и компаньоны, зная такую его странность, за глаза посмеивались над ним, но не могли не признать, что только вот на таких чудаках ещё и держится почти умерший газетный бизнес элизия.

Арсений развернулся и, чуть поскрипывая на поворотах, резво вышел из комнаты.

– Отец, я с тобой поговорить хотела, – тихо сказала Клавдия Егоровна.

Пётр Степанович поморщился.

– Клавдия Егоровна, ты опять? Ну, сколько можно-то.

– Дочь же она нам, Пётр Степанович!

Мужчина раздражённо смахнул крошки со скатерти.

– И что?

– Как что? Ты вспомни, как мы ждали её рождения, как лелеяли. А теперь? Ты что, хочешь её смерти?

Пётр Степанович побагровев с трудом поднялся.

– Дура! Не смей, так со мной разговаривать! Ты ничего не смыслишь, из ума уже выжила. Причём тут дочь или не дочь? Тут решается дело всей моей жизни, как ты не можешь понять своим умишком! Если Линда не выйдет замуж за Григория, то его семья прекратит продавать нам зерно. Из чего мы хлеб будем печь? У них же в руках весь зерновой рынок! Ты подумала своей тупой головой? Её глупый норов всё перечеркнул. И ради чего? Просто из-за прихоти! Ладно бы жених был кривой или инвалид, или древний старик, или стервец какой – так нет, хороший же парень. Какого ей рожна надо-то? – он стукнул кулаком по столу так, что чашки подпрыгнули, – пусть вот посидит и подумает, как плевать на родного отца. Ничего с ней не случится. – Он пошёл к выходу, около двери остановился и обернулся к плачущей же-

не. – И не смей больше заговаривать о ней! Пока не согласиться выйти замуж, она мне не дочь и знать её не хочу! И запрещаю тебе её навещать. Понятно? – он вышел, в сердцах хлопнув дверью.

Клавдия Егоровна, оставшись одна, тихо плакала. Немного успокоившись, она вытерла белым кружевным платочком, который достала из-за обшлага рукава, щёки и, прерывисто вздохнув, пошла к себе. Что могла она сделать? Как помочь любимой дочери? Как успокоить мужа? Сердце её разрывалось. Она искренне не понимала, как эти так любимые ею люди, смогли стать почти врагами! Почему? И как всё исправить, вернуть в дом давно забытый покой и радость. Эти мысли не оставляли её ни на минуту, она не понимала, как может чувство заменить дело, пусть даже очень любимое дело, ведь любое дело – не самоцель, это что-то ради любимых, а если любимые страдают, то зачем это дело? Неужели считать себя первым хлебопёком элизия лучше и комфортнее, чем считать себя любящим и любимым отцом и мужем?! Как такое может быть? Она не понимала, а потому не знала как вести себя, не видела выхода из этой, казавшейся ей безысходной ситуации, которая разрушала весь так бережно хранимый ею семейный уклад.

Дом погрузился в тревожную тишину.

***

Ровно в одиннадцать часов Ан стоял у дверей дома Лебединских. Раньше прийти не позволял этикет, а дожидаться

более позднего часа визита у него не хватало терпения. Верил ли он в успех задуманного? Нет, не верил, но он не мог отказаться от того, что должен был сделать. Ан нажал звонок. Ему открыл совершенно седой чуть сгорбленный старик, что впрочем, не мешало ему держаться с большим достоинством. Он строго взглянул на Ана.

– Чего изволите, молодой человек?

– Здравствуйте, Клим Ильич, сообщите, пожалуйста, Петру Степановичу, что пришёл Андо Альденис. Просит о встрече.

Клим Ильич выслушал Ана, пожевал в задумчивости губами, и видимо решил, чуть поклонился и отошёл в сторону:

– Прошу вас пройти и обождать, располагайтесь, – он указал на небольшой трансид рядом с огромным во всю стену зеркалом и маленьким столиком около него.

Дождавшись, когда гость удобно устроится, Клим Ильич медленно пошёл по белой мраморной лестнице на второй этаж. Доложить.

***

Пётр Степанович был в галерее. Он любил в минуты душевного беспокойства бывать тут. В детстве он мечтал научиться рисовать, но в школе не увидели в нём талант художника и не направили в художественную школу. Юный Пётр смирился, ему и в голову не пришло сомневаться в объективности оценки его способностей. Он нашёл своё призвание.

ние в другом, но любовь к живописи сохранилась у него на всю жизнь и вылилась в страсть к коллекционированию картин. Его коллекция не только была редчайшей в элизии «Сады Приуралья», но и ценилась, как мировая редкость. Всё свободное время Пётр Степанович проводил здесь, рассматривая картины или просматривая новые художественные каталоги. Одна из премий в художественной школе элизия носила его имя и спонсировалась им. Это была премия за реализм в живописи. Он больше всего на свете ценил, как он выражался «правду жизни».

И сейчас любитель живописи держал в руках небольшую миниатюру, специально написанную для него и приобретённую им несколько дней назад. Чуть запрокинув голову, он наслаждался тонкими едва заметными линиями, лёгким контуром обозначившими живой красочный мир. Картина запечатлела момент его жизни: утро, столовая, сам – Пётр Степанович и рядом супруга – Клавдия Егоровна, за утренним чаем, когда на столе в плетённых ажурных корзиночках лежит хлеб. Картина была великолепной и очень реалистичной. На ней не только супруги выглядели естественно, но, казалось, что художнику удалось передать всё, что так любил Пётр Степанович в хлебе: хрустящую корочку, румяные бока сдобы, обсыпанные сахарной пудрой, даже казалось, что если долго смотреть на неё, то можно было ощутить аромат выпечки.

Тихий стук в дверь оторвал Петра Степановича.

– Да! Войдите! – недовольно сказал он.

Вошёл Клим Ильич и чуть поклонился.

– Чего тебе, Клим?

– Пришёл Андо Альденис. Просит вас принять. Что ему передать?

Пётр Степанович вздрогнул и уставился на Клима Ильича.

«Явился! Зачем явился? Узнал где-то? Линду забрать хочет! А вот хер ему, а не Линда! Как посмел?! Выгнать! Выгнать! Нельзя.... Говорят, он чуть ли не правая рука Главного Хранителя. Ещё пожалуется. Надо принять. Узнать что понадобилось, выказать уважение, но не сюсюкать. Не могу.... Не могу я видеть эту мерзкую рожу! Это он настроил дочь против меня, гад, всю жизнь ей испортил! И зачем только явился? Не понимает что ли? Забыл, как я вышвырнул его из дома? И где принять? В кабинете? Нет, тут приму! Пусть вспомнит, как вылетел отсюда, если вдруг запомнил...».

– Клим, проводи его сюда. Я его здесь приму.

– Приказать принести сюда угощение?

– Какое ещё угощение?! Ничего не надо. Ступай.

Клим Ильич вышел, а Пётр Степанович взволнованно принялся мерить шагами комнату, ожидая незваного гостя.

Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали.

– Войдите.

Дверь открылась, и вошёл Ан. Он остановился у двери, почтительно склонил голову.

– Здравствуйте, Пётр Степанович! Рад вас видеть в добром здравии.

– Здравствуйте, Андо. А что мне хворать-то? Живу честно, собственным трудом на земле, не перед кем ни кланяюсь, людей хлебом кормлю. А вы какими судьбами в элизии? Приехали к родным погостить? Чем обязан, видеть такого высокого гостя у себя? – уголок рта Петра Степановича насмешливо пополз вверх.

Ан смутился.

– Собственно я пришёл выразить вам своё уважение и, как то предписывает закон, хотел бы официально просить вашего согласия на заключение брачного соглашения с вашей дочерью – Линдой.

Как не ожидал Пётр Степанович подобного поворота событий, слова Ана хлёсткой пощёчиной ударили его. Он на мгновенье побледнел, а потом кровь бросилась ему в голову, затмевая разум.

– Да как ты смеешь! Забыл, как в прошлый раз я выгнал тебя и запретил даже близко приближаться к моей дочери? Так я освежу тебе память, у тебя с ней видимо проблемы!

Ан, стиснув зубы, исподлобья смотрел на него, стараясь успокоить дыхание. Наконец, он произнёс:

– Много времени прошло с тех пор, и я уже не прежний мальчик Андо Альденис, а уважаемый Хранителями Творец, который способен обеспечить вашей дочери достойную жизнь, а её семье любую поддержку, при необходимости.

– Я сам позабочусь о своей дочери и о своей семье, и ни в чьей поддержке не нуждаюсь. Я сам не один год поддерживаю тех, кто нуждается! И запрещаю вам вмешиваться в дела моей семьи.

– Но вы, как отец, должны желать счастья вашей дочери!

– Что я должен, а чего нет, не ваша забота, молодой человек. Я требую, чтобы вы оставили мою дочь в покое! Я никогда, слышите, никогда не дам разрешения на брак. Покиньте мой дом, я запрещаю вам переступить его порог. Надеюсь, теперь вы это запомните! Если вы не прекратите преследования нашей семьи, я вынужден буду обратиться за защитой к Куратору!

Они долгую минуту смотрели в глаза друг друга. Ан, едва сдерживая гнев, чуть поклонился и пошёл к двери.

– И передайте своему дружку, Робину, чтоб не совал свой нос в дела элизия. Его место среди отребья, откуда он и вышел! А если не успокоится, я найду на него управу! Пока я жив, и пока я – председатель, ни одна недостойная рожа не будет в Совете! Совет вам не помойка! – в спину Ану прорычал Пётр Степанович.

Быстро сбегая с лестницы, Ан едва не столкнулся с дородной пожилой женщиной, которая ожидала его внизу.

Они остановились друг напротив друга.

– Здравствуйте, Андо, вы почти не изменились за это время, только возмужали. Вы помните меня? – женщина смотрела неуверенным, извиняющимся взглядом.

– Здравствуйте, Клавдия Егоровна, конечно, я помню маму Линды. Рад видеть вас в добром здоровье, – отрывисто проговорил Ан.

Женщина почувствовала нервозность гостя.

– Я понимаю ваши чувства, Андо. Вы простите, пожалуйста, моего мужа. Он к старости стал немного не в себе.

– Да он и раньше не отличался разнообразием чувств ко мне.

– Это так. Пётр Степанович сложный человек. Упрямый, всегда привык добиваться всего, что хочет. Это с одной стороны и очень хорошо, вряд ли он в противном случае достиг бы сегодняшнего положения в элизии, но когда это проявляется в семье, то это может губительно повлиять на неё, – тихо, почти шёпотом, закончила она.

Ан хотел было ей ответить, но она подняла руку, прося дать ей высказаться до конца.

– Я знаю, что вы любите Линду. Не знаю, что произошло между вами, что послужило размолвкой, но я видела, как Линда переживает вашу разлуку. Поверьте, – она прижала руки к груди, – я – не враг своей единственной дочери. Я тоже очень люблю её и желаю ей счастья, – она почти вплотную подошла к Ану. – Увезите её, погибнет она здесь, кровиночка моя! – на глазах у Клавдии Егоровны показались слёзы. Она разжала кулак, и на её ладони лежал медальон. Женщина открыла его, с крохотной фотографии смотрели молодые Пётр Степанович и Клавдия Егоровна, а сверху лежал ма-

ленький тёмный локон.

– Это наша с Петром Степановичем свадебная фотография и волосы новорождённой Линды, – она протянула медальон Ану. – Вот, передайте Линде моё материнское благословение, и не слушайте, пожалуйста, Петра Степановича, он не в себе.

Ан принял медальон.

– Спасибо вам, уверен, что Линда будет рада его получить. Обещаю вам сделать всё, что в моих силах для её счастья.

Выйдя от Лебединских, он посмотрел на часы. Почти полдень. До приёмных часов для посетителей в лечебнице оставалось ещё четыре часа.

***

Ровно в четыре дня он взбегал по больничным ступенькам. Робина в кабинете он не застал, тот был с утра на операциях, и последняя должна была вот-вот закончиться. Не дожидаясь его, Ан отправился в палату к Линде. Идя по коридорам, он мысленно убеждал Линду поверить ему. Он чувствовал, что сегодня у них обязательно всё получится, что Линда вспомнит, как им было хорошо вместе и поймёт, что всё плохое, что было между ними – это просто недоразумение, наваждение какое-то, они просто ошиблись, но любую ошибку можно исправить. Они же живы, они рядом и всегда смогут понять друг друга.

Ан остановился у двери с табличкой «П32». Протянул ру-

ку с браслетом к кодовому замку и замер в нерешительности.

«А что если она всё забыла и не хочет вспоминать? А что если я ей действительно не нужен, и она просто ненавидит меня, как и её отец? Нет! Этого не может быть! Она должна понять. Я должен спасти её в любом случае», – он решительно приложил браслет к кодовому замку двери.

Ничего не произошло. Ан остолбенел.

«Как? Я же видел, как Робин дал мне доступ. Что вдруг случилось? Замок сломался или перекодировали?» Он снова приложил браслет к замку. Тот же результат.

«Странно, возможно это специальный замок для больниц, в котором доступ даётся на одно посещение?».

Сделав ещё несколько безрезультатных попыток войти, он попытался соединиться с Робинем, но каждый раз на его браслете загоралась надпись «Робин на операции, свяжитесь позднее».

«Подожду его в кабинете», – решил Ан.

***

Робин пришёл усталый. Молча пожал Ану руку и тяжело опустился в трансид, откинувшись на спинку, прикрыл глаза.

– Надо бы трансиды поменять на рабочие кресла, а то уж очень расслабляют, – тихо проговорил он, задрёмывая.

Ан сидел тихо, ожидая, пока друг отдохнёт. Не прошло и пяти минут, как Робин вздрогнул всем телом и открыл глаза.

– Фу, заснул. Извини, Ан, с шести утра операции. День

сегодня сложный, – он потёр ладонями лицо.

– Да, я понимаю, ты отдыхай, я пойду, пожалуй. Только, – он обернулся у двери, – я хотел узнать, у вас доступы в кодовых замках одноразовые?

– Почему это одноразовые? – удивился Робин.

– Я сейчас был у Линды, и не смог открыть замок. Мой браслет не читается.

– Этого не может быть, – зевнул Робин, – ты что-то напутал. Палата П32 точно была?

– За кого ты меня принимаешь? Конечно, точно.

– Странно. Может сбой какой, хотя мне не говорили, что был перепад напряжения. Пойдём, посмотрим.

– Да ты отдыхай, может меня кто-то из персонала проводит?

– Брось, ерунда какая, пошли.

Кодовый замок рядом с палатой П32 смотрел на них наглым взглядом: ни браслет Ана, ни даже браслет Робина никак не могли на него подействовать. Робин задумался и набрал новую комбинацию цифр. Замок щёлкнул, и дверь открылась. Они вошли в комнату. Постель была пуста, Линды в палате не было.

– В чём дело, чёрт побери! – разозлился Робин и вызвал охрану.

Через пять минут появился спортивного вида мужчина лет пятидесяти.

– Здравствуйте, Павел Игнатьевич! Вы в курсе, где боль-

ная из палаты ПЗ2? Почему код не реагирует на мой браслет?

Брови начальника охраны удивлённо поползли вверх:

– Как где? Увезли же её!

– Кто? Куда? – воскликнули Ан и Робин.

Начальник охраны растерянно смотрел на них.

– Робин Гаврилович, так разве вы ещё не знаете, что этого пациента приказано перевести в другую клинику? А замок мы «почистили», потом под другого больного кодировка будет. Ну, как обычно. Палата же пока пустая с универсальным допуском. Я не понял, мы что-то сделали не так?

– Как? – Робин побледнел. – Кем приказано перевести?

– Что, что случилось? – волновался Ан, – Где Линда?

Робин зыркнул на него и продолжал разговор с охранником:

– Почему без моего ведома?

– Ну, почему же без ведома-то? Бумага у вас на столе в кабинете. А лично вам доложить не было никакой возможности, вы ж с утра на операциях в операционном блоке, а бумаги оформлены честь по чести. Я лично всё проверил. Можете даже не сомневаться: и ходатайство начальника полиции общественной безопасности, и разрешение отца, и решение судьи.

– Какого судьи? – воскликнули Ан и Робин и бросились в кабинет.

– Не уберегли мы с тобой Линду, – наконец, проговорил Робин, прочитав документы из большого белого конверта,

лежащего сверху стопки медицинской корреспонденции.

– Павел Игнатьевич, записи с камер просмотрите, пожалуйста, может быть, по номерам удастся выяснить, кто за ней приезжал.

Начальник охраны кивнул и вышел.

– Что случилось? Где она?

– Где не ясно, Ан. Тут, – он бросил документы на стол, – только постановление на изоляцию Линды в связи с её неадекватностью, которая может выражаться в общественно опасных действиях, и направление на лечение под специальным наблюдением.

– Линду увезли? Но кто? Зачем? Ерунда, какая-то.

– Не ерунда, не ерунда...., – обернулся Робин к Ану. – Кроме её отца, на это никто не решился бы, да и никому это не надо. Расскажи, что за разговор был у тебя с ним?

Робин выслушал Ана внимательно, временами кивая, будто он и ожидал, что всё именно так и случится.

– Ну, ясно. Напугал ты его сильно своим желанием жениться и увести Линду. Вот он и подсуетился, за несколько часов дельце состряпал. Куда же он её запрятал? – задумчиво проговорил Робин, потирая подбородок. – Дома он вряд ли будет её держать, побоится, что ты можешь обратиться к Хранителям, и дом обыщут.

– В другую лечебницу?

– Может быть, может быть.

Робин обзвонил все лечебницы. Линды нигде не было.

В дверь кабинета постучали.

– Войдите.

Вошёл начальник охраны.

– Проходите, Павел Игнатьевич, садитесь.

– Да я на минуту, на пост надо.

– Ну, хорошо, что удалось узнать?

– Удалось, Робин Гаврилович. Из психиатрического интерната за ней приезжали. Машина была от них, с их номерами. И вывозили, похоже, в бессознательном состоянии.

Карандаш, который Ан крутил в пальцах, громко хрустнул.

– Та-а-а-к, понятно. Спасибо, Павел Игнатьевич, можете идти на пост.

Начальник охраны вышел.

– Это что ж за интернат такой? – свистящим шёпотом спросил Ан.

– Да есть такой, никогда бы не поверил, что родной отец, дочь свою! Это как надо ненавидеть!

– Да что за место-то? Поедем туда немедленно! Заберём Линду. Ты же главврач, в чем проблема-то?!

– Психиатрический интернат – полу тюремное учреждение, и подчиняется только отделу общественной безопасности полиции, да и контракты с медперсоналом подписываются им же. Там содержатся преступники, асоциальные люди и психически больные, которые опасны для окружающих. Нет у меня туда доступа.

– Что ты такое говоришь? Значит, значит, – Ан метался по кабинету, – значит надо выкрасть Линду! Слышишь? Выкрасть! Этой же ночью. Я сумею открыть любой замок, только нужно одно приспособление. Одно приспособление..., – он остановился, что-то прикидывая в уме. – Я составлю список, а ты пошли кого-нибудь, пожалуйста, купить в нашем компьютерном центре. Не нужно, чтобы меня там кто-нибудь увидел. Могут заподозрить.

– Ага, а потом ночью прокрадёмся в отлично охраняемый интернат, взломаем все замки, доберёмся до палаты Линды, кстати, ты в курсе в какой она палате или будем все по очереди обыскивать? Ты не понимаешь, что несёшь чушь? Сядь уже, не мельтеши и включи мозги. – Робин поднялся. Подошёл к небольшому шкафчику с лекарствами. Звякнул пузырёк о мензурку с дистиллированной водой, куда заспешили прозрачные капли. Отсчитав сорок, Робин протянул мензурку Ану.

– Выпей и успокойся. Похоже, у тебя совсем ум отшибло.

Ан нехотя взял мензурку и выпил лекарство. В тишине прошло несколько минут, наконец, Ан заговорил:

– Что ты можешь сделать для Линды? Мне нужна пара дней.

– Что ты задумал?

– Выйду на Горислава – это сын Главного Хранителя, расскажу ситуацию и попрошу его содействия. Сделаю запрос Самому на разрешение брака с Линдой. Отказ отца у меня

есть. Горислав – мой друг, он поможет получить решение отца в самое ближайшее время, а уж с решением от Главного Хранителя у нас нигде не будет препятствий. Нужно только пару дней, чтобы Линду не превратили в овощ.

– Ну-у-у, до этого дело, я уверен, не дойдёт, но я сделаю всё возможное. Я хорошо знаком с главным врачом интерната. Он нормальный человек, хотя и жаден до денег, а кто, собственно, не любит деньги? Да, и не станет родной отец делать дочь инвалидом. Это просто отличное место, чтобы на время спрятать её от тебя, да и от меня.

– Если дело уткнётся в деньги, я заплачу любую сумму. Слышишь? Любую!

– Да слышу, слышу. Не кричи, пожалуйста. В общем, давай так. Ты езжай домой, связывайся там с Хранителями, а я уж тут займусь этим делом. Вечером встретимся. Хорошо?

– Хорошо.

***

Холодные, чуть подрагивающие пальцы касаются горячего лба молодой женщины. «Спит или без сознания?» Дыхание её прерывистое, трудное, словно женщине снится что-то страшное или горькое. Под чуткими пальцами дыхание замирает, и женщина открывает глаза. В глубине них спрятался страх. Но вот взгляд женщины становится осмысленным, она резко приподнимается на постели и обнимает склонившегося к ней человека.

– Ан! Ты или это продолжение сна?

– Я, Линда, я! – мужчина осторожно гладит её по спине.

– Забери меня отсюда! Слышишь? Сейчас забери! Я не могу здесь. Мне колют какую-то гадость, и я потом целый день, как ватная, ничего не соображаю. Я тут с ума сойду. – Она, плача, уткнулась ему в грудь.

– Я за тобой Линда! Я заберу тебя отсюда. Мы уедем, и никто не посмеет ни к чему принуждать тебя, слышишь? Никто! Ты будешь свободна. – Мужчина завернул её в одеяло, прижал к себе и понёс к выходу. Люди, сопровождавшие его, расступились.

***

Через час Ан на перроне прощался с Робинот и Сандрой. В вагоне-капсуле спала, не полностью ещё оправившаяся от сильнодействующих препаратов Линда.

– Ну, вот и всё. Спасибо вам, ребята. Сандра, извинись, пожалуйста, перед родителями, объясни, что не мог проститься с ними, что был очень рад их повидать и что мне нужно срочно уезжать. Может быть, скоро выберусь ещё их проведать. Хотя...

– Вот именно, «хотя». Ладно, не переживай, я всё объясню, они у нас с тобой хорошие. Пиши чаще. Да и на свадьбу, будет возможность, пригласишь.

– Насчёт свадьбы, не думаю, что это будет в ближайшем будущем. – Ан отвёл глаза. – Думаю, Линда меня не простила, а я не хочу торопить её. Пусть поймёт, что она свободна и что дорога мне, а там если захочет, то тогда.

– Дурак, ты, братец, – хмыкнула Сандра. – Если бы не простила, то не пошла бы с тобой. Ладно, разберётесь. Желаю вам счастья. Вот честно, от души, пусть всё у вас будет хорошо.

– Спасибо, Сандра, – Ан обнял сестру и обернулся к Робину.

– Пока, Роб, спасибо за всё.

Они обнялись.

– Давай, удачи. Не забудь там со своими сердечными проблемами, о чём мы договаривались. Будем ждать доступа к твоему каналу. Мы тут пока с Сандрой постараемся подключить к интернет – журналу другие элизии. Не пропадай надолго.

– Нет. Это сейчас главное. Буду на связи в течение ближайших трёх дней, как и договорились.

Прозвучал сигнал, оповещавший, что до отправления поезда осталось пять минут. Ан махнул и зашёл в стеклянный лифт, который унёс его в капсулу вагона к Линде.

Глава «Любовь и Революция»

Званный вечер в доме Альдениса, на котором Ан и Линда объявили о намерении зарегистрировать брак, подходил к концу. Сослуживцев Ана: Максима, Ангелину и Аллу – уже увезли по домам, вызванные такси. Побледневшая Линда, ещё слабая после потрясений, простившись с гостями, ушла, опираясь на руку Горислава, который осторожно, но настойчиво оттеснил Ана от Линды, и сам вызвался проводить её. Ан не спорил, но с удивлением смотрел, как Горислав, который весь вечер не отходил от его невесты, теперь бережно повёл её.

Он вернулся через пять минут, и теперь в гостиной их было трое: Главный Хранитель, Горислав и Ан.

Главный Хранитель сидел перед камином, не сводя глаз с искусственных всполохов: он любил смотреть на огонь, который странным образом успокаивал его, делал мысль чётче и яснее; дома он почти всё свободное время проводил у камина, и хотя в доме Ана камин был искусственный, эффект присутствия огня был полный – Главный Хранитель отдыхал. За отцом, опершись на спинку его трансда, стоял Горислав, Ан сидел чуть поодаль.

Молчание затянулось, и Ан негромко кашлянул, привлекая внимание Горислава. Тот взглянул на него, Ан вопросительно кивнул на Главного Хранителя. Горислав понимающе

прикрыл глаза, и чуть помедлив, тихо спросил:

– Отец, ты хотел поговорить с нами?

Главный Хранитель вздрогнул.

– Что? А-а-а, да, нужно поговорить, – он снова замолчал.

Мужчины терпеливо ждали. Наконец, Главный Хранитель откинулся на спинку трансида, закрыл глаза:

– Напомните мне, когда срок завершения работ?

Горислав с Аном переглянулись.

– За планируемый организационный месяц всё закончено и работает в штатном режиме, – ответил Горислав. – Подключение интеллекта к глобальной сети почти завершено. Так как дело срочное, то нет возможности оснащать каждую семью компьютером с встроенной программой, дающей непосредственный с ним контакт. Решено, что компьютеры у всех останутся прежними, их замена будет происходить постепенно, по мере приобретения пользователем нового.

– Ан, уже идёт производство компьютеров с такой программой?

– Нет, Главный Хранитель. Пока этот вопрос не прорабатывался, так как запустить интеллект в работу для обозначенных вами целей, вполне возможно и без замены персональных компьютеров. Создание адаптированных под глобальный интеллект компьютеров дело не сложное, но довольно трудоёмкое и затратное по времени, мы решили сначала сконцентрироваться на первоочередных задачах. Все данные персональных компьютеров землян, которыми они

пользуются сегодня, будут передаваться и храниться в облаках, к которым и будет выход у интеллекта.

– Хорошо. И что, искусственный интеллект адаптировали к глобальной сети? Можно уже говорить о его глобальности?

– Мы заканчиваем работу над этим. Сложность в том, что для обеспечения безопасности мы не отключаем глобальную сеть Земли, а делаем параллельное подключение, чтобы исключить сбои в работе пользователей. Только после апробирования функционирования глобального интеллекта, обычная сеть будет отключена и демонтирована.

– Ну, хорошо. Сколько времени нужно для окончания этих работ?

Ан взглянул на Горислава. Тот пожал плечами.

– Отец, трудно сказать, работа новая. Но вообще мы планируем завершить всё за год.

– Год? – седые всклокоченные брови Главного Хранителя поползли вверх. – А чем вы там занимаетесь? Глобальная сеть функционирует, тут изобретать ничего не надо, запараллелить только. И для этого год? Если нужны рабочие руки или аппаратура, подайте заявку, с этим проблем не будет.

– Видите ли, – Ан потёр переносицу, – тут не просто запараллелить надо. Каждый участок сети – это набор определённых функций и данных, которые интеллект должен будет, одновременно с подключением к информации, анализировать, для чего ему потребуется определённая база знаний,

связанная с этими функциями для эффективного принятия решений. Эта работа тоже идёт полным ходом, но совокупность работ, довольно трудоёмкая, и вряд ли...

– Значит так! – Главный Хранитель хлопнул ладонями по подлокотникам трансида и поднялся. – Работа должна быть выполнена через полгода. У меня нет времени ждать. Привлекайте специалистов, я вам дал для этого неограниченные возможности. Через полгода у меня и у начальника отдела моей охраны должен быть полный доступ к функционирующему глобальному искусственному интеллекту. Вы оба отвечаете за сроки.

– Я сделаю всё, что возможно.

Главный Хранитель поморщился.

– Плохой ответ, Андо!

– Не беспокойся, отец, мы сделаем.

Главный Хранитель кивнул.

– Вот это другой разговор. Пошли, сын, домой пора, поздно уже. Да и Антонида заждалась, наверное, волнуется, а ей это противопоказано, иначе болезнь может затянуться. Прощай, Андо, – он протянул Ану руку. – Надеюсь на тебя. Прочитай внимательно всё ещё раз. Всё должно быть готово ровно через полгода!

– Я понял, – ответил Ан, пожимая ему руку. – Простите, Главный Хранитель, можно у вас спросить?

Главный Хранитель вопросительно взглянул на него.

– Я вам передавал петицию от Общества взаимопомощи

Созидателей элизия «Сады Приуралья». Вы ещё не приняли решения по этому вопросу?

Главный Хранитель поморщился, как от зубной боли.

– Ну что за бред эта петиция! Не будет никакого решения. Есть установленный порядок, который незыблем. Нам никакие новшества не нужны.

Он повернулся и пошёл к выходу.

– Не переживай, – Горислав, прощаясь, протянул Ану руку. – Я же тебя предупреждал, что бесполезная идея, эта петиция.

– Да, но я должен был передать.

– Ладно, давай, до завтра.

– Пока, передавай привет Антониде, скорейшего ей выздоровления! Жаль, что не смогла приехать, мы с Линдой всегда рады её видеть.

***

Линда лежала на постели и смотрела на чуть колышущиеся ветви зацветающих яблонь. Сквозь листву и полураспустившиеся бутоны проглядывали звёзды, там и тут рассеянные по ночному небу–потолку, редкое дуновение тёплого ветерка приносило чуть осязаемый аромат сладкой свежести. Она закрыла глаза.

«Как хорошо. Хорошо и покойно», – подумала в полудрёме.

В дверь постучали и она приоткрылась:

– Линда, можно к тебе? – тихо спросил Ан.

Тихие шаги и мужской силуэт склонился над ней. Нежные губы коснулись её губ. Сердце радостно вздрогнуло: «Ан...». Она открыла глаза, улыбающийся Горислав смотрел на неё. Она отшатнулась и проснулась.

– Разбудил? Прости, – Ан тихо прикрыл дверь, подошёл к постели и присел к Линде. – Устала? Отдыхай, сегодня был суматошный день, – он поправил одеяло, заботливо её укрывая. Она растерянно смотрела на него, её руки сильно стиснули край одеяла, который она прижала к груди. Он смутился.

– Ты не думай, всё остаётся, как мы договаривались. Считай себя абсолютно свободной. Брак будет фиктивным. Для меня главное, чтобы ты была в безопасности и чувствовала себя счастливой. А я буду твоим самым преданным другом, – он ласково погладил её по голове. – Отдыхай. Вот окрепнешь, оглядишься и сама выберешь, как тебе лучше дальше быть. Может быть, откроешь свою пекарню, – улыбнулся он.

Линда перевела дыхание и тихо засмеялась.

– Спасибо, Ан. Я тебя не стесню. Пока я – безработная, и не прибрала к рукам пекарей Элизиума, похозяйничаю тут у тебя. Если не возражаешь? Тупи совсем не умеет готовить, и, вообще, в доме не хватает женской руки.

– Буду только рад. – Ан засмотрелся в таинственно мерцающие в полумраке глаза Линды, наклонился над ней, как под действием сильнейшего магнита. Линда потянулась к Ану.

В дверь постучали, и они отпрянули друг от друга. Дверь

открылась, на пороге показался Горислав, он был уже в пальто. Линда переключила климат, и комната приняла обычный вид.

– О! Помешал? Прошу прощения! Я хотел поблагодарить Линду за прекрасный вечер и проститься, мы уезжаем.

Линда хотела было встать, но Горислав протестующе замахал руками:

– Что вы, что вы! Отдыхайте! Отдыхайте!

– Рада была с вами познакомиться, Горислав. Всегда будем рады видеть вас у нас. Правда, Ан? – она вопросительно посмотрела на него.

– Конечно, – ответил Ан. – Всегда рады.

– Ловлю на слове, ещё надоем! – засмеялся Горислав и вышел.

***

Ан осторожно прикрыл дверь комнаты Линды и пошёл к себе. До регистрации брака с Линдой они жили в прежней квартире Ана, поделив три комнаты: спальня Ана стала комнатой Линды, кабинет превратился в кабинет – спальню для Ана, а гостиная – их общей комнатой, где они могли побыть вместе. Обоих это вполне устраивало, единственное, что немного смущало, что это то, что они должны были пользоваться одной личной комнатой, хотя Ан отрегулировал личного фитнес-помощника под персональные данные двоих, доплатив фирме-производителю за второго пользователя. Смущало не потому, что они испытывали дискомфорт

от того, что пользовались одним джакузи или унитазом, одними тренажёрами или солярием, или каким-то иным личным предметом. Нет, в этом они не чувствовали неудобства. Но принимая ванну, Ан никак не мог расслабиться, представляя, как Линда погружена в лёгкую пену, а по её телу пробегают пузырьки, щекочут её грудь, ласкают соски, сбегают по животу вниз, по бёдрам .... Он старался снять напряжение, но полностью отдохнуть у него не получалось, и Ан выходил из личной комнаты возбуждённый с горячечным блеском в глазах, стараясь не попадаться Линде.

Что чувствовала Линда, каким фантазиям придавалась она, посещая личную комнату? Пусть это останется маленькой женской тайной, которую выдавал лишь жаркий румянец на щеках, и лихорадочный взгляд.

Им нравилось чувствовать рядом друг друга, хотя порой сковывало недоверие. Недоверие к тому, что это – любовь. И если своему чувству каждый из них мог доверять, то поверить в искренность другого было сложнее: долгая разлука, когда обидой они старались заглушить воспоминания, наложила печать, которую пока не было сил сломать.

***

Ан взглянул на часы, приближалась полночь – время связи с Робинсом. Он сел за компьютер и ввёл код доступа к искусственному интеллекту, на экране высветилось диалоговое окно, считывающее биометрические параметры, и почти мгновенно Ан получил ответ:

– Привет, Андо! К работе готов.

– Привет. Работаем на первом канале. Вызови Робина и обеспечь конфиденциальность. Доступ к каналу по стандартному разрешению.

– Задание понятно. Выполняю.

Робин ответил сразу.

– Здорово. Ты как? Вас с Линдой можно поздравить?

– Всё нормально, Роб. Да. Мы объявили. Я сейчас не о том. Тут проблемка высветилась. Мы всё должны закончить через полгода. Нет у нас года, понимаешь?

– Как так? Ты говорил, что необходим год. Что случилось?

– Главный Хранитель ужесточает сроки сдачи. Через полгода я должен отдать ему искусственный интеллект, а как ты понимаешь, я этого сделать не могу. Значит, через полгода буду отстранён от доступа к нему, если вообще ещё буду.

– Понятно. Значит нужно мобилизоваться. По нашему элизию беспокойства нет, но как в целом? Тут нужен выход на уровень Творцов – Хранителей.

– Ты прав. Я уверен, что существует тайное общество учёных, но для меня туда допуск закрыт. Я пытался выйти на контакт, но безуспешно.

– Тут я могу тебя помочь.

– Ты?!

– Да, Ан, ещё в медицинском я познакомился с одним из них. Я, правда, не знаю его лично и не вхож в ТОУ, он сам вышел на меня в сети, но теперь постоянно нам помогает. С

его помощь и создано наше тайное общество Созидателей. Он у нас как идейный вдохновитель. Без его поддержки я бы, возможно, и не обратился к тебе, многие у нас были против, сомневались.

– Что ж ты сразу-то!

– Я хотел, но он не соглашался. Говорил, что рано, если ошибёмся, могут быть серьёзные последствия. Похоже, теперь время пришло, дальше тянуть нельзя. Я свяжусь с ним, и он стукнет тебе. Его ник – «Гора».

– Как? «Гора»? Очень знакомый ник.... Да! Это же один из участников чата «Надежда», на который я вышел однажды. Когда он свяжется со мной?

– Завтра в это же время заходи в закрытый чат журнала «Сады Приуралья» под своим ником – «Один», я «Горе» передам наш разговор и твой ник. Он напишет тебе в приват.

– Хорошо! Спасибо, Робин.

– Давай. Удачи.

Робин отключился.

***

На другой день Ан с Гориславом пересматривали планы. У Горислава была уже готова параллельная маршрутизация, сегодня уточнили точки подключения искусственного интеллекта к облакам данных. В принципе они совпадали с филиальными компьютерными центрами. Ан должен был подключить их к глобальной сети искусственного интеллекта, задав функциями, которые позволили бы эти центры сделать

интеллектуальным звеном в обработке и передаче данных от базы данных филиала к центральному искусственному интеллекту.

Работа была скорее рутинной и не вызывала сложностей, но Ан чувствовал нервозность Горислава и думал, что это связано со вчерашней встречей с Главным Хранителем и ужесточением сроков.

– Слав, не волнуйся, мы всё сделаем, – наконец, сказал он хмурому Гориславу, который с самого утра не отрывал взгляда от компьютера.

Тот, насупившись, посмотрел на него и ответил:

– Сделаем, сделаем, конечно, сделаем, куда мы денемся. А ты что такой весёлый сегодня?

Ан улыбнулся и потянулся.

– Выспался.

Горислав свёл брови и уткнулся в компьютер.

– Да что такое с тобой сегодня! – Ан встал и пошёл к кулеру. – Пить хочешь?

– Нет.

Ан налил воды и подошёл к Гориславу. Неожиданно увидев его около своего компьютера, Горислав дёрнулся и поспешно свернул экран, но Ан успел заметить большую в треть экрана фотографию Линды.

– Ты что подкрадываешься как привидение? Чего тебе? – воскликнул Горислав, лицо его стало пунцовым и покрылось испариной.

Ан оторопело смотрел на него.

– Ты что, Славка, влюбился в Линду? – наконец, произнёс он.

– Какой я тебе Славка! Никакого уважения к будущему правителю! Уволю нафиг, – Славка привстал, взял из рук Ана стаканчик с водой и залпом выпил, скомканный стаканчик полетел в урну, а Горислав, твёрдо смотря в глаза другу ответил:

– Прости, Ан, но, кажется, я влюбился.

У Ана потемнело в глазах и он, осторожно ступая, чтобы ни на что не наткнуться пошёл за свой компьютер. Сел. Он смотрел перед собой, но монитора не видел, какая-то рябь застилала всё вокруг. Он сидел и тупо смотрел, как будто он сам был искусственным интеллектом, которого отключили от питания. Словно сквозь вату он слышал слова Горислава:

– Что ты молчишь? Что ты сидишь, как бесчувственный чурбан, и молчишь? Я влюбился в твою будущую жену. Я не представляю своей жизни без неё!

– Что ты кричишь? Что ты от меня-то хочешь?

– Ну, не знаю.... Ну, дай мне в морду, что ли! Обругай, но не молчи только.

Ан устало провёл ладонью по лбу, будто стирая и сбрасывая какую-то ужасную мысль.

– Когда ты успел влюбиться? Ты же вчера только и увидел её, вы же и не разговаривали почти.

– Ты что, дурак? Не знаешь, как можно влюбиться, вот

так, с первого взгляда?

– Нет, не знаю. Мы с Линдой с самого раннего детства друзья, я даже и не заметил, как дружба переросла в любовь.

– Может быть, ты и не любишь её? – с надеждой в голосе тихо проговорил Горислав. – Может быть это просто дружба? Бывает же, что друзья становятся самыми близкими почти родными людьми, и это чувство принимают за любовь.

Ан хмыкнул.

– Сложно не отличить любовь от дружбы, опомнись, Горислав, что ты говоришь?

Горислав вскочил и заметался по комнате.

– Успокойся. Так мы ничего с тобой не сделаем. Возьми себя в руки, что ты как ребёнок, в самом деле!

Горислав сел за компьютер, но снова вскочил и подошёл к Ану.

– Нет, так невозможно. Надо поговорить. Надо всё выяснить.

– Что выяснить?

– Всё выяснить! Как мы дальше будем?

– А как мы будем дальше? Главное для нас – вовремя закончить нашу работу.

Горислав молча смотрел на него.

– А если я отобью её у тебя, тебя это не волнует?

– Нет, не волнует. Ты же знаешь её историю, знаешь, что у нас фиктивный брак, и что я привёз её сюда, чтобы она стала свободной. Я хочу только её счастья. Если отобьёшь, значит,

она не любит меня, и я буду рад, вашему счастью.

– Ты что, серьёзно? – тихо спросил Горислав.

– Серьёзно, – ответил Ан, взглянув на него.

– И ты не будешь против, если я буду ухаживать за Линдой?

– А почему я должен быть против?

– Феноменально! Объясни, как ты так можешь? Я бы убил!

– Не ерунди! – Ан нахмурился. – Успокойся и давай уже работать.

Повеселевший Горислав, повернулся к компьютеру.

– Давай, давай! Да мы сейчас с тобой горы свернём!

– Угу, свернём, – откликнулся Ан, склоняясь над клавиатурой. Пальцы его дрожали, и он никак не мог унять эту дрожь.

«Спокойно, Андо, спокойно. Держи себя в руках. Всё правильно. Всё так, как ты хотел. Линда, возможно, найдёт своё счастье с Гориславом. Он отличная партия, и если они полюбят друг друга и будут счастливы, то я буду за Линду спокоен. Славка – отличный человек. Да и потом, я должен довершить начатое, а если всё закончится неудачей, то это арест и, возможно, даже гибель, с кем тогда останется Линда? А так всё будет хорошо. Всё очень хорошо», – твердил себе Ан, смотря, как тёмные круги расплываются перед глазами, и дыхание с трудом вырывается из груди, которая сжалась, сдавив сердце каменным панцирем. «Да возьми же себя в ру-

ки! – приказал себе он, до боли закусив нижнюю губу. Постепенно в голове прояснилось, сердце перестало рваться из груди, он несколько раз глубоко вздохнул, но он всё ещё не мог сосредоточиться на работе.

Ан взглянул на часы, до обеденного перерыва ещё пятнадцать минут.

– Выйду. Пойду, пройду. На воздухе лучше думается.

– Угу, давай, – откликнулся Горислав, погружённый в работу.

***

Домой Ан вернулся вымотанный, как никогда. И работа была обычной, без авралов или каких-либо осложнений, и отношения с Гориславом хорошие, дружески-рабочие, но всё равно к вечеру усталость так навалилась на него, что он едва дошёл до дома, с единственной мыслью сразу лечь и уснуть, забыть обо всём, попросив только Тупи разбудить его ближе к двенадцати ночи, ко времени выхода на связь с Горой.

Дверь открыла загадочно улыбающаяся Линда. Её тёмные волосы, заколотые над висками голубоватыми жемчужинами, ниспадали к плечам, эффектно оттеняясь на голубом, переливающимися синими волнами в цвет глаз, домашнем платье.

– Привет!

– Привет! Какая ты красивая, – Ан наклонился и поцеловал её в щёку.

Линда улыбнулась, щеки её вспыхнули, но посмотрев на него внимательно, она чуть погрустнела, не почувствовав ничего, кроме дружеского расположения.

– Устал?

– Ага. День сегодня какой-то трудный.

– А я тебе ужин приготовила. Уже на столе, я тоже пока не ела, тебя ждала. Пошли на кухню?

– Вот спасибо, я здорово проголодался. Сейчас только загляну в личную и приду. Ты иди пока, я быстро.

Линда кивнула и ушла на кухню.

Ан сел около вешалки. Двигаться не хотелось. Не хотелось ничего. Подошёл Тупи с тапочками.

– Здравствуйте, Андо, ваши тапочки. Давайте пальто.

Ан грустно улыбнулся ему:

– Спасибо, Тупи. Как дела?

– Всё хорошо. Только Линда запретила Тупи готовить ужин. Линда сама приготовила ужин. Но разве женщина может хорошо готовить? Тупи снимает с себя ответственность.

– Тупи, это что такое? Ты где такого нахватался?

– Я нигде не хватался. Так говорил мой создатель.

– Твой создатель, был, по-видимому, философ.

– Нет, он был сборщиком роботов, но любил размышлять во время работы.

– Понятно. Ты должен слушаться Линду, как и меня. Ты понял?

– Нет, не понял. Я домашний помощник ваш – Андо. У

меня только один пользователь.

– Очень хорошо! Так вот твой пользователь приказывает тебе заботиться о Линде и выполнять её просьбы. Понятно?

– Да, понятно.

– Ну, и хорошо.

Ан принял душ, переоделся и отправился на кухню. Только успел сесть, как раздался сигнал пришедшего гостя. Тупи открыл, и на пороге появился Горислав с огромным букетом розовых роз.

– Гостей принимаете? – весело спросил он, – Это вам, – он протянул цветы удивлённой Линде.

– Спасибо большое, какой прекрасный букет! – Линда встала, приняла цветы.

– Рад, если понравился! Простите, не знал, какие вы любите, понадеялся, что эти.

– Очень понравился. Роскошный букет! А аромат какой, – она спрятала лицо в бутоны, вдыхая запах.

– Ты как раз к ужину, давай с нами, садись.

– Да, – спохватилась Линда, – проходите, пожалуйста, мы вам рады! Покушайте с нами, – она достала из шкафчика вазу, налила воду и поставила цветы на невысокий комод под окном. Тупи поставил на стол ещё одну глубокую тарелку и столовые приборы.

– С удовольствием, где у вас можно руки помыть?

– Вот тут можно, – кивнул Ан на раковину.

Горислав наскоро ополоснул руки, и, подержав их

несколько секунд под тёплым ветром сушилки, сел к столу, на отодвинутый Тупи для него стул.

Линда сняла с большой белой фарфоровой кастрюли крышку, и аромат наполнил кухню. Он был таким знакомым и аппетитным, что Ан сразу вспомнил элизий, дом его тётушки, ставший для него родным, и себя самого, прокравшегося на кухню и уплетающего за обе щеки.

– У нас сегодня кролик с овощами, – сказала Линда, накладывая Гориславу, потом Ану и себе. – Это традиционное блюдо в нашем элизии. Помнишь, Ан?

– А то! – откликнулся тот, с удовольствием работая ложкой.

– С кроликом? – переспросил Горислав, – Интересно, не помню, когда ел крольчатину, – тыча ложкой в овощи. – Пахнет очень аппетитно.

– У-у-у, ты много потерял. У нас в элизии были фермы с кроликами, это скажу тебе та ещё вкуснятина. Давай, налегай, а то добавку прозеваешь, я тебя ждать не буду.

Линда, улыбаясь, смотрела на них, едва прикасаясь к еде.

После ужина довольные и сытые все перешли в гостиную. Тупи принёс для Ана и Горислава кофе, а для Линды – горячий шоколад.

Горислав вдруг немного покраснел и, откашлявшись, сказал:

– Я тут случайно достал билеты на премьеру в Большой на завтра.

– Да? – с интересом взглянула на него Линда. – И что делают?

– Какую-то историческую оперу. Я точно не знаю, отец мне отдал, они с мамой хотели пойти, но Антониде ещё немного нездоровится.

– Вот, – он вынул из кармана билеты, – на завтра. Пропадают. У кого есть желание сходить? У меня, как раз три билета. Отец хотел, чтобы мы всей семьёй пошли, мы так редко куда-то выбираемся вместе последнее время.

– Я с удовольствием схожу, если Ан свободен. Я ещё ни разу не была в Большом театре Элизиума! – воскликнула Линда и глянула сияющими глазами на жениха.

Ан смутился.

– Это здорово, а во сколько начало? – спросил он.

– В восемь вечера, – ответил Горислав.

Ан взглянул в глаза Гориславу, и такая просьба была в этих глазах, что он поколебавшись, ответил.

– К сожалению, завтра вечером я не смогу. Надо будет задержаться на работе.

– На работе? – Линда вопросительно посмотрела на Ана. – Ты почти всегда задерживаешься, нельзя ли в этот раз перенести работу на другой вечер.

– Нет, Линда, никак нельзя! Это как раз время, когда будут подключать ко второму контуру один из дальних элизиев, у них как раз это время рабочее, и я должен быть. Вдруг что-то не так пойдёт. Я должен подстраховать. Правда, Го-

рислав?

– Да? – Горислав удивлённо взглянул на Ана, но тут же опомнился. – А ведь точно, как же я забыл, что по графику у нас завтра это подключение, – он хлопнул себя по лбу.

– Ну, ничего страшного! – проговорил Ан. – Да и потом, Линда, ты же знаешь, что я оперу не очень.... Каюсь! – он прижал руки к груди. – А вы сходите вдвоём в Гориславом. Я уверен, что Горислав любит оперу. Он покажет тебя театр, погуляете, развеешься, а то всё дома и дома, никуда не выходишь, как затворница.

– Я? Да, я люблю, очень люблю оперу и сочту за честь, составить такой обворожительной женщине, как вы Линда, компанию.

Линда молча переводила взгляд с Горислава на Ана, наконец, поднялась.

– Спасибо, Горислав, за приглашение, но думаю, завтра мы с Аном не сможем. Как-нибудь в другой раз.

– Ну, в другой, так в другой, – поспешно согласился Горислав и перевёл разговор на другую тему.

Вскоре Линда ушла к себе, сославшись на усталость.

Ан включил телевирт и настроил виртуальную передачу о путешествии в лесах Амазонки. Они сидели и молчали. Наконец, Горислав, кашлянул, смущаясь, спросил:

– Ан, ничего, что я явился, да ещё с букетом, да ещё эти билеты?

Ан покосился на его понурое лицо.

– Это у Линды надо спросить. А я то, что? Мне ничего.

– Я буду ей звонить, – набычился Горислав.

Ан в раздражении встал.

– Слушай, а мог бы ты не посвящать меня во все твои планы по ухаживанию?

– Я хочу, чтобы ты знал.

– Да, знаю, я уже знаю. И хватит об этом.

– Ладно, извини. Я понимаю, – Горислав поднялся, взглянул на браслет. – Скоро одиннадцать, мне пора, у меня ещё одно дельце сегодня.

Ан тоже встал. Они пожали друг другу руки, стараясь не смотреть в глаза.

– Давай, Горислав, до завтра.

– Пока, – Горислав пошёл к выходу, на пороге оглянулся, – Может мне к Линде заглянуть, проститься?

Ан молчал.

– А ну да, ну да, поздно уже, она, может быть, уже спит. Пока. До завтра, Ан. Линде – привет.

– Хорошо. Пока.

Горислав ушёл.

Ан проводил его и вернулся в гостиную, залпом допил чёрный несладкий кофе и зажмурился, потом медленно выдохнул и включил компьютер, в нижнем правом углу его светилось время: 23:05.

«Через час сеанс связи. Надо собраться с мыслями».

Тихо постучали. Ан повернулся и увидел, как Линда осто-

рожно приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

– Можно к тебе? Не помешаю?

– Нет, что ты? Заходи.

Линда прошла и села на диван, зябко кутаясь в плед.

– Может, включим камин? Что-то холодно.

– Холодно? Сейчас включу. Ты не заболела? – он включил камин и подошёл к ней, осторожно коснулся кончиками пальцев её пылающего лба. – Да ты вся горишь! Тебе надо в постель. Давай я согрею тебе молока с мёдом?

– Ненужно мне ничего, – раздражённо ответила она. – Сядь, я хочу с тобой поговорить.

Ан сел рядом и вопросительно посмотрел на неё.

– Что-то случилось?

– Случилось! – Линда с вызовом взглянула ему прямо в глаза. – Очень даже случилось!

Ан ждал, а Линда встала и принялась возбуждённо ходить по комнате.

– Да, что с тобой? Успокойся. Расскажи.

– Ан, как я тебя ненавижу! – вдруг выпалила она, оставившаяся прямо перед ним.

Ан опешил и не знал, что и сказать.

– Ты совсем глупый? Ничего не видишь и не понимаешь? А может быть я настолько тебе противна, что ты хочешь меня сбегать первому встречному?

Ан покраснел, смутился и забормотал:

– Какому первому встречному? Почему сбегать? О чём

ты, Линда?!

– Ты не понимаешь?! А вот, скажи на милость, какого чёрта, твой друг является к нам вечером с огромным букетом? Сидит тут с нами, ест ужин, который я для тебя приготовила и ещё приглашает меня в театр?! Меня – почти замужнюю женщину, и это всё при тебе, да что при тебе! С твоего молчаливого согласия! В чём дело, Ан?

– Линда, ну что ты. Я же обещал тебе, что у нас будет фиктивный брак, чтобы ты не беспокоилась. У тебя нет никаких обязательств. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы знала, что вправе поступать так, как ты хочешь. Ты очень нравишься Гориславу, он мне говорил. Если он тебе тоже....

– Ещё скажи, что он попросил у тебя моей руки, – насмешливо произнесла Линда.

– Ну, руки не руки, а сказал, что влюбился в тебя. Я его знаю очень давно, поверь, он – замечательный человек. Верный друг, честный.

– Угу, и из хорошей семьи.

– А что? Да, он из обеспеченной семьи, с ним ты сможешь стать счастливой.

– Отлично! Просто отлично! Ты что, меня сватаешь за него?

– Ну, почему сватаю? Ты сама решай, как тебе лучше.

– Ты! Ты! – Линда была в бешенстве. – Да! Я сама решу, как мне лучше, слышишь ты! – она хотела выйти из комнаты, но вдруг резко обернулась, подошла к Ану и впилась жарким

острым поцелуем ему в губы.

Кровь бросилась в голову Ану, больше не сдерживая себя, он подхватил её на руки и прижал к себе.

– Линда! – его дыхание обожгло её, он шагнул к дивану и они упали друг в друга.

Сквозь жаркие волны до Ана донёлся отдалённый сигнал вызова. Краем сознания он уловил его и тут же отбросил вместе с промелькнувшей мыслью: «Да пошло оно всё». Любовь накрыла их с головой.

Их браслеты так настойчиво напоминали о себе, вытаскивая из водоворота страсти, что они, вынырнув, быть может, сотый раз, не сговариваясь, сняли их, и отключённые они так и остались лежать на полу возле дивана.

День сменяла ночь, а они ничего не замечали, отрываясь друг от друга только тогда, когда их тела не могли больше справляться с их любовью и тянули назад, на Землю, требуя отдыха, и тогда они погружались в сон; или требовали сил, и тогда Тупи приносил им еду, и они кормили друг друга между поцелуями; или на несколько минут отрывались друг друга, чтобы вновь и вновь бросаться в объятия, каждый раз, как после самой долгой разлуки.

Но всё проходит в жизни... Прошло и это безумство. Прошло ли? Да и безумство ли это было? Скорее это была долгожданная встреча после бесконечной разлуки, когда они, наконец, были вместе, и теперь должны были убедиться, что навсегда. Только тогда они смогли перевести дыхание

и освободить частичку своей души, чтобы принять и остальной мир – мир, где жили их тела, с которым они были связаны пуповиной обязанностей и взаимозависимостей.

***

Ан надел браслет, который тут же ожил, требуя немедленного внимания. Он открыл журнал вызовов, и ему стало нехорошо. Журнал был переполнен и требовал чистки. В основном это были звонки от Горислава. Ан набрал его, и тот ответил почти мгновенно.

– Ба! Кого я слышу! Неужели, живой? Я уж думал, что ты помер, и браслет твой деактивировали.

– Слав, прости, тут такое дело....

– Ладно, знаю, не оправдывайся. Приходил я к вам.

– Приходил? Когда?

– Ну, конечно! Вам не до того было, а твой Тупи меня даже на порог не пустил, сказал зайдите в другой раз, хозяин занят размножением, – заржал Горислав.

– Что так и сказал? – опешил Ан, – Я ничего такого ему не говорил.

– Конечно, не говорил. Сериалов, он, должно быть, насмотрелся. Да-а-а, – протянул Горислав, – обидно, конечно, что у меня с Линдой облом вышел. Завидую тебе. Ну, да, ладно. Я рад, что всё у вас наладилось, но любовь любовью, а ты совсем забыл о работе. Надеюсь, теперь ты в состоянии, о чём-то ещё думать, кроме как о размножении?

– Прости, Горислав, я завтра буду.

– Завтра буду, – передразнил тот его, – с этим «завтра» у тебя уже три дня отпуска получается.

– Неужели три дня? – не поверил Ан.

Горислав фыркнул и проворчав, что надеется, что Ан завтра появится в отделе, отсоединился.

Ан включил компьютер и вызвал Робина. Робина в сети не было, и Ан оставил ему сообщение, чтобы тот, как сможет, связался с ним.

«Ничего, ничего, – успокаивал себя Ан, – время есть. Всё наверстаю. А как же Линда? А если со мной что случится? Ничего не случится. Нужно просто быть осторожным. А если? Получается, что я подставляю её... Да и что Горислав? Он как-то был уж очень весел для человека, который простился с возлюбленной или что задумал? Да ну, что за муть лезет мне в голову. А может всё рассказать Линде, и пусть сама решает со мной она или нет? Опять! Всё повторяется, это неопределённость... А почему я должен скрывать это от Линды? Она самый близкий мне человек, разве я ей не доверяю?».

Линда подошла неслышно, обняла Ана за плечи и почувствовала, как тот вздрогнул.

– Чем занимаешься? Извини, я испугала тебя?

– Да, что ты? Просто от неожиданности. Вот. Хотел с Робинком поговорить, а его нет сейчас в сети.

– Робин – хороший парень. Передавай ему привет.

– Хорошо. Знаешь, Линда, мне нужно поговорить с тобой.

Линда взяла его за руку и потянула к дивану:

– Пошли, поговорим, – жарко зашептала она ему на ухо.

Они сели.

– Подожди, то, что я хочу сказать, очень серьёзно, – Ан немного отстранился от неё.

Линда вопросительно посмотрела на него.

Ан встал и прошёлся по комнате.

– Да что случилось-то. Не пугай меня.

– Прости, Линда. Я должен сказать. Не знаю, как ты отреагируешь, надеюсь, что поймёшь.

– Неужели ты уже женат? – поняв бровь, насмешливо спросила она.

– Ну, что за шутки! Я серьёзно.

– Ну, если серьёзно, то говори уже, что ты всё вокруг да около?

– Линда, дело в том, что моя жизнь не совсем принадлежит мне.

– Хм, а кому она принадлежит, позволь узнать?

– Нет, конечно, она принадлежит мне, но . . . , не знаю, как лучше тебе сказать.

«Нет, он неисправим, – подумала Линда, – вот всегда был мямлей. И за что только я его так люблю?».

Она вздохнула и поднялась.

– Пошли на кухню, чайку попьем? Там и расскажешь. Ты же мне ничего не рассказывал о своей жизни в Наукограде и тут, в Элизиуме.

– Пошли.

Ан и Линда пили чай и разговаривали. Впервые за всё это время они говорили о своей жизни, о том, что случилось с ними, когда они были вдали друг от друга. Линда рассказала о том, как чуть не умерла, оставшись без надежды быть с Аном, а Ан рассказал Линде всю свою жизнь, свои мысли и мечты, свои планы и надежды. Линда слушала, затаив дыхание. Потом они долго молчали.

– Как же теперь будет? – прошептала она. – Я даже не представляла, что ты такой. Нет, я знала, всегда знала.

– Линда, со мной может быть очень опасно. Если Хранители только узнают....

– К чёрту этих Хранителей! Я всегда думала, что нужно сделать что-то, что перевернёт жизнь, не может быть столько несчастий на одного человека. Я верю, что ты сможешь. Перевернуть. И я буду с тобой до конца, чтобы не случилось. – Она крепко прижалась к нему, а потом отстранилась и сказала. – Ты знаешь, я тоже хочу сделать что-то для будущего! Я буду твой помощницей. Хорошо?

Ан улыбнулся и поцеловал её.

– Хорошо. Ты и так моя помощница, Воодушевительница.

– Я хочу не просто быть воодушевительницей. Я могу быть твоим секретарём или модератором групп твоего канала, и вообще всем, кто выполняет текущую незаметную работу, до которой не всегда доходят руки.

– Спасибо, Линда, я рад, что мы вместе. Пойдём, я позна-

комлю тебя кое с кем, – Ан встал и пошёл к компьютеру.

Вторым номером в личном канале Ана стала Линда. Робину было отправлено сообщение о том, что при экстренном вызове, когда Ана нет в личном канале, держать связь через Линду, которая всегда имеет к нему доступ.

***

Поздним вечером следующего дня, когда Линда уснула, свернувшись калачиком на диване в гостиной с открытой книгой в руке, бережно укрытая пледом, Ан вышел на связь с интернет-журналом «Сады Приуралья». Робин откликнулся сразу, но разговаривать долго не стал, перенаправив Ана в частную комнату чата, где его ждал Гора, и как только Ан вошёл на экране засветилось сообщение:

Гора: – Привет, Ан, рад тебя видеть здесь.

Ан опешил от такого фамильярного обращения.

«Что это значит? Откуда он знает, как меня зовут близкие? Роб сказал? Очень странно. И почему здесь? Мы что знакомы?» – подумал он и, поколебавшись, написал:

Один: – Здравствуйте, мы с вами знакомы?

Гора: – А то! Можно сказать, что лучшие друзья, но об этом лучше не здесь. Давай в твой канал, там безопаснее. Добавь меня.

Один: – Простите, не совсем вас понял. Кого мне нужно и куда добавить?

Гора: – Ан, ты или совсем поглупел после своих утех по размножению или так уж сильно законспирировался, что да-

же мне не доверяешь? Хотя, если верить древним мудрецам, энергия тела человека ограничена и замкнута, если она выливается через силу, то разум отдыхает, так что вполне объяснимы твои сбои в умственной деятельности после столь её расточительной траты в сексуальных утехах.

Один: – А можно конкретнее?

Гора: – А конкретнее, я выхожу. Пришлю сообщение.

На экране появилась надпись: Гора покинул чат.

Ан обескуражено смотрел на экран. Не успел он прийти в себя от удивления, как тихий сигнал браслета, заставил его вздрогнуть. Он поднял браслет к глазам и прочитал сообщение. Не веря глазам, он читал его снова и снова, пока новое сообщение не вернуло его к действительности и не потребовало действия. Ан быстро вошёл в личный канал и отправил приглашение новому пользователю, на котором были указаны идентификационные данные Горислава Оргунова.

– Ну, наконец, ты, где там пропал? – улыбаясь, спросил Горислав.

– Славка ты?! А как ты понял, что это я – только и мог выговорить в ответ Ан.

– Мда... Может ты в науке и гений, конечно, но в жизни, как бы сказать, чтобы не обидеть? Ну, что тут понимать-то? Ты знаком с Робинем, пропадаешь и появляешься, прям, как по расписанию его друга, с которым он хочет познакомиться и потом много у нас тех, кто занимается искусственным интеллектом? Уже поэтому я сразу догадался о ком идёт речь.

– А что ж ты сразу мне не сказал-то!

– А ты бы мне поверил?

– Спрашиваешь!

– Да? Что ж ты мне сам ничего не сказал, если верил?

Ан потупился, чуть побледнев, потом взглянул в глаза Гориславу и сказал:

– Извини, Слав, но твой отец..., я знаю, как ты его любишь, что безоговорочно верил ему ещё тогда в Университете. Да, что в Университете! Ты всегда отзывался о нём с теплотой и верой в его правоту. Не мог же я сказать, что мечтаю, и не просто мечтаю, а пытаюсь изменить мир, который он создал и охрану которого поставил целью своей жизни? Разве я мог предположить, что ты поддержишь меня в этом?

– Да, Ан, я люблю своего отца. Более того, я считаю его правым. Без того мира, который он создал, у нас с тобой ничего бы не получилось. И не только у нас, ни у кого не было бы даже надежды на то будущее, о котором мы мечтаем. Объединение землян в единое общество с общими целями и общим управлением – это тот единственный трамплин, с которого человечество сделает прыжок в будущее, шагнёт за горизонт! Я в этом абсолютно уверен, да, думаю, и ты тоже. Вот за что я бесконечно благодарен и уважаю отца, но надо идти дальше! Человечество объединилось не для того, чтобы топтаться на месте, пора открывать новые перспективы, я только продолжаю дело отца, и я рад, что у меня есть такой верный друг, как ты!

– И я рад, Славка! Ты не представляешь, как я рад! Но, как! Как ты вышел на тайное общество учёных?! Я столько времени пытался.

– А ты думаешь, среди Хранителей совсем все опаскудили? Совсем нет людей, которые искренне хотели бы улучшений? Нет, уважаемый Андо, мы не только цепляемся за власть, как ты думаешь, есть и те, кто живёт не только настоящим, но и будущим. Ты слышал о Фальке Свене?

– Фальк Свен? Куратор образования и науки?

– Да. Куратор образования и науки. Он был моим наставником в детстве, хотя почему был, он остаётся им и теперь. Он единственный, кто выступил в защиту открытия фито-энергии, потому что понял, что она – основа грядущего мира. Он создал тайное общество учёных. Это он помог Глебу Лунну бежать, спрятал его на острове, но видя, что тот морально надломлен, не решился приобщить к делу. Хотя, продолжая работать над открытием, Глеб фактически работал на будущее.

– Невероятно! И давно ты в тайном обществе учёных?

– Ну, как тебе сказать... Помнишь наш арест?

– Конечно!

– Ну, вот! После него у меня был долгий разговор с наставником, результатом которого и стало моё вхождение в ТОУ.

– Что ж ты так переживал, когда тебя подозревали!? У тебя же была поддержка, были те, кто тебе верил.

– Ну, да, конечно, мой наставник, но всё равно, знаешь, как тяжело, когда тебе не верят? Когда в лицо бросают обвинения, а ты ничем в ответ не можешь оправдаться? Даже в ТОУ я слышал в свой адрес обвинения, но никак не мог выдать себя. И Алиска меня бросила... Хотя я был такой завидной партией! – улыбнулся Горислав. – Ладно, хватит в прошлом капаться, что мы тут с тобой развели? О работе надо думать, а не нюни распускать. Я чего звал-то тебя, – он потёр лоб ладонью. – Времени у нас мало. С завтрашнего дня начинаем вплотную заниматься вторым контуром управления. Я тебе сейчас скину точки входа, где наши люди смогут перехватить управление и вывести его на искусственный интеллект. У нас в ТОУ уже всё продумано до мелочей. Каждая отрасль, каждое крупное предприятие входят в определённую зону ответственности. Тебе срочно по моим намёткам нужно заняться созданием полной интерактивной карты зон ответственности контура управления. Работа очень срочная, у нас мало времени. В три дня уложишься?

– Я постараюсь, Слав.

***

Время летело стремительно. Воодушевлённые целью через полгода установить новый, как они надеялись, идеальный миропорядок, который, наконец-то, осуществил бы древнюю мечту человечества – мечту о справедливости, Горислав и Ан погрузились с головой в работу.

Горислав большую часть времени проводил в личном ка-

нале Ана, который стал местом обсуждений и координации всех действий тайных обществ учёных и Созидателей. Канал превратился в огромную сеть приват-комнат с единым центром – штабом руководителей тайных обществ учёных и Созидателей. Глобальные масштабы тайной работы, охватившей всё человечество, могли быть жизнеспособным исключительно при отлично налаженной конспирации. Искусственный интеллект помог в этом. Он хранил в памяти все биологические данные пользователей и исключительно по этим параметрам идентифицировал их в сети под присвоенными никами. Каждая из приватных комнат-чатов состояла из очень ограниченного круга доверенных лиц, не более четырёх – пяти человек, объединённых конкретной задачей на территории (точке ответственности). Возможно, в жизни участники приват-комнаты и знали друг друга, но тут в сети они общались исключительно по никам, открывать своё истинное имя, как в сети, так и в реальной жизни, было категорически запрещено под страхом исключения из общества и расформирования приват-комнаты. Всех, входящих в приват-комнату знал только один человек – модератор комнаты, он же её руководитель. Руководители комнат объединялись в приват-комнаты для координации действий более высокой зоны ответственности с аналогичным порядком конспирации. Замыкал цепочки приват-комнат штаб тайного движения, куда входили руководители тайного общества учёных и тайного общества Созидателей. Всех, входивших в штаб,

знали только Горислав и Ан, модераторы штаба. Даже Фальк Свен, глава ТОУ, зная Горислава, не был уверен в том, кто зарегистрирован под ником Один, хотя и догадывался, а для Робина же, руководителя ТОС, был неизвестен человек под ником Гора.

Помимо сети координации, Ан создал ещё три общих параллельных канала: чат для членов ТОУ, чат для членов ТОС и объединённый чат. Доступ в общие чаты давал искусственный интеллект на основании зарегистрированных в его памяти никах – биологических параметров членов тайного общества.

В чатах шли жаркие дебаты, и порой Горислав принимал в них участие до онемения в пальцах, обсуждая то, каким должен быть новый мир. Ан тоже любил почитать мысли-идеи людей, но в беседу обычно не вступал, да и времени особо на это не было. Приближалось двадцать седьмое сентября – день, когда Ан должен был подключить Главного Хранителя и начальника его охраны к глобальному искусственному интеллекту, передав им управление.

В штабе ТОУ и ТОС был назначен свой решительный день – двадцать пятое сентября, к этому времени должно быть закончено подсоединение всех структур корпорации «Земля» к глобальному искусственному интеллекту, и преобразование его самого в КАРМА – компьютерно-авторизованные региональные модели администрирования, так решено было назвать систему.

Именно двадцать пятого сентября планировалось отключить глобальный интернет, лишив власть возможности координации и управления, объявить о захвате власти и переходе к новому миропорядку, задействовав КАРМА. Шли последние приготовления. До решающего дня оставалась неделя.

***

Третьи сутки элизий «Сады Приуралья» накрывала густая серая пелена ненастья. Мелкий частый дождь шуршал по асфальту, по крышам, по чуть тронутой первой позолотой листьям деревьев. Элизий притих и нахохлился. Людей почти не было видно: дождь прогнал гуляющих с площади, парков и улиц; загнанные по домам, они кутались и засыпали, слушая его монотонный шёпот.

Куранты на ратуше пробили половину пятого утра, а Сергей Ракитин – сосед родителей Робина с верхнего этажа, уже садился в маршрутный везделёт. Машина сонно взлетела и лениво понесла его к текстильной фабрике, где после благотворительной акции, когда глава семьи «Текстильное дело» заменил роботов на безработных, Сергей уже работал несколько лет.

С тех пор как Кира, жена его, забеременела, он старался получить любую подработку, работал без выходных, чтобы успеть накопить на хорошую акушерку и на медицинскую страховку на непредвиденный случай, всё-таки первый ребёнок, а они уже не сказать, чтобы молоды, и на всё необходимое новорождённому. И когда полгода назад на фабрике,

с благотворительной целью, конечно, – дать дополнительный заработок работникам – увеличили смену до десяти часов, он не уволился, хотя профсоюз и подбивал на это, а продолжал исправно ходить на работу.

В цехе душно, несмотря на тихое шипение кондиционеров. Монотонно гудят станки, вьётся бесконечная нить, сплетаясь в ткань. Сергей сидит за движущейся лентой конвейера, руки разглаживают бегущую ткань, глаза ищут метку. Вот она – тонкая чёткая полоса. Конвейер замедляет свой бег: Сергей фиксирует ткань, его нога нажимает педаль, острый нож быстро и точно падает на чёрную полосу, аккуратно разрезая ткань, куски ткани движутся дальше по конвейеру к другим работникам, а перед Сергеем уже новая полоса, потом ещё и ещё. Чёрные полосы мелькают в глазах, словно струи дождя. Нож с глухим стуком падает и падает. Работа Сергей доведена до автоматизма: фиксация ткани – удар ножа, фиксация ткани – удар ножа. Глаза и руки делают своё дело, а мысли его далеко, с женой и будущим ребёнком – девочкой, как сказал фельдшер, наблюдающий Киру.

«Дочка. Уже скоро, каких-нибудь пять-шесть недель и мы увидим нашу доченьку, – улыбается он. – А Кира-то как изменилась. Важная такая стала, будто не ребёнка носит, а весь земной шар, или даже вселенную. Хотя так и должно быть, человек родится ни хухры – мухры», – голова его чуть склонилась, он увидел смешную косолапую девчушку, смешно ковыляющую к нему. Сергей наклонился к ней и протянул

руки навстречу, а она вдруг мужским голосом закричала: «Сергей, Сергей, проснись!» Он только успел удивиться и подумать: «Я же уснул. Уснул на работе! Ткань, надо разрезать, ткань!». Нога дёрнулась, и нож упал, рассекая его голову, под которой ещё бесконечные пять секунд, шурша, проходила ткань, окрашиваясь в алый цвет.

***

Их хоронили вместе. В одну, чуть удлинённую могилу, опустили гроб с Сергеем, в ноги к нему положили маленький гробик мертворождённой дочери. Кира не была на похоронах. После того, как она, спускаясь по лестнице, услышала разговор и узнала о смерти мужа, после того как потеряла сознание и упала со ступенек, она только однажды пришла в себя, чтобы узнать ещё и о смерти своей дочери. С тех пор разум оставил её, чтобы дать возможность всё пережить. Робин ухаживал за Кирой, как за сестрой, но у него не было уверенности, что он сможет ей помочь. Нужно было дорогостоящее лечение, а семья Киры так и не накопила достаточно денег, оставалась одна надежда – на помощь общества Созидателей.

Моросил мелкий дождь, но на похороны отца и дочери, казалось, вышел весь элизий. Несмотря на строжайший запрет и угрозу увольнением, фабрика встала. Рабочие сбивались около неё в группы, тихо переговаривались. К ним присоединялись работники других предприятий. И вот уже прифабричная территория стала тесной, и люди вышли на ули-

цы. Тёмная молчаливая людская река тихо катилась в сторону кладбища, заполняя собой элизий. В неё влился второй поток – из барачков вышли проститься с погибшим и его мертворождённой дочерью, гробы которых несли на плечах.

Комья сырой земли, гулко ударившей о крышки гробов, разорвали гнетущую тишину. Как набат ударили в сердца людей, понуро стоявших вокруг. Негодованием сжимались кулаки, гневное слово рвалось из груди. Каждый чувствовал, что нужно было что-то сделать, сделать немедленно, чтобы убить эту безысходность, чтобы дать выход гневу, который мутил рассудок. Не может всё оставаться так, как было до сих пор. Не должно так всё оставаться! Раздались первые выкрики, призывающие идти к дому Общественного Совета, к ратуше.

Робин и его соратники по ТОС, предвидя подобный поворот событий, накануне связались со штабом. Было принято решение, не дожидаться двадцать пятого сентября. В ТОУ и ТОС элизий всё было готово, каждый замер, готовясь подключиться к зоне своей ответственности. Горислав и Ан, как и все, ждали только сигнала, чтобы приступить к перезагрузке, все члены ТОУ и ТОС были наготове. И сигнал поступил: Робин написал, что люди направляются к ратуше. Ан быстро ввёл команду, и на браслетах членов тайных обществ высветилась заветная надпись: «ПЕРЕЗАГРУЗКА», которую с надеждой и тайным опасением ждал каждый: что ждёт там – впереди? И вот свершилось! Горислав переглянулся с Аном

и кивнул, Ан отключил глобальный интернет. Мир повис в немом ожидании. Связь прервалась. Минута, целая минута мёртвого безмолвия, и КАРМА заключила Землю в свои объятия.

***

Главный Хранитель сидел в кабинете. Впервые за многие годы в Башне Хранителей было безлюдно, только тишина роботами-помощниками бродила по её многочисленным этажам и коридорам. Он был один. Кураторы-Хранители, потеряв связь с внешним миром, растерялись и попрятались.

На пороге появился робот-помощник:

– К вам начальник охраны.

Главный Хранитель открыл глаза:

– Пусть войдёт.

Арес вошёл быстро и бесшумно. Встал напротив стола, молча склонил голову.

– Ну, что Арес? – Слабым голосом проговорил Главный Хранитель. – Что скажешь?

– Переворот. Произошёл переворот. Насколько мне известно, все силовые ведомства лишены связи и доступа к технике, управляемой через глобальный интернет. Интернет вещей и объектов стратегического значения, если и не прекратил функционирование, то управление ими Хранителям недоступно. Хранители разбежались, а те, кто пытается управлять ситуацией, наталкиваются не только на неповиновение, но и на открытое сопротивление Творцов и Созида-

телей, которые отказываются выполнять приказы до прояснения обстановки и восстановление связи, требуют личного контакта с вами, но это пока невозможно. Управление, скорее всего, перехвачено и сконцентрировано в глобальном искусственном интеллекте. Вы пригрили на груди змею!

– Ты думаешь Андо?

– А кто же ещё? Только он вплотную занимался искусственным интеллектом. Без него тут никак не обошлось.

– А Горислав?

– А что, Горислав? Ваш сын, даже если захотел, ничего не смог бы сделать, он не специалист в этой области. И потом, извините, но он же ваш сын, зачем ему перехватывать власть, если он и так у власти?

Главный Хранитель закрыл глаза и откинулся на спинку трансида.

– Где Кураторы?

– Связи нет, браслеты молчат, обнаружить не удалось. Думаю, запаниковали и попрятались по домам до прояснения ситуации.

Главный Хранитель так сжал подлокотники, что побелели косточки пальцев.

– Ненавижу! – Свистящим шёпотом произнёс он. – Ненавижу! – Открыл глаза и в упор взглянул на Ареса. – Вот тебе моё последнее задание: уничтожь его!

– Андо?

– Да! Андо! Чтобы и следа его не осталось! Слышишь? –

он поднялся, его била дрожь. — Ты честно служил мне все эти годы. Теперь ты свободен, только выполни мою последнюю волю!

— Не беспокойтесь, Главный Хранитель! Я сделаю так, как вы хотите. Можете не сомневаться.

— Спасибо, Арес. Прощай!

— Прощайте!

Арес поклонился и бесшумно выскользнул из кабинета.

***

Наступило утро. Сентябрьское солнце улыбнулось Элизиму бабьим летом, и казалось, что ничто не изменилось в мире под его тёплыми лучами. Как обычно, все были заняты собой: кто-то спешил на работу или учёбу, а кто-то, отдав долг человеческой суете и пользуясь редким погожим деньком, прохаживался по дорожкам ближайшего парка. Глухо постукивала трость по дорожке, чуть прикрытой листьями, обожжёнными временем, старческая грудь вдыхала прохладный осенний воздух.

После вчерашнего отсоединения от связи и интернета вещей, вызвавшее панику землян, после рассылки сообщения о необходимости перерегистрации в сети, которая теперь включала и передачу биологических параметров пользователя, всё постепенно приходило в норму. В первый же час после отправки сообщения перерегистрация была почти завершена даже в тех регионах, где в то время была ночь. Это была серьёзная проверка глобального искусственного интел-

лекта, которую Ан ожидал с тревогой, но всё прошло успешно, система работала чётко, без сбоев и зависаний.

***

Линда вошла в кабинет и тихо прикрыла за собой дверь. Ан спал за компьютерным столом, положив голову на руки. Нежные пальцы коснулись его волос, Ан вздрогнул и поднял голову.

– Что случилось?

– Нет, нет! Ничего не случилось, всё хорошо. Я просто зашла пожелать тебе доброго утра.

Ан потёр лицо и потянулся, обнял, потянувшуюся к нему поцелуем Линду, и она прижалась к нему, усаживаясь на колени.

– Всё хорошо? – спросила Линда.

– Всё хорошо.

– Ты совсем не спал, тебе надо отдохнуть. Может, пойдёшь вздремнёшь, а если что я тебя разбужу.

– Какое поспишь, не до сна теперь, я бы лучше съел чего сейчас.

Линда засмеялась и поднялась.

– Пойду посмотрю, что там у Тупи.

Раздался тихий сигнал вызова. Ан повернулся к компьютеру.

– Хорошо, я сейчас приду, только посмотрю от кого сообщение.

Линда остановилась у двери.

Ан открыл сообщение и удивлённо обернулся к Линде.

– Это Клавдия Егоровна, твоя мама.

Линда бросилась к компьютеру.

– Да ты что! Что случилось? Как она узнала наш адрес?

С монитора смотрело бледное похудевшее лицо пожилой женщины.

– Мама! – воскликнула Линда! – Это ты?! Что случилось?
Отец?

Женщина улыбнулась.

– Здравствуй, доченька! Как я рада видеть тебя! Не беспокойся всё хорошо, мы с папой здоровы. – И, взглянув на Ана, сказала: – Здравствуйте, Андо. Извините за беспокойство! Я вот. Узнала от ваших адрес и вот решила. Как вы с Линдой уехали-то, я частенько заходила в гости к Зинаиде Фёдоровне и Семёну Игнатьевичу узнать как у вас дела. Мне-то вы совсем ничего не сообщали, я понимаю, конечно, что разрешена связь Творца только с ближайшими родственниками, только вчера слух прошёл, что теперь всем можно, что интернет будто общим стал, только перерегистрироваться надо. Вот я и узнала у ваших, как с вами связаться можно. – Она говорила быстро, словно оправдываясь, вытирая кончиком платка глаза. – А утром, как отец ушёл по делам, так я сразу вас и набрала. Видишь, радость-то какая, правду люди говорили.

– И очень хорошо сделали, что связались с нами. Теперь это сделать будет очень просто, в любой момент можете нас

вызвать. Мы всегда будем рады, – улыбаясь, сказал Ан. Он поцеловал жену в голову и шепнув ей на ухо: – Ну, не буду вам мешать, на кухне буду, – вышел.

Линда кивнула ему, не отрывая глаз от матери.

– Мама! Как хорошо, что ты связалась с нами! Ты что-то похудела? Ты здорова? Как дома всё хорошо? Как отец? Всё сердится на меня?

– Здорова, здорова, – закивала Клавдия Егоровна. – Всё хорошо. Только отец вот.... Так-то вроде здоров, но всё молчит, всё сердится, запретил о тебе говорить, а уж как я по тебе, доча, соскучилась. Вот хоть одним глазком глянуть, как ты. Сама как? Здорова?

– У меня всё хорошо. Я тоже очень скучаю по вас с папой. Вот было бы хорошо, если бы ты выбралась к нам погостить! Хоть на пару дней! Отец ведь не приедет.

– Конечно, не приедет. Сердится на тебя с Аном, да и пекарни на нём, хоть стар уже, а всё держит в своих руках. А я-то как хочу повидаться! Так разве можно мне в Элизиум?

– А что ж нельзя-то? Теперь, я думаю, можно. Вот и интернет теперь общий, и выезжать из элизия, наверное, можно будет. Теперь всё по-новому будет.

– Вот хорошо бы! Отцу скажу, так он и на меня, пожалуй, рассердится, но я всё равно приеду на пару дней. Ты спроси у Андо-то. Если разрешит, позвони, я билет возьму. А как возьму, вам сообщу, вы меня на вокзале и встретите. Уж очень хочется глянуть, как ты там устроилась.

– Вот и хорошо. Я прямо сейчас пойду к Ану и всё узнаю, и сразу же тебе перезвоню.

– Вот и ладно! Буду ждать твоего сообщения, доченька!

– До свидания, мама! До очень скорого свидания, я надеюсь!

***

Вечером этого же дня Ан и Линда уже ждали Клавдию Егоровну в гости.

– Линда, ты скоро? Я пошёл выводить машину, поторопись, а то опоздаем к поезду.

– Давай, я сейчас.

До прибытия поезда оставался час, когда Ан вывел машину с парковки, и радостно-разгорячённая Линда выбежала из подъезда.

– Поехали. Сам поведёшь? Успеваем?

– Вполне. Поведу, тут недалеко. За полчаса домчимся.

– Вот и хорошо. – Линда откинулась на спинку сидения, мечтательно зажмурилась. – Ты не представляешь, как я рада, что мама приезжает! Кажется, будто сто лет её не видела.

– Полгода только прошло, – улыбнулся Ан. – Хотя я тебя понимаю, я тоже по своим сильно скучаю, особенно первое время было тяжело. Может и они выберутся.

Всю дорогу Линда поглядывала на часы.

– Не переживай, успеваем, – успокаивал её Ан, – ещё придётся на перроне ждать.

– Ан, смотри, за нами трейлер какой-то, прям, как при-

лип. Разве можно так близко подъезжать? И потом, у него что, нет своей полосы?

– Угу, я заметил. Бывают чудачки. Спешит, наверное, вот и свернул на скоростную.

– Спешит он, – проворчала Линда, – вот так аварии и случаются.

Ан засмеялся.

– Ну, когда ты слышала об аварии-то?

– А в позапрошлом месяце в новостях передавали? Забыл?

– Н-у-у-у, вспомнила. Тогда поломка произошла. Такое редко, но встречается. Не паникуй.

– Всё равно, не нравится мне этот пузатый. Давай свернём куда-нибудь? Пусть проедет. Кстати! Вон видишь впереди, слева сувенирный магазинчик? Как раз маме подарок приглядим. Смотри! Там и кофейня есть, что-то уж очень кофе хочется, прям сил нет.

Ан посмотрел, куда показывала Линда. Впереди дорога резко уходила влево через небольшой пустырь к парку. Недалеко от входа в парк на небольшом асфальтированном пятчке уютно расположился магазин сувениров, кафе и подзарядка для машин.

– Ну, давай. Хорошее местечко кто-то выбрал, тут и сувенир можно купить и время спокойно переждать в кафе, если до отправления поезда много времени, не то, что в толчее на вокзале.

Их машина свернула налево, съехала с шоссе и, резко снизив скорость, направилась к магазинчику, находящемуся в километре от них. Линда открыла сумочку и что-то искала, наклонившись. Ан взглянул в зеркало заднего вида и обмер. Прямо на них летел тот самый огромный тяжеловоз. Ан не успел закричать, как чудовищный удар оборвал его сознание.

Он очнулся в нескольких шагах от машины. Над ним было синее бездонное небо и весёлое солнце. Он почувствовал себя маленьким мальчиком, как тогда в той давней аварии.

«Линда!» – вспыхнуло в сознании.

Сел. Дверца с его стороны была выбита, а машина охвачена пламенем. Он вскочил и кинулся к горящей машине. Жар огня опалил его, и Ан отпрянул, зажмурился и вдруг чётко увидел, как тогда в той аварии огонь охватил отца, лежащего ничком на руле, как вспыхнули мягкие и нежные, всегда пахнущие сладкой ванилью, волосы мамы. Он оцепенел, потаённый, преследовавший его ночами, страх выполз наружу, Ан не чувствуя ни рук, ни ног, открыл глаза. Огонь приковал его взгляд, ничего не существовало, только он и жаркое пламя, которое пожирая пространство, тянулось к нему:

– Ты мой. Растворю. Сожгу. Уничтожу. Ты ничто, – шептали всполохи огня.

Сквозь пламя стали проступать какие-то тени, знакомый и такой родной силуэт.

– Линда! – казалось, что его крик прибил огонь, который

вдруг съёжился и зашипел. Ан рванулся вперёд, в пламя.

Уже подбегали люди, когда Ан вытаскивал Линду из машины. До них оставалось каких-то метров триста, когда на дороге показался помятый трейлер, не доезжая до места аварии, он резко развернулся и встал. Оттуда выпрыгнул человек и пошёл к Ану.

Ан, склонённый над лежащей на земле Линдой, увидел ноги, которые остановились рядом с ним, поднял голову. Ан не услышал выстрела. Последнее, что он увидел – отблеск огня от эмблемы-голограммы на груди человека: рука, на открытой ладони которой, лежала Земля. Голубая энергия, переливаясь, устремлялась вверх по руке и огибала Земной шар, который медленно вращался в голубых сполохах.

Ан уже не увидел, как стрелявший вернулся к трейлеру и сел, привалившись спиной к огромному колесу. Не видел, как тот устало вытер пот со лба, равнодушно посмотрел на подбегающих людей, поднял руку к виску и спустил курок.

***

«Как тихо. Почему так тихо и темно? Что со мной? Я больна? Но я ничего не чувствую. Ни боли, ни слабости. Я вообще не чувствую своего тела. Где я?» – Линда пытается открыть глаза и не может, тугая повязка закрывает лицо. Она словно растворяется в пустоте. Она пытается зацепиться хоть за что-нибудь и слабо шевелит рукой. Кто-то нежно берет её руку, и тихо гладит.

– Ан, – шепчут губы Линды в прорезь повязки.

– Это я, доченька, я с тобой!

– Где я? Что со мной?

– Ты в аварию попала, милая, но теперь уже всё хорошо.

– Почему я ничего не чувствую и ничего не вижу?

– Это временно, скоро повязку снимут. Врач сказал, что у тебя купировали сильные боли от ожогов, но скоро ты пойдёшь на поправку, и повязки снимут. Потерпи немножко.

– А Ан? Где Ан? С ним всё хорошо?

Она не дождалась ответа, и сжала руку матери.

– Что же ты молчишь, мама?! Что с Аном, он жив?

– Доченька, тебе нельзя волноваться. Доктор сказал, что, Слава Богу, твой ребёночек не пострадал. Ты должна поберечь себя для него.

– Ребёночек? – прошептала Линда. – Ан! Где Ан? Ан погиб?! Ан!! – закричала она и потеряла сознание.

***

Горислав подошёл к двери квартиры родителей. В правом верхнем углу её вспыхнул зелёный огонёк, датчик синхронизировался с его личным браслетом, но дверь не открылась, а цвет индикатора сменился на белый и уставился на него, словно глаз мёртвого дома.

После возвращения из филиала, где он стажировался после Университета, и назначения его куратором отдела, работающего над созданием глобального искусственного интеллекта, Горислав переехал в свою первую личную квартиру и к родителям приезжал не часто, но всегда его встречал при-

ветливый зелёный огонёк. Теперь же, родительский дом не узнавал его. И хотя Горислав ожидал нечто подобное, сердце его болезненно сжалось, только теперь ясно осознав потерю.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и на пороге показался Куки.

– Здравствуйте, Горислав! Куки рад вас видеть дома.

– Здравствуй, Куки. Как дела? Мама здорова?

– Не могу сказать, что Антонида здорова. Хорошо, что вы пришли. Вы должны повлиять на Антониду. Ей нужен отдых. Антонида игнорирует мои сигналы. Я понимаю, что Главный Хранитель болен и что нужен уход, но нельзя забывать об отдыхе. И я всегда рядом.

– Что с отцом?

– У Главного Хранителя сердечное заболевание, как сказал доктор, ему нужен покой и отдых.

– Где он? Мама с ним?

– Главный Хранитель в кабинете, и Антонида там. Секунду, я доложу. Он на мгновение замер, тихо гудя, затем заговорил снова.

– Антонида сейчас придёт, просила вас тут подождать. – И, помолчав, добавил. – Знаете, я ведь тоже болел.

– Болел? Не говори чепухи, Куки, роботы не болеют или ты хочешь сказать, что сломался?

– Нет, не сломался, у меня всё функционировало, как обычно, но вдруг пропала связь. Представляете? Я думаю, что это какая-то новая болезнь роботов – самопроизволь-

ное отключение от связи. Все были очень расстроены, так за меня переживали. Главный Хранитель даже тоже заболел. Только я выздоровел через пять минут, а он болеет до сих пор. Болезнь дала осложнение на сердце, что доказывает, что органы человека несовершенны.

Из-за поворота коридора показалась Антонида. Горислав поразился, как мама осунулась и похудела. Она остановилась перед ним, и молча смотрела ему в глаза. Некогда тёплые янтарного мёда глаза её, теперь были тёмно-карими, почти непроницаемого чёрного цвета. Они не улыбались ему, как это бывало всегда в его детстве, а смотрели строго и вопрошительно.

– Здравствуй, Горислав, – слабым голосом произнесла она.

– Здравствуйте, мама, – голос его дрогнул.

Дрогнувший голос и чужое обращение поразили её. Глаза Антониды наполнились слезами, она быстро подошла и уткнулась ему в грудь.

– Здравствуй, Славик, что же ты наделал!

Он молча обнял плачущую мать, прижал к себе.

Наконец, она успокоилась и, взглянув на него, сказала:

– Пойдём на кухню, я тебя покормлю, и ты мне всё расскажешь

– Хорошо, ма, я всё расскажу, только чуть попозже. Сейчас я должен поговорить с отцом.

Антонида отпустила руки Горислава:

– Не надо тебе к нему, он очень болен и сердит на тебя. Он не хочет тебя видеть. Это правда, что ты взбунтовался против отца?

– Конечно, нет! И это никакой не бунт! – вспыхнул Горислав. – Люди хотят новой жизни! Причём тут отец? Нельзя жить без будущего одним только прошлым, если бы он не цеплялся за прошлое, всё могло случиться ещё раньше.

– Как ты можешь так говорить об отце! Он столько сделал для людей! И ты уверен, что твоё будущее будет лучше настоящего? Какое будущее ты можешь предложить людям, кроме как сменить у власти одних и поставить других? И ты утверждаешь, что это не бунт? – голос Антонида стал суровым, глаза жарко горели. – Ты этим убиваешь своего отца! Он никогда не думал о власти, никогда! Вся его жизнь – забота о людях. И никто не пострадал, ни один человек, хотя он перевернул мир!

– Да? А ты знаешь, что он распорядился убить Ана?

Антонида отшатнулась.

– Ан убит?

– Да, начальником его охраны, и жена Ана, Линда, осталась одна, а их ребёнок теперь будет расти без отца, если родится.

– Но... Но с чего ты взял, что Ана убил Арес?

– Он застрелил Ана и застрелился сам. Рядом.

– Но может быть, отец не в курсе, может Арес действовал сам, решил отомстить!

– Поэтому я должен поговорить с отцом. Отец никогда раньше не лгал.

Антонида молча смотрела на сына, казалось, она не дышала. Наконец, глухим чужим голосом спросила.

– Сын, а если отец отдал такой приказ, ты что, арестуешь его? А, может быть, ты сам его убьёшь? Свершишь правосудие? Отомстишь за друга?

Горислав исподлобья взглянул на неё:

– А ты что, считаешь, что убийца должен жить, как ни в чём не бывало? Закон действует для всех, но не для тех, кто его установил? Такое будущее установил Главный Хранитель, за такое боролся всю свою жизнь?

Антонида молча смотрела на него. Казалось, что каждое слово сына лилось на неё ледяной водой, замораживая. Она стояла прямая с белым чуть голубоватым лицом и замороженным взглядом смотрела на него. Затем молча повернулась и ушла. Маленькая, лёгкая, холодная женщина.

Горислав посмотрел ей вслед, тряхнул головой и, упрямо сжав губы, пошёл в кабинет отца.

***

Он остановился перед дверью в кабинет отца. Ему вдруг вспомнилось, как он в раннем детстве подкрадывался и благоговейно прислушивался к тишине, царившей за ней, представляя себе отца, который сидит за столом перед огромным монитором и управляет Землёй, а она маленькая, как на эмблеме – голограмме отца, покорно вращается на его ладо-

ни. Потом, когда он подросток, понял, что управление — это не только власть, это оценка личных заслуг, это ответственность за других, он понял, чем больше власти, тем больше ответственности, когда нельзя свалить свои ошибки и неудачи, потери и слабости на другого. Да просто не на кого сваливать — ты последняя инстанция, ты — власть, есть только ты, и твой долг. Тогда он стал восхищаться отцом, который казался ему почти святым, поражался его силе духа, тому, как тот спокойно и уверенно управлял всем, как он был непоколебимо уверен во всём, что делал, как он был всегда уверен в том, что он прав. Горислав считал, что именно эта правота и давала право власти.

Он мечтал стать таким, как отец. Он сравнивал себя с ним и расстраивался, что не чувствовал правоту во всех своих действиях и мыслях, ему свойственно было сомневаться. Сомневаться во всём. Сомнение родило желание узнать, противопоставить, убедиться в правильности, найти лучшую альтернативу. Родители часто говорили ему, чтобы он хорошо учился, воспитывал характер, готовился к будущему. К будущему правителя. Горислав гордился этим, мечтал, когда придёт это время, он сделает что-то, что-то очень хорошее для всех и все будут счастливы. Но гордость не отделила его от сверстников. Наоборот, Горислав всегда был в центре событий: будь то школьные или университетские проекты, вечеринки и развлечения, или студенческие волнения, — всегда Горислав был в центре, окружён товарищами, без которых

не мыслил свою жизнь. Наставления родителей о том, что он не должен близко сближаться ни с кем, так как это обязательно наложит на него ненужные обязательства в будущем, натыкались на его жизнерадостный общительный характер, который нельзя было спрятать никакими запретами. И когда встал вопрос: власть и родители или друзья и общее дело, ответ был однозначным, и не потому, что Горислав не любил родителей. Нет! Горислав нежно любил мать и преклонялся перед отцом, считая его достойнейшим человеком. Но он не мог представить себя, жизнь свою без друзей, а работу – без команды единомышленников. И чем больше он утверждался в этом, тем сильнее отдалялся от родителей, тем сильнее сомневался в правоте отца, в его праве на единоличное правление миром. Сомнение дало почти незаметную трещину в отношениях отца и сына, которая, постепенно углубляясь и, пробитая гибелью Ана, разверзлась пропастью между ними, пропастью непонимания, непринятия и отчуждения.

И вот теперь Горислав стоял перед дверью. Сейчас он должен войти и совершить правосудие. Он должен арестовать отца, который преступил им же установленный закон и убил человека, убил его друга. Горислав хотел постучать, но передумав, открыл дверь кабинета.

В нос ударил густой запах лекарств. Глаза постепенно привыкали к полумраку. Окно было плотно занавешено, но свет не горел, а кабинет освещался жарко растопленным камином у противоположной от входа стены. Там, откинув-

шись в трансиде, спиной к Гориславу полулежал Главный Хранитель. Горислав подошёл ближе. Отец был укутан почти до худой жилистой шеи, плед ниспадал до пола. Сын взглянул ему в лицо, и замер, ему показалось, что отец умер. Он виделся с отцом совсем недавно, каких-нибудь несколько недель назад, и был поражён, как тот изменился. Бессильно склонённая голова, тёмные провалы глаз, приоткрытый рот. Огонь в камине пошевелился, осветив лицо Главного Хранителя, и Горислав увидел, как слюна выступает из уголка его губ. Бесконечно уставший, слабый человек сидел перед ним, сын не узнавал отца.

Горислав протянул руку, чтобы коснуться его, разбудить, но рука застыла в воздухе, не решаясь коснуться плеча.

– Главный Хранитель! – позвал Горислав. Впервые он назвал отца его титулом дома, наедине.

Главный Хранитель вздрогнул и выпрямился. Сверкнула светло-серая сталь глаз, губы беспощадно сжались, и сын, переведя дыхание, увидел Главного Хранителя.

Они молча смотрели друг на друга. Наконец, Главный Хранитель, отклонив голову на спинку трансиды, заговорил.

– Как смел ты, явиться в мой дом! Ты пришёл забрать мой браслет, арестовать меня? Или, быть может, ты убьёшь меня прямо здесь? Ну, так не стесняйся. Что там у тебя припасено для этого случая? – Он с усмешкой смотрел на сына.

Горислав отшатнулся.

– Ты убил Ана.

– Я убил предателя! Предателя, который обманом втёрся в наш дом, завоевал моё доверие, чтобы использовать его и уничтожить нас! Разрушить дело всей моей жизни, да что моей, он разрушил дело миллионов людей, их мечту о процветающем справедливом мире. Он уничтожил Корпорацию!

– Главный Хранитель, он спас тебе жизнь! Ты забыл это?

– Он спас мне жизнь? – Главный Хранитель встал. – Он спас свою возможность осуществить задуманное! Я понимаю, я понимаю теперь, что ему было нужно. Ему было мало уничтожить только меня. Он, прекрасно понимал, что Корпорация сильна, и что на смену одного Главного Хранителя обязательно придёт другой. Н-е-е-т! Ему надо было уничтожить всё! – Он в бешенстве смотрел на сына. – И не смей называть меня Главным Хранителем, ты же сделал всё, чтобы заполучить этот титул! Что неужели так захотелось безграничной власти, что не смог дождаться пока я сам отойду от дел? И с кем связался! Может, они купили тебя, пообещав место во главе их правительства? Предатель! Прочь отсюда! Прочь из моего дома! Пока я жив, ноги твоей здесь не будет! – Он топнул ногой, пошатнулся и упал в трансид.

Горислав бледный, с каплями пота на лбу и со сжатыми кулаками, стоял перед ним.

– Значит так, – наконец произнёс Горислав. – Вы совершили преступление, вы убили человека и знаете, что должно быть с теми, кто совершает такое преступление. Вы сами

утвердили закон! Прошу отдать ваш браслет и находиться под домашним арестом до решения суда.

Они молча смотрели в глаза друг друга.

Главный Хранитель прикрыл глаза.

– Дай мне воды, вон там, на столике у окна.

Горислав налил воду в стакан и вернулся к Главному Хранителю. Тот держал в руке маленькую серебряную коробочку.

– Лекарство, очень эффективное от всех болезней – усмехнулся Главный Хранитель. Открыл её и вынул единственную пилюлю, положил её в рот, протянул руку за водой.

Горислав застыл со стаканом в руке. Главный Хранитель, чуть нахмурившись, требовательно взмахнул рукой. Горислав дал отцу стакан. Рука его дрожала. Главный Хранитель медленно выпил воду, проглотив пилюлю.

– Прощай, сын, – тихо произнёс он, смотря на него, – браслет снимешь сам.

Горислав стоял над бездыханным телом отца, когда неслышно открылась дверь и вошла Антонида.

– Мне показалось, что ты меня звал, Эги, – тихо сказала она. Подошла, медленно закрыла мужу глаза и опустила у его ног.

Эпилог

«Декларация Нового Мира или Первый шаг за горизонт»

Двадцать первого сентября две тысячи двести пятьдесят первого года вошло в историю знаменательным событием – открытием Первого Конгресса Землян. Каждый житель планеты ровно в назначенное время, о котором все были информированы системной рассылкой, по запросу к глобальному искусственному интеллекту через дисплей браслета или, синхронизировав его с монитором компьютера, смог участвовать в общепланетарном собрании.

Множество невидимых глаз смотрели на трёх мужчин, стоящих в центре прозрачного круглого зала, пронизанного солнечным светом. Незаметные огромные панорамные окна не ограничивали пространство, и казалось, что люди вознеслись над Элизиумом, паря в воздухе.

Молодой человек сделал шаг вперёд и в тишине раздался его звенящий от волнения голос:

– Земляне! Позвольте объявить об историческом событии – открытии первого Планетарного Конгресса жителей Земли! Впервые за всю историю человечества это стало возможным, и отныне, все глобальные решения, влияющие на жизнь каждого человека и всего человечества, будут приниматься всеобщим Планетарным Конгрессом Землян, прямым голо-

сованием, достоверность и анонимность которого обеспечит глобальный искусственный интеллект.

Молодой человек наклонил голову, немного помолчал и тихо продолжал.

– Жители Земли! В начале нашего Конгресса прошу почтить память двух замечательных людей, которые отдали свои жизни за то, чтобы это событие состоялось, – он обернулся, словно за поддержкой, и двое, стоящие за ним, одобрительно кивнули головой. – Это Главный Хранитель, Эгмунд Оргунов, – человек, который объединил разрозненные народы и народности в единое общество, общество Землян; и Андо Альденис – выдающийся учёный, последователь легендарного Творца-учёного Астерия Беклашева, который реализовал давнюю мечту учёных о глобальном искусственном интеллекте. Они покинули нас, их смерть трагична и утрата невосполнима. – Мужчина сглотнул тугой комок в горле. – Прошу почтить память героев минутой молчания.

Трое склонили головы.

Наконец, оратор заговорил.

– Земляне! Мы продолжим их дело, мы будем последовательными и достойными погибших. Наступило великое время, время глобальной перезагрузки. Общество, застывшее без развития, обречено на стагнацию и умирание, мы не допустим этого. Мы объявляем о создании временного Комитета Управления, который обеспечит последовательность проводимых реформ и не допустит сбоев, наруша-

ющих нормальную жизнь землян. Во временный Комитет Управления войдут: Куратор-Хранитель образования и науки Фальк Свен – руководитель Общества, объединившего учёных-Творцов.

Свен чуть поклонился и встал рядом с представившим его.

– Робин Смелов – руководитель Общества Взаимопомощи Созидателей.

Робин встал рядом с ними.

– И я – Горислав Оргунов – преемник и последователь отца – Главного Хранителя Эгмунда Оргунова.

Мужчины взялись за руки и подняли их над головой, в знак приветствия Землянам.

– Мы клянёмся сделать всё возможное, чтобы перезагрузка мироустройства произошла в кратчайшие сроки и безболезненно для Общества.

Мужчины опустили руки, и Горислав продолжал.

– Главный Хранитель мечтал об Обществе Справедливости. Он верил, что построил такое общество. Однако оказалось, что это только первый шаг на пути. История нам показывает, что каждое Общество по-своему понимает Справедливость. Пришла пора и нам определиться. Хранителями, Творцами и Созидателями совместно разработан проект Декларация Нового Мира, который выносится на рассмотрение и утверждение жителей Земли. Текст Декларации мы вышлем на почту каждому из вас. Декларация Нового Мира

станет основой миропорядка. Просим вас внимательно ознакомиться с ним и принять участие в голосовании, ссылку на него вы найдёте в том же письме. Голосование продлится два дня, начиная с двадцати четырёх часов сегодняшнего дня и до двадцати четырёх часов двадцать третьего сентября. Ваше голосование будет означать, подпишите ли вы Декларацию о Сотрудничестве с Обществом или отклоните её. Это чрезвычайно важно, поэтому сейчас я хотел бы пояснить наиболее, на мой взгляд, существенные её моменты, зачитать несколько выдержек из Декларации, определяющих её основу.

Горислав взял небольшую книжечку в красном переплёте с надписью на титульном листе: «ДЕКЛАРАЦИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ», и прочитал:

– Мы, Хранители, Творцы и Созидатели, сплочённые в едином стремлении объединить усилия для сохранения достойной жизни Человека на планете Земля, устанавливаем новый миропорядок, основанный на Декларации о Сотрудничестве Землян, как на единственно возможном в настоящее время пути сохранения Мира, Процветания и Развития.

Нами декларируются Три Великих Принципа:

Первый – ПРИНЦИП РАВЕНСТВА.

Со дня принятия Декларации о Сотрудничестве Землян всеобщим голосованием жителей нашей планеты отменяются все кланы, до сих пор существующие, а именно, кланы Хранителей, Творцов и Созидателей. Наступает время всеобщего равенства.

Второй – ПРИНЦИП РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СОЗДАНЫХ БЛАГ ПО УЧАСТИЮ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ.

Каждый человек, живя в Обществе и пользуясь созданными человечеством благами, имеет право и обязанность Сотрудничества, которое основывается на справедливости и социальной ответственности.

Общество признаёт Справедливым то, что каждый трудоспособный человек имеет право на личное потребление благ, созданных Обществом, в количестве, пропорциональном его вкладу в производство этих благ.

Каждый нетрудоспособный человек имеет право на заботу Общества, на гарантию достойной жизни и удовлетворение естественных потребностей, как материальных, так и духовных.

Социальная ответственность человека определяется личными способностями и их развитием, которые последовательно открывают ему доступы к уровням социальной ответственности – уровням социального статуса.

Каждый уровень социальной ответственности/социального статуса человека соответствует его образованию, профессиональному мастерству, опыту, навыку Сотрудничества, личному трудовому вкладу в создание общественных благ.

Устанавливаются следующие уровни социальной ответственности/уровни социального статуса человека:

Нулевой социальный уровень – это безработные, отказывающиеся от Сотрудничества, асоциальные личности.

Первый социальный уровень – дети от рождения до школы.

Второй социальный уровень – дети и подростки школьного возраста.

Третий социальный уровень – молодые люди, получающие высшее и/или профессиональное образование.

Четвёртый социальный уровень – член Общества, осваивающий профессию.

Пятый социальный уровень – профессионалы общей квалификации в своей области.

Шестой социальный уровень – профессионалы высшей квалификации в своей области.

Седьмой социальный уровень – члены Высшего Совета Земли – избираемые из лучших представителей шестого уровня в сфере своей деятельности.

Восьмой социальный уровень – герои Земли – люди, которые пожертвовали на благо Общества и Сотрудничества не только личным временем, но и здоровьем, и возможно, жизнью либо вклад которых бесценен для Общества, как по значимости, так и по полезности.

Переход по уровням социальной ответственности/статуса может быть только последовательным (исключая восьмую ступень).

Каждый уровень социальной ответственности включает в себя ступени, которые нужно преодолеть, чтобы перейти на следующий уровень. Каждая ступень – шаг к более ответ-

ственной работе.

Третий – ПРИНЦИП ГАРАНТИЙ НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.

Каждый человек ценен для Общества, и, как неотъемлемая часть его, имеет равные со всеми права, гарантируемые Декларацией о Сотрудничестве права: право на жизнь; право на свободный выбор вида деятельности; право пользоваться благами Общества в том размере, в каком он внёс в создание общественных благ личного труда; право доступа к тому социальному уровню ответственности/статусу, который соответствует его уровню развития, профессионализма и сотрудничества; право на свою индивидуальность.

Горислав отложил Декларацию, на мгновенье задумался и продолжал.

– Но может ли человек, даже уважаемый и облечённый властью, объективно оценить вклад другого человека в Общество в каждом конкретном случае? Уверен, и, надеюсь, что вы согласитесь со мной, что нет! Всегда на мнение человека будут влиять его эмоции, взаимоотношения с другими людьми, всегда он будет «к своим» подсознательно относиться чуть «справедливее», чем к другим. Нельзя заставить человека объективно оценить ситуацию, запретив чувства и эмоции, субъективный взгляд на ситуацию. И потому оценка труда и товара велась в денежном эквиваленте, который человечество посчитало единственным объективным универсальным инструментом, способным стабилизировать

и регулировать экономику Общества. Так ли это? Всегда ли денежная оценка труда человека была эквивалентна реальной оценке его трудового вклада, а значит, объективна и справедлива? Нет! Пришло время, когда наступила не только необходимость отмены денег, как оценки труда и эквивалента благополучия, но и появилась реальная возможность ввести справедливую оценку и оплату труда каждого. И это стало возможным, благодаря совместной работе учёных по реализации замечательного открытия, по созданию КАРМА – компьютерно-авторизированные региональные модели администрирования – глобального искусственного интеллекта, который станет стабильной основой экономической жизни нашего Общества. Но об этом чуть позднее. А сейчас я бы хотел поговорить с вами вот о чём. Каждый имеет право на труд, и каждый имеет право на справедливую оплату своего труда. Что же может стать единой универсальной оценкой вклада человека в Общество? Только самое драгоценное, что у него есть – время его жизни! Отныне внедряется новая система ценностей и единицей её измерения будет рабочее время человека – один Часовой Индивидуальный Вклад – один ЧИВ, то есть один час необходимого рабочего времени, потраченный человеком для создания его вклада в Общество. ЧИВ – это ценность для человека, по которому оценивается его вклад в Сотрудничество. А отчего зависит ценность вклада человека для Общества? Ведь оценка Обществом вклада человека может быть различной, даже при оди-

наковом количестве потраченного на его создание рабочего времени (ЧИВ). Оценка эта зависит от двух важнейших характеристик: от значимости и полезности вклада для Общества. Что такое значимость вклада? Значимость вклада человека в Сотрудничество напрямую зависит от зоны ответственности, в которой работает человек, поэтому для Общества будут различны по значимости вклады, например, хирурга, способного вернуть к жизни умирающего человека, и швеи, изготавливающей одежду для клиентов. Однако, работа талантливой и профессиональной портнихи нужная сотням, а то и тысячам, при сегодняшнем уровне развития технологии, клиентам, может быть оценена Обществом полезнее, чем работа того же хирурга, необходимость столь значимого вклада которого может возникнуть два – три раза в месяц, а то и в год. Считаем, что оценка трудового вклада человека (ЧИВ) должна комбинировать справедливость её для работника – равная оплата за равно потраченное личное время, и справедливость её для Общества, учитывающая значимость и полезность вклада человека. И потому определение вклада человека в создание благ Общества отныне будет производиться следующим образом:

количество ЧИВ, потраченного на создание вклада, умноженное на коэффициент социальной ответственности (значимости) и коэффициента полезности.

Горислав, заложив руки за спину, задумчиво прошёлся по залу.

– Сейчас завершается работа учёных по определению коэффициентов ответственности. Это очень сложная и кропотливая работа. Каждой ступени каждого социального уровня ответственности/статуса присваивается свой коэффициент.

А коэффициент полезности будет определяться двумя способами:

Первый – по количеству пользователей созданным вкладом.

Этот коэффициент неразрывно связан с аналогичным коэффициентом, рассчитываемым для организации/предпринимателя, и соответствует ему. Коэффициент полезности организации/предпринимателя определяется отношением полученных на электронный счёт организации/предпринимателя в ходе деятельности ЧИВ от пользователей/приобретателей вклада/продукции, работ, услуг (создание социального вклада в Общество) за период к количеству ЧИВ списанных с электронного счета этой организации/предпринимателя за тот же период (потребление организацией/предпринимателем социальных вкладов/товаров, работ, услуг других членов Общества, которые необходимые для бесперебойной работы).

Второй – это стимулирующий коэффициент, который устанавливается ежегодно Советом Земли для тех организаций/предпринимателей, продукции которых недостаточно для развития того или иного сегмента экономики.

Количество ЧИВ работников, увеличенные на их лич-

ные коэффициенты ответственности и полезности передаются на их персональные электронные счета со счета организации/предпринимателя.

Хотел бы обратить ваше внимание, что структура ЧИВ работника и ЧИВ предприятия/предпринимателя различны.

Так, ЧИВ работника складывается из затраченного рабочего времени, скорректированного на коэффициенты ответственности (значимости) и полезности (соответствующие значениям этих коэффициентов для организации/предприятия).

Структура ЧИВ предприятия/предпринимателя имеет более сложную форму. Она учитывает совокупный ЧИВ по организации/предпринимателю, скорректированный на коэффициенты ответственности (значимости) и полезности, а также ЧИВ, затраченный на приобретение сырья, материалов – всего необходимого для работы организации/предпринимателя, включая ЧИВ, затраченный на реконструкцию, модернизацию или усовершенствование производства, а также обязательные отчисления ЧИВ Совету Управляющих профессиональной деятельностью. При этом ЧИВ организации/предпринимателя не должен превышать трёхкратного размера суммарного ЧИВ работников за тот же период.

Совет Управляющих профессиональной деятельностью, поступившие на его счёт ЧИВ, направляет, как на развитие бездоходных отраслей, необходимых Обществу, таких как фундаментальная наука, образование, культура, медици-

на, содержание нетрудоспособных и аналогичных, на нужды необходимо-социального характера; так и на развитие отрасли: научно-исследовательскую работу, реконструкцию, помощь в организации нового бизнеса.

Поддержка создания новых организаций производится на основе их бизнес-плана, в котором должна обосновываться её общественная полезность, то есть привлечение к товару, работе или услуге максимально возможного для него количества потребителей.

До начала полезной деятельности организации/предприятия коэффициент его полезности учитывается в размере единицы.

В случае не выхода на уровень полезной деятельности в обозначенное бизнес-планом время, организация/предприниматель прекращает свою деятельность, и в ближайшие пять лет организаторы неудавшегося бизнеса не допускаются к новым проектам.

Хочу обратить ваше внимание, что если ЧИВ организации/ предпринимателя может быть увеличен за счёт дополнительных затрат на деятельность, в размере не более трёхкратного размера суммарного ЧИВ работников за тот же период; то личный ЧИВ работника, занимающего любую должность в этой организации, не может быть большим или меньшим, чем определённый по формуле: величина личного рабочего времени, потраченная на изготовление своего вклада, скорректированная на коэффициенты значимости и по-

лезности.

Человек имеет право списывать личные ЧИВ на любые цели, может приобретать товары, работы, услуги, личная собственность неприкосновенна, он может продавать материальные ценности или просто уничтожить или выбросить, то, что ему не нужно.

Однако, продать приобретённое возможно только в размере того количества ЧИВ, которое человек заплатил при приобретении, за минусом износа товара, при необходимости.

Все расчёты по сделкам по приобретению товаров, работ или услуг будут проводиться исключительно через интернет вещей через глобальный искусственный интеллект, который и будет контролировать соответствие сделок Декларации о Сотрудничестве. Без регистрации товара, работы, услуги в интернете вещей, они признаются недействительными.

Все взаиморасчёты будут производиться и контролироваться КАРМА.

Уже с рождения все жители Земли получают электронные паспорта-браслеты, где помимо идентификационных данных личности, КАРМА будет аккумулировать информацию о социальных взносах (ЧИВ) на его электронном счёте и их движении.

Информация о социальных взносах (ЧИВ) человека (учёба, работа, наука, творчество, семья и т.п.) передаётся в КАРМА от соответствующих организаций/предпринимате-

лей.

Информация об использовании человеком социальных взносов (ЧИВ) других членов общества (потребление, развлечения, путешествия и т.п.) передаётся в КАРМА из интернета вещей, паспорта – браслета, которым осуществляются взаиморасчёты.

КАРМА по этим данным формирует информацию об имеющихся возможностях потребления человека – о размере его социального электронного счёта и его изменениях. Итоговая информация поступает в социальный паспорт-браслет человека мгновенно, по его запросу.

По полученной информации КАРМА проводит моделирование развития экономики территорий и Земли в целом; анализирует экономическую ситуацию и даёт прогноз возможных сбоев; разрабатывает рекомендации по точечному применению повышенного коэффициента полезности.

КАРМА даёт рекомендации, как Высшему Совету Земли, так и руководителями отраслей, которые и принимают решения. В случае отличия решения от рекомендации КАРМА, они должны быть обоснованы и согласованы: решение руководителя отрасли – Советом Управляющих профессиональной деятельностью; решение Высшего Совета Землян – всеобщим Конгрессом Землян.

Горислав вернулся к соратникам и встал рядом с ними.
– Мы надеемся, что найдём понимание и поддержку жителей Земли. Сразу же после окончания голосования и при-

нятия Декларации о Сотрудничестве начнётся переходный период – перезагрузка экономики. Коротко я объясню, как всё будет проходить.

Со дня утверждения Декларации денежные средства переводятся в новый эквивалент расчётов между людьми. Все денежные средства признаются недействительными, их использование запрещается.

Организации/предприниматели должны перейти на взаиморасчёты в ЧИВ. Для этого денежные средства переводятся в расчёте 300 денежных единиц – 1 ЧИВ, но не более 480 ЧИВ для физического лица и месячного денежного оборота – для организации. Для тех, у кого не было электронного счета, КАРМА открывает его. На эти счета одновременно временным Комитетом Управления зачисляются 240 ЧИВ, а затем в течение трёх дней через отделения банков производится обмен наличных денежных средств в ЧИВ, но не более 240 ЧИВ для физических лиц.

Уважаемые жители Земли! Грядут великие перемены, впервые в истории человечества мы имеем все предпосылки установить на Земле новый миропорядок Справедливости и Равных Возможностей! И мы обязаны не упустить свой шанс!